Russ. 127 mrx / (1

<36607656860018

<36607656860018

Bayer. Staatsbibliothek

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

1.

143 Gmr 5

ИСТОРІЯ РУССКАГО НАРОДА.

Сочиненіе

Николая Полеваго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе второе.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Февраля 28 дня 1830 года.

Цензоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Б. Г. НИБУРУ,

ПЕРВОМУ ИСТОРИКУ НАШЕГО ВѢКА.

Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяютъ всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія Человѣчества, когда высокія помышленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины Прошедшаго и Настоящаго, составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ, я осмѣливаюсь Вамъ, первому Историку нашего вѣка, *посвятить опытъ трудовъ моихъ на томъ поприщѣ,* по которому *Вы подвизаетесь съ такою славою.*

Исторія Россіи была уже обработываема многими, Русскими и иностранными, писателями. Имя нашего Карамзина Вамъ извѣстно. Раздѣляя съ мо-

ими соотечественниками справедливое уваженіе къ труду знаменитаго соотчича, я — не поколебался однакожъ писать Исторію Россіи послѣ него, и посвятить сему предпріятію нѣсколько лѣтъ. Мое повѣствованіе начинается происхожденіемъ Русскаго народа и заключается царствованіемъ Императора Николая. *Такимъ образомъ, оно представляетъ картину начала, развитія и нынѣшняго состоянія Россіи, сего необыкновеннаго явленія въ мірѣ Человѣчества, и, если не имѣетъ другихъ достоинствъ, то, по крайней мѣрѣ, есть полное, доведенное до нашего времени жизнеописаніе Русскаго народа, чего донынѣ не было сдѣлано; всѣ труды занимавшихся Русскою Исторіею были или неполны и не кончены, или не доведены до временъ новѣйшихъ.*

Утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи, столь вѣрно, сколько мои отношенія мнѣ позволяли. Я зналъ подробности событій и чувствовалъ ихъ, какъ Рускій; былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра. Кому-же другому, кромѣ Васъ, могу я посвятить сочиненіе, въ которомъ съ такимъ направленіемъ изображается политическая и нравственная жизнь исполинскаго царства, картину, хотя и неискусною рукою начертанную? При всѣхъ недостаткахъ, она достойна Вашего взора, и трудъ мой, съ именемъ Вашимъ, останется въ памяти другихъ. Довольно для меня, если скажутъ, что Историкъ Русскаго народа зналъ величіе генія Нибурова, и Нибуръ не почелъ недостойнымъ своего имени почтительное при-

ношеніе Русскаго Историка. Люди, подобные Вамъ, принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ, и каждый народъ, каждый вѣкъ составляютъ равно важный предметъ для наблюдательныхъ умовъ ихъ.

Пусть приношеніе мое покажетъ Вамъ, что въ Россіи столько-же умѣютъ цѣнить и почитать Васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра.

Н. Полевой.

Іюня 26 дня,
1829 года.
Москва.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Есть различіе между простымъ, врожденнымъ человѣку желаніемъ *знать прошедшее*, и тѣмъ испытующимъ стремленіемъ человѣческаго ума, которое поставило въ ряду другихъ познаній нашихъ *Исторію*. Всѣ знанія, всѣ науки начинаются въ самыхъ первыхъ дѣйствіяхъ человѣческаго духа. Такъ и въ простомъ желаніи знать прошедшее, должна была заключаться Исторія. Но знанія и науки находятся въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ нашей умственной способности, какъ творенія Природы въ сѣменахъ и зародышахъ; время развиваетъ ихъ: цѣлые вѣка потребны для развитія умственныхъ сѣменъ, сѣемыхъ человѣкомъ.

Мы ошибемся, если будемъ смѣшивать первое дѣйствіе человѣческаго ума съ полнымъ его развитіемъ. Способности человѣка, въ самомъ несовершенномъ ихъ состояніи, содержатъ уже въ себѣ идеи и вѣрованія всякаго рода. Въ самомъ первомъ порывѣ ума все есть у человѣка, все, чѣмъ можетъ онъ познавать истины, въ себѣ самомъ, вокругъ себя, выше себя. Умственный инстинктъ, коимъ одаренъ человѣкъ, соприкасаясь всему, ко всему прилагается; но человѣкъ не

начинаетъ задачами и рѣшеніемъ оныхъ: въ началѣ онъ безусловно видитъ, чувствуетъ, понимаетъ, вѣритъ; произволъ умственной его дѣятельности смѣшивается, сливается съ предметами, которые приближаетъ къ себѣ, разцвѣчивается, такъ сказать, ихъ цвѣтами. Потомъ наступаетъ другой періодъ умственной дѣятельности, когда она входитъ въ самое себя, и взявъ самое себя за предметъ своихъ дѣйствій, требуетъ отчета о томъ, что̀ мыслила, какъ и для чего такимъ образомъ мыслила, какъ и для чего мыслитъ. Тогда преобращается въ задачу то, что прежде было для человѣка положительно; человѣкъ дѣйствуетъ методически тамъ, гдѣ прежде повиновался инстинкту, замѣщаетъ непосредственное вдохновеніе постепенными понятіями и врожденныя вѣрованія системами. Мышленіе творитъ *знаніе, науку,* тамъ, гдѣ произвольность ставила *вѣрованіе*. Такъ бываетъ въ человѣкѣ, такъ и въ родѣ человѣческомъ. Вездѣ, съ самаго начала непосредственное, такъ сказать, откровеніе разоблачаетъ для умственной способности тайны бытія, освѣщаетъ его, какъ будто свыше, свѣтомъ чудеснымъ, и налагаетъ на него знаменіе вѣчныхъ истинъ. Прежде всякихъ системъ, родъ человѣческій мыслитъ, и посредствомъ силъ, коими онъ одаренъ, достигаетъ истинъ существенныхъ, не дожидаясь позднихъ пособій Философіи, которая развиваетъ въ по-

слѣдствіи начало, и являетъ его въ полномъ блескѣ жизни, созидая систему, науку. Весьма важно знать такую постепенность понятій человѣка: она объясняетъ для насъ природу нашу, и подлѣ самой колыбели нашего ума ставитъ свѣтъ и величіе, въ тоже время показывая правильную постепенность въ дальнѣйшемъ ходѣ его.

Сіи истины, сказанныя однимъ изъ новѣйшихъ мыслителей, непреложны для Исторіи всякаго знанія человѣческаго: онѣ непреложны для Исторіи самого человѣка, вообще и частно. Мы видимъ послѣ сего, какъ отдѣляется дѣйствіе врожденнаго любопытства, удовлетворяемаго простымъ разсказомъ на развалинахъ прошедшаго, безъ сужденій и размышленій, отъ дѣйствія умственной воли познавать прошедшее, для удовлетворенія коего Философія созидаетъ Исторію, вдохновенную умомъ вѣщательницу протекшаго, богиню, по мнѣнію Древнихъ, пишущую на алмазныхъ скрижаляхъ событія вѣковъ минувшихъ.

Послѣ перваго мгновенія бытія, человѣкъ имѣлъ уже *прошедшее*, имѣлъ и повѣствовалъ *Исторію* его. Но она сливалась со всѣми образами слова: являлась Поэзіею, казалась Вѣрою, была Закономъ. Обнимая всѣ другія вѣдѣнія, Исторія вмѣщала въ себѣ все разнообразіе оныхъ, въ то время, когда *опытъ* казался человѣку единственнымъ вождемъ всякаго познанія. Но когда другія знанія, Поэзія, Вѣра отдѣлились отъ Исто-

ріи, человѣкъ началъ обрекать ей собственные ея предѣлы, и рѣшился образовать изъ Исторіи отдѣльное знаніе.

Исторія Человѣчества начинается собственно съ того времени, когда люди составили общество и явилась жизнь народовъ. При сихъ обстоятельствахъ началась борьба частной воли человѣка съ условіями всеобщаго бытія: нерѣшимая задача безконечной жизни, угасающей для того, чтобы снова возникнуть, и возникающей для того, чтобы снова угасать. Много времени протекаетъ, пока тотъ или другой вѣкъ находитъ для себя вѣрное мѣрило въ общемъ духѣ своего времени, служащемъ переходомъ къ новой борьбѣ. Симъ мудрымъ закономъ Провидѣнія все стремится здѣсь путемъ усовершенствованія въ Человѣчествѣ; сей законъ составляетъ разнообразіе Прошедшаго, и Исторія Исторіи есть повѣсть, какъ разнообразно смотрѣлъ человѣкъ съ точки мгновеннаго бытія на удовлетвореніе желанія знать прошедшее въ настоящей жизни.

Только нашему вѣку суждено было познать истинное, по крайней мѣрѣ высшее, безкорыстное значеніе Исторіи, очищенной отъ всѣхъ частныхъ стремленій, какія давали ей ошибки ума человѣческаго и эгоизмъ нашихъ страстей.

Можемъ вообще раздѣлить на *три* разныя направленія всѣ недостаточные взгляды людей на Исторію.

Первое изъ нихъ, самое первобытное, назовемъ *поэтическимъ*, если не льзя назвать его направленіемъ, какое старалось дать Исторіи честолюбіе человѣка. Прошедшее представлялось людямъ въ образахъ темныхъ, пролетавшихъ по горящему полю ихъ юнаго воображенія. Человѣкъ былъ не въ состояніи обманываться существенностью, всегда бѣдною, если Поэзія не облачаетъ ея въ свѣтлыя свои облака, если умъ не проницаетъ ея животворными лучами Философіи. Онъ желалъ возвысить себя хотя въ Прошедшемъ, желалъ озолотить Прошедшее, сводилъ небо на землю, обоготворялъ людей, велъ родъ свой отъ нихъ и создавалъ для себя небывалыя мечты о золотомъ вѣкѣ, о царствѣ боговъ. Собранное вѣками, онъ приписывалъ мгновенному вдохновенію, и, какъ дитя, грустилъ о томъ, чего никогда не бывало.

Второе направленіе Исторіи было гораздо опредѣленнѣе. Человѣкъ былъ уже довольнѣе существенностью, и Настоящее хотѣлъ возвеличить Прошедшимъ. Онъ возводилъ земное къ небесамъ, и видѣлъ одно благо и добро въ бываломъ, утѣшаясь, что всегда истина, всегда величіе предсѣдали при началѣ всего имъ видимаго, всего имъ изобрѣтеннаго. Это направленіе Исторіи можно назвать *героическимъ*, если не осмѣлимся приписать его самолюбію человѣка. Оно заставляло людей спорить о преимущест-

вахъ, основанныхъ на древности родовъ, учрежденій, постановленій, заставляло смотрѣть на все прошедшее, какъ на нѣчто великое, и въ немъ искать причинъ преимущества, какое человѣкъ отдавалъ самъ себѣ въ настоящемъ.

Безкорыстнѣе сихъ обоихъ направленій было третье, къ коему приводило человѣка несовершенство умственныхъ идей и понятій. Люди искали уроковъ для Настоящаго въ Прошедшемъ, горевали о быломъ, и хотѣли воспоминаніями о неизбѣжной мести пороку, наградѣ добродѣтели, разсказами о добротѣ и величіи предковъ учить современное поколѣніе, казавшееся имъ ничтожнымъ, противъ того идеала, который находили они въ прошедшемъ.

Такъ образованъ былъ Древними объемъ Исторіи. Читайте Грековъ и Римлянъ, вы всегда увидите *поэтическое*, *героическое*; *нравственное* направленіе, отдѣльно или соединенно. Соединяя ихъ, люди изображали въ первомъ отношеніи начало Исторіи; вторымъ обрисовывали все Прошедшее; третье имѣли въ виду для современниковъ. Яркими цвѣтами Поэзіи и Краснорѣчія украшались при томъ повѣствованія Историковъ.

Такія понятія Древнихъ объ Исторіи изъясняются весьма легко. Древніе не имѣли Будущаго въ общей судьбѣ Человѣчества, ибо идея Человѣчества была имъ неизвѣстна. Каждый народъ

существовалъ для самого себя, уединялся отъ другихъ, и отъ того въ грядущемъ могъ видѣть только зло. Кажется, Древніе предчувствовали, что ихъ вѣра, ихъ понятія, ихъ царства должны вскорѣ сокрушиться, что новый міръ долженъ смѣнить ихъ міръ. Какъ на пиршествахъ Древнихъ пѣсни веселія всегда смѣшивались съ гимномъ грусти, какъ розы вѣнчали черепъ, находившійся при ихъ торжествахъ, такъ во все вмѣшивалось у нихъ какое-то уныніе, какое-то предчувствіе измѣненія въ грядущемъ. Отъ того идеалъ ихъ переносился въ Прошедшее, ибо не было ему мѣста въ Будущемъ. Древній міръ уподоблялся сыну Пелееву, знавшему, что величіе своихъ подвиговъ онъ долженъ купить славною, но рановременною смертью.

И вѣкъ Древнихъ прешелъ; однѣ внѣшнія формы оставались отъ всего: духъ исчезъ. Средніе вѣки измѣнили сущность всего. Но дикое стремленіе новыхъ вѣковъ хотѣло ожить въ древнихъ формахъ, изящныхъ, прекрасныхъ, и погибшихъ навсегда для потомства, долженствовавшаго созидать новыя. Въ то время, когда міръ преобразованъ былъ новою вѣрою и общество новыми идеями, потомки Древнихъ дописали Исторію свою оставшимися отъ предковъ грифелями, уже истертыми, тупыми, и новые народы видѣли и образцы Древнихъ и образъ писанія ихъ потомковъ. Они плѣнились образцами Древнихъ, и ду-

мали, что сіи образцы написаны такъ, какъ въ глазахъ ихъ писали свои сухіе эпилоги великихъ историческихъ твореній потомки Грековъ и Римлянъ. Новые народы принесли съ собою, или исполинскіе образы Востока, или мрачные образы Сѣвера, узнали новый міръ въ Христіанствѣ, и направленія Исторіи, образованныя Древними, оживлены были въ родныхъ каждому народу элементахъ, безъ всякаго сознанія, слѣдственно, безъ силы ума и безъ жара Поэзіи.

Невообразимо странно для ума наблюдательнаго состояніе Исторіи въ Средніе и Новые вѣки, пока люди не узнали новыхъ формъ и новаго духа Исторіи. Мы видимъ истинный хаосъ. Библейскія, превратно понимаемыя преданія замѣняютъ древнюю Миѳологію; вѣкъ Греціи и Рима представляется въ союзѣ съ похожденіями варварскихъ предковъ каждаго народа, какъ вѣкъ героическій; разнообразная, разнородная Философія Востока, Сѣвера и Запада, преображаетъ Прошедшее въ уроки нравственности, чести и славы, въ формахъ многоразличныхъ и странныхъ. Измѣнялись вѣка, измѣнялась и Исторія. Всѣ народы, всѣ общественныя учрежденія и званія почитали ее средствомъ доказывать свои права, свою справедливость. Страсти и хитрость ума человѣческаго истощили всѣ средства, всѣ способы обманывать другихъ и самихъ себя ложными направленіями Исторіи.

Наконецъ, въ настоящее время видимъ ничтожность всѣхъ ложныхъ направленій Исторіи. Съ идеею Человѣчества исчезъ для насъ односторонній эгоизмъ народовъ; съ идеею земнаго совершенствованія, мы перенесли свой идеалъ изъ Прошедшаго въ Будущее и увидѣли Прошедшее во всей наготѣ его; съ познаніемъ истинной Философіи мы узнали, какъ слабы выводы, извлекаемые изъ мѣлкихъ и пристрастныхъ соображеній Прошедшаго; свѣдѣнія о дикихъ, неизвѣстныхъ Древнимъ племенахъ, пояснили намъ Исторію Первобытнаго Человѣчества, и разсѣяли мечты Древнихъ о Золотомъ Вѣкѣ. Лѣствица безчисленныхъ переходовъ Человѣчества и голосъ вѣковъ научили насъ тому, что уроки Исторіи заключаются не въ частныхъ событіяхъ, которыя можемъ мы толковать и преображать по произволу, но въ общности, цѣлости Исторіи, въ созерцаніи народовъ и государствъ, какъ необходимыхъ явленій каждаго періода, каждаго вѣка. Здѣсь только раскрываются для насъ тайны судьбы и могутъ быть извлечены понятія о томъ, что̀ въ состояніи, что̀ должны дѣлать человѣческая мудрость и воля, при законахъ Высшаго, Божественнаго Промысла, неизбѣжныхъ и отъ насъ независящихъ.

Симъ воззрѣніемъ обозначается сущность, права и обязанности Исторіи, сообразно нашимъ понятіямъ; создается знаніе по строгимъ выво-

дамъ умозрѣнія и опыта. Сіе знаніе должно уединиться отъ всѣхъ частныхъ направленій. Историкъ, напитанный духомъ Философіи, согрѣтый огнемъ Поэзіи, принимаясь за скрижали Исторіи, долженъ забыть и логическіе выводы первой и цвѣтистыя краски второй. Онъ долженъ отдѣлиться отъ своего вѣка, своего народа, самого себя. Его обязанность—*истина*, чистая, безпримѣсная, неувлекаемая ни духомъ системъ, ни поэтическимъ огнемъ, преображающимъ въ глазахъ нашихъ предметы. Цѣли частной нѣтъ и не должно быть у Историка, ибо Исторія, какъ жизнь, есть сама себѣ цѣль. Воодушевляя, воскрешая Прошедшее, она дѣлаетъ его для насъ Настоящимъ, преобразуя жизнь Прошедшаго въ слово, и такимъ образомъ выражая совершившееся, такъ-же какъ слово выражается для насъ мертвыми буквами. Историкъ не есть учитель Логики, ибо Исторія такой силлогизмъ, коего выводъ, или третья посылка, всегда остается нерѣшимымъ для Настоящаго, а двѣ первыя не составляютъ полнаго, цѣлаго силлогизма.

Историкъ и не судья, ибо составленіе обвинительныхъ актовъ дастъ поводъ подозрѣвать его въ пристрастіи, такъ-же какъ и составленіе оправдательныхъ. Онъ живописецъ, ваятель Прошедшаго Бытія: отъ него требуетъ Человѣчество только вѣрнаго, точнаго изображенія Прошедшаго, для безконечной тяжбы природы съ

человѣкомъ, рѣшаемой Судьбою Непостижимою и Вѣчною.

Удовлетворяя симъ условіямъ, видимъ, какъ неприлично Историку почитать себя судіею, предъ которымъ смиренно преклоняются вѣка, ожидая осужденія или оправданія; какъ недостаточно будетъ, если онъ, для своего вѣка, по своекорыстію современниковъ, по чувству народной гордости, преображаетъ истину, смотря сквозь призму предразсудковъ или предубѣжденій. Несносно и званіе учителя Нравственности, заставляющее Историка говорить апоѳегмами и сентенціями, какъ будто нравоученія, имъ подсказываемыя, могутъ научать современниковъ и потомство, если дѣла и событія не могли научить ихъ!

Положивъ въ основаніе истину, принявъ въ руководители умозрѣніе и опытъ, Историкъ обязанъ только показать намъ Прошедшее, такъ, какъ оно *было*; оживить представителей его, заставить ихъ дѣйствовать, думать, говорить, какъ они дѣйствовали, думали, говорили, и, безстрастнымъ вѣщаніемъ истины, слить жизнь каждаго изъ отдѣльныхъ представителей съ его вѣкомъ, его временемъ, обставить изображенія ихъ тѣми отношеніями, царства и народы тѣми царствами и народами, коими сливались они съ Человѣчествомъ въ дѣйствительной своей жизни.

Въ слѣдствіе сего, Историкъ сохранитъ все мѣлкое, частное жизни Прошедшаго, если оно объясняетъ что либо въ жизни цѣлаго, забудетъ его, если оно не было причиною или слѣдствіемъ великаго, по крайней мѣрѣ значительнаго.

Исторія необходимо раздѣлится на общее и частное, *причину* и *слѣдствіе*. Историкъ соединитъ то и другое, и тогда въ его повѣствованіи мы будемъ зрителями какъ-бы непреходящаго, нескончаемаго Настоящаго, ибо гдѣ предѣлъ Исторіи? Это стезя по безднѣ Вѣчности, стезя, коей начало и конецъ теряются во мракѣ.

Можемъ-ли предписывать Историку, какимъ образомъ онъ долженъ писать? «Только школьная Риторика,» говоритъ одинъ мыслитель, «можетъ предполагать, что планъ какого либо великаго творенія принадлежитъ исполняющему оный.» — Совершенно справедливо.—Можемъ-ли требовать отъ Историка извѣстныхъ условій изящества, краснорѣчія? Не думаю; пусть скажетъ, какъ онъ мыслилъ, и слово, выраженіе мысли, если мысль вѣрна и истинна, будетъ для насъ драгоцѣнно во всякихъ, и въ неискусныхъ формахъ; въ тоже время, никакое краснорѣчіе не сильно побѣдить отвращенія, внушаемаго софисмомъ или эгоисмомъ Историкомъ. Впрочемъ, проникнутый идеею высшей истины, какой Историкъ не будетъ краснорѣчивъ и изященъ, какое чувство благородное, высокое, не найдетъ

мѣста въ его сердцѣ, не отразится въ его твореніи! Пусть только не оскорбляетъ онъ нашего самолюбія, выставляя самого себя: онъ долженъ скрыться въ своемъ созданіи; пусть не разрушаетъ онъ нашего очарованія своимъ ничтожнымъ бытіемъ, при великой картинѣ бытія, которое изображать осмѣливается. Уроки Исторіи хотимъ мы слышать, а не восклицанія нашего собрата; голосъ народовъ и владыкъ долженъ гремѣть изъ глубины минувшаго, а не лепетанье человѣка мгновеннаго, великаго только тогда, когда онъ будетъ жить для насъ общею жизнью Человѣчества.

Мы разумѣемъ здѣсь *Исторію собственно*, то есть, такого рода творенія, въ которыхъ стройною полнотою оживаетъ для насъ міръ прешедшій, гдѣ усилія ума человѣческаго, коими сей міръ возсозданъ, воодушевленъ, скрыты въ повѣствованіи живомъ; творецъ такого только созданія можетъ назваться *Историкомъ*.

Но достигая сей степени, какіе труды долженъ предпринять человѣкъ, дерзающій явиться на поприщѣ дѣеписателя!

Еще прежде нежели онъ начнетъ воздвигать зданіе, ему надобно заняться, съ величайшею подробностью, всѣми, даже малѣйшими частями, всѣми матеріялами, самыми ничтожными, изъ которыхъ долженъ онъ создать нѣчто стройное,

правильное, великое. Мы требуемъ, чтобы не предшественники руководили его, но чтобы онъ самъ проложилъ себѣ дорогу по тернистой пустынѣ Исторической Критики, самъ обозрѣлъ мертвые матеріялы всѣхъ вспомогательныхъ историческихъ знаній. За тѣмъ настаетъ для дѣеписателя огромный трудъ: извлекать истину изъ противорѣчащихъ, сбивчивыхъ, разнородныхъ отчетовъ, которые даютъ за себя страсти людей, измѣняющіяся мнѣнія, исчезнувшіе нравы, обычаи, образы воззрѣнія временъ отдаленныхъ и отдѣленныхъ одно отъ другаго звѣньями цѣпи, которыя въ огромномъ протяженіи кажутся всѣ равны, всѣ одинаковы, но безконечно различествуютъ другъ отъ друга для зоркаго, наблюдательнаго ума.

По сей цѣпи пройдти путемъ вѣковъ; въ мертвыхъ хартіяхъ и безмолвныхъ памятникахъ отыскать искры, заваленныя пепломъ, извергнутымъ волканами событій; отдѣлиться отъ своего вѣка и времени, побѣдить собственное честолюбіе, пожертвовавъ и отношеніями, и мнѣніями, по которымъ кажется справедливымъ и несправедливымъ то или другое: вотъ обязанности Историка. И если онъ исполнитъ ихъ, мы не потребуемъ того, что многіе почитаютъ донынѣ *первою и главною обязанностью*; напротивъ, мы подтвердимъ мысль одного древняго писателя: всякая Исторія хороша, если она и не краснорѣчиво написана.

Такъ воображалъ я себѣ Исторію и обязанности Историка, приступая къ сочиненію *Исторіи Русскаго народа*, нынѣ представляемой суду просвѣщенныхъ читателей. Я чувствовалъ всю важность и огромность своего предпріятія, и, можетъ быть, многіе скажутъ, что я поступаю неискусно, въ началѣ труда своего изобразивъ понятія объ Исторіи, неоправданныя мною на дѣлѣ, начертавъ обязанности, которыхъ самъ я не умѣлъ выдержать при исполненіи. Другіе упрекнутъ меня, можетъ быть, въ излишней самонадѣянности на силы свои, ибо, вмѣсто того, чтобы просить пощады читателей, я говорю о томъ, что̀ хотѣлъ, а не о томъ, что̀ успѣлъ сдѣлать по силамъ и способамъ. Признаюсь, что я всегда почиталъ извиненія предисловныя эпитафіями, которыя сочиняютъ себѣ писатели на всякій случай, если не найдется другаго, который могъ-бы на досугѣ сочинить имъ надгробіе. Люди столь умны, что извиненіемъ не купитъ у нихъ себѣ пощады посредственность или неудача. Мысли, мною изложенныя, мнѣ кажутся справедливыми, и скрывать ихъ для выгодъ мѣлочнаго авторскаго самолюбія, я почелъ-бы дѣломъ недостойнымъ. Если трудомъ своимъ я не достигъ цѣли, какую предполагалъ для Исторіи и Историка, если исполненіемъ не поддержалъ того, чего требовалъ отъ Историка въ Предисловіи, тѣмъ хуже для меня. По крайней мѣрѣ,

искренность моя будетъ ручательствомъ, что я искалъ истины, старался найдти ее.

Почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ собственно о предметѣ моего труда, о томъ, что̀ сдѣлано было донынѣ для Русской Исторіи, и что̀ предполагалъ я сдѣлать, начавши писать Исторію Отечества.

Исторія Россіи, будетъ-ли она предметомъ философскаго воззрѣнія, или удовлетвореніемъ простаго любопытства, все важна и велика во всѣхъ отношеніяхъ. Государство, простирающееся отъ береговъ Америки до предѣловъ Германіи, отъ льдовъ Сѣвернаго полюса до степей Азійскихъ, безъ сомнѣнія, есть важное отдѣленіе въ Исторіи Человѣчества. Не будемъ спорить объ относительной мѣрѣ любопытства и занимательности исторій разныхъ народовъ. Споръ о томъ, что̀ занимательнѣе: Исторія Монгольскаго народа или Исторія Греціи, мнѣ кажется споромъ, приличнымъ дѣтству умственныхъ понятій. Тамъ и здѣсь дѣйствуетъ человѣкъ, и развалины Самарканды столь-же значительны въ глазахъ наблюдателя просвѣщеннаго, какъ и развалины Коринѳа и Аѳинъ; лѣтопись Монгольская столько-же достойна вниманія, сколько и лѣтопись Греческая. Все должно быть рѣшаемо важностью роли, какую занимали или занимаютъ государство или народъ въ Исторіи Человѣчества, а въ семъ случаѣ Исторія Монголовъ менѣе-ли

важна Греческой Исторіи? Судя такъ, мы найдемъ, что Россія достойна быть предметомъ изученія наблюдателей, какъ великая часть Исторіи Человѣчества.

Россія принадлежитъ къ міру новыхъ народовъ. Міръ Древнихъ кончился, когда *народъ Рускій* явился на позорищѣ свѣта (въ половинѣ IX-го вѣка). Еще позднѣе является *государство Русское* на семъ позорищѣ, ибо *шесть* вѣковъ прошло до его образованія (въ половинѣ XV-го), и еще *два* вѣка, пока Исторія Русскаго государства соединилась съ Исторіею міра Европейскаго (въ половинѣ XVII-го вѣка). Должно-ли означить то время, съ котораго можно почесть Русское государство самобытно, непосредственно участвующимъ въ судьбѣ Человѣчества? Побѣждая народную гордость, мы скажемъ, что въ семъ отношеніи Исторія Россіи началась съ царствованія Петра Великаго. Но изслѣдователь не долженъ начинать только съ сего времени, ибо ему должно знать: *гдѣ, когда* и *какъ* образовался сей колоссальный дѣйствователь политическаго міра, рѣшительно присоединившійся къ Европѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Дѣйствуя непосредственно въ Европейской Исторіи только съ сего времени, Россія еще съ IX-го вѣка заняла въ ней мѣсто относительнымъ образомъ. Если важны для насъ Исторіи народовъ и государствъ, отжившихъ вѣкъ свой, какъ задачи бытія уже рѣшен-

ныя, то Исторія народа или государства, нынѣ въ глазахъ нашихъ находящагося въ полномъ развитіи жизненныхъ силъ своихъ, сія задача, коей рѣшеніе сокрыто въ тайной будущности Провидѣнія, еще сильнѣе привлекаетъ на себя вниманіе пытливаго ума человѣческаго. Когда и какъ окончится Исторія Россіи? Для чего сей исполинъ воздвигнутъ рукою Промысла въ ряду другихъ царствъ? Вотъ вопросы, для насъ нерѣшимые! Мы, составляя собою, можетъ быть, только *введеніе* въ Исторію нашего отечества, не разрѣшимъ сихъ вопросовъ. Но тѣмъ съ большимъ любопытствомъ хотимъ мы читать жребій Будущаго въ событіяхъ минувшихъ, гдѣ являются для нашего наблюденія основныя стихіи, изъ коихъ создана Россія.

Менѣе-ли важна для каждаго просвѣщеннаго Рускаго Исторія его отечества въ другомъ отношеніи, для настоящей жизни? Въ Исторіи Руской положительныя рѣшенія вопросовъ о настоящемъ состояніи нашего физическаго, политическаго и нравственнаго быта, безъ коихъ никакая теорія не научитъ насъ жить и дѣйствовать съ вѣрною цѣлью для самихъ себя, отчизны и человѣчества.

Ни мало не почитаю Исторію Россіи для насъ любопытнѣе другихъ потому, что Россія есть наша родина, что въ ней покоится прахъ нашихъ предковъ. Любовь къ отечеству должна

основываться не на сихъ воспоминаніяхъ, не на дѣтскомъ уваженіи, какое внушаетъ намъ родная сторона. Тѣмъ менѣе любовь къ отечеству можетъ увлекать и обольщать насъ въ понятіяхъ о прошедшемъ. Родина мила намъ, ибо она страна знакомая, родная намъ; но порокъ не заслужитъ нашего одобренія, если-бы и предокъ нашъ запятнанъ былъ симъ порокомъ, и подвигъ Минина, геній Петра, судьба Москвы въ 1812-мъ году столь-же будутъ велики для нашего благоговѣйнаго воспоминанія, если-бы они принадлежали и чуждому, иноземному дѣеписанію. Въ настоящей жизни, въ дѣйствіяхъ своихъ мы должны быть сынами отечества, гражданами Россіи, ибо космополитъ будетъ въ семъ отношеніи безумецъ, самоубійца въ гражданскомъ обществѣ. Въ комъ Русская кровь не кипитъ сильнѣе при словѣ: *Россія*, въ добродѣтели и умѣ того я—сомнѣваюсь. Такъ въ Настоящемъ, и совсѣмъ иначе въ Прошедшемъ. Но, будучи для прошедшаго безстрастными наблюдателями, безпристрастными повѣствователями, мы найдемъ въ Исторіи Россіи картину важную, занимательную, любопытную по содержанію своему, безъ всякихъ другихъ отношеній. Соединеніе жителей Скандинавскаго Сѣвера, жителей Востока и племенъ Славянскихъ въ народѣ *Русскомъ*; образованіе его подъ вліяніемъ Греціи, особенное отъ всей остальной Европы; преобразованія системы политическаго бытія Русскаго народа; порабощеніе его

послѣдними выходцами изъ Азіи въ Европу, и сверженіе сего ига варваровъ; движеніе Россіи въ систему Сѣверныхъ государствъ; исполинское расширеніе въ Европу, Азію и Америку; измѣненіе по идеямъ и понятіямъ Европы, ознаменованное притомъ первобытнымъ типомъ; вступленіе въ міръ Европейской политики, въ самое бурное время перелома; борьба съ самобытностью Монголовъ и Поляковъ, рыцарскою храбростію Карла XII-го и удушающимъ геніемъ Наполеона: сколько явленій великихъ въ теченіе десяти вѣковъ, и сколько людей, достойныхъ наблюденія, отъ Святослава, страшилища Греціи, до Александра, избавителя Россіи въ наше время; отъ Ольги до Екатерины; отъ Аскольда и Дира, полудикихъ сопутниковъ Рурика, до Суворова, побѣдителя на долинахъ Ломбардіи; отъ Баяна, пѣвца Олеговыхъ бѣдствій, до Державина, пѣвца Фелицы. Не знаю, какому просвѣщенному чужеземцу не покажутся предметами достойными вниманія Исторія вѣры, законовъ, нравовъ Русскихъ.

Такъ! Нѣтъ сомнѣнія: Исторія Россіи предметъ огромный, достойный Философа и Историка. Но умѣли-ль мы донынѣ почтить важность его своими трудами, обработали-ль его такъ, чтобы намъ можно было указать любопытному наблюдателю на какое нибудь твореніе и сказать ему: «*Читай; ты узнаешь Россію?*»

Вспомнивъ юность нашего образованія, мы не

постыдимся, что подобное твореніе еще не создано нами, и что ни одинъ иноземецъ не подарилъ еще насъ такимъ твореніемъ.

Покушеній писать Русскую Исторію было уже донынѣ нѣсколько; но ни одно изъ нихъ не можетъ быть почтено удовлетворительнымъ. Первымъ опытомъ Исторіи Россіи должно почесть сочиненіе *Степенныхъ книгъ*, въ XV-мъ вѣкѣ, ибо это не была уже лѣтопись, но нѣчто систематическое. Должно-ли говорить о несовершенствѣ сего опыта, если вспомнимъ вѣкъ, въ который жилъ сочинитель Степенныхъ книгъ? Съ преобразованіемъ Россіи Петромъ Великимъ, мысль о сочиненіи Исторіи Россійской была постоянною мыслью многихъ, одного за другимъ слѣдовавшихъ Россійскихъ Литтераторовъ. Исчислимъ по хронологическому порядку опыты XVIII-го столѣтія: *Хилковъ* (въ началѣ XVIII вѣка); *Татищевъ* (скон. въ 1750 году); *Ломоносовъ* (скон. въ 1765 г.); *Эминъ* (издалъ свое сочиненіе въ 1767—1769 г.); *Щербатовъ* (издалъ въ 1770—1790 гг.); *Нехачинъ* (издалъ въ 1795 г.); *Стриттеръ* (издалъ въ 1800 — 1802 гг.); *Елагинъ* (книга его издана въ 1803 г.).

Не упоминая о краткихъ Исторіяхъ, вотъ сколько покушеній сочинить Русскую Исторію было въ прошедшемъ вѣкѣ!

Съ уваженіемъ приводя здѣсь имена трудив-

шихся въ сочинении Русской Исторіи, скажемъ къ чести ихъ, что всякій изъ упомянутыхъ нами Историковъ могъ имѣть относительное достоинство, по средствамъ, способамъ и времени, въ которое каждый изъ нихъ жилъ. Это не помѣшаетъ однакожь намъ сознаться, что никто изъ исчисленныхъ здѣсь Историковъ России не имѣлъ ни истиннаго понятія о дѣеписаніи, ни надлежащихъ приготовленій къ труду. Все, что выше сказано о ложныхъ направленіяхъ Исторіи, видимъ въ нихъ, соединенное съ незнаніемъ, ошибками, умышленными и неумышленными, погрѣшностями, иногда даже забавными. Древнія миѳы и сказки вмѣсто Исторіи; желаніе представить не правдивыя изображенія, но идеальныхъ героевъ, законодателей, мудрецовъ; прихотливая народная гордость; неумѣстное желаніе умничать и философствовать видны въ каждомъ Рускомъ Историкѣ прошедшаго вѣка, отъ Хилкова до Стриттера. Всѣ притомъ ведутъ только хронологію Государей, списываютъ лѣтописи безъ критики и соображеній, и даютъ своимъ сочиненіямъ названія Исторій, иногда съ прибавками въ титулахъ, самыми смѣшными.

Хилковъ, бывшій въ Швеціи Посланникомъ, и задержанный тамъ въ плѣну, писалъ *Ядро Россійской Исторіи*. Онъ началъ книгу свою сотвореніемъ міра, выводя Рускихъ отъ Мосоха, почитая Рурика потомкомъ Пруса, брата Авгу-

ста, Римскаго Императора: довольно, чтобы понять достоинство Исторіи, писанной Хилковымъ; но Ядро Хилкова было напечатано въ 1770-мъ году, потомъ еще *два* раза, и породило *Новое Ядро Россійской Исторіи*, сочиненное Нехачинымъ, напечатанное въ 1795 г., и потомъ въ 1809 и 1810 годахъ — *вторымЪ изданіемЪ*! Самое названіе книги показываетъ, что сочинителю *Новаго Ядра* старое казалось образцомъ, достойнымъ подражанія.

ТатищевЪ написалъ собственно сводную лѣтопись; но при изданіи сей книги (1768-1784 гг.) ее назвали *Исторіею Россійскою*; не потому-ли, что огромная первая часть занята у Татищева выписками о Скиѳахъ и Сарматахъ?

ЛомоносовЪ написалъ только одну первую книгу Исторіи, въ которой довелъ событія до смерти Ярослава. Говорятъ, что онъ писалъ по приказанію. Исторія не была его удѣломъ. Какъ хорошій риторъ, краснорѣчиво говоря объ Исторіи въ Предисловіи своемъ, онъ не далекъ отъ Хилкова достоинствомъ Историка.

Эмина Россійская Исторія, съ огромнымъ, цѣлую страницу занимающимъ заглавіемъ, твореніе ниже всѣхъ, прежде и послѣ него изданныхъ Исторій Русскихъ. «Академія обезславила себя, издавъ Исторію Эмина, » говоритъ Шлецеръ (*). Читайте

(*) Несторъ Russ. Ann. т. I, стр. 102 (Русскій переводъ Т. I, стр. *рнз*).

ее, если хотите видѣть, что можетъ написать ограниченный, полуученый человѣкъ.

Щербатовъ издалъ семь огромныхъ томовъ, доказывающихъ, что свѣтскій, слегка образованный человѣкъ не долженъ браться за трудъ огромный и важный. Онъ былъ ниже современниковъ по достоинству слога, не имѣлъ понятія объ исторической критикѣ, и обманулъ общее ожиданіе, издавъ нескладную компиляцію, въ которой довелъ событія до Царя Михаила Ѳеодоровича.

Стриттеръ, трудолюбивый собиратель выписокъ и ученый человѣкъ, приглашенъ былъ Коммиссіею объ учрежденіи школъ написать Русскую Исторію, писалъ лѣтъ двадцать, и въ трехъ огромныхъ томахъ, изданныхъ въ 1800—1803 гг., довелъ ее до 1462-го года. Твореніе Стриттера не имѣетъ достоинства даже вѣрной лѣтописи.

Елагинъ, въ старости, отъ скуки, въ чемъ онъ самъ признается, рѣшился написать свой *Опытъ повѣствованія о Россіи*. Несносное умничанье, заставившее Автора начать Русскую Исторію отъ Потопа, видно повсюду въ сочиненіи Елагина. Опыта его изданъ только *первый* томъ, и тотъ едва находите терпѣніе прочитать вполнѣ.

Съ удовольствіемъ переходимъ отъ сихъ несовершенныхъ опытовъ къ творенію, коимъ ознаменовано было царствованіе Александра и начало XIX-го вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь *Исторію*

государства Россійскаго, сочиненную Карамзинымъ.

Карамзинъ, справедливо имѣвшій славу перваго писателя Русскаго въ концѣ прошедшаго столѣтія, съ 1803-го по 1816-й годъ посвятилъ двѣнадцать лѣтъ на собраніе, разборъ, устройство матеріяловъ, и написаніе *Исторіи государства Россійскаго*. Первые *восемь* томовъ изданы были въ 1816-мъ году, и напечатаны вторично въ 1818 и 1819-мъ годахъ. За тѣмъ слѣдовали томы IX, X, XI и XII-й: послѣдній изданъ былъ уже по смерти Автора. Карамзинъ довелъ Исторію Русскую до 1611-го года.

Не льзя не упомянуть здѣсь о всеобщемъ восторгѣ, съ какимъ принято было твореніе Карамзина. Тысячи экземпляровъ его находились въ рукахъ людей всѣхъ состояній. Карамзинъ, при самомъ началѣ труда своего возведенный въ достоинство Исторіографа Имперіи, осыпанъ былъ почестями и богатствами. Благоговѣніе къ нему многихъ почитателей доходило до совершеннаго излишества; было время, когда, опасаясь непріятностей, не смѣли печатать никакой критики на Исторію Карамзина.

Я имѣлъ уже случай подробно изложить свое мнѣніе о трудѣ Карамзина (*). Не предполагая

(*) Моск. Телеграфъ 1829 г., т. XXVII-й, стр. 467-я и слѣд.

здѣсь цѣлью критическаго разбора всѣхъ донынѣ изданныхъ Русскихъ Исторій, я долженъ ограничиться немногими словами.

Если сообразить шагъ, сдѣланный Карамзинымъ отъ всѣхъ его предшественниковъ, то нельзя не отдать похвалы уму, знаніямъ, просвѣщенію Карамзина. Если поставить главнымъ достоинствомъ (какъ думалъ самъ Карамзинъ) *красоту* и *силу повѣствованія* (*), то Исторія государства Россійскаго станетъ на высокую чреду. Прибавимъ къ этому услугу, какую оказалъ въ первыхъ восьми томахъ Карамзинъ разысканіемъ матеріяловъ; благородную смѣлость, съ какою Карамзинъ защищаетъ угнетеннаго несчастливца, ненавидитъ сильнаго злодѣя, вступается за права человѣка. Но симъ едва-ли не ограничатся всѣ достоинства Исторіи государства Россійскаго.

Это собственно Исторія Государей, а не государства, не народа, и Карамзинъ, увлеченный ложнымъ понятіемъ о политической системѣ прошедшихъ временъ, почитавшій доказательствомъ любви къ отечеству желаніе *раскрасить*, расцвѣтить истину, часто жертвовавшій красотѣ повѣствованія истиною и критикою матеріяловъ, можетъ быть причисленъ къ писателямъ, которые слѣдовали невѣрному направленію Исторіи,

(*) Ист. Гос. Росс., т. I-й, стр. XX-я.

названному нами *героическимъ*. Съ IX-го тома Карамзинъ почти отказывается отъ критики; X-й и XI-й томы еще слабѣе въ историческомъ достоинствѣ; XII-й томъ собранъ изъ немногихъ, всѣмъ извѣстныхъ лѣтописей и государственныхъ напечатанныхъ актовъ: это повѣствовательный разсказъ, а не Исторія, и Карамзинъ такъ писалъ его, что 5-я глава была еще не дописана имъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми 4-мя главами, было уже переписано и готово къ печати (*). Когда-же думалъ Историкъ?

Мы должны упомянуть еще о трудѣ одного почтеннаго современника нашего, который написалъ Исторію отечества вполнѣ: это *Исторія Русская*, соч. *С. Н. Глинкою*. Но Авторъ не имѣлъ въ виду прагматическаго, критическаго, тѣмъ менѣе философскаго воззрѣнія на Исторію, и въ самомъ заглавіи своей книги показалъ и цѣль и планъ оной, назвавъ ее: «Исторія Русская, *въ пользу воспитанія*.» Всегда отличавшійся своею литтературною дѣятельностію, какъ писатель народный, подкрѣплявшій любовь къ отечеству въ незабвенный 1812-й годъ, Авторъ хотѣлъ составить книгу для народнаго употребленія, и достигъ своей цѣли, ибо книги его вышло *четыре* изданія (**).

(*) Предисл. къ XII-му тому, стр. VI-я.

(**) Первые шесть томовъ напечатаны были въ

Не буду распространяться о томъ, какъ писали Русскую Исторію иностранцы. *Лакомбъ*, съ своимъ *Хронологическимъ обозрѣніемъ Исторіи Сѣвера* (1763 г.); *Леклеркъ*, съ своею *Физическою, нравственною, гражданскою и политическою Исторіею Древней Россіи* (1783 г.), не стоятъ никакого вниманія. Лучше другихъ Левекова *Исторія Россіи* (1782 г.); но Левекъ, говорунъ и философъ по примѣру другихъ Французскихъ писателей XVIII-го вѣка, не имѣлъ матеріяловъ обработанныхъ, и еще менѣе думалъ о критическомъ и прагматическомъ взглядѣ.—Мнѣ не удалось донынѣ видѣть *Исторіи Россіи и Петра Великаго*, сочиненной Графомъ Сегюромъ (Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand, Парижъ, 1829 г.); но, зная то, что написалъ онъ о походѣ Наполеона въ Россію, зная, какъ непріязненно смотрятъ нынѣ Европейцы на Россію, какими сказками наполняются донынѣ лучшіе Европейскія книги и Журналы на счетъ Россіи, могу угадывать, что книга, сочиненная Графомъ Сегюромъ, не заставитъ насъ признать въ сочиненіи оной большой заслуги для Исторіи Русской. О сочиненіяхъ Г-на Рабба, который издалъ Ис-

Русскомъ Вѣстникѣ; 2-е изданіе вышло въ свѣтъ, въ Москвѣ, 1817 - 1818 гг. (10 томовъ); 3-е изданіе въ М. 1818 - 1819 гг.; 4-е изданіе въ М. 1823 - 1825 гг., 14 томовъ.

торію и Географію Россіи, считаю излишнимъ даже упоминать.

Вотъ все, что сдѣлано до сихъ поръ для сочиненія Исторіи нашего отечества. Обвинятъ-ли меня въ излишнемъ самолюбіи, что послѣ соображенія всего сдѣланнаго, я рѣшился писать вновь Исторію Россіи?

Сей трудъ надлежало предприять Рускому, и совсѣмъ не потому, что любовь къ отечеству дастъ ему средства одушевить картину прошедшаго красками горячаго участія въ судьбѣ Россіи. Напротивъ, Руской долженъ писать Исторію своего отечества потому, что только Руской можетъ воспользоваться всѣми извѣстными донынѣ матеріялами. Языкъ нашихъ письменныхъ памятниковъ и древности наши такъ мало извѣстны Европейскимъ ученымъ; источники нашей Исторіи требуютъ столь отличнаго воззрѣнія и такой особенной критики, что чужеземецъ, рѣшившійся писать Исторію Россіи, долженъ посвятить тяжелому, приготовительному труду нѣсколько лѣтъ жизни. Въ настоящемъ состояніи и направленіи учености Европейской едва-ли сыщется кто либо, могущій рѣшиться на сей подвигъ. Всего-же болѣе надобно Рускому писать Русскую Исторію потому, что иностранецъ не можетъ чувствовать, понимать Русскаго духа, Русскихъ событій, отношеній, силы каждаго слова въ нашихъ памятникахъ, какъ чувствуемъ и по-

нимаемъ ихъ мы, родные съ нашими праотцами, нашимъ языкомъ, каждою буквою нашихъ памятниковъ. Французъ легче пойметъ Англичанина, нежели насъ, имѣющихъ свою отдѣльную отъ всей Европы форму образованія, свою вѣру, свои Европейско-Азіятскіе нравы и обычаи.

По моему мнѣнію, донынѣ столько уже приготовлено матеріяловъ для Русской Исторіи собственно, мы уже столько знакомы съ современными, вѣрными идеями объ Исторіи вообще, что можемъ отважиться писать нашу Исторію такъ, чтобы сущностью, порядкомъ идей, воззрѣніемъ на дѣла, она могла быть достойна вниманія людей просвѣщенныхъ.

Мои занятія отечественною Исторіею начались съ самыхъ юныхъ лѣтъ моей жизни. Они измѣнялись по времени и обстоятельствамъ, и нѣсколько разъ были прекращаемы; но съ 1825-го года я началъ уже систематическое сочиненіе о Русской Исторіи. До того времени все ограничивалъ я критикою лѣтописей и памятниковъ нашихъ, приготовительными занятіями надъ Исторіею Всеобщею, и особенно тѣхъ народовъ, которыхъ Исторія является въ связи съ Русскою. Меня занимала мысль: написать подробную Исторію Россіи за три послѣдніе вѣка (XVII, XVIII, XIX-й). Отрывокъ сего труда, отдѣльно изданный, заслужилъ вниманіе моихъ соотече-

ственниковъ (*); но не смотря на нѣкоторый успѣхъ опыта, я измѣнилъ планъ своей работы, распространилъ его, и—издаю полную *Исторію Русскаго народа*, съ самаго начала его до нашихъ временъ.

Должно-ли говорить мнѣ о планѣ сего сочиненія, образѣ воззрѣнія моего, расположеніи частей, самомъ выраженіи, какое принялъ я въ основаніе? Книга передъ судомъ читателей. Объяснивъ понятія свои вообще объ Исторіи и Историкахъ, прибавлю здѣсь немногія подробности.

Названіе книги: *Исторія Русскаго народа*, показываетъ существенную разницу моего взгляда на Исторію отечества, отъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ. Оно принято въ слѣдствіе мысли, на которой основано все мое сочиненіе. Я полагаю, что въ словахъ: *Русское государство*, заключалась главная ошибка моихъ предшественниковъ. Государство Русское начало существовать только со времени сверженія ига Монгольскаго. Рурикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Рогволодъ основали не одно, но отдѣльныя, разныя государства. Три первыя были соединены

(*) *Завоеваніе Азова* въ 1637 г., напечатанное въ Телеграфѣ 1827 г. (т. XIII-й, стр. 286—298, и т. XIV-й, стр. 20—61). Сія статья составляла одну главу въ описаніи царствованія Михаила Θеодоровича.

Рурикомъ; съ переселенiемъ Олега въ Кiевъ послѣдовало отдѣленiе Сѣверной Руси и образованiе оной въ видѣ республики. Кiевское государство, усиленное Олегомъ, Игоремъ, Ольгою, Святославомъ, Владимiромъ и Ярославомъ, дѣлилось потомъ особо отъ Сѣвера, и представляло особую систему феодальныхъ Русскихъ государствъ. При такомъ взглядѣ измѣняется совершенно вся Древняя Исторiя Россiи, и можетъ быть только *Исторiя Русскаго народа*, а не Исторiя *Русскаго государства*. Отъ чего и какъ пали удѣлы подъ власть Монголовъ; что̀ составило изъ нихъ *одно* государство; какимъ образомъ это новое, деспотическое *Русское княжество* преобразилось въ самодержавную, великую Имперiю? Это старался я изобразить, совершенно устранивъ свое народное честолюбiе, говоря безпристрастно, соображая, сколько могъ, настоящее съ прошедшимъ.

Я не принялъ для перiодовъ Исторiи Русскаго народа ни дѣленiя Шлецерова, ни дѣленiя Карамзина, и, въ слѣдствiе основной мысли, главы Исторiи дѣлилъ не княженiями, но событiями.

Полагая, что съ Ярославомъ кончилась Нордманнская феодальная система, намъ должно оканчивать *первый* перiодъ смертью Ярослава (1054 г.). Отселѣ особый характеръ Русской Исторiи, кончащiйся нашествiемъ Монголовъ:

періодЪ второй (до 1224 г.). *ПеріодЪ третій* составляетъ порабощеніе подъ иго Монголовъ и освобожденіе отъ онаго. Сей періодъ продолжается до Іоанна III-го (1462 г.). Съ нимъ начинается *періодЪ четвертый*: является *одно Русское государство*, ибо княженіемъ Василія Темнаго оканчивается *послѢдняя* борьба междоусобій удѣльныхъ. Сей періодъ заключается Петромъ Великимъ. Петръ началъ *пятый*, Европейскій *періодЪ* Русской Исторіи.

Шлецеръ почти, но несовершенно такъ дѣлилъ Исторію Русскую. Возраженія Карамзина противъ дѣленія Шлецерова неубѣдительны (*). Принявъ изложенное мною раздѣленіе Русской Исторіи на *пять періодовЪ*, мы найдемъ, что Русскій народъ начался въ одно время съ другими новыми Европейцами, одинаково и современно съ ними шелъ, и отдѣлился только въ началѣ XIII-го вѣка отъ системы Европейскихъ государствъ. Отдѣльно образовывалось потомъ государство Русское четыре съ половиною вѣка, и вступило снова въ Европейскую систему съ XVIII-мъ вѣкомъ. Таково мѣсто Русскаго народа въ Исторіи человѣчества.

По различію періодовъ должны быть различны и взгляды Историка. Я старался узнавать

(*) Ист. Гос. Росс. т. I, стр. XXV.

духъ, мнѣнія, понятія, нравы и повѣрья каждаго вѣка. Для сего въ грубой простотѣ являются у меня всѣ слова, рѣчи, дѣла героевъ Исторіи Русской. Нѣтъ ничего *моего*, перенесеннаго изъ нашихъ временъ. Безпристрастный и безмолвный, при дѣлахъ, которыя сами за себя говорятъ, я старался только распространяться въ изысканіи причинъ, старался указывать читателямъ на все, что вѣрнѣе и лучше можетъ представить сущность каждаго событія, характеръ каждаго историческаго лица, и нигдѣ не позволялъ себѣ суда и умничанья Историческаго. Часто невольная хвала доблести, невольное негодованіе раждались въ душѣ моей, но я старался таить, скрывать ихъ. Желая представлять читателямъ картины не битвъ и сраженій, но жизни Прошедшаго, я не отдѣлялъ въ особыя главы описаній законовъ, нравовъ, обычаевъ, повѣрій, и ими хотѣлъ оттѣнять и одушевлять сухія изложенія событій.

Со временъ Петра, еще болѣе со временъ къ намъ ближайшихъ, образъ историческаго изложенія измѣняется. Читатели поймутъ причину. Чувство народности дѣлается непобѣдимо, и если скажутъ, что въ событіяхъ къ намъ близкихъ, особливо современныхъ, я былъ только разскащикомъ, не Историкомъ, пусть каждый станетъ на мое мѣсто, и признается: могъ-ли онъ быть откровеннѣе и безпристрастнѣе меня? Прибавимъ къ

тому, что еще многое, даже въ глазахъ нашихъ совершившееся, для насъ тайна. Историкъ XXII-го столѣтія скажетъ болѣе о нашемъ времени и потому уже, что онъ болѣе нашего будетъ знать.

Необходимость разсматривать событія Русскія въ связи съ событіями другихъ государствъ заставляла меня вносить въ Исторію Русскаго народа подробности, не прямо къ Россіи относящіяся; повторяю: это было необходимо. Дѣла изъ Исторіи Греческой, Польской, Венгерской, Монгольской, Турецкой, Шведской, Исторіи Европы вообще, особенно XVIII-го и XIX-го вѣка, поясняютъ нашу Исторію; разсказывая ихъ, Историкъ какъ будто поднимаетъ завѣсы, которыми отдѣляется позорище дѣйствій въ Россіи, и читатель видитъ передъ собою перспективы Всеобщей Исторіи народовъ, видитъ, какъ дѣйствія на Руси, по видимому отдѣльныя, были слѣдствіями или причинами событій, въ другихъ странахъ совершившихся.

Я старался сколько можно менѣе пестрить текстъ Исторіи примѣчаніями: выписывалъ только то, что доказывая истину повѣствованія, могло быть неизвѣстно читателямъ. Въ противномъ случаѣ, указаніе на книгу или автора мнѣ казалось достаточнымъ; читатель можетъ справиться самъ. По большей части я не отмѣчалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ противорѣчилъ моимъ предшественникамъ. Не

высказывая ихъ разнообразныхъ мнѣній, я представлялъ только доказательства своего собственнаго убѣжденія. Знающіе сами все это увидятъ: свидѣтельства и доказательства передъ ними. Карамзинъ въ Исторіи государства Россійскаго подробно опровергалъ все, изъ сказаннаго его предшественниками, съ чѣмъ онъ не соглашался. Одни возраженія его Татищеву составятъ довольно большую книгу, если напечатать ихъ отдѣльно; онъ имѣлъ свой планъ и свою цѣль.

Мнѣ хотѣлось прибавить къ моему сочиненію изображенія важнѣйшихъ памятниковъ, замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, портреты, снимки: все это оживляетъ мертвыя буквы книги; но это было невозможно, по дороговизнѣ подобныхъ прибавленій къ Русскимъ книгамъ. Въ особыхъ дополненіяхъ читатели найдутъ важнѣйшіе, любопытнѣйшіе акты историческіе, и нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій и замѣчаній о предметахъ, казавшихся мнѣ достойными особаго вниманія. Такія приложенія (pièces justificatives) будутъ находиться при каждомъ томѣ.

Какая участь ожидаетъ трудъ мой? Могу ли надѣяться нѣкотораго вниманія моихъ просвѣщенныхъ современниковъ? Ихъ только мнѣніемъ дорожу я. Сужденія людей поверхностныхъ, прикованныхъ къ старымъ предразсудкамъ, пристрастныхъ, осмѣливаюсь не уважать. Какъ че-

ловѣкъ, я могъ ошибаться. Кромѣ того, новыя открытія памятниковъ, лѣтописей, обнародованіе нѣкоторыхъ, извѣстныхъ уже, но донынѣ неизданныхъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ, могутъ измѣнить многія подробности моего сочиненія. Не думаю однакожъ, чтобы все это поколебало основную систему его. Что касается до ошибокъ, думаю, что при обширности и разнообразіи занятій, какихъ требовала Древняя Исторія (читатели, надѣюсь, согласятся въ этомъ), онѣ могутъ быть извинительны; въ описаніи временъ новѣйшихъ тоже. Вольтеръ давно и остроумно сказалъ: «Если ты пишешь современную Исторію, не сомнѣвайся, чтобы не нашелся какой нибудь счетчикъ хронологіи, какой нибудь газетный комментаторъ, и не уличилъ тебя въ томъ, что ты ошибся днемъ, именемъ, поставилъ полкъ въ сраженіи на 300 шаговъ далѣе того мѣста, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ.» Въ подобномъ случаѣ, благодарное сознаніе въ ошибкѣ я всегда поставлю себѣ непремѣнною обязанностію.

[illegible], такихъ ошибокъ, кромѣ того, почти совершенно невозможно избѣжать, [illegible] разсто- яніе, показанное въ [illegible], и, особливо [illegible] англійскихъ манускриптовъ, могутъ [illegible] выше и представлены моею собственною. Не лишне прибавить, чтобы все это послѣдовало [illegible] сердцу его. Надо знать, до [illegible] [illegible], что при сличеніи и разбира- [illegible], вмѣсто прибавить данныя [illegible] ра (иноземца), [illegible], составленныя въ [illegible] сей могутъ быть [illegible]: въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], не сомнѣваюсь, [illegible] не [illegible] [illegible] какой нибудь [illegible], какой нибудь [illegible] комментаторъ, и не удивлюсь [illegible], что [illegible] ошибся [illegible], [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], гдѣ онъ въ самомъ [illegible] Въ подобномъ случаѣ, благодарю [illegible] [illegible], и всегда поставлю себѣ [illegible] обязанностію.

ОБОЗРѢНІЕ МАТЕРІЯЛОВЪ

ДЛЯ

ИСТОРІИ

РУССКАГО НАРОДА,

въ I-й и II-й періоды, то есть, отъ начала сего народа до нашествія Монголовъ на Русскія земли (съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII-го вѣка).

I. Г. Буле, извѣстный библіографическими познаніями и, въ бытность свою въ Россіи, занимавшійся Русскою Исторіею, предпринималъ сочиненіе книги: *Опытъ Критической Литтературы Русской Исторіи* (Versuch einer kritischen Literatur der russischen Geschichte. Москва, 1810 г.). Онъ хотѣлъ составить каталогъ всѣхъ печатныхъ книгъ, относящихся къ Русской Исторіи, или могущихъ пояснить ее, и напечаталъ *первую часть* каталога на 420-ти страницахъ, занятыхъ нѣсколькими тысячами названій книгъ и авторовъ, Греческихъ, Латинскихъ, Русскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ, и проч. Но въ сей книгѣ для *Исторіи Русскаго народа собственно* еще не означены матеріялы. Дѣло идетъ все еще о предварительныхъ свѣдѣніяхъ, ибо ученый Буле вводилъ въ Исторію Русскую древнихъ Грековъ, Гиперборееевъ, Киммеріянъ, Скиѳовъ, Гетовъ, Аттилу, и проч. и проч. Не слишкомъ-ли обширныя рамы для Русской Исторіи? Если слѣдовать такому предположенію, то не должно-ли будетъ начинать Русскую Исторію сочиненіемъ Кювье о переворотахъ земной поверхности? Согласимся, что для *Исторіи странъ, занимаемыхъ нынѣ Россійскимъ государ-*

ствомъ, для изслѣдованія о томъ: кто, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, жилъ на пространствѣ земель, покорныхъ нынѣ скипетру Россіи, должно принимать планъ, можетъ быть, еще обширнѣе начертаннаго Буле; но совсѣмъ другое начертаніе потребно для Исторіи *Русскаго народа собственно*. Въ первомъ случаѣ, изслѣдованія Историка коснутся самой Индіи, гдѣ будетъ онъ искать во мракѣ Миѳологіи происхожденія Индо-Германскихъ народовъ, и соображать потомъ Восточныя, Западныя и Сѣверныя извѣстія о переходѣ ихъ въ Европу, образованіи, подъ именемъ *Германцевъ* и *Славянъ*, въ Европѣ. Такъ и съ другихъ сторонъ, Историкъ долженъ будетъ подвергнуть этнографическому разбору народы Азійскіе и филологическому разсмотрѣнію ихъ языки, чтобы рѣшить: откуда и какіе черезъ пространство нынѣшней Россійской Имперіи являлись народы въ Европу? Но Историкъ Русскаго народа-собственно не долженъ входить въ столь отдаленныя изслѣдованія; иначе Исторія каждаго Европейскаго государства начнется Индійскою Миѳологіею, и обниметъ вполнѣ сочиненія древнихъ Грековъ и Римлянъ. Историкъ Русскаго народа долженъ только показать: *какъ*, *гдѣ* и *когда* составился Русскій народъ, и потомъ долженъ изложить событія, образовавшія изъ сего народа *Государство Россійское*. Въ такомъ слу-

чаѣ, Индо-Германцы, Гипербореи, Скиѳы, древніе Греки и Римляне будутъ только пояснительными, частными дополненіями, и Исторія Руссовъ, начавшись съ VIII-го или IX-го вѣка, естественно отдѣлится отъ Исторіи поселенія Грековъ на берегахъ Чернаго моря, Исторіи народовъ до VIII-го вѣка двигавшихся въ нынѣшней Россіи, Исторіи аборигеновъ сихъ странъ, оттѣсненныхъ Азійскими пришельцами къ Сѣверу, даже Исторіи Славянъ до прихода къ нимъ Нордманновъ. Воззрѣніе на сихъ пришельцевъ изъ Скандинавіи; на Славянъ, уже въ предѣлахъ нынѣшней Россіи; на другіе народы, коихъ касается Исторія *Руссовъ*, народа, явившагося изъ смѣшенія Нордманновъ и Славянъ, въ тѣхъ предѣлахъ, тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сей новый народъ нашелъ старыхъ, осѣдлыхъ жителей: таковы рубежи, далѣе коихъ не должна переступать во мракъ древнихъ вѣковъ Исторія Русскаго народа. Въ сихъ рубежахъ мы обозримъ матеріялы нашего предмета.

Историческіе матеріялы для древней Исторіи каждаго изъ новѣйшихъ Европейскихъ народовъ, состоятъ изъ источниковъ Исторіи *отечественныхъ* и источниковъ Исторіи *иностранныхъ*.

Тѣ и другіе могутъ состоять изъ *шести* слѣдующихъ отдѣленій:

I. *Лѣтописи* или *Временники*, то есть,

современныя разнымъ событіямъ записки или замѣтки людей, о томъ, что они сами видѣли, или слышали.

II. *Памятники дипломатическіе*, т. е. грамоты, договоры, записи, относящіяся къ политическимъ сношеніямъ между владѣтелями, областями, городами, народами.

III. *Памятники палеографическіе*. Сюда относятся всѣ сохранившіяся отъ древнихъ временъ сочиненія, прямо или косвенно объясняющія Исторію, вѣру, законы, нравы, обычаи, повѣрья народовъ; частныя историческія записки, замѣтки и повѣствованія.

IV. *Памятники археографическіе*, сохранившіеся въ надписяхъ на гробницахъ, зданіяхъ, разныхъ вещахъ; монеты, медали, изваянія, могущія передавать намъ преданія вѣковъ въ безмолвныхъ своихъ вѣщаніяхъ.

V. *Памятники географическіе*. Важное пособіе для Исторіи! Филологическія изысканія о живыхъ урочищахъ, сохранившихся въ какой либо странѣ въ названіяхъ земель, областей, народовъ, рѣкъ, горъ, городовъ, разныхъ мѣстъ, служатъ поясненіями для свѣдѣній о началѣ, распространеніи, движеніяхъ народовъ, и для извѣстій о политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ ихъ.

VI. *Преданія*, *сказки*, *пѣсни*, *пословицы*, относясь къ Исторіи по основанію, кото-

рое служило для нихъ поводомъ, и выражая духъ времени, могутъ быть принимаемы въ соображеніе при историческомъ обзорѣ.

Обозрѣвая *источники отечественные*, мы находимъ, что не всѣ сіи шести родовъ матеріялы имѣемъ мы для древнѣйшей Русской Исторіи: по крайней мѣрѣ, что мы не имѣемъ ихъ въ достаточномъ количествѣ.

I. Съ X-го вѣка явились въ Россіи трудолюбивые отшельники, монахи, которые во всей Европѣ сохранили для потомства память событій, съ того времени, какъ Древніе народы перестали писать свои историческія повѣствованія. Въ тишинѣ монастырскихъ келлій, не для славы, не для сохраненія своихъ именъ, трудились мирные иноки: они просто для памяти записывали все, что видѣли и слышали; списывали, продолжали Исторіи Древнихъ; думали научать современниковъ повѣствованіемъ о бѣдствіяхъ, несчастіяхъ, славѣ прошедшихъ поколѣній; желали утверждать ихъ въ добродѣтели, повѣствуя о чудесныхъ судьбахъ Божіихъ, наказующихъ порокъ, награждающихъ добродѣтель. Такъ писали и Русскіе Лѣтописцы, иноки, начиная свои сказанія увѣщаніями современниковъ. « Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, » писалъ инокъ лѣтописецъ (*), « приклоните уше-

(*) Софійскія, или Новогородскія лѣтописи.

са ваша разумно: како быша древніе Князи и мужи ихъ, и како обороняху Русскія земли, и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти бо Князи не сбираху много имѣніе, ни творимыхъ виръ, ни продажь вскладаху на люди, но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся воюющи иныя страны, біющися: *Братіе! потягнемъ по своемъ Князѣ и по Русской землѣ!* Не жадаху: «Мало ми есть, Княже, 300 гривенъ;» не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ, и расплодили были землю Русскую. За наше несытство навелъ Богъ на ны поганые, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть, а мы злыхъ своихъ не отстанемъ. Пишетъ бо ся: *богатство неправдою сбираемо, скоро извѣется.* И паки: *сбираетъ, и не вѣсть кому сбираетъ.* И паки: *лучше малое праведнику, паче богатства грѣшныхъ многа.* Да отселѣ, братія возлюбленная моя, останемся отъ несытства своего; довольны будите уроки вашими. Яко и Павелъ пишетъ: *ему-же дань, то дань*; *ему-же урокъ, то урокъ*; никому-же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страхѣ Божіи и правовѣріи свое спасеніе содѣвающе, да и *здѣ* добрѣ поживемъ, и *тамо* вѣчнѣй жизни причастницы будемъ.» Такъ и въ XVII-мъ вѣкѣ, незабвенный Авраамій Па-

лицынъ началъ свою историческую *Повѣсть о многихъ мятежахъ и раззореніи Россійскаго государства*: «Исторія въ память впредыдущимъ родомъ, да незабвенна будутъ благодѣянія Божія, иже показа намъ Мати Слова Божія, отъ всея твари Благословенная Присnодѣва Марія, и како соверши обѣщаніе свое къ Преподобному Сергію, еже яко *неотступна буду отъ обители твоея*. Писано-же бысть тоя-же великія обители Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря Келаремъ, старцемъ Аврааміемъ Палицынымъ. И нынѣ всякъ возрастъ да разумѣетъ, и всякъ да приложитъ ухо слышати: како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ нашъ праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Россіи, и како весь Славянскій языкъ возмутися, и вся мѣста по Россіи огнемъ и мечемъ пояденны быша.»

Видимъ послѣ сего, каковы долженствовали быть лѣтописи монастырскихъ отшельниковъ. Незнакомые съ ученымъ краснорѣчіемъ, имѣя ограниченныя свѣдѣнія о сущности Исторіи; держась предположенной цѣли: поучать; имѣя сверхъ того въ основаніи мысль: поддерживать и распространять Христіанскую вѣру, они начинали библейскими повѣствованіями и писали исторію церкви; далѣе, событія древнія и событія своего времени, по годамъ; вмѣшивали проповѣди, благочестивыя мысли, повѣсти о чудесахъ и

знаменіяхъ, и, лично безпристрастные въ описаніяхъ, какъ люди умершіе міру, благословляли и кляли память людей, смотря по отношеніямъ описываемыхъ ими историческихъ лицъ къ Церкви и религіи. Такія *лѣтописи* оставались въ монастыряхъ, дополнялись, переписывались. Преемникъ инока начиналъ тамъ, гдѣ предшественникъ его остановился. Списки съ лѣтописей ходили по рукамъ мірянъ, и обезображивались по мѣрѣ списыванья.

Мы сказали, что лѣтописатели скрывали свои имена. Они упоминали о нихъ только тогда, когда смиреніе и благочестіе заставляли ихъ просить читателей простить имъ ошибки и погрѣшности, помолиться о душѣ ихъ (*). Одна-

(*) Такія приписи есть при многихъ спискахъ. Въ *Пушкинскомъ* спискѣ Несторовой лѣтописи писецъ прибавляетъ: «Радуется купецъ прикупъ сотворивъ, «и кормчій въ отишіе приставъ, и странникъ въ «отечество свое пришедъ: такожъ радуется и книж«ный списатель, дошедъ конца книгамъ. Тако жъ и «азъ, худой и недостойный и многогрѣшный рабъ «Божій Лаврентій мнихъ... И нынѣ, господа отцы и «братія, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или «не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не кля«ните, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не до«мысли. Слышите Павла Апостола глаголюща: *не «кляните, но благословите*; всѣми нами Христіаны «Господь Богъ нашъ, Сынъ Бога живаго, ему-же сла«ва, и держава, и честь, и поклоненіе, со Отцемъ

ко жъ, имя Первоначальнаго Русскаго Лѣтописца намъ извѣстно. Вѣроятно, что опытъ его изумлялъ современниковъ, возбуждалъ общее вниманіе, и имя его сохранилось для потомства, хотя и не въ самомъ заглавіи его лѣтописи, составленномъ, кажется, послѣ его смерти (*).

Сей лѣтописатель былъ *Несторъ*, инокъ Печерскаго Кіевскаго монастыря. Семнадцати лѣтъ пришелъ онъ къ Святому Ѳеодосію (**). Св. Ѳеодосій скончался въ 1074 г., слѣдственно: Несторъ могъ родиться *въ половинѣ XI-го вѣка*. Онъ повѣствуетъ о себѣ, что ему и другому иноку поручено было откопать гробъ Св. Ѳеодосія, когда братія Печерскаго монастыря рѣшилась перенесть мощи сего святаго мужа въ другое, приличнѣйшее мѣсто. Болѣе

«и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно во вѣки, аминь.»— Во многихъ обителяхъ постановлено было обязанностью записывать событія и переписывать лѣтописи. Иногда заставляли переписывать ихъ по эпитиміямъ; отъ того много смѣшныхъ приписокъ, которыми списыватели изъявляли свое горе, радость, и проч.

(*) Заглавіе Несторовой лѣтописи: «*Повѣсть временныхъ лѣтъ, черноризца Ѳеодосіева монастыря Печерскаго*, откуда есть пошла Русская земля, и кто въ ней почалъ первое княжити.»

(**) Такъ говоритъ Несторъ въ своей лѣтописи, описывая житіе Св. Ѳеодосія.

ничего не знаемъ; не знаемъ ни года кончины Несторовой, ни того: были-ль прежде его лѣтописцы въ Руси; что̀ подало ему мысль писать лѣтопись; чѣмъ руководствовался онъ при писанiи оной, и которымъ годомъ кончилъ свою лѣтопись. Все это должно дополнять догадками.

Лѣтопись Несторова не дошла до насъ отдѣльно. Великое множество списковъ съ оной находится въ Россiи, и всѣ лѣтописи Русскiя начинаются одинаково; слѣдовательно: всѣ лѣтописцы списывали сначала Несторовъ Временникъ, и онъ былъ единственнымъ памятникомъ древнѣйшихъ временъ. Но, ни въ одномъ спискѣ, сказанiя Нестора не отдѣлены отъ продолжателей, и все, сливаясь вмѣстѣ, будучи писано почти одинаковымъ образомъ, представляетъ безпрерывную цѣпь записокъ историческихъ, коихъ списатели намъ неизвѣстны (*).

Критика могла-бы найдти отличiя въ слогѣ, расположенiи, мѣстности, какiя видны въ лѣтописяхъ и могутъ показывать: гдѣ писалъ тотъ или другой лѣтописецъ. Но мы еще не вполнѣ знаемъ свои сокровища. Весьма немногое

(*) О продолжателяхъ Несторовой лѣтописи, Василiи и Сильвестрѣ, см. ниже; догадки объ именахъ и мѣстопребыванiи другихъ лѣтописателей, см. Карамзина, Ист. Г. Р. т. I, стр. XXIX-XXX.

число ихъ вполнѣ обозрѣно и напечатано: остальныя скрыты, и, безъ всякой бережливости, гніютъ въ монастырскихъ библіотекахъ (*), или находятся подъ смотрѣніемъ библіотекарей, скупыхъ на трудъ и не дающихъ другимъ средства заняться сокровищами, ввѣренными шкафамъ, замкамъ и — странное дѣло — тайнѣ (**)!

Общее, утвердившееся мнѣніе есть то, что первый продолжатель Несторовой лѣтописи началъ писать въ 1111 г., и что Несторъ кончилъ около сего времени. Доказательство состоитъ въ слѣдующемъ: въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей, послѣ 1110 года находится слѣдующая вставка: «Се азъ Сильвестръ,

(*) О состояніи лѣтописей въ монастырскихъ библіотекахъ, см. любопытныя извѣстія П. М. Строева, въ *Трудахъ Общ. Ист. и Древн. Росс.* (Т. IV, кн. I, стр. 283-284).

(**) По причинамъ частнымъ, для всѣхъ постороннимъ, ибо запрещеніе Правительства пользоваться рукописями есть клевета, выдуманная иностранцами. Напротивъ, Правительство всячески старается привесть въ извѣстность древніе наши памятники. Не смотря на это, Библіотеки: Императорская, Академіи Наукъ и Графа Румянцева, въ Спб., Графа Толстова и Синодальная въ Москвѣ . . . недоступны для желающихъ пользоваться ими. По крайней мѣрѣ, Библіотекѣ Графа Толстова изданъ каталогъ. Для Библіотеки Академіи Наукъ и всѣхъ другихъ, каталоги готовятся . . . давно.

« игуменъ Св. Михаила, *написахъ* книги сія, » и проч. — Шлецеръ и А. Н. Оленинъ полагали, что здѣсь начинается писаніе Сильвестра, и что его должно почитать *первымъ продолжателемъ* лѣтописи Несторовой (*). Карамзинъ справедливо доказывалъ, что: *написалъ*, значитъ: *списалъ*, и надпись означаетъ только, что сдѣланный Сильвестромъ списокъ распространился въ Руси и дошелъ до насъ (**). Сильвестръ извѣстенъ намъ: бывши сначала игуменомъ Выдубицкаго Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ, въ послѣдствіи былъ онъ Епископомъ въ Переяславлѣ, гдѣ скончался въ 1124 г.—Но Карамзинъ, поправляя другихъ, кажется, самъ смѣшался въ изслѣдованіи о продолжателяхъ Нестора. Онъ говоритъ, что первымъ продолжателемъ его былъ нѣкто *Василій*, *жившій* въ Червенской, или Волынской, области (Ист. Г. Р. т. I, стр. XXVII—XXVIII, и т. II, прим. 184). Описаніе части происшествій 1096 г. Карамзинъ приписываетъ Василію, но думаетъ, что Несторъ писалъ однако жъ до 1111 года (***), и что повѣствованія Василія и

(*) Шлецеръ, *Несторъ* R. A. т. I, стр. 15. — Оленинъ, *Письмо о камнѣ Тмутораканскомъ*, стр. 43, 47-51.

(**) Карамзинъ, Ист. Г. Р. т. II., прим. 213.

(***) Idem. Т. I. стр. 147.

Нестора въ послѣдствіи соединены были вмѣстѣ.

Полагаемъ напротивъ, что Несторъ кончилъ 1093-мъ годомъ, гдѣ (такъ думалъ Татищевъ), послѣ подробнаго описанія начала войны съ Половцами, идетъ духовное увѣщаніе. Окончаніе войны и событія двухъ лѣтъ описаны отдѣльными пятью статейками. За ними слѣдуетъ извѣстіе о смерти *Владимірскаго* Епископа, и начинаются опять подробныя извѣстія о новой войнѣ съ Половцами, съ Олегомъ Черниговскимъ, съѣздѣ Князей, ослѣпленіи Василька Теребовльскаго: самъ Лѣтописатель является въ дѣйствіи, при переговорахъ Давида *Владимірскаго* съ Василькомъ Теребовльскимъ. Думаемъ, что пять краткихъ статеекъ, послѣ подробнаго описанія 1093-го года, могли быть вписаны другими, а съ извѣстія о смерти *Владимірскаго* Епископа начинается трудъ Василія. Онъ продолжалъ до 1110 года, гдѣ находится надпись Сильвестра. Но, возразятъ намъ, согласно съ Карамзинымъ и Миллеромъ, въ 1096 г., гдѣ описано нашествіе Половецкаго Хана Боняка на Кіевъ и сожженіе Печерскаго монастыря, Лѣтописатель говоритъ: «*Намъ* сущимъ по кель«ямъ почивающимъ,» слѣдовательно, писалъ это *Печерскій инокъ*, и слѣдственно — *Несторъ*. Печерскій инокъ, нѣтъ спора; но, почему *Несторъ?* Почему не *Василій*? Василій могъ быть

и, кажется, точно былъ Печерскимъ монахомъ. Утвержденіе Карамзина *о житьѣ* Василія въ Волынской области основывается на словахъ Василія: «Приближися постъ великій, и *мнѣ* «*ту сущу во Владимірѣ.*» Изъ этихъ словъ можемъ вывесть противное, что Василій былъ во Владимірѣ на время, и потомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ былъ свидѣтелемъ Бонякова нашествія и писалъ до 1110 г. — Тутъ, не прежде 1113 г. (*), списалъ лѣтопись Нестора и продолженіе Василія Сильвестръ, и, кажется, что онъ вносилъ потомъ въ сей списокъ свои замѣтки до самой своей кончины, ибо съ 1124 г. опять идутъ свѣдѣнія подробныя. Здѣсь слѣды дальнѣйшихъ продолжателей совершенно теряются, и лѣтописи начинаютъ разниться по разнымъ спискамъ.

Древнѣйшій извѣстный намъ списокъ Несторовой лѣтописи и его продолжателей, *Пушкинскій*, или Лаврентьевскій (**), доведенъ до

(*) Ибо въ Сильвестровой припискѣ именно сказано: «Написахъ книги сіи, лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога «милость пріяти, при Великомъ Князѣ Володимерѣ, «*княжащу ему Кіевѣ,* а мнѣ въ то время игуменящу «у святаго Михаила.» Владиміръ вступилъ на Кіевское великокняженіе въ 1113г.

(**) *Лаврентьевскимъ* названъ онъ по имени списывавшаго оный *Лаврентія* монаха; *Пушкинскимъ*

1303 года. Онъ списанъ былъ въ 1377-мъ году, для Великаго Князя Димитрія Константиновича Суздальскаго. Всѣ другіе списки писаны позднѣе, и продолжаются до разныхъ періодовъ.

Вообще списки сіи можно раздѣлить на *три* рода. Одни изъ нихъ, каковы: *Пушкинскій* и *Кенигсбергскій* (содержащій въ себѣ происшествія до 1207 года, и писанный въ XVI вѣкѣ) (*), можно назвать *полными*, ибо, хотя въ разныхъ такихъ спискахъ, къ окончаніямъ ихъ сходятся событія разныхъ областей, какъ-то въ спискахъ *Ипатьевскомъ* и *Хлѣбниковскомъ*,

по имени Графа А. И. Мусина-Пушкина, который поднесъ его Императору Александру. Списокъ сей хранится въ Императорской публичной Библіотекѣ. Лѣтъ 15, если не болѣе, *готовятся* его издавать, и уже нѣсколько лѣтъ прошло какъ первый листъ его набранъ. Списокъ этотъ былъ неизвѣстенъ Шлецеру.

(*) *Кенигсбергскимъ* названъ потому, что былъ подаренъ въ 1671 г. Княземъ *Радзивиломъ* Кенигсбергской библіотекѣ (отъ того называется иногда *Радзивиловскимъ*, какъ-то въ Шлецеровомъ Несторѣ, т. II, стр. 1). Въ 1760 г. Руские взяли его изъ Кенигсберга; теперь, кажется, что находится онъ въ библіотекѣ Акад. Наукъ СПбургской. Въ 1767 г. напечатали его, невѣрно и безъ критики, подъ названіемъ: *Библіотека Россійская Историческая*, т. I; Барковъ былъ издателемъ; продолженія этой Библіотеки не было.

содержащихъ *Кіевскую и Волынскую лѣтописи*, также спискахъ *НовгородскихЪ* или *СофійскихЪ* (*), изъ коихъ въ окончаніяхъ первыхъ идутъ преимущественно извѣстія о Кіевѣ и Волыни, во вторыхъ о Новгородѣ, но всѣ они въ началѣ содержатъ полную лѣтопись Нестора, Василія, и другихъ продолжателей. Другіе списки, напротивъ, можно назвать *областными*, ибо, заключая въ себѣ подробности объ областяхъ, они представляютъ лѣтопись Нестора въ сокращеніи, при началѣ своемъ (**). Есть и *третій* родъ Временниковъ, которые можно назвать *сокращенными*, ибо они суть только краткія выписки изъ разныхъ лѣтописей (***).

Карамзинъ почиталъ лучшими списками *Пушкинскій* и *Троицкій*, говоря, что достойны также замѣчанія: *Ипатьевскій*, *Хлѣбниковскій*, *Кенигсбергскій*, *Воскресенскій*, *Львовскій* и *Архивскій*. Краткое извѣстіе его не удовлетворяетъ насъ, и мы не знаемъ на чемъ онъ основывалъ свое мнѣніе (Ист. Г. Р. т. I, стр. XXX).

Изъ сказаннаго нами выше о монастырскихъ лѣтописяхъ вообще, можно видѣть достоин-

(*) Карамзинъ, Ист. Г. Р. т. I, стр. XXX, XXXI.
(**) Idem. т. I, стр. XXIX.
(***) Idem, т. I, стр. XXXII, въ примѣчаніи.

ство историческихъ повѣствованій Нестора и его продолжателей. Несторъ начинаетъ раздѣленіемъ міра между сынами Ноевыми, разселеніемъ Славянъ и другихъ народовъ; съ царствованія Михаила, Императора Греческаго, ставитъ лѣтосчисленіе при событіяхъ; выписываетъ изъ разныхъ писателей вставки о событіяхъ въ чужихъ земляхъ. Все это показываетъ, что Несторъ имѣлъ матеріялы Византійскіе. Дѣйствительно, Шлецеръ первый доказалъ сходство Космографіи Нестора съ Византійскими источниками (*). Другое, еще болѣе важное открытіе учинено Г-мъ Строевымъ. Онъ отыскалъ даже того Автора, изъ котораго выписывалъ Несторъ (**). Симъ рѣшительно было дока-

(*) См. сводъ его, *Несторъ*, R. A. т. II, стр. 7-23.

(**) Сей Авторъ былъ *Георгій Амартолъ* (*Ἁμαρτωλὸς*, т. е. *грѣшный*), Византійскій писатель, донынѣ не изданный. Объ его рукописи говоритъ извѣстный Эллинистъ Газъ, въ предисловіи къ *Исторіи Льва, Діакона Калойскаго* (Русск. пер. СПб. 1820 г., стр. XIV). Давно уже Г-нъ Газъ обѣщалъ издать Георгія *Амартола,* неизвѣстнаго Шлецеру. Г-нъ Строевъ нашелъ старинный Русскій переводъ Хронографа Амартола, и семь мѣстъ изъ него буквально сходны съ Несторовою лѣтописью. См. сводъ сихъ мѣстъ и подробныя извѣстія въ *Труд. Общ. Ист. и Древн. Росс.* (т. IV, кн. I, стр. 167-183).

зано Византійское основаніе его лѣтописи. Лѣточисленіе также у него Византійское. Соображая хронологію Никифора, Патріарха Цареградскаго, мы видимъ, что изъ нея взялъ Несторъ годы всемірныхъ событій. При царствованіи Михаила нашелъ онъ у Грековъ извѣстіе о первомъ походѣ Руссовъ подъ Царьградъ, и начало царствованія Михаила принялъ за основу. Потомъ, разсчисливъ по этому годы княженій Русскихъ Князей, вывелъ годъ пришествія Руссовъ къ берегамъ Балтійскаго моря, и другихъ событій (*).

Но географія Русскихъ земель, извѣстія о Скандинавскихъ народахъ и древнихъ событіяхъ между Славянами и другими Сѣверными народами, вѣроятно, были взяты Несторомъ изъ Русскихъ преданій. Также преданія показали ему событія Русскія до его времени. Онъ вносилъ въ свою рукопись и разсказы и поэмы народныя, безъ всякой критики. Василій повѣствуетъ намъ о двухъ современникахъ, отъ коихъ получалъ свѣдѣнія; Несторъ приводитъ два сказанія о баснословномъ основателѣ Кіева (**). Извѣстія о похо-

(*) См. въ концѣ сего тома Дополненіе I.

(**) Василій говоритъ о Янѣ Вышатичѣ, умершемъ въ 1106 г., прибавляя: «*у него-же и азъ многа словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ*» (Кенигсб. *л.* 154), и объ Юрьѣ Торговичѣ, съ ко-

дахъ Олега и Святослава, дѣлахъ Ольги и Владиміра явно показываютъ, что тутъ вмѣшались поэтическіе разсказы Скандинавскихъ и Славянскихъ бардовъ.

Предоставляю себѣ въ послѣдствіи подробнѣйшія разысканія о Несторовой лѣтописи, источникахъ ея, и о томъ, какъ должно читать ее критическимъ образомъ. Здѣсь необходимо упомянуть объ участи лѣтописей Русскихъ, и о томъ, какими лѣтописями пользовался я для Исторіи Русскаго народа.

Великое множество лѣтописей, въ спискахъ разныхъ вѣковъ, большею частію ветхихъ, исчитанныхъ (ибо, прежде лѣтописи составляли одно изъ любимыхъ чтеній Русскаго народа, и часто оставались въ небреженіи, подверженныя порчѣ всякаго рода), обезображенныхъ переписчиками, переиначенныхъ, раздѣленныхъ и соединенныхъ, находится въ Россіи и за границею, и, какъ мы выше сказали, донынѣ сіи драгоцѣнности не обращали на себя полнаго, ученаго вниманія. Въ разныя времена предпринимали печатать разные

торымъ разговаривалъ онъ объ Югорской землѣ (Кенигсб. л. 132). Несторъ приводитъ два разныя извѣстія о Кіѣ: по одному Кій былъ Князь, по другому перевощикъ (Кенигсб. л. 4). Несторъ оспориваетъ второе мнѣніе и называетъ его несправедливымъ.

списки, большею частію безъ всякаго разбора и критики, невѣрно и неточно. Давно сдѣлали-бы мы превосходный сводъ лѣтописей нашихъ, если-бы приняли надлежащую систему. Слѣдовало собрать нѣсколько извѣстныхъ списковъ Нестора и его продолжателей, сличить ихъ, взять текстъ одного въ основаніе и издать съ варіантами. Съ тѣхъ временъ, гдѣ списки начинають разниться, слѣдовало-бы одинакія событія вносить съ варіантами, а разныя по годамъ, отдѣльно. Такъ думали поступить Шлецеръ и Карамзинъ; ихъ не слушали; мечтали, что сперва надобно собрать и осмотрѣть *всѣ* списки, или сколько можно будетъ найдти ихъ въ Россіи. Недавно СПбургская Академія Наукъ отправила нарочно для сего Г-на Строева, который взялся обозрѣть и описать всѣ казенныя и монастырскія библіотеки и архивы въ Россіи, въ теченіе семи лѣтъ. Желаемъ Академіи успѣха, и увидимъ, что изъ этого выйдетъ; но не можемъ не пожалѣть, что предположеніе Шлецера и Карамзина не исполнилось (*).

Я имѣлъ въ соображеніи для *Исторіи Русскаго народа*:

(*) Подробное разсужденіе о сводѣ Русскихъ лѣтописей помѣщено было мною въ Моск. Телеграфѣ (1825 г. т. I, стр. 67, 132 и 228.)

1-е. Сводное изданіе *Пушкинскаго*, *Троицкаго* и *Кенигсбергскаго* списковъ, напечатанное Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (*Лѣтопись Несторова, по древнѣйшему списку мниха Лаврентія.* М. 1824 г.). Къ сожалѣнію, изданіе это кончилось 13-ю листами, въ коихъ заключены событія смертію Святополка. Въ Пушкинскомъ спискѣ потеряна еще тетрадь, заключающая въ себѣ описаніе 24-хъ лѣтъ княженія Олегова и Игорева, почему сіи годы въ упоминаемомъ сводѣ не описаны. *Троицкій* списокъ послѣ того погибъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 г. Онъ былъ древнѣйшій послѣ Пушкинскаго (*).

2-е. Вѣрный, полный списокъ съ *Кенигсбергскаго* списка, сдѣланный А. И. Ермолаевымъ.

3-е. Сводъ нѣсколькихъ Новгородскихъ списковъ, изданный П. М. Строевымъ, подъ названіемъ: *Софійскій* (Новгородскій) *временникъ* (М. 1820 г., въ 2-хъ томахъ). События доведены до 1534-го года.

4-е. Сводъ *Кенигсбергскаго*, *Ипатьевскаго*, *Воскресенскаго* и *Алатырскаго*, *Софійскаго*, *двухъ* другихъ *Новгородскихъ*, *Архангелогородскаго*, и 4-хъ другихъ спис-

(*) Писанъ былъ онъ въ XV вѣкѣ; *Троицкимъ* назывался потому, что отысканъ Карамзинымъ въ библіотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры.

ковъ, въ Шлецеровомъ Несторѣ (*Несторъ*. Rußische Annalen in ihrer Slavonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schlözer, Геттинтенъ, ч. I, II, 1802 г., III, IV, 1805 года, in 8. — Русскій переводъ: *Несторъ*. Русскія лѣтописи на Древле-Славенскомъ языкѣ. Сличенн. переведенн. и объясненныя А. Л. Шлецеромъ. Перев. съ Нѣмецкаго Д. Языковъ. СПбургъ, ч. I, 1809 г.—II, 1816 г. — III, 1819 года). Событія доведены до восшествія на Кіевскій Великокняжескій престолъ Владиміра Святославича.

5-е. Русская лѣтопись съ *Воскресенскаго* списка, изданная въ Спб. въ 1793-1794 гг., 2 ч. Событія до 1346 г.

6-е. Россійская лѣтопись по *Софійскому* списку, изд. въ СПб., въ 1795 г., ч. I. (продолженія не было). Событія до 1423 года.

7-е. Лѣтописецъ *Новгородскій*, изд. въ Москвѣ, въ 1781 г. Событія съ 1017-го по 1352-й годъ.

8-е. Другой *Новгородскій*, въ *Продолженіи Древней Россійской Вивліоѳики* (изд. въ СПб. 1786 г., томъ II-й стр. 257-712.) Событія до 1441 г.

9-е. Лѣтописецъ *Архангелогородскій*, изд. въ М. 1781 г. (Сокращенная лѣтопись съ 852 до 1598 г.).

10-е. *Типографскій* списокъ, изд. въ М. 1784

г.— Отрывокъ, содержащій событія съ 1206-го до 1534-го года.

11-е. *Костромская лѣтопись* (такъ назвалъ я *Русскій Временникъ*, изд. въ М. 1790 г.). Событія до 1681 года.

12-е и 13-е. *Лѣтопись подробная*, отъ начала Россіи до Полтавской баталіи, издалъ (чрезвычайно дурно и неискусно) Н. Львовъ; 4 ч., СПб. 1798-1799 гг. — Также и тотъ-же издалъ, въ 1792 году, *Лѣтописецъ Русскій* Спб. 1792 г. 5 частей.

14-е. Вѣрныя и огромныя выписки изъ разныхъ лѣтописей, въ *Примѣчаніяхъ къ Исторіи государства Россійскаго*, соч. Карамзинымъ (Т. I-III-й).

Кромѣ лѣтописей есть еще у насъ историческій источникъ: такъ называемые, *Хронографы*. Читатели могутъ видѣть прекрасное разсужденіе объ оныхъ Г-на Строева, въ *Трудахъ и Лѣтописяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ* (т. IV. к. I, стр. 116-121). Это суть древніе переводы *хронографа*, переведеннаго Монемвасійскимъ Митрополитомъ Доровеемъ съ Эллинскаго на Ново-Греческій, а съ сего уже на Церковный Славянскій языкъ, и другаго *хронографа*, писаннаго, какъ выводитъ Г-нъ Строевъ изъ нашихъ лѣтописей, Исидоромъ, Епископомъ Испаленскимъ (?). Они, какъ мы сказали, переведены въ древнее время (въ

XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ). Въ сіи переводы вписаны были, въ разныя времена, изъ лѣтописей, и вставлены особо, Русскія событія. Собственно-же Хронографы Дороѳея и Исидора есть всемірная Исторія, и ихъ находятся въ Россіи тысячи списковъ. Нѣсколько десятковъ списковъ имѣлъ я въ рукахъ, и многимъ воспользовался.

Изъ лѣтописей, хронографовъ и разныхъ источниковъ составлены были: въ XV и XVI-мъ вѣкахъ, *Степенныя книги* (напечатаны въ М. 1775 г. 2 т.); въ XVII-мъ вѣкѣ *Никоновская сводная лѣтопись* (напеч. въ Спб. 1767-1792 г. 8 т.); въ XVII-мъ-же вѣкѣ *Синопсисъ* (напеч. въ 1674 г. *первымъ*, и въ 1810 г. *девятымъ изданіемъ*, въ Спб. (послѣ того еще разъ, въ 1823 г., въ Кіевѣ); въ XVIII-мъ вѣкѣ *Исторія Россійская*, Татищева. Упоминаю о сихъ компиляціяхъ, чтобы только предувѣдомить читателей, что послѣ тщательныхъ соображеній, я почти не пользовался ими. *Первая* изъ нихъ есть выборъ изъ лѣтописей, расположенный въ видѣ Исторіи при Митрополитахъ Кипріанѣ и Макаріи; *вторая*, сводъ лѣтописей и хронографовъ, сдѣланный при Патріархѣ Никонѣ; *третья* — самая нелѣпая компиляція, сочиненная, какъ думаютъ, Кіевскимъ Архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ; *четвертая*, выборъ изъ лѣтописей, по годамъ расположенный Татищевымъ. Всѣ онѣ наполнены такою грубою ложью,

и такими самовольными прибавками Сочинителей, что почти не годятся къ употребленію (*).

II. Дипломатическіе акты въ I-мъ и II-мъ періодѣ Исторіи Русскаго народа только что начинаются, и служатъ еще малымъ пособіемъ. Древнѣйшая грамата Русская относится къ началу XII-го вѣка (1128-1132 г.); далѣе слѣдуютъ акты: 1229, 1265, 1270, 1284 гг.

III. Памятники палеографическіе есть весьма важные. Самыя вставки рѣчей, духовныхъ увѣщаній и разсужденій въ лѣтописи, не касаясь Исторіи собственно, замѣчательны для насъ. Сверхъ того, находимъ Уставы Князей, сочиненія духовныхъ особъ, и другіе матеріялы, весьма драгоцѣнные. Таковы: договоры Олега и Игоря съ Греками; Уставы Владиміра и Ярослава; Правда Русская, или законы, собранные (какъ думаютъ донынѣ многіе) Ярославомъ и его преемниками; духовная Владиміра Мономаха; Слово о Полку Игоревомъ; Прологи, житія Святыхъ, каталоги Епископовъ, монастырскія легенды и разныя сочиненія. Многое изъ всего это-

(*) См. подробности о трехъ первыхъ изъ нихъ, въ *Словарѣ историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина* (Соч. Преосвященнаго Митрополита Евгенія; *изданіе* 2, Спб. 1827 г.), т. I, стр. 320-329; т. II., стр. 10-22; 107-140; т. I, стр. 197-200.

го напечатано. Критическія замѣчанія о сихъ матеріялахъ, мѣрѣ достовѣрности ихъ и достоинства, читатели найдутъ въ тѣхъ мѣстахъ Исторіи, къ коимъ оные относятся.

IV. Русскихъ Археографическихъ памятниковъ, для древнихъ періодовъ, мы имѣемъ весьма немного. Нѣсколько монетъ и медалей, нѣсколько приписокъ въ книгахъ и надписей на разныхъ предметахъ, составляютъ все наше богатство; упоминаю о нихъ въ надлежащихъ мѣстахъ.

V. Географическіе памятники давно должны были обратить на себя вниманіе нашихъ и иноземныхъ лингвистовъ. До сихъ поръ, или мало, или не надлежащимъ образомъ ими занимались. Географія древней Россіи должна составить предметъ особаго и обширнаго занятія. Живыя урочища, разсѣянныя на всемъ пространствѣ Россіи, могутъ быть поясненіемъ для Исторіи, не только нашей, но и многихъ другихъ народовъ. Съ благодарностію должно вспомнить при семъ случаѣ о трудахъ Г-дъ Лерберга, Френа, Ходаковскаго, Кеппена, и другихъ ученыхъ людей, занимавшихся симъ предметомъ. Прибавлю къ тому, что большая часть ученыхъ Французовъ и Нѣмцевъ, даже пользующихся особенною извѣстностью (каковы: Маннертъ и Клапротъ), увлекаемые гипотезами и не коротко знакомые съ нашею Древнею Географіею, впадали въ ошиб-

ки и погрѣшности весьма значительныя. Одно сличеніе Иродотовой Скиѳіи съ нынѣшнею мѣстностью Россіи измучило множество ученыхъ людей, и — едва-ли не по пустому.

VI. Я осторожно вѣрю позднѣйшимъ преданіямъ о древнихъ періодахъ Исторій Русской, также пѣснямъ и пословицамъ, которыя относятъ къ первымъ вѣкамъ, если сіи преданія, пѣсни, пословицы не внесены въ древнія лѣтописи. Полагая, что Несторъ, вписавъ Исторію первобытныхъ Руссовъ въ свою лѣтопись по преданіямъ, вписалъ и поэтическія и сказочныя повѣствованія, мы должны поставить за правило, что всѣ сверхъ того находимыя преданія, размножившіяся особенно въ то время, когда лѣтописцы Русскіе узнали сказки Восточныхъ и Западныхъ народовъ, подвержены большому сомнѣнію. Тогда явились и потомки Ноевы: Славенъ, Вандалъ, Гунигаръ, Гардорикъ, Изборъ, Столпосвятъ, Буривой (*). Не знаю: почему бреднямъ объ этихъ небывалыхъ лицахъ и повѣствованію о происхожденіи Рурика отъ Августа, и Ольги отъ Гостомысла, мы не будемъ вѣрить, а свѣдѣнія о Гостомыслѣ

(*) Это все помѣщено въ выдуманной Татищевымъ Іоакимовой лѣтописи; см. Татищева, *Исторія Россійская*, т. I, стр. 29—57. См. еще о ней *Карамзина*, Ист. Г. Р. т. I, стр. XXVII, въ примѣчаніи, и *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина*, т. I, стр. 220-225.

и Вадимѣ будемъ принимать, какъ *преданія*, въ Исторію (*), или сказки о Владимірѣ, выдуманныя явно въ позднѣйшее время, примемъ также, какъ *преданіе* (**)? По крайней мѣрѣ, я не рѣшался даже и упоминать о томъ, что не имѣетъ исторической достовѣрности.

Касательно иностранныхъ источниковъ, съ сожалѣніемъ долженъ я сказать, что не имѣлъ средствъ пользоваться вполнѣ источниками Западными и Восточными, принужденный ограничиваться Польскими историками, Латинскими сочиненіями Западныхъ писателей Среднихъ Временъ, выписками, какія находилъ въ сочиненіяхъ Потоцкаго, Шлецера, Тунмана, Миллера, Байера, Добровскаго, Лелевеля, Геерена, Клапрота, Френа, Дегиня, Абель-Ремюза, Деппинга, Риттера, Шлегеля, Тьерри, Маннерта, Лерберга, Кеппена, Малтебрёна, Отца Іакинѳа, Барона Розенкампфа, въ Исторіи Карамзина, и въ сочиненіяхъ и книгахъ многихъ другихъ новыхъ писателей. Самые-же источники большею частію были для меня недоступны: Западные по величайшей трудности, съ какою можно доставать въ Россіи книги рѣдкія и старыя; Восточные по моему незнанію языковъ Востока. То-же долженъ я сказать объ источникахъ Скандинав-

(*) Карамзинъ, Ист. Г. Р. т. I, стр. 115.

(*) Idem, т. I, стр. 232.

скихъ. Впрочемъ, новѣйшія сочиненія Шведскихъ, Датскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ авторовъ, имѣющія предметомъ Исторію, Миѳологію, Географію, Поэзію Скандинавскаго Сѣвера, дополняли мнѣ сей недостатокъ. Византійскіе Историки, въ выпискахъ Стриттера и въ большомъ собраніи оныхъ, доставляли мнѣ свѣдѣнія болѣе подручныя и достаточныя, въ самыхъ источникахъ (*). Впрочемъ, не думая обманывать читателей огромными источниками, я вездѣ приводилъ названія и имена авторовъ, на которыхъ утверждался, не желая хвастать ссылкою на сочиненіе малоизвѣстное и рѣдкое, если ссылку сію доставлялъ мнѣ какой нибудь извѣстный авторъ: Шлецеръ, Лербергъ, Френъ, Кругъ, Кеппенъ.

Объясненіе вообще того, какъ пользовался я иностранными источниками, и въ какой мѣрѣ допускалъ вѣроятіе къ иностранцамъ, касательно древней Русской Исторіи, завлекло-бы меня

(*) Corpus Scriptorum Historiæ Byzantinæ, Парижъ, 1645—1702 гг. 39 томовъ, in-f°.—Нетерпѣливо дожидаемся новаго изданія сей драгоцѣнной книги, предпринятаго, подъ смотрѣніемъ Нибура, въ Боннѣ: уже нѣсколько томовъ вышло. — Выписки изъ Византійскихъ писателей сдѣланы Стриттеромъ и изд. Акад. Наукъ въ СПб. 1771-1779 г. въ 4-хъ томахъ, in 4, подъ названіемъ: Memoriæ Populorum, etc. — Русскій краткій выборъ: *Извѣстія Византійскихъ Историковъ*, и проч. СПб. 1770-1775 гг. 4 части.

въ большія подробности. Объяснюсь здѣсь сколько могу короче.

Отдѣливъ Исторію всѣхъ народовъ, бывшихъ древле на пространствѣ нынѣшней Россіи, отъ *Исторіи Русскаго народа*, я входилъ въ изслѣдованія обо всемъ, что было на семъ пространствѣ до IX-го вѣка, только относительно, сколько нужно было для избраннаго мною предмета. Но, все, что соединяло Исторію *Русскаго народа* съ Исторіею его сосѣдей, и даже народовъ отдаленныхъ, мнѣ казалось необходимо подлежащимъ разсмотрѣнію. Вообще, предметомъ моимъ была прагматическая, а не критическая-собственно Исторія. Потому оставлялъ я многія спорныя мѣста неизслѣдованными, предоставляя изслѣдованіе ихъ времени, обстоятельствамъ, и другимъ писателямъ, болѣе меня занимавшимся тѣмъ или другимъ предметомъ. Но всѣ такія мѣста мною означены. Въ нѣкоторыхъ ставилъ я только результаты моихъ собственныхъ изслѣдованій, ибо подробныя изложенія заняли-бы несообразно много мѣста. Тѣ спорныя мѣста, о которыхъ согласились всѣ, кромѣ немногихъ, иногда по странному только упрямству спорящихъ людей, я почиталъ рѣшенными, не входилъ въ дальнѣйшія изслѣдованія, и только означалъ книги (и притомъ самыя извѣстныя), въ коихъ читатели могутъ видѣть под-

робности (*). О мнѣніяхъ, опровергнутыхъ общимъ, безспорнымъ согласіемъ, я не почиталъ за нужное даже и упоминать. Какая надобность читателю знать о всѣхъ ошибкахъ Щербатовыхъ, Эминыхъ, Татищевыхъ, Ломоносовыхъ, Болтиныхъ, и даже болѣе: самого Шлецера, Миллера, Байера, Добровскаго, людей достойныхъ великаго уваженія, но, по слабости человѣческой, впадавшихъ въ ошибки явныя (**)?

Не исчисляю здѣсь писателей, иностранныхъ и отечественныхъ, коихъ труды, относясь вообще къ Исторіи Русской, къ разнымъ частямъ и вспомогательнымъ оной знаніямъ, руководствовали меня въ изысканіяхъ и соображеніяхъ. Читатели увидятъ имена всѣхъ тѣхъ, чьими сочиненіями я пользовался, въ примѣчаніяхъ моихъ. Число писателей и книгъ, мною упоминаемыхъ, довольно огромно, ибо я старался ознакомиться, сколь возможно мнѣ было, со всѣмъ тѣмъ, что касалось моего предмета.

Мнѣ должно еще съ благодарностью упомянуть

(*) Къ чему, напримѣръ, подробное опроверженіе мнѣнія, что Руссы происходятъ отъ *Хазаровъ*? Объ этомъ довольно писали, и несоглашеніе въ семъ случаѣ просто ученое упрямство.

(**) Такъ, напримѣръ, Шлецеръ утверждалъ, что Руссы, приходившіе къ Царьграду въ 866-мъ году, были *не Кіевскіе*, а особенные, послѣ того исчезнувшіе *Черноморскіе* Руссы; Байеръ думалъ, что *Москва* происходитъ отъ слова: *мужской*, и проч.

о писателяхъ, которые собственно ничего не писали о Русской Исторіи, но которымъ я одолженъ былъ во многомъ, можетъ быть еще болѣе, нежели занимавшимся непосредственно Русскою Исторіею. Съ уваженіемъ говоря о палеографахъ и археографахъ: Добровскомъ, Калайдовичѣ, Востоковѣ, Кеппенѣ, Строевѣ, Митрополитѣ Евгеніи; критикахъ Исторіи: Шлецерѣ, Миллерѣ, Лербергѣ, Френѣ, Кругѣ, и многихъ другихъ, должно-ли забыть тѣхъ писателей, которые своими великими воззрѣніями на Исторію, своими образцовыми твореніями, своею всеобъемлющею критикою учатъ насъ мыслить, соображать и писать? Нѣтъ! И въ семъ отношеніи, знаменитыя сочиненія нашихъ учителей: Нибуровъ, Гизо, Гееренов, Тьерри, Гердеровъ, должны быть упомянуты въ числѣ важнѣйшихъ предметовъ, предварительнаго изученія коихъ требуетъ всякая Исторія, слѣдственно, и *Исторія Русскаго народа*.

ИСТОРІЯ РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА I.

Отъ древнѣйшихъ временъ до раздѣленія Россіи на удѣлы (до 1055-го года).

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Скандинавы, Нордманны или *Варяги;* поселеніе ихъ въ нынѣшней Россіи; народы, покоренные ими; начало *Русскихъ* государствъ: Руссы въ *Новгородѣ* и *Кіевѣ;* сношенія съ Грецiею.

Глава II. Завоеваніе Кіева Новгородскими Руссами; отдѣленіе Новгорода; усиленіе Русскаго княжества въ Кіевѣ; движенія народовъ; дальнѣйшія сношенія съ Грецiею.

Глава III. Руссы завоеватели; борьба съ Грецiею и неудача; раздѣленіе, междоусобія и соединеніе Русскихъ княжествъ при Владимірѣ.

Глава IV. Введеніе Христіанской вѣры; слѣдствія сего; новое раздѣленіе, междоусобія и соединеніе Русскихъ княжествъ при Ярославѣ; рѣшительные удѣлы сынамъ Ярослава.

Рурикъ — Аскольдъ и Диръ — Олегъ — Игорь — Ольга — Свенельдъ — Святославъ — Владиміръ — Святополкъ — Ярославъ — Мстиславъ, замѣчательнѣйшіе представители сего періода.

ИСТОРІЯ
РУССКАГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

Скандинавскій полуостровъ былъ извѣстенъ Древнимъ по слухамъ недостаточнымъ и невѣрнымъ. Составляя собою далекую, сѣверную оконечность Европейскаго материка, заслоненный дикою Германіею и отдѣленный морями, онъ не испытывалъ власти Римлянъ и, по естественному состоянію своему и положенію, не могъ обольстить и привлечь варваровъ, въ первые вѣки Христіанства ринувшихся въ Европу изъ степей Азіи, устремившихся на обольстительный Югъ, смѣшавшихся съ обитателями Европы и разбившихъ исполинское созданіе Древняго Міра, Римскую Имперію. Но въ то время, когда изъ сего разрушеннаго колосса начали образовываться въ Европѣ новые народы и государства, обитатели Скандинавіи явились на позорищѣ Европейской Исторіи. Ихъ появленіе было ознаменовано важными послѣдствіями, имѣвшими вліяніе на

всю политическую систему новой Европы; ихъ Исторія соединяется съ Исторіею всѣхъ новыхъ государствъ Европейскихъ; ими начинается *Исторія Русскаго народа* (1).

Скандинавія, простираясь отъ Полярнаго Сѣвернаго круга до 56° С. ш., изъ всей сѣверной, низкой части Европы являетъ собою отдѣльную систему горъ, простирающихся по обширному пространству полуострова, который примыкаетъ къ материку Европы широкимъ перешейкомъ отъ Сѣвернаго Океана до Ботническаго залива. Сіе протяженіе земли омывается съ одной стороны Балтійскимъ моремъ, съ

(1) Краткое, но весьма вѣрное и систематическое обозрѣніе свѣдѣній, какія имѣли Греки и Римляне о Скандинавіи, можно видѣть въ 1-мъ томѣ Précis de la Géographie universelle, Малтебрёня (Парижъ, 1812 г), глава II (*Омиръ*), III (*Иродотъ*), VI (*Страбонъ*), XII и XIII (*Плиній и Тацитъ*), XIV (*Птолемей и другіе писатели до V-го вѣка*). Смотр. также Allgemeine nordische Geschichte, Шлецера (Галле, 1771 г.), отдѣленіе 1, гдѣ помѣщено сочиненіе Шенинга: von der Unwissenheit der alten Griechen und Römer in der Erd-und Geschichtkunde des Nordens, съ примѣчаніями Шлецера. Переводы текстовъ изъ разныхъ писателей, Греческихъ и Римскихъ, собраны Графомъ Потоцкимъ въ его: Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves (Брауншвейгъ, 1795 г. 3 т.).

другой Сѣвернымъ, или Нѣмецкимъ моремъ, и Океаномъ, и испещрено озерами и рѣками. Длинные, излучистые заливы тянутся внутрь земли, отъ морскихъ береговъ, утесистыхъ, обложенныхъ песчаными отмѣлями. Мрачные лѣса березъ и сосенъ растутъ вокругъ озеръ и рѣкъ. Суровый климатъ тяготѣетъ надъ всѣмъ Скандинавскимъ полуостровомъ; природа угрюма и не привѣтлива. Глубокіе снѣга покрываютъ тамъ лѣса и долины зимою; лѣто бываетъ короткое. Чѣмъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ болѣе исчезаетъ жизнь природы; люди слабѣютъ умственными и тѣлесными способностями, и тамъ, гдѣ льды и снѣга грѣютъ землю большую часть года, живетъ человѣкъ съ умомъ притупленнымъ, малорослый и безчувственный. Но въ южной и средней части полуострова жители мощны, крѣпки, суровы, какъ природа ихъ окружающая; дики, какъ лѣса ими обитаемые; неукротимы въ страстяхъ своихъ, какъ снѣжные потоки, наводняющіе весною ихъ озера и рѣки, какъ жаркое, кратковременное лѣто Скандинавіи, въ теченіе коего солнце почти не сходитъ съ небосклона (2).

(2) Вотъ описаніе Скандинавской природы, какое оставилъ намъ пламенный поэтъ Альфіери: « Швеція « и обитатели Швеціи меня восхищали, » говоритъ онъ, « потому-ли, что я вездѣ люблю сближеніе крайно-

Жители Скандинавскаго полуострова были одного рода съ обитателями противолежащихъ береговъ Германіи. Вѣроятно, война и междоусобіе загнали толпы ихъ на сѣверъ, черезъ Ютландскій (Датскій) полуостровъ, и за-

стей, или по чему другому, чего не умѣю выразить. Но если-бы мнѣ пришлось жить на Сѣверѣ, я выбралъ-бы Швецію изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Сѣверныхъ земель. Дикая, величественная природа ея безконечныхъ лѣсовъ, озеръ, утесовъ меня очаровывала. Я не зналъ еще тогда Оссіана, но образы его твореній раждались въ душѣ моей, въ первобытной формѣ своей, такіе, какими нашелъ я ихъ послѣ, читая Оссіановы творенія. Я истинно наслаждался, когда сани мои летали по снѣгамъ мрачныхъ лѣсовъ и по льду озеръ Швеціи, во время безконечной тамошней зимы. Начался Апрѣль, и въ четыре дня, съ неописанною быстротою, снѣга и льды растаяли отъ лучей солнца, какъ будто остановившагося на небосклонѣ, и отъ дѣйствія морскихъ вѣтровъ; по мѣрѣ того, какъ исчезали толстые слои снѣга, являлась изъ-подъ нихъ яркая зелень, все оживало и спѣшило жить новою жизнью: зрѣлище странное, невообразимое, поэтическое, даже для того, кто никогда не писалъ стиховъ!» Vie d'Alfieri (*эпоха III*, *глава* 8). Читайте еще Гейерово сочиненіе о Шведской Исторіи (Нѣмецкій переводъ: Schwedens Urgeschichte, 1826 г.), чтобы понять всю поэзію перемѣнъ года и сближенія крайностей въ природѣ Скандинавіи. Гейеръ, отличный историкъ и поэтъ Шведскій, нашего времени, почти неизвѣстенъ у насъ.

ставили отдѣлиться отъ своихъ родичей, во времена невѣдомыя Исторіи (3). Въ лѣсахъ Скандинавскихъ разсѣялись потомки Германскихъ пришельцевъ, обрабатывали неблагодарную почву, били звѣрей на одежды, ловили рыбу для пропитанія, и гордились волею необузданною. Личная свобода человѣка тамъ была чувствуема еще сильнѣе нежели въ Германіи. Каждое семейство почитало себя независимымъ отъ

(3) Смотр. далѣе: извѣстія о переселеніи народовъ изъ Азіи и разселеніи ихъ въ Европѣ. Главные признаки однородства: понятія о жизни общественной, религія и языкъ, доказываютъ, что Германцы и Скандинавы суть одноплеменные народы. Подробности можно видѣть въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Гизо, Histoire de la civilisation en France (Парижъ, 1829 г. т. I); Крейцера Symbolik und Mythologie der alten Völker; извлеченіе изъ онаго издано Георг. Гейнр. Мозеромъ (Лейпцигъ, 1822 г.); Atlas ethnographique du Globe, Бальби (П. 1826 г. табл. XIII и XXXVIII). Вотъ степени сродства народовъ Скандинавскихъ и Германскихъ по языкамъ: I. Языкъ *Тевтоновъ*: 1, древній Нѣмецкій (Althochdeutsch), 2, новый Нѣмецкій (Deutsch или Neuhochdeutsch). II. Языкъ *Саксоновъ* или *Кимвровъ*: 1, Нѣмецкій древній (Altniederdeutsch); 2, Нѣмецкій новый (Neuplattdeutsch); 3, Фризонскій; 4 Голландскій. III. Языкъ *Скандинавскій* или *Нордманно-Готѳскій*: 1, Мезо-Готѳскій; 2, Нордманнскій (языкъ Эдды); 3, Норвежскій древній (Norroena tunga: Исландскій); 4, Шведскій; 5, Датскій. IV. Языкъ *Англо-Британскій*: 1, древній; 2, нынѣшній (Англійскій).

другаго. Храбрѣйшій звѣроловецъ принималъ начальство, когда одна толпа собиралась на другую: мстить кровью за пролитую кровь, разбоемъ за отнятіе добычи и личное оскорбленіе. Обида требовала неизмѣннаго мщенія, кровь крови, по мнѣнію Скандинавовъ. Сѣчи ихъ были смертельны; съ окончаніемъ битвы прекращалась подчиненность: всѣ садились за одинъ столъ съ вождемъ; рогъ, наполненный пивомъ, или медомъ, переходилъ изъ рукъ въ руки; слезы и клики радости смѣшивались съ нестройнымъ пѣснопѣніемъ Скальда, воспѣвавшаго побѣду, воспламенявшаго на новую битву. Дикая Поэзія согрѣвала душу Скандинава. Онъ пѣлъ идя въ битву, пѣлъ торжествуя побѣду, пѣлъ умирая на полѣ битвы, и поэтическая, облеченная Восточными символами и Сѣверными тучами, религія усиливала врожденную склонность его къ независимости и презрѣнію смерти, яркими чертами рисуя для Скандинавовъ будущую жизнь, гдѣ павшему въ битвѣ обѣщано было въ награду вѣчное наслажденіе пивомъ и медомъ, битвы непрерывныя, вѣчная охота за безсмертными звѣрями (4).

(4) Весьма полныя извѣстія о Литтературѣ Скандинавовъ помѣщены въ Предисловіи къ Histoire des expéditions maritimes des Normands, Г. Б. Деппинга (Парижъ, 1826 г. 2 т.); смотр. еще Гейера, Schwedens Urgeschichte и Ф. Г. Фонъ-деръ Гагена, Altnordische Sagen und Lieder

Таковъ былъ народъ, заселявшій въ древніе вѣки Скандинавскій полуостровъ. Окруженный

(Берлинъ 1812 г.) и Nordische Helden-Romane (Берл. 1814 г.). Всѣ сіи книги драгоцѣнны для незнающихъ Датскаго и Шведскаго языковъ, на которыхъ большею частію писаны изслѣдованія о Скандинавской Поэзіи.— Въ числѣ Скандинавскихъ воиновъ всегда бывали Скальды или пѣвцы, которые должны были воспѣвать подвиги падшихъ въ битвѣ. «Станьте подлѣ меня, и смотрите сами, чтобы вамъ не нужно было послѣ спрашивать у другихъ,» говорилъ Король Олофъ тремъ Скальдамъ, идя въ битву. Скальды сражались и пѣли подлѣ него; двое пали въ битвѣ; третій былъ вынесенъ на щитахъ, смертельно раненый: онъ пропѣлъ пѣснь побѣды, вынулъ стрѣлу изъ раны и умеръ.—Сами герои и Короли бывали пѣвцами знаменитыми, и воспѣвали свои побѣды и бѣдствія. Голосъ Скальда управлялъ душею Скандинава, приводилъ его въ бѣшенство, заставлялъ веселиться неистово, или плакать. Эрихъ, Король Датскій, велѣлъ Скальду воспѣть битву, и такъ былъ очарованъ пѣснопѣніемъ его, что забылся, пришелъ въ ярость и убилъ нѣсколько человѣкъ. Въ раскаяніи, онъ построилъ въ Рипенѣ церковь для спасенія души. Такъ Рагнаръ Лоидброкъ пѣлъ свои чудныя пѣсни, осужденный умереть въ змѣиной башнѣ.—О Миѳологіи Скандинавовъ смотри сочиненіе І. Лелевеля: Edda, to iest księga religii dawnych Skandynawii mieszkancòw (Вильна, 1828 г.). Означаемъ сіе сочиненіе преимущественно, потому, что Авторъ приложилъ къ нему подробное извѣстіе о Литтературѣ Скандинавской Миѳологіи.

морями, онъ не могъ не знать, и знавши не полюбить мореплаванія. Рыбная ловля должна была издревле приучать Скандинавовъ къ морскимъ волнамъ; недостатокъ въ продовольствіи принуждать къ набѣгамъ на иноплеменниковъ; легкость добычи побуждать къ хищничеству. На моряхъ Скандинавскихъ также легко было сдѣлаться морскимъ разбойникомъ, какъ въ степяхъ Аравіи Бедуиномъ, и въ горахъ Греціи Клефтомъ (5).

Вскорѣ образовались морскіе разбои Скандинавовъ. Еще Тацитъ описывалъ *Свіоновъ*, какъ народъ, столь-же страшный своимъ оружіемъ, сколько и флотомъ (6). Въ легкихъ лодкахъ переплывая черезъ проливъ Зундскій и Балтійское море, нападали они на иноплеменниковъ, въ свою очередь приплывавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ на Скандинавскій берегъ: добыча, жены, оружіе были наградою побѣдителей.

Дерзость и отвага Скандинавовъ болѣе и болѣе возрастали, по мѣрѣ недостатковъ въ жизни отъ умножавшагося народонаселенія, и по мѣрѣ укоренявшихся обычаевъ. Независимость личная всегда оставалась первымъ благомъ Скандинавовъ; но умноженіе народа постепенно произвело у нихъ гражданскія, политическія обще-

(5) Деппингъ, Hist. des exp. mar. т. I, стр. 17.
(6) De moribus Germanor. XLIV.

ства. Они составили множество небольшихъ Королевствъ, дѣлившихся на области (7). Не признавая власти Королей въ гражданскомъ бытѣ своемъ, Скандинавъ шелъ на звукъ рога ихъ, для защиты и набѣга. Между тѣмъ, каждый семьянинъ былъ независимымъ властелиномъ своего добра и своей семьи. Братьямъ нечего было дѣлить въ бѣдныхъ своихъ наслѣдіяхъ, и старшій братъ, оставаясь вла-

(7) Употребляемъ названіе Королевствъ потому, что Скандинавское слово: *Konung* (König, Kong, Konung, Kineg, Konig, King, отъ слова: *ken*, т. е. *знаніе*, *мощь*, почему главный вождь иногда назывался: *Konga-kong*) въ древнія времена перевели Латинскимъ: Rex (Roi); имена подвластныхъ *Конунгамъ* владѣльцевъ: Jarls, были переведены словомъ: Comites. Кромѣ того былъ еще въ Скандинавіи родъ *Бароновъ*: Herse. О ложныхъ понятіяхъ, какія въ послѣдствіи присоединились къ симъ словамъ, въ слѣдствіе Латинскаго ихъ перевода, смотр. Авг. Тьерри, Lettres sur l'histoire de France (Парижъ 1827 г. стр. 62–73). «Трудно было-бы исчислить,» говоритъ Деппингъ, «владѣтелей островов и областей Сѣверныхъ, до учрежденія тамъ монархіи... По берегамъ приморскимъ, кажется, почти каждый родъ имѣлъ своихъ владѣтелей... но, титулъ Короля значилъ только независимаго отъ другихъ вождя: старшина небольшой деревни принималъ иногда это имя. . Въ древнѣйшія времена въ Даніи было главныхъ *четыре* Короля, въ Швеціи также нѣсколько, а въ Норвегіи *восьмнадцать*» (Деппингъ, т. I, стр. 26–29).

дѣтелемъ отцовскаго дома, отдавалъ другому брату только мечъ и топоръ. Толпы сихъ бездомныхъ изгнанниковъ, лишенныхъ всего, собирались вмѣстѣ, избирали вождя, и пускались въ набѣги (8). Ничто не останавливало ихъ: буря и крушеніе лодокъ не печалили спасшихся отъ гибели, и *по дорогѣ*

(8) Costume fu jadis lonc tems
En Danemarche, entre païens,
Quand homme avait plusors enfanz,
Et il les avait norriz granz,
L'un des fils retenait par sort
Qui ert son her après sa mort;
Et cil sur qui le sort tornait,
En autre terre s-en alait.

Такъ говоритъ Робертъ Васъ (Wace), авторъ извѣстной поэмы: Le Roman de Rou, писанной въ XII вѣкѣ, и недавно изд. въ Руанѣ (въ 1827 г. 2 т. in 8), Фридрихомъ Плюке. Есть достовѣрныя свидѣтельства объ изгнаніи меньшихъ братьевъ даже изъ отечества, по причинѣ недостатка въ жизненныхъ припасахъ, и въ слѣдствіе закона, по коему наслѣдство получалъ старшій братъ. Такъ знаменитый Гастингсъ, ужасъ Франціи, былъ изгнанный меньшой братъ. Подобные ему бѣглецы составляли страшные Скандинавскія *коетре* или дружины Конунговъ и Ярловъ. Былъ обычай, что Короли и Ярлы усыновляли такихъ сподвижниковъ, называя ихъ *братьями по оружію*, какъ-бы въ доказательство, что они не могутъ имѣть никакого другаго родства. Смотр. *Деппинга,* т. I, стр. 19—25, и II, 267–272.

лебедей (9) прилетѣвъ въ чуждую землю, съ бѣшенствомъ кидались они въ битву. «Одинъ «на одинъ должно нападать; противъ двухъ «надобно защищаться; тремъ не уступать; «только отъ четырехъ можно бѣжать (10).» Таковъ былъ законъ Скандинавскій. Съ добычею и богатствами являлись изгнанники въ отчизну, возбуждали новые набѣги и тяжкія междоусобія; мечъ былъ судьбою Скандинава: имъ доставалъ онъ все, имъ и терялъ.

Всѣ сосѣди Скандинавовъ съ ужасомъ чувствовали гибельную, свирѣпую храбрость ихъ. Финны, жители праваго берега Ботническаго залива, Славяне, Саксоны и Фризы, жители южныхъ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, безпрерывно подвергались ихъ нападеніямъ. Но, когда, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, морское хищничество и набѣги обратились у Скандинавовъ въ природу и законъ; когда Скандинавскіе Короли начали дѣлить землю, какъ свое наслѣдіе, и море, какъ поле добычи; когда, вмѣсто челноковъ, явились у Скандинавовъ большія лодки, начальники морскихъ разбоевъ

(9) Ofer swan rade. Авг. Тьерри, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands (Пар. 1825 г. 3 т. in-8) т. I, стр. 106.

(10) Законъ Фрода VII-го (*Деппингъ*, т. I, стр. 39).

получили названіе *Королей моря* (11), и человѣкъ, не отличившійся въ морскомъ набѣгѣ считался слабымъ, а рука красавицы была наградою только кучи золота и гибели иноплеменныхъ и соперниковъ, отвага Скандинавовъ перешла всѣ предѣлы. Въ началѣ VI-го вѣка они явились у береговъ Галліи; въ 787 году напали на Англійскіе берега; въ IX-мъ вѣкѣ ужасъ имени ихъ заставлялъ трепетать въ Англіи, Ирландіи, Шотландіи, Италіи, Испаніи. Въ церквахъ Французскихъ молились о спасеніи отъ набѣговъ Скандинавскихъ, какъ отъ напрасной смерти (12). Не дивимся этому, читая описаніе гибели, протекавшей по слѣдамъ ихъ всюду: смерть и опустошеніе предшествовали имъ и сопровождали ихъ въ бѣдной и въ богатой странѣ. Многіе изъ Скандинавскихъ Королей безпрерывно были въ набѣгахъ, жили убійствомъ: битва приводила Скандинавовъ въ безумную ярость; они бросались въ огонь и

(11) Вождь на сухомъ пути назывался: Wigkong, Herkong; на морѣ: Saekong. *Wig* значитъ: *война*, *битва*. Такой дѣлежъ моря и земли Саксонъ Грамматикъ называетъ: divisum terrae et pelagi imperium. Иногда два Конунга условливались царствовать попремѣнно на землѣ и на морѣ (*Деппингъ*, т. I, стр. 30).

(12) A furore Normannorum libera nos, Domine.

въ воду, грызли свое оружіе и горящіе уголья, дрались мечемъ, дубиною, молотомъ, поражали враговъ и друзей, стѣны, камни, землю, и гордились названіемъ *берсеркера*, какое давали одержимымъ такимъ бѣшенствомъ храбрости (13).

Событія, совершившіяся въ началѣ IX-го вѣка въ Сѣверной Германіи, подали новую причину къ усиленію воинскаго духа Скандинавовъ. Сѣверную Германію занималъ тогда полудикій народъ *Саксоновъ*; онъ простирался на югъ отъ Ютландіи, къ Нѣмецкому морю, и еще съ III-го вѣка моремъ ходилъ на грабежъ въ Галлію. Юты и Англы, обитатели Ютландскаго полуострова, ему сопутствовали. Съ паденіемъ Рима, Галлія была открыта со всѣхъ сторонъ. Когда сильные Германскіе народы, *Бургундцы* (съ 406-413 гг.), *Визиготы* (съ 412-450 гг.) и *Франки* (съ 481-500 гг.) основались въ Галліи, Саксоны покорили себѣ Британію (въ половинѣ V-го вѣка). Владычество Франковъ въ Галліи распространилось и укрѣпилось; другіе народы-завоеватели уступили имъ. Съ половины VI-го вѣка одни Франки были обладателями Галліи, и власть ихъ начала останавливать набѣги Саксоновъ на сію землю. Явился Карлъ Великій. Саксоны должны были пасть подъ силою его гроз-

(13) Berserke, Berserker (Деппингъ, I, 46-50).

наго оружія. Съ крестомъ и мечемъ, Карлъ пришелъ въ самую землю Саксоновъ; началась кровавая тридцати-двухъ лѣтняя борьба, и восмнадцать походовъ совершено было Карломъ. Скандинавы, всегдашніе враги и всегдашніе спутники Саксоновъ, подкрѣпляли ихъ, принимали участіе въ ихъ судьбѣ, и—побѣды Карла, принужденное обращеніе побѣжденныхъ въ Христіанскую вѣру, переселеніе части ихъ въ Галлію, отдача ихъ жилищъ другимъ народамъ, все это возбудило непримиримую ненависть Скандинавовъ противъ Франковъ и противъ Христіанской вѣры. Карлъ при жизни своей видѣлъ начало бѣдствій, каками должно было обременить страну его оружіе Скандинавовъ. «Мы служимъ свою обѣдню «копьями, и начинаемъ ее до восхожденія солнца,» говорили они (14), истребляя огнемъ и мечемъ города и села, сжигая поля, зарѣзывая священниковъ, грабя имущество обитателей, увлекая въ плѣнъ женъ и дѣвицъ. Слабые наслѣдники Карла откупались отъ Скандинавовъ золотомъ, или робко предавали города и земли свои гибели и опустошенію. Исторія Франціи, Англіи, Шотландіи и Ирландіи наполнена ужасами набѣговъ Скандинавскихъ съ IX-го по XIII-й вѣкъ.

Подъ именемъ *Скандинавовъ* мы разумѣемъ здѣсь обитателей Скандинавскаго полуострова,

(14) *А. Тьерри*, Histoire de la conquête de l'Angleterre, т. I, 104.

составляющаго нынѣ *Швецію* и *Норвегію*. Но и жители Ютландскаго полуострова, или Датчане, соединялись съ Скандинавами (такъ-же, какъ сами Скандинавы приставали къ Германцамъ и другимъ народамъ). Отъ того Скандинавы не имѣли одного названія, и были означаемы въ разныхъ мѣстахъ разными именами: ихъ называли *Нордманнами* (Сѣверными людьми) во Франціи, *Датчанами* въ Англіи, *Аустменами* (Восточными людьми) въ Ирландіи (15), *Варягами* въ Славянскихъ земляхъ. Наши предки, въ XII-мъ вѣкѣ, называли *Варяжскими народами* всѣхъ обитателей Скандинавіи, Датскаго полуострова и Британскаго острова, различая въ нихъ жителей Швеціи, Норвегіи, Даніи и Англіи особенными именами (16).

Взлелѣянные на морскихъ волнахъ, *Варяги* (принимаемъ это имя для означенія Скандинавовъ или Нордманновъ) безстрашно пускаясь по льдистымъ хлябямъ Ледовитаго Океа-

(15) Деппингъ, т. II, стр. 256—267: du nom et de la patrie des Normands.

(16) *Пушкинскій списокъ*: «По сему-же (*Варяжскому*) морю сѣдятъ Варязи сѣмо къ Востоку до предѣла Симова; по тому-же морю сѣдятъ къ Западу до земли Англянски и до Волошски. . . (стр. 2) — Сице-бо ся зваху тіи Варязи *Русь*, яко се друзіи зовутся *Свеи*, друзіи-же *Урмане*, *Англяне*, друзіи *Готы*, тако-же и си (стр. 12).

на, достигали Бѣлаго моря, извѣстнаго въ ихъ описаніяхъ подъ именемъ *Гандвика*; грабили и торговали въ Біарміи; за 500 лѣтъ до Колумба открыли Гренландію и приставали къ Сѣверной Америкѣ (17). Не льзя послѣ сего не предполагать, что гораздо прежде половины IX-го вѣка по Р. Х. они узнали *юго-восточные берега Балтійскаго моря*.

Но въ нашихъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что въ 859-мъ году явились Варяги въ *первый разъ* на берегахъ Финскаго залива и Ладожскаго озера, обложили данью тамошнихъ обитателей и притѣснили ихъ; что черезъ два года были они изгнаны туземцами, и въ 862-мъ году призваны ими снова, добровольно (18).

Извѣстіе явно невѣроятное, даже по излишней его хронологической точности. Предложимъ сначала общій выводъ изъ Исторіи Варяговъ.

Обыкновенный образъ походовъ Варяжскихъ былъ слѣдующій. По призыву вождя, извѣстнаго храбростью и опытностью, стекались Варяги въ

(17) Малтебрёнъ, Précis de la Géograph. т. I, глава 17: *Voyages et découvertes des Normands* ou Scandinaves.

(18) Въ лѣто 6367, имаху дань Варязи изъ заморія въ Чуди, на Словенехъ, на Меряхъ и на всѣхъ Кривичехъ.—Въ лѣто 6370 быша Варязи изъ заморья и не даша имъ дани (Кен стр. 15-16)—*Изгнаша Варяги за море* и не даша имъ дани (Пушкинск. стр. 12). — О призваніи смотр. далѣе.

назначенное мѣсто и опредѣляли походъ. Не слава вела ихъ въ битвы: Варяги не знали ея; недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи, желаніе имѣть рабовъ, женъ, были причинами походовъ. Вождь назначалъ сторону отплытія: на право, на лѣво, прямо, и ладьи Варяжскія стремились по назначенію вождя. Первый берегъ, къ которому они приставали, былъ цѣлью, первое, что встрѣчалось, предметомъ похода. Ограбивъ берега, Варяги пускались по рѣкамъ внутрь земли, и грабили прирѣчья, иногда разсыпаясь по сухому пути, но всегда недалеко, всегда сохраняя себѣ, въ случаѣ сопротивленія, побѣгъ на лодки, оберегаемыя частію дружины. Иногда Варяги перетаскивали свои лодки по землѣ въ другую рѣку, и въ такомъ случаѣ уплывали обратно въ море уже по сей рѣкѣ.

Бывъ нѣсколько разъ въ какомъ нибудь мѣстѣ, и узнавъ протяженія рѣкъ, Варяги замѣчали мѣста, способныя для защиты, и, начиная со впаденія рѣкъ въ море, рубили небольшіе деревянные *городки* или крѣпости, въ которыхъ можно было имъ укрываться для своего спасенія. Сіи укрѣпленія распространялись потомъ внутрь земли, всегда по теченію рѣкъ, и, мало по малу, обхватывали цѣлыя области, въ коихъ городки дѣлались притонами Варяговъ. Въ послѣдствіи, многіе изъ нихъ оставались въ городкахъ, начинали постоянно жить въ сихъ притонахъ, по-

коряли туземцевъ и основывали небольшія государства. Такія государства становились сборными мѣстами для новыхъ пришлецовъ, иногда умножавшихъ число старыхъ поселенцевъ, иногда шедшихъ впередъ, и основывавшихъ новыя государства. Всякая страна могла казаться Варягамъ лучше дикой, суровой ихъ отчизны, гдѣ ожидали ихъ недостатокъ, бездѣйствіе, или вражда и междоусобіе, когда покоренныя въ отдаленныхъ земляхъ области, кромѣ привольной жизни, подчиняли имъ покорныхъ рабовъ, коихъ жизнь и добро зависѣли отъ меча и воли побѣдителя. Можемъ убѣдиться въ вѣрности сего изображенія Варяжскихъ походовъ и поселеній, сообразивъ походы и поселеніе Варяговъ во Франціи и Англіи: такъ вездѣ поступали Варяги (19).

Вѣроятно: такъ поступили они и въ землѣ обитателей юго-восточнаго берега Балтійскаго моря. Здѣсь Рижскій и Финскій заливы служили имъ первымъ пристанищемъ. По Двинѣ могли Варяги идти внутрь земли; по рѣкѣ Наровѣ

(19) Смотр. Сисмонди, Histoire des Français (Пар. 1821. т. I—III); Деппинга, вышеупомянутую Hist. des expéditions marit. des Normands; Капьфига, Essai sur les invasions maritimes des Normands dans les Gaules (Пар. 1823 г.); Юма, The History of England, и Авг. Тьерри, вышеупомянутую Hist. de la conquête de l'Angleterre par les Normands.

въ озеро Чудское; по Невѣ въ озеро Нево, или Ладожское, откуда по Свири выплывали въ озеро Онежское, по Вытегрѣ и Ковжѣ въ Бѣло-озеро, по Шекснѣ въ Волгу. Другой путь Варяжскій изъ Ладожскаго озера описанъ въ нашихъ лѣтописяхъ: Волховъ велъ ладьи ихъ въ озеро Ильмень; отсюда рѣка Ловать показывала путь далѣе на югъ, до Днѣпра (20).

Утвердясь на семъ вѣроятномъ предположеніи прихода Варяговъ на юго-восточные берега Балтійскаго моря, и узнавъ духъ, характеръ, образъ дѣйствій Скандинавскихъ пришлецовъ, мы должны обратиться къ другому важному и любопытному предмету. Еще не соображая подробностей повѣствованія нашихъ лѣтописей о появленіи Варяговъ, намъ должно узнать новую страну, куда явились они.

На самыхъ берегахъ Балтійскаго моря Варяги нашли обитателей, издревле тамъ поселившихся. Идя далѣе внутрь земли, они встрѣчали повсюду туземцевъ. Мы должны узнать сихъ первобытныхъ жителей нашей отчизны: они

(20) Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, а изъ Грекъ по Днѣпру, и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати, и по Ловати внити въ Ильмеръ, озеро великое, изъ него-же озера потечетъ Волховъ, и втечетъ въ озеро великое Нево, и того озера устье внидетъ въ море Варяжское (*Кен.* стр. 7; *Пушк.* стр. 4).

означены въ нашихъ лѣтописяхъ. Лѣтописи наши передаютъ намъ извѣстія о большихъ и малыхъ народахъ, обитавшихъ на пространствѣ отъ Балтійскаго до Чернаго морей, и отъ Волги до Карпатскихъ горъ, въ половинѣ IX-го вѣка, когда Варяги вступили въ сіи земли, предназначенныя Провидѣніемъ составить черезъ нѣсколько вѣковъ сильное, могущественное государство. Новые пришельцы и первобытные туземцы были стихіями, изъ коихъ оно первоначально образовалось. Исторія должна знать сіи стихіи, такъ-же какъ и мѣсто дѣйствія ихъ.

Мѣсто дѣйствія являлось обширное: вся восточная часть Европы, отъ Скандинавскаго полуострова и Ледовитаго моря до Кавказа и Чернаго моря, ограничиваемая съ востока хребтомъ Уральскихъ горъ и Каспійскимъ моремъ, съ запада моремъ Балтійскимъ и хребтомъ горъ Карпатскихъ. Сіи обширныя страны извѣстны нынѣ подъ именемъ *Европейской Россіи*. Находясь подъ различными климатами, отъ самаго холоднаго до самаго благорастворённаго, онѣ представляютъ вообще нѣсколько плоскихъ возвышенностей и обширныхъ долинъ (21): нѣтъ снѣговыхъ горъ южной Европы, нѣтъ многочи-

(21) Во бще *шесть* плоскостей (plateaux), какъ весьма остроумно раздѣлилъ Европейскую Россію Гер-

сленныхъ озеръ Скандинавіи; ничто не ознаменовано здѣсъ разительными противоположностями природы, только все огромно: рѣки, горы, степи растянуты на тысячи верстъ, какъ будто для того, что симъ странамъ предназначено было показать огромныя явленія, разительныя противоположности міра нравственнаго, необыкновенное развитіе человѣческаго общества.

Омываемое съ сѣвера, запада и юга водами четырехъ морей, сіе пространство земель разрѣзывается въ разныхъ направленіяхъ нѣсколькими огромными рѣками. Съ самой почти средины его плоская возвышенность земли (которую географы называютъ *Алаунскою*) стремитъ къ югу три большія собранія водъ: рѣку *Волгу*, протекающую болѣе 3,000 верстъ, и впадающую въ Каспійское море; рѣки: *Донъ* (1000) и *Днѣпръ* (1500 верстъ), впадающія въ моря Азовское и Черное. Множество рѣкъ съ Сѣверной покатости того-же плоскаго возвышенія течетъ въ Балтійское море и Сѣверный океанъ. Множество рѣкъ пересѣкаетъ въ разныхъ направленіяхъ все пространство къ югу, вообще соединяясь или съ Волгою, или съ Дономъ, или съ Днѣпромъ. Необогащенное ни драгоцѣнными металлами, ни гнѣз-

манъ (См. Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pét. т. I, 685–712): *Сѣверную, Волжскую, Балтійскую, Уральскую, Бѣлорусскую, Карпатскую*. Краткое извлеченіе см. *Дополненія* (статья II).

дами драгоцѣнныхъ каменьевъ, сіе пространство земель, мѣсто соединенія предѣловъ Азіи и Европы, одарено было другими богатствами. Дремучіе лѣса покрывали его, и въ нихъ водилось безчисленное множество звѣрей: драгоцѣнныя кожи ихъ издревле составляли предметъ торговли жителей. Рѣки и моря изобиловали рыбою, составлявшею пропитаніе народное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва земли не могла вознаграждать трудовъ дикаго земледѣла. Рыба также была предметомъ торговли, а въ нѣдрахъ земли повсюду крылось желѣзо на мечи и копья. На семъ-то пространствѣ, въ лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ, въ IX-мъ вѣкѣ обитало множество разноплеменныхъ народовъ. Представляемъ исчисленіе оныхъ, находящееся въ нашихъ лѣтописяхъ.

На берегахъ Балтійскаго моря, отъ Невы до Немана, говорятъ лѣтописи, жили народы, именовавшіеся: *Чудь*, *Нарова*, *Корсь*, *Летгола* и *Зимгола*. Далѣе, къ югу отъ Чуди, при озерѣ Ильменѣ, жили *Славяне*; на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра *Кривичи*; на рѣкѣ Полотѣ, впадающей въ Двину, *Полочане*; между рѣкою Припятью и Двиною *Дряговичи*; внизъ по Днѣпру отъ Кривичей, на лѣвой сторонѣ, и по рѣкѣ Сожѣ, *Радимичи*, по Деснѣ *Сѣверяне*; на правой сторонѣ Днѣпра, южнѣе ихъ, *Поляне*; къ Западу отъ Полянъ *Древляне*. Между Древлянами, Дряговичами, Поло-

чанами и жителями береговъ Балтійскаго моря, находились: *Литва*, *Ятвяги*, *Ливь*, *Голяды*; къ юго-западу отъ Полянъ, по рѣкѣ Бугу, жили *Бужане*. Далѣе, къ югу отъ Полянъ до Днѣстра, Дуная и Чернаго моря, простирались степи. Къ востоку отъ Радимичей, на Окѣ, жили *Вятичи*. Съ ними граничила обширная земля *Хазаровъ*, простиравшаяся отъ Днѣпра до Волги, и отъ Оки до Чернаго моря, заключая въ себѣ и Таврическій полуостровъ, или нынѣшній Крымъ. На сѣверъ отъ Хазаровъ жили опять маленькіе народы *Мещера*, *Мордва* и *Черемиса* по Волгѣ; *Мурома* по Окѣ и Клязьмѣ; *Меря* на озерахъ Клещинѣ и Ростовскомъ; *Весь* на Бѣлѣ-озерѣ. Земли за озерами Бѣлымъ и Кубенскимъ называли предки наши: *Заозерье* и *Заволочье*. Они знали, что тамъ, далѣе къ сѣверу и востоку, жили народы, и сохранили намъ имена: *Заволочской Чуди*, *Югры*, *Печоры* и *Перми*. Далѣе сихъ народовъ не простирались ихъ свѣдѣнія, и все смѣшивалось въ баснословныхъ разсказахъ. «За Юграми,» говорятъ лѣтописцы XII-го вѣка, «за Юграми живетъ народъ *Самоядь*; за нимъ-же находится путь непроходимый, пропастями, снѣгомъ и лѣсомъ, который ведетъ къ горамъ Лукоморья, возвышающимся до небесъ: тамъ въ горахъ живутъ люди безвѣстные, слышенъ кликъ, говоръ; слышно, что жители прорубаютъ гору, и уже прорубили

они небольшое отверстіе, откуда глядятъ и просятъ желѣза, ножа или сѣкиры, и кто дастъ имъ требуемое, тому платятъ они мѣхами (22).»

Зная изъ Византійскихъ лѣтописей баснословное извѣстіе о дѣленіи міра между сынами Ноевыми (23), предки наши знали по слуху имена отдаленныхъ странъ и народовъ въ Средней и Южной Азіи, Европѣ и Африкѣ; но Востокъ былъ мало извѣстенъ Грекамъ, и предки наши почти не знали его. Вотъ, что сохранилось намъ отъ нихъ изъ первобытной Исторіи и Географіи Сѣвера и Востока.

Въ числѣ 72-хъ народовъ, раздѣлившихся при столпотвореніи Вавилонскомъ (говорятъ лѣтописи), былъ народъ, называемый *Славяне* (24).

(22) *Кенигсбергскій* списокъ, стр. 4 и слѣд. до 15-й; также 145-я и слѣд.—*Пушкинск.* спис. стр. 3-10. Выписки текста см. *Дополненія* къ сему тому (статьи III-я и IV-я).

(23) Оно не основано на преданіяхъ библейскихъ и выдумано въ Средніе вѣки, какъ полагаютъ, въ IV-мъ столѣтіи. Ein albernes Märchen! говоритъ Шлецеръ, an welchen jedoch Moses so unschuldig ist, wie Daniel an der 4 Monarchien-Methode. Впрочемъ, основный источникъ сей сказки неизвѣстенъ (см. Шлецера, *Несторъ*, Р. А. т. II. стр. 10 и слѣд.

(24) *Словене* должно-бы писать, слѣдуя древнѣйшему правописанію; но мы привыкли писать: *Славяне*, и потому слѣдую сей общей привычкѣ. О наименованіи ихъ отъ *славы*, должно-ли упоминать въ наше время?

Прошло много лѣтъ, и сей народъ поселился по Дунаю; часть его разселилась отъ Дуная до Днѣстра, подъ именемъ *Улучей* и *Тиверцовъ*: сіи два народа назывались отъ Грековъ *Великая Скиѳія*, имѣли города и были многочисленны; были и еще народы Славянскіе: *Дулебы*, жившіе по Бугу. Тутъ напали на нихъ народы, пришедшіе изъ *Скиѳіи*, то есть *Хазаріи*, называемые: *Булгары*, *Волохи*, *Угры бѣлые* и *Обры*, тѣломъ великіе и умомъ гордые. Обры начали мучить Дулебовъ, насиловали женъ, впрягали мужей въ свои тѣлеги. За гордость истребилъ Богъ Обровъ, и погибель ихъ осталась пословицею народа: *погибли, какъ Обры*. Но Волохи, Угры и Булгары стѣснили, согнали Славянскія племена съ ихъ жилищъ при Дунаѣ, и всѣ Славянскіе народы стали переселяться. Одни основались на рѣкѣ Моравѣ, и назвались *Моравами*; другіе поселились въ другомъ мѣстѣ и назвались *Чехами*; третьи въ третьемъ мѣстѣ, и назвались: *Бѣлые Хорваты*, *Сербы*, *Хорутане*; Славяне, пришедшіе на Вислу, назвались *Ляхи*, раздѣлясь на разные роды: *Полянъ*, *Лутичей*, *Мазовшанъ* и *Поморянъ*. Наконецъ, еще Славяне пришли на Днѣпръ, и назвались *Поляне*; другіе, по лѣсистой области, *Деревляне*; третьи, сѣдшіе между Припятью и Двиною, *Дряговичи*; четвертые, по рѣкѣ Полотѣ, *Полочане*; пятые,

около озера Ильменя, назвались своимъ именемъ: *Славяне*; поселившіеся по Деснѣ, Семи и Сулѣ приняли названія *Сѣверянъ*; поселившіеся по Бугу, назвались *Бужане*, а въ послѣдствіи именовались *Волыняне*. Потомъ было еще позднѣйшее переселеніе отъ Ляховъ за Днѣпръ: пришли братья Радимъ и Вятко, и поселились, первый на Сожѣ, второй на Окѣ; потомки перваго назвались *Радимичи*, потомки втораго *Вятичи*.

Между тѣмъ, первобытная Славянская земля на Дунаѣ занята была Волохами и Уграми бѣлыми. У переселившихся съ Дуная Славянъ были города, у Полянъ: *Кіевъ*, построенный Княземъ Кіемъ, у Славянъ Ильмерскихъ: *Новгородъ* (25).

«Вотъ народы Славянскаго происхожденія,» прибавляетъ лѣтописецъ: «*Поляны*, *Деревляны*, *Новгородцы*, *Полочаны*, *Дряговичи*, *Сѣверяны*, *Бужаны*. Вотъ другіе, *не-Славянскіе*, народы, хотя они, такъ-же какъ Славяне, происходятъ отъ Афета: *Чудь*, *Меря*, *Весь*, *Мурома*, *Черемиса*, *Мордва*, *Пермь*, *Печора*, *Ямь*, *Литва*, *Зимгола*, *Корсь*, *Нарова*, *Ливь*.»

(25) Такъ я читаю текстъ Нестора до самаго появленія въономъ лѣточислія. Мнѣ кажется, что донынѣ читали его не въ надлежащемъ порядкѣ, и смѣшивали современную Нестору этнографію съ Исторіею. См. подробности въ *Дополненіяхъ* къ сему 1-му тому (статья III).

Удовольствуемся сими недостаточными извѣстіями и не будемъ требовать отъ лѣтописцевъ нашихъ ничего болѣе. Если, замѣчая недостатокъ ихъ извѣстій, мы будемъ разыскивать: *откуда-же* явились Волохи, Угры бѣлые, Булгары, Обры? Что значитъ: *отъ Скиѳовъ, то есть отъ Хазаровъ*? Лѣтописецъ предложитъ намъ смѣшанныя извѣстія; ограничится иногда библейскимъ повѣствованіемъ, превратно истолкованнымъ, иногда исторической баснею, или просто скажетъ: *пришли отъ Востока*; *пришли отъ странъ невѣдомыхъ.* «Были,» повѣствуютъ лѣтописцы, «въ пустынѣ Эвритійской (?), между Востокомъ и Сѣверомъ, двѣнадцать народовъ отъ рода Измаила, сына Агари. Сами себя называли они *Сарины*, или *Сарацины*, утверждая, что происходятъ отъ Сарры: сіе несправедливо, ибо они Агарины потомки. Кромѣ сихъ Измаиловыхъ сыновъ были еще два народа отъ дочерей Лотовыхъ; сіи народы суть *Хвалисы* и *Булгары*; послѣдніе жили по рѣкѣ Волгѣ до моря, а Хвалисы и нынѣ (въ XII-мъ вѣкѣ) тамъ живутъ; по ихъ имени и море называется *Хвалынское*; часть Булгаровъ также нынѣ живетъ на Волгѣ, и сею рѣкою можно плыть къ Волжскимъ Булгарамъ и Хвалисамъ. Двѣнадцать племенъ Измаиловыхъ были разбиты Гедеономъ, и бѣжали въ пустыню, находящуюся за Волгою къ Востоку. Тамъ восемь ко-

лѣнъ встрѣтилъ Александръ Македонскій, и, видя ихъ нечистыхъ и поганыхъ, загналъ въ горы Полунощнаго Лукоморья, задвинулъ горами, и только не сдвинулись горы на двѣнадцать локтей. Тутъ устроены мѣдныя врата, и запаяны *сунклитомъ*, коего ни желѣзо, ни огонь не берутъ. Въ горахъ живутъ они, прорубаютъ горы и выйдутъ при концѣ міра. Остальные четыре народа племени Измаилова остались, и онито суть народы, именуемые *Торкменами*, *Печенѣгами*, *Торками* и *Половцами*. Что касается до *Угровъ бѣлыхъ*, сей народъ *началъ быть* при Иракліи Царѣ, который воевалъ съ Хозроемъ Царемъ Персидскимъ. Тогдаже *были* и Обры, ходили войною на Царя Ираклія, и едва его не полонили (26).»

Вотъ вполнѣ всѣ историческія и этнографическія извѣстія лѣтописей нашихъ о древнихъ событіяхъ и народахъ тѣхъ земель, часть которыхъ, со времени прибытія Варяговъ, получила названіе *Русской земли*. Это названіе распространилось потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, на обширное, вышеозначенное нами пространство, перешло за предѣлы его, перемѣнилось въ

(26) Здѣсь соединены три мѣста изъ лѣтописей: извѣстіе объ исходѣ Волги изъ Волховскаго лѣса, повѣствованіе Юрья Торговича и извѣстіе о переселеніи народовъ на Дунай. См. *Дополненія* (статьи III и IV).

имя *Россіи*, и означаетъ нынѣ наше отечество, *Россійское государство*.

Извѣстія нашихъ лѣтописцевъ не удовлетворяютъ насъ, не даютъ намъ ясныхъ понятій. Дополнимъ извѣстія сіи систематически расположеннымъ историческимъ обозрѣніемъ.

Всѣ повѣствуемыя лѣтописцами дѣла и событія суть темныя преданія о древнихъ вѣкахъ; всѣ исчисляемые ими, прешедшіе во времени и остававшіеся еще въ XII-мъ вѣкѣ народы, были—или обломки многочисленныхъ народовъ, двигавшихся изъ Азіи въ Европу, и изъ одной Европейской страны въ другую, или остатки первобытныхъ племенъ, увлеченныхъ другими, появлявшимися послѣ нихъ, или новые народы, явившіеся отъ смѣшенія различныхъ племенъ и поколѣній.

Пространство земель, которое мы назвали *мѣстомъ дѣйствія Скандинавскихъ пришельцевъ IX-го вѣка*, то, что нынѣ разумѣемъ мы подъ названіемъ *Европейской Россіи*, на западъ примыкаетъ къ Европѣ: *Скандинавія*, *Германія*, *Греція*, три великія части Европы, изъ коихъ развивался міръ Европейскихъ обществъ Древняго и Средняго времени, суть страны примыкающія къ нему Европу. Съ востока прилегаетъ Азія, страна народовъ древнѣйшаго образованія, разсадникъ, изъ коего

рука Провидѣнія пересаждала ихъ въ Европу, гдѣ суждено было имъ созрѣвать и давать плодъ. Черное море находится на самомъ югѣ сего пространства: оно, какъ будто раздѣляетъ два пути съ юга на сѣверъ: *одинЪ* изъ Европы, съ Эллинскаго полуострова, между Средиземнымъ и Чернымъ моремъ, черезъ Дунай; *другой* изъ Азіи, черезъ Кавказскій перешеекъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, черезъ Донъ. Съ востока, Азія сближается здѣсь Зауральскою и Заволжскою плоскостью: кромѣ пути черезъ Кавказскій перешеекъ, сухопутное сообщеніе Средней Азіи съ Европою здѣсь, черезъ твердыни Урала и Волгу.

Въ древнѣйшія времена Европа заселена была *аборигенами*, или первобытными народами, нисшаго образованія: сіи аборигены были народы *Финскіе*, простиравшіеся и на сѣверъ Азіи. Въ средней Азіи были свои аборигены. *Когда* изъ первобытныхъ жителей Средней Азіи составились три различные народа: племена *Тунгузскія*, племена *Монгольскія*, племена Саковъ или *Турецкія*, мы не знаемъ. Въ отдаленнѣйшія времена уже находимъ мы сіе раздѣленіе и видимъ его постепенность. Тунгузы суть племена народовъ, далѣе всѣхъ отодвинутыя къ восточному краю и на сѣверъ Азіи: ихъ вѣра Шаманское идолослуженіе; такова-же была вѣра Европейскихъ аборигеновъ, Финновъ, и образованіе

тѣхъ и другихъ племенъ одинаково. Монголы, ближе къ срединѣ Азіи помѣщенные, представляютъ первый переходъ отъ Тунгузовъ къ высшему образованію: они слѣдуютъ вѣрѣ Будды, происшедшей отъ первоначальной религіи народовъ Юго-Западной Азіи.

Юго-Западную Азію составляютъ Индія, Аравія, Персія и Малая Азія. Въ сихъ странахъ началось образованіе человѣка, его понятія гражданскія, первоначальные образы гражданскаго общества: ѳеократическій и патріархальный, первыя познанія религіозныя, коими падшее человѣчество хотѣло приблизиться къ утраченной имъ воистинной вѣрѣ. Въ миѳическихъ преданіяхъ Востока сохранилась намъ память о войнахъ, борьбѣ, переворотахъ народовъ сихъ странъ. Слѣдствіемъ оныхъ были переселенія въ Восточную Азію и въ Европу. Отъ сего въ Азіи, изъ Тунгузовъ и юго-западныхъ народовъ Азійскихъ, образовались Монгольскіе народы; за ними послѣдовало образованіе Турецкихъ племенъ, занявшихъ остальное пространство, отъ Монголовъ къ Каспійскому морю и къ Индійскимъ странамъ (27).

(27) Это превосходно изъяснено отцомъ Іакинѳомъ, въ его *Описаніи Чжуньгаріи и Восточнаго Туркистана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи* (СПб. 1829 года), Т. I, стр. IX - XII.

Въ Европу двинулись племена Азійскія черезъ Кавказскій перешеекъ и Эллинскій полуостровъ. Сіи народы извѣстны намъ подъ различными именованіями, какъ-то: подъ именемъ *Германцевъ*, явно доказывающихъ, что они суть небольшія части племенъ, или кастъ, воинственныхъ, убѣгавшихъ изъ Азіи. Отъ того ихъ раздѣленіе на малыя общества, ихъ народная вражда между собою, взаимное истребленіе, чувство личной независимости каждаго человѣка отдѣльно. Болѣе стройною толпою перешла въ Европу другая Азійская каста: *Венеды*, съ своимъ религіознымъ, патріархальнымъ правленіемъ; таково-же было переселеніе *Пеласговъ*.

Всѣ сіи племена встрѣчали въ Европѣ Финскихъ аборигеновъ, гнали ихъ, или соединяли съ собою, и представили наконецъ слѣдующее расселеніе въ Европѣ: *Пеласги* заняли Эллинскій, Италійскій, Иберійскій полуострова и Галлію. Въ полукругѣ, какой составляютъ сіи прибрежныя земли, поселились *Германскія* племена; они заняли кромѣ того Ютландскій и Скандинавскій полуострова. Восточнѣе Германцевъ, въ срединѣ Европы, отъ Балтійскаго до Чернаго морей, разселились племена *Венедовъ*. Далѣе къ востоку отъ нихъ раздвинулись племена *Готскія*, сродныя Германскимъ, и отдѣленныя отъ родичей Венедами. Финскія племена повсюду

были смѣшаны, истреблены, или отпѣснены въ сѣверъ.

Тогда же двигались народы въ Средней Азіи, среди жестокихъ и сильныхъ переворотовъ. Главныя племена ихъ удерживались, и донынѣ сохранились на своихъ мѣстахъ; но отъ столкновеній ихъ отражались части народовъ въ сѣверъ Азіи, и сіи обломки болѣе всего были отъ племени Саковъ, или Турковъ, какъ народовъ новѣйшихъ, менѣе осѣдлыхъ. Такъ за Тунгузскими племенами, далѣе къ сѣверо-востоку, мы встрѣчаемъ нынѣ племя Саковъ (28); другіе Саки зашли въ самый сѣверъ (29); третьи устремились въ Европу изъ за Волги и Урала, и, подъ именемъ *Скиѳовъ*, разселились по Волгѣ, Дону, Днѣпру, до самыхъ Венедскихъ и Готѳскихъ племенъ.

Между тѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, племя Пеласговъ подъ небомъ Эллады составило народъ *Греческій*, и разселилось на сѣверъ Чернаго моря. Здѣсь узнало оно о существованіи тамошнихъ Финскихъ аборигеновъ, подъ именемъ

(28) *Якутовъ*, которые сами себя называютъ *Саха*, и физіогноміею и языкомъ показываютъ намъ свое Турецкое происхожденіе.

(29) Племена Остяковъ, Вогуловъ, Самоядовъ, или *Кондовъ*, *Котовъ*, *Урьяковъ*, *Ніуцъ*, *Хазовъ*, *Хандыхо*, *Манза*. Смотр. Словцова *Письма о Сибири* (М. 1828 г.), или *Московск. Телеграфъ*, гдѣ сіи письма были напечатаны (1827 г. т. XV, 203-215).

Киммеріанъ, и ознакомилось съ замѣнившими сіи народы *Саками*, подъ именемъ *Скиѳовъ* (30). Въ Ишаліи, изъ смѣшенія Пеласговъ съ аборигенами и Германцами, образовался народъ *Римскій*. Греція, Галлія, Бришанія, Иберія, Малая Азія подверглись его владычесшву. Огромное расширеніе и послѣдовавшее за шѣмъ внушреннее раздѣленіе Римлянъ были причиною новыхъ движеній въ Европѣ и Азіи. Германцы въ Европѣ, и племена Турковъ въ Азіи, первые напали на Римскія обласши, вдвинулись въ оныя, и оШкрыли мѣсшо для дѣйсшвій другихъ народовъ Средней и Сѣверной Европы и Средней Азіи. Одни за другими, новые народы сшали вшѣсняшься въ Малую Азію, ошкуда черезъ Кавказъ, и съ восшока Азіи черезъ Уралъ шли въ Европу. Тогда насшупила эпоха, извѣсшная въ лѣшописяхъ Европейскихъ подъ именемъ *великаго переселенія народовъ*, эпоха важная, конецъ міра Древняго, начало Среднихъ временъ, переходъ къ Новому міру гражданскихъ обществъ.

Видимъ, что земли отъ Урала до Кавказа и отъ Дуная до Балтійскаго моря были всегда мѣ-

(30) Персы, лучше другихъ знавшіе происхожденіе Скиѳовъ, называли ихъ *Саками*, а сами себя Скиѳы именовали *Сколотами* (см. Иродоша). Греческія поселенія по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей начались за 5-шь и болѣе вѣковъ до Р. Х., и образовали богатые и цвѣтущіе города: *Ольвію*, *Пантикапею*, *Фанагорію*, *Танаисъ*, и другіе.

стомъ перехода народовъ и смѣщенія племенъ, одно за другимъ слѣдовавшихъ.

Такъ Скиѳы были покорены, смѣшаны, истреблены народомъ, двинувшимся отъ Урала и извѣстнымъ подъ несправедливымъ названіемъ *Савроматовъ* или *Сарматовъ*. Потомъ *Готѳы*, отъ береговъ Балтійскаго моря явились на берегахъ Чернаго моря, уничтожили Сарматовъ, вступили въ Грецію и другія страны Европы, основали царства, и преклонились предъ ордами *Гунновъ*. Отдѣлясь въ Средней Азіи отъ племени Монгольскаго, разбитаго Китайцами, *Гунны* явились въ Европу и исчезли въ ней подъ мечами Германцевъ, остальныхъ Готѳовъ и другихъ народовъ. Тогда явились народы Турецкаго племени, ушедшіе нѣкогда въ Сѣверъ Азіи: *Угры* и *Булгары*. Часть ихъ остановилась на Волгѣ; другая пошла на Дунай и тамъ поселилась. Въ Средней Азіи совершался между тѣмъ новый переворотъ. Племена Турковъ усилились, стѣснили сосѣдей, и орды народовъ, побѣжденныхъ, изгнанныхъ ими, подъ именемъ *Аваровъ* или *Обровъ* устремились въ Европу: имъ покорились Дунайскіе Булгары и другіе предшествовавшіе народы. Но мощь Аваровъ вскорѣ разрушилась. Съ востока напали на нихъ *Хазары*, пришедшіе изъ за-Волги и завоевавшіе всѣ земли до Днѣпра; съ другой стороны Булгары Дунайскіе, свергнувъ иго Аваровъ, распространили свои за-

завоеванія, и хотя въ послѣдствіи уступили Хазарамъ, но Задунайское осѣдлое поселеніе ихъ укрѣпилось и сдѣлалось страшно для Греціи.

Въ немногихъ словахъ мы вмѣстили событія тысящелѣтій, дѣла, бывшія задолго до Р. Х., и дѣла, совершившіяся въ теченіе восьми столѣтій послѣ Р. Х. Мы означили только главнѣйшія черты великой картины древняго бытія народовъ. Въ историческомъ отношеніи теперь пояснились для насъ преданія нашихъ лѣтописцевъ. Объяснимъ нѣсколько подробностей.

Мы видимъ, что надобно различать *двѣ* эпохи переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу: одну *древнѣйшую*, когда изъ Азіи перешли Германцы, Венеды, Пеласги, Готѳы, оттѣснили Финновъ къ Сѣверу и поселились въ Европѣ. Тогда перенесены были миѳы Востока, одинаково видимыя въ Греческой Миѳологіи, Германской Нибелунгѣ, Скандинавской Эддѣ и Славянской Миѳологіи. Другая эпоха, *великое переселеніе народовъ*, настала, когда Эллинскія и Италійскія племена Пеласговъ развили первый періодъ полной жизни общественной, и привели въ движеніе Европу и часть Азіи. Сіи перевороты Европы сдвинулись съ переворотами, совершавшимися въ Средней Азіи, гдѣ сражались между собою племена Монголовъ и Турковъ. Тамъ сперва одержали верхъ Монголы и разсѣяли народы Турецкіе; потомъ побѣдили Турки и раз-

сѣяли Монгольскіе народы. Отъ того и другаго оборота дѣлъ шли въ Европу толпы, подъ предводительствомъ Аттилъ и Баяновъ (31).

Сія вторая эпоха переселеній отличалась тѣмъ, что она не была спокойнымъ, стройнымъ движеніемъ народовъ къ отдѣльной самобытности, но казалась безпокойнымъ движеніемъ духа, искавшаго только разрушеній и гибели стараго порядка дѣлъ. Гунны и Авары шли, завоевывали, побѣждали, и исчезали въ поколѣніяхъ старобытныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ переворотовъ были перевороты частные. Такъ Германцы долго сражались съ Римлянами, овладѣли Галліею, Италіею, и основали тамъ царства; такъ древле они переселились въ Скандинавію, и оттуда начали двигаться снова на материкъ Европы. Такъ племена Турецкія, зашедшія въ сѣверъ Азіи, двинулись въ Европу. Такъ Готѳы отъ береговъ Балтійскаго моря шли къ Черному морю, разсѣялись въ Греціи, Италіи, Германіи, Галліи, Испаніи, и основали царства (32) Обратимся къ Исторіи *Венедскихъ* племенъ: она важна для насъ.

(31) Аттила шелъ съ Гуннами послѣ усиленія Монголовъ, владычества ихъ, и послѣдовавшаго за тѣмъ разбитія Китайцами; побѣды Турка Дизавула двинули въ Европу Баяна Аварскаго.

(32) Можетъ быть, многое изъ сказаннаго здѣсь о переселеніяхъ народовъ покажется недостовѣрнымъ. Вся сія статья есть вводное повѣствованіе, и доказы-

Венеды, вышедъ изъ Азіи, разселились около береговъ Балтійскаго моря, отъ Эльбы до Немана. Сіи народы отличались отъ Германцевъ своимъ патріархальнымъ образомъ правленія, и

вать ее многочисленными ссылками на разные источники, здѣсь было-бы неумѣстно, такъ-же какъ и входить въ подробности. Укажемъ главные матеріялы, коими должно пользоваться желающему вникнуть въ дѣло. Вообще объ Исторіи Средней Азіи всего лучше читать Дегинево сочиненіе: Histoire générale des Huns, des Turcs, etc., повѣряя оное сочиненіями Г-дъ Абель-Ремюза и Клапрота (особенно книгою сего послѣдняго: Tableaux historiques de l'Asie), и переводами и сочиненіями отца Іакинѳа, именно: *Описаніе Чжуньгаріи* и *Записки о Монголіи* (СПб. 1828 и 1829), и Г-на Шмидта: Forschungen im Gebiete der älteren Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens. Для Исторіи Индіи и Персіи надобно знать Нѣмецкихъ писателей о семъ предметѣ: они многочисленны. Гееренъ, Валь, Маннертъ, Крузе, Риттеръ, также Датчанинъ Раске и Шведъ Магнузенъ, соображеніями извѣстій Греческихъ писателей съ Восточными и Западными источниками, особенно сдѣлали много пользы. Древнюю Исторію Италійскихъ Пеласговъ обработалъ Нибуръ въ своей Römische Geschichte (Боннъ, 1812 г., 2 е изд. 1827 г.). Исторію народовъ сѣверо-востока Европы объяснили Байеръ, Тунманъ, Миллеръ, Шлецеръ. Касательно Миѳологій разныхъ народовъ, и перехода оной изъ Азіи въ Европу, важнѣйшее сочиненіе Крейцера, Symbolik und Mythologie, о которомъ мы уже упоминали. Частныя соображенія писателей о Среднихъ вѣкахъ вообще, необходимы.

особенно своимъ религіознымъ образованіемъ, и ѳеократическою конституціею. Издревле видимъ у нихъ слѣды Индійскаго таинственнаго богослуженія, святыя мѣста и острова (33). Они никогда не были народомъ воинственнымъ, завоевателями другихъ народовъ. Ихъ увлекало только стремленіе сосѣдей. Принужденные сопутствовать другимъ, Венеды сражались въ рядахъ своихъ повелителей, иногда сражались отдѣляясь отъ нихъ, но всегда старались удаляться отъ мѣста битвъ и кровопролитій. Ихъ покоряли и водили съ собою Готѳы, Гунны, Авары, Греки (34). Издревле находимъ раздѣленіе Венед-

(33) Не говоримъ здѣсь ни о священныхъ рощахъ Балтійскихъ Славянъ, ни объ Арконскихъ и Рюгенскихъ храмахъ; но упомянемъ о системѣ Славянскаго богослуженія, которую открывалъ З. Я. Ходаковскій. Онъ изложилъ свое мнѣніе въ проэктѣ своего путешествія (*Сынъ Отечества*, 1820 г.), и потомъ самымъ путешествіемъ удостовѣрился въ дѣйствительности своей мысли. Онъ открылъ слѣды древнихъ Славянскихъ боговъ, и цѣлую номенклатуру именъ, въ названіяхъ *городищъ*, или древнихъ насыпей, всегда имѣющихъ входъ съ востока и одинаково обставленныхъ на извѣстномъ разстояніи. Жаль, что судьба не допустила его кончить свое дѣло вполнѣ. Тогда, можетъ быть, мы узнали-бы, почему Варяги называли нынѣшнюю Россію *Голмградъ* и *Гардарикъ* (холмоградіе, богатая городами земля).

(34) Геніяльная мысль Гердера. Она объясняетъ Исторію Венедовъ Европейскихъ, столь несправедливо

скихъ племенъ на *Венедовъ* собственно, *Антовъ* и *Славянъ*. Подъ сими различными именами, Венеды встрѣчаются въ Исторіи Европы съ VI-го вѣка. Наконецъ племена сіи расторглись: часть сдѣлалась обитателями при Дунаѣ; другая жила на прежнихъ мѣстахъ, у Балтійскаго моря; третья перешла далѣе къ востоку, на Двину и Днѣпръ.

Сіе древнее переселеніе лѣтописи наши означаютъ поселеніемъ Славянъ, подъ именами: *Дулебовъ*, *Улучей* и *Тиверцевъ*, на Днѣстрѣ и Бугѣ. Имѣя общій обзоръ Европейской и Азіятской Исторіи, можетъ быть, лучше нашихъ лѣтописцевъ мы опредѣлимъ это переселеніе, сказавъ, что къ нему должно относиться образованіе народовъ *Литовскихъ* или *Латышскихъ*, которые были не что иное, какъ переселившіеся Венеды. Авары истребили Днѣстровскихъ и Бужскихъ Славянъ. Съ паденіемъ Аваровъ, когда Дунайскіе Булгары сдѣлались независимы, Славяне, удаленные отъ Дуная, являются осѣдлыми народами въ разныхъ мѣстахъ (35).

изображаемыхъ грозными, побѣдительными варварами. Смотр. Гердерово сочиненіе: Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit.

(35) Можно полагать, что иго Аваровъ въ VI-мъ вѣкѣ оттѣснило на востокъ и сѣверъ переселенцевъ Славянскихъ. *Булгары* Дунайскіе свергли иго Аваровъ въ

Съ того времени образовались государства Славянскія, подъ именами: *Сербіи*, *Богеміи*, *Моравіи*, *Польши*, и снова явились Славяне на Днѣпрѣ и Ильменѣ.

Здѣсь дѣлаются ясны невѣрныя и сбивчивыя Исторія и Этнографія нашихъ лѣтописей. Этнографическое обозрѣніе, находящееся въ лѣтописяхъ нашихъ, является въ стройномъ порядкѣ.

Мы видѣли выше исчисленіе народовъ по нашимъ лѣтописямъ: обозримъ его правильно. Всѣ сіи народы дѣлятся на *четыре* части: племена аборигеновъ, *Финскія*; племена пришельцевъ съ запада, *Венедскія*; племена пришельцевъ съ сѣвера Азіи, которыя вообще назовемъ *Югор-*

половинѣ VII-го вѣка, а въ послѣдней половинѣ сего вѣка основано въ Мизіи царство ихъ, сыномъ Куврата. *Сербія* управлялась самобытно своими Жупанами съ VII-го вѣка; Властимиръ (870 - 880) принялъ Христіанскую вѣру; потомокъ его, Владиміръ, въ 1015-мъ году именовался Королемъ.—*Богемія* основалась самобытно также съ VII-го вѣка; Христіанство введено было съ половины IX-го столѣтія; Боривогъ, Герцогъ Богемскій, крестился въ 894-мъ году; Герцогъ Вратиславъ II-й получилъ титулъ Короля въ 1086-мъ году. — *Моравія* основалась самобытно княженіемъ Святополка (съ 869-го года), и пала съ его владычествомъ; сей Князь принялъ Христіанство отъ Грековъ. — *Польша* составилась самобытно съ половины IX-го вѣка; Мечиславъ принялъ Христіанство въ 965-мъ году.

скими; племена пришельцевъ съ востока, *Турецкія*.

Надобно вспомнить, что означая народы полудикіе, необразованные, не льзя говорить опредѣлительно о мѣстахъ пребыванія ихъ, ибо никакого непремѣняемаго постоянства не было въ ихъ бытѣ. Междоусобіе, война, набѣгъ, удобство для жизни, просто прихоть, безпрерывно измѣняли мѣста пребыванія народовъ. Объяснимъ еще понятіе о *городахъ*. Древняя образованность Грековъ и Римлянъ представляетъ намъ *систему городовъ*. Тогда собственно не было деревень: жители, составляя муниципы, только обработывали земли между городами, и селили на нихъ людей, не имѣвшихъ права гражданъ; но гражданинъ долженствовалъ жить въ городѣ, окруженномъ стѣнами и укрѣпленномъ, гдѣ обитатели дѣлились на стройныя званія и классы. Противную систему разсѣяннаго житья по мѣлкимъ селеніямъ представляли народы Финскіе, Германскіе, Венедскіе и Скандинавскіе въ Среднія времена. Ихъ жилища были всѣ раздѣлены, разсѣяны; каждое семейство почитало себя свободнымъ тогда только, когда могло окружить жилище свое полемъ и лѣсомъ. Бо́льшая образованность и нужда сближали ихъ жилища въ безобразныя кучи хижинъ и землянокъ, и сіи-то сближенныя кучи жилищъ назывались *городами*, но никакого муниципа, никакого гражданства здѣсь не было. Каждый

жилъ самъ по себѣ, и только общій храмъ, общій холмъ молитвы соединялъ жителей.

Финскія племена составляли народы, называемые лѣтописцами: *Чудь, Нарова, Весь, Мурома, Меря, Черемисы, Мордва.* Они обитали на берегахъ Балтійскаго моря, отъ Немана до Невы, на Бѣлѣ-озерѣ, на озерѣ Клещинѣ или Переяславскомъ, на Волгѣ, и нѣсколько далѣе къ юго-востоку. Донынѣ племена ихъ живутъ на сихъ мѣстахъ, подъ именемъ *Чухновъ, Черемисовъ, Чувашъ, Мордвы.* Другія названія исчезли; осталась память въ живыхъ урочищахъ: *Чудскомъ* озерѣ, рѣкѣ *Наровѣ,* городѣ *Весьегонскѣ,* городѣ *Муромѣ.* Обведемъ черту, образуемую народами Финскими, и мы увидимъ въ нихъ, какъ будто волну моря, отхлынувшую съ юга и застывшую въ теченіе вѣковъ. Сѣвернѣе оной мы находимъ Югорское смѣшеніе народовъ, извѣстное нѣкогда подъ именами: *Ямь, Сумь, Лопь, Пермь, Печора,* оставшееся въ живыхъ урочищахъ: области *Пермской* и рѣкѣ *Печорѣ,* и въ существующихъ народахъ, подъ именами: *Пермяковъ, Зырянъ, Лопарей.* Здѣсь, далѣе къ сѣверо-востоку, въ народахъ отъ племени Саковъ, менѣе смѣшанныхъ съ Финнами, и упоминаемыхъ лѣтописцами подъ именемъ *Югры* и *Самояди,* сохранившихся въ нынѣшнихъ *Остякахъ, Вогуличахъ, Самоядахъ, Койбалахъ, Моторахъ,*

Камачахъ, извѣстныхъ Скандинавамъ подъ именемъ *Біармійцевъ*, существовали племена, отъ которыхъ отдѣлились и перешли на Волгу и Дунай *Булгары* и *Угры*. Слѣдуя по теченію Волги, мы находимъ недалеко отъ нынѣшней Казани остатки города *Булгарскаго*. Тамъ обиталъ въ IX-мъ вѣкѣ Волжскій остатокъ Булгарскаго народа.

Обращаясь снова къ Балтійскому морю, подлѣ Финновъ, лѣтописецъ показываетъ намъ народы: *Литва*, *Зимегола*, *Летгола*, *Ливь*, *Корсь*, *Ятвяги*, *Голяды*, въ послѣдствіи образовавшіе народъ *Литовскій*. Къ нимъ по мнѣнію нашему, должно присовокупить еще слѣдующіе народы: *Кривичи*, *Дряговичи*, *Полочане*. Здѣсь слѣды *первобытнаго переселенія Венедовъ*. Обратимъ вниманіе на названіе *Бѣлой Руссіи*, въ противоположность которому, южныя племена, *позднѣйшее переселеніе Венедовъ*, уже подъ именемъ *Славянъ*, назывались *Червонною*, *Красною Руссіею*, отличаясь измѣненіемъ религіи, составлявшей ѳеократизмъ *бѣлой* страны ихъ соплеменниковъ. Этимологическій разборъ именованій заставляетъ насъ причислить къ древнимъ Венедскимъ переселенцамъ *Радимичей* и *Вятичей*, отдѣлившихся *не отъ Славянъ собственно*, о чемъ говорятъ и лѣтописцы (36).

(36) Мнѣніе, что къ Латышскимъ народамъ должно относить только: *Летголу*, *Зимеголу*, *Корсь*

Но къ Сѣверу, при озерѣ Ильменѣ, жили переселенцы позднѣйшіе, собственно *Славяне*, симъ именемъ называвшіеся среди чуждыхъ имъ древнихъ родичей, Венедовъ, и, вѣроятно, прошедшіе къ сѣверу отъ своихъ собратій, которые, подъ именами: *Сѣверянъ*, *Полянъ*, *Древлянъ*, *Бужанъ* или *Волынянъ*, остались на берегахъ Десны, Днѣпра, Семи, Сулы.

и *Литву*, и что Латыши были смѣсью Финновъ, Готѳовъ и Славянъ, несправедливо. Это Uebergangsvolk между Германцами и Славянами (какъ говоритъ ученый Ватсонъ), народъ, у котораго въ языкѣ двѣ трети словъ и формы Грамматики Славянскія. Онъ составилъ потомъ сильное государство *Литовское*, и древле къ нему принадлежали: *Корсь* — Kursemme (по Латышски), *Зимгола* (въ семъ имени, Латышскія: gals—*оконечность*, и semme—*земля*, переставлены на оборотъ), нынѣ составляющая *Семигаллію*; *Летьгола*, Латыши, Latweeschu semme (тотъ-же обратный порядокъ словъ); *Литва*, нынѣшняя *Жмудь*, Smuddu, Samogitien; *Ятвяги* (Польскіе: Jadzwingowie); *Голядь* (Польскіе: *Галинды*). Нѣтъ сомнѣнія причислить сюда *Кривичей* (нынѣшнихъ Литвино-Руссовъ и Бѣлоруссовъ), составлявшихъ потомъ особое *Полоцкое* княженіе. Объ отдѣльномъ происхожденіи *Радимичей* и *Вятичей* пишутъ наши лѣтописи. Сей предметъ стоитъ особеннаго изслѣдованія. Превосходныя средства къ оному можно найдти въ сочиненіи Г-на Кеппена: *О происхожденіи, языкѣ и литтературѣ Литовскихъ народовъ* (смотр. *Матеріялы для Исторіи просвѣщ. въ Россіи*, кн. III. СПб. 1827).

Востокъ и юго-востокъ отъ сихъ послѣднихъ составляло *Хазарское* государство. Не знаемъ: должно-ли причислить Хазаровъ къ народамъ Сѣверной Азіи, подобно Украмъ и Булгарамъ, или почесть ихъ выходцами изъ Средней Азіи, подобно Гуннамъ и Аварамъ? Доказательства въ пользу того и другаго мнѣнія равносильны; по крайней мѣрѣ Хазары дѣлаются намъ извѣстны съ IV-го вѣка, какъ данники Гунновъ, близъ Каспійскаго моря, откуда нападали они на Персію. Въ VII-мъ вѣкѣ, съ разрушеніемъ могущества Аваровъ, возстали Дунайскіе Булгары, и тогда Хазары составили сильный народъ, овладѣли Тавридою, распространились до Днѣпра, Оки, и Каспійскаго моря, основали на Волгѣ столицу свою, въ Ателѣ или Балангіарѣ, роднились съ Византійскими Императорами, и были имъ грозны своимъ могуществомъ. Въ IX-мъ вѣкѣ оставалась только тѣнь Хазарскаго владычества. Въ обширныя Приволжскія и Придонскія области ихъ вступали изъ за Волги родичи Угровъ: *Черные Угры* или *Магъяры*. Съ юго-востока Средней Азіи вдвигались одна за другою орды *Печенѣговъ* или *Кангаровъ*, и орды *Половцевъ* или *Комановъ*. Сіи народы кочевые ходили тогда по степямъ нынѣшней Малой Россіи, съ своими кибитками и стадами: отъ нихъ безпрестанно отрывались малыя толпы. Мы увидимъ въ послѣдствіи *Торковъ* (мо-

жетъ быть, названныхъ такъ по рѣкѣ *Торцу*, при которой жили они нѣсколько времени), *Берендеевъ*, *Харакалпаковъ* или *Черныхъ клобуковъ*, *Бродниковъ*, и другія полудикія, кочующія племена. Они являлись всюду по берегамъ святаго Танаиса или Дона, Днѣпра, нѣкогда названнаго Борисѳеномъ, и вообще по степямъ до Тавриды и Дуная, гдѣ на берегахъ Чернаго моря въ прахѣ лежали развалины древнихъ Греческихъ городовъ, уцѣлѣвшихъ только въ одной Тавридѣ; тамъ Греки, вмѣстѣ съ Хазарами и Готѳами, жили на остаткахъ царства Митридатова.

Симъ ограничиваемъ наше вводное повѣствованіе въ Исторію Русскаго народа. Принимая его руководствомъ прошедшаго для будущихъ событій, мы знаемъ теперь: съ кѣмъ встрѣтились и встрѣтятся Скандинавскіе пришельцы, идя отъ Балтійскаго къ Черному морю. Послѣдуемъ за ними. Но прежде обозримъ западную границу поселеній Литовскихъ и Славянскихъ народовъ, и—подымемъ часть таинственной завѣсы будущаго, опустившуюся надъ Среднею Азіею.

Мы видѣли образованіе *Булгарскаго* царства на Дунаѣ. Далѣе его къ западу составилось Славянское государство, *Сербія*. Къ сѣверу отъ нея была полудикая страна, гдѣ въ послѣдствіи образовалось государство Черныхъ Угровъ или Магьяровъ (*Венгерское*). Къ Сѣ-

веро-западу находились Славянскія государства : *Моравское* и *Богемское*. На сѣверъ отъ нихъ, составляя вмѣстѣ съ будущимъ государствомъ Венгерскимъ границу областей Днѣпровскихъ и Бужскихъ, образовалось государство Славянъ, именовавшееся *Польскимъ*.

Таковы были народы и государства, коихъ Исторія съ Запада должна соединиться въ послѣдствіи съ нашимъ повѣствованіемъ. Обратимся къ Востоку.

До начала XIII-го вѣка онъ останется для насъ сокрытымъ, какъ будто-бы бездна раздѣлила страны Средней и Сѣверо-Восточной Азіи отъ тѣхъ странъ, куда Азія столько вѣковъ извергала народы, подобно горящей лавѣ, протекавшіе отъ Волги до Рейна. До XIII-го вѣка повѣствованіе наше будутъ занимать дряхлѣющая Имперія Греческая; государство Дунайскихъ Булгаровъ; Западные Славяне, сосѣди Днѣпровскихъ Славянъ; народы, жившіе осѣдло и кочевавшіе отъ Днѣпра до Волги: *Хазары*, *Угры*, *Печенѣги*, *Половцы*, *Торки*, и другія мѣлкія племена. Въ XIII-мъ вѣкѣ снова — и надолго — новые выходцы изъ Средней Азіи, послѣднее изверженіе страшнаго волкана Монгольскихъ степей и Тибетскихъ горъ, займутъ наше вниманіе. Но, не будемъ предупреждать событій. Пусть тамъ, въ отдаленіи, три слѣдующіе вѣка зрѣютъ

причины великихъ событій, и остаются безвѣстными намъ, какъ безвѣстны были онѣ предкамъ нашимъ. Предложивъ извѣстія нашихъ лѣтописей о прибытіи Варяговъ на юго-восточные берега Балтійскаго моря, и показавъ недостовѣрность сихъ извѣстій, предложимъ теперь вполнѣ слова лѣтописей объ *основаніи* Варяговъ на сихъ берегахъ, и началѣ *Русскаго* народа, *Русскихъ* княжествъ.

«Въ лѣто 6360-е началъ въ Греціи царствовать Царь Михаилъ, и началось имя *земли Русской.* Мы знаемъ, что при семъ Царѣ *приходила Русь на Царьградъ*, какъ пишется въ *Греческихъ лѣтописяхъ;* симъ мы начинаемъ, и полагаемъ лѣточисленіе.

«Съ лѣта 6367-го, Варяги начали приходить изъ-за моря и брать дань съ *Чуди, Славянъ, Мери* и *Кривичей.* — Въ лѣто 6369-е, сіи народы не стали давать имъ дани, изгнали Варяговъ, и начали владѣть сами собою; но между ими не было правды, началось междоусобіе, и возсталъ родъ на родъ. Тогда сказали они сами себѣ: *Поищемъ Князя, который владѣлъ-бы нами и судилъ по правамъ*; пошли за море къ *Варягамъ-Руси*, сказали имъ: «*Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ: идите княжить у насъ и владѣть нами.*» По сему зову избрались три брата, Рурикъ, Синеусъ и Труворъ, *взяли съ собою всю Русь*

и пришли къ Славянамъ, Мери и Кривичамъ. Рурикъ срубилъ городъ Ладогу и сѣлъ въ ней княжить; Синеусъ сѣлъ княжить на Бѣлѣ-озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Отъ сихъ Варяговъ-Руссовъ, земля начала называться *Русскою*. — Черезъ два года скончались Синеусъ и Труворъ; всю власть принялъ одинъ Рурикъ, пришелъ къ озеру Илмерю и срубилъ городъ, назвавъ его *Новый городъ*. Тутъ сѣлъ онъ княжить, раздавая мужамъ своимъ волости и города, и велѣлъ имъ рубить города: одному Полоцкъ, другому Ростовъ, третьему Бѣлоозерскъ; въ сихъ городахъ пришельцы были Варяги, а первые поселенцы въ Новгородѣ Славяне, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; всѣми ими владѣлъ Рурикъ (37).»

Мы сообразили уже свѣдѣнія наши вообще о походахъ и завоеваніяхъ Варяжскихъ. Послѣ сего, въ повѣствованіи лѣтописей нашихъ объ основаніи Варяговъ, истина событій раскрывается сама собою, при небольшомъ вниманіи.

Лѣтописи наши положительно говорятъ, что пришельцы, покорившіе власти своей обитате-

(37) Слѣдуемъ тексту Пушкинскаго, съ варіантами изъ Кенигсбергскаго списка, который въ этомъ мѣстѣ кажется полнѣе и вѣрнѣе, нежели всѣ другіе. Смотр. *Дополненія* (статья V).

лей береговъ Финскаго залива, и около лежащихъ рѣкъ и озеръ, подъ именемъ *Русской* земли, и въ послѣдствіи раздвинувшіе предѣлы сей земли до Чернаго моря, были *Варяги, жители Скандинавіи.* Мы видимъ извѣстный намъ образъ дѣйствій и походовъ Скандинавскихъ въ словахъ лѣтописи, означающей приходъ ихъ къ Ильмерянамъ, Чуди, Мери и Кривичамъ; видимъ, что приходъ сихъ завоевателей и дань, ими наложенная, возмутили туземцевъ: они прекратили свои междоусобія и изгнали Варяговъ. Но могъ-ли такой народъ, каковы были Варяги, уступить сопротивленію слабыхъ, несогласныхъ между собою народовъ Финскихъ и Славянскихъ? Не отвергаемъ существованія Рурика и двухъ братьевъ его, хотя оно весьма подозрительно (38); вѣримъ, что сіи братья могли быть призваны, что

(38) Мы приняли уже пришествіе Рурика и его братьевъ, какъ историческій фактъ. Но можемъ-ли отвергнуть сомнѣнія критики, которая, основавшись на доказательствахъ о невѣрности лѣтописцевъ въ описаніи пришествія Варяговъ, будетъ утверждать, что Рурикъ *никогда не существовалъ*? Гдѣ дѣла его? Чѣмъ ознаменовано его бытіе? Если вспомнимъ, что слово: Rik, имѣло символическое значеніе: *богатый, знатный* (тоже, что Германское *Reich*; см. А. Тьерри, Lettres sur l'Hist. de France, стр. 178); что Бѣлоозеро и Изборскъ, упомянутые при началѣ какъ владѣнія Рурика, потомъ теряются въ лѣто-

они были *Князья* Варяжскіе, и предводили новыми толпами Варяговъ, *не тѣми, которыя за два года были изгнаны*. Мѣста, гдѣ начали княжить сіи предводители Варяговъ, были именно такія, которыя могли быть мѣстами отправленія въ дальнѣйшіе походы: *Изборскъ*, куда Трувора привело водяное сообщеніе по Наровѣ и Чудскому озеру: Чудь сдѣлалась ему подвластною; *Ладога*, гдѣ сообщеніе по Волхову, Ильменю и Ловати дѣлало Рурика повелителемъ Ильмерянъ и Кривичей; *Бѣло-озеро*, гдѣ Синеусъ, по Свири, Онежскому озеру, Шекснѣ и Волгѣ, былъ обладателемъ Веси, Мери, Муромы и другихъ народовъ до самыхъ Хазаровъ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ потянулись ладьи Варяжскія по Волгѣ; какъ новые Варяги пришли въ Полоцкъ по Двинѣ; какъ изъ притона Варяжскаго на Ильменѣ, выплыли челны

писяхъ; что Олегъ въ послѣдствіи *беретъ* землю Кривичей, а Рогволодъ *владѣетъ въ Полоцкѣ, отдѣльно завладѣвши имъ*, то, гдѣ тогда будутъ владѣнія Рурика, и самъ Рурикъ? Тройство братьевъ Варяжскихъ явно походитъ на миѳъ. Приходятъ *трое*; черезъ *два* года *двое* умираютъ; остается *одинъ*. Сличите тройство Кія, Щека и Хорева; трехъ сестеръ Богемскихъ, дочерей Крока; трехъ Ирландскихъ завоевателей, и безчисленное множество подобныхъ басенъ. Смотр. подробности у Шлецера, *Несторъ* R. A. (т. I, стр. 196-199).

Варяговъ въ Днѣпръ и Черное море. Хронологія лѣтописца ничего не доказываетъ. Мы уже объяснили, какимъ образомъ была она составлена. Вѣрнымъ выводомъ всего будетъ слѣдующее: гораздо прежде 859-го года Варяги являлись на берегахъ Финскаго залива, налагали дани, встрѣчали сопротивленія, были изгоняемы, и около 862 года *только рѣшительно укрѣпились* въ земляхъ Чуди, Мери, Веси и Ильмерянъ, срубивъ деревянные свои *городки*, или крѣпости, подлѣ Чудскихъ и Славянскихъ селеній, на озерахъ Чудскомъ, Ладожскомъ и Бѣломъ. Тогда кончилась независимость окрестныхъ Финскихъ и Славянскихъ народовъ. Смерть братьевъ Рурика предала въ его волю Бѣлоозерскій и Чудской городки сихъ двухъ Князей. Онъ отправилъ своихъ правителей въ бывшія мѣста пребыванія братьевъ, и самъ перешелъ къ Ильмерю, гдѣ *Новый городъ*, имъ срубленный, сдѣлался главнымъ мѣстомъ его пребыванія. Сбылось то, что дѣлали Варяги въ другихъ мѣстахъ. Новые пришельцы съ береговъ Скандинавскихъ начали собираться въ притоны Варяжскіе. Одни селились въ городкахъ Руриковыхъ; другіе шли далѣе. Рурикъ сталъ богатымъ владѣтелемъ, укрѣпился дружиною, и — здѣсь положено было начало перваго *Русскаго* княжества.

Большая ошибка будетъ, если мы вообразимъ себѣ начало сего новаго государства, началомъ

гражданскаго порядка, стройнаго гражданскаго общества; если мы по нынѣшнимъ понятіямъ нашимъ составимъ себѣ понятіе о бытѣ предковъ нашихъ за девять столѣтій. Обозрѣвая Исторію Русскаго народа, мы увидимъ, какимъ путемъ вело Провидѣніе къ величію и славѣ сей народъ, избранный для великихъ дѣлъ и событій; но не будемъ дорожить тѣмъ, что ложно въ основаніи. Древо, возросшее вѣками, и осѣнившее столь великую часть міра, будетъ-ли унижено, если ничтожный плодъ, сгнившій въ землѣ за 1000 лѣтъ, былъ началомъ его сѣнистыхъ вѣтвей и зеленѣющихъ листьевъ?

Важный вопросъ останавливаетъ насъ, прежде нежели мы обозримъ картину первобытнаго развитія Русскаго народа. Мы должны изслѣдовать, отъ чего явилось имя *Руси*, которымъ названо было государство Рурика, имя, измѣнившееся потомъ въ названіе *Россіи*?

До Рурика не было *одного* имени, которымъ-бы собирательно означаемы были народы, заселявшіе полосу земель отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Каждый народъ, какъ мы видѣли, именовался отдѣльно, и Славянскія племена не имѣли общаго имъ имени *Славянъ*. Народъ, отъ коего пришли Рурикъ и его братья, были Скандинавы; лѣтописи придаютъ имъ имя *Варяговъ*, имя собирательное, коимъ означаютъ онѣ,

какъ мы уже замѣтили, всѣхъ обитателей Скандинавіи, отличая въ числѣ другихъ Варяжскихъ народовъ отдѣльный народъ: *Русь*.

Безполезно будетъ опровергать здѣсь мнѣнія тѣхъ, кои не хотятъ признать въ Варягахъ Скандинавовъ. Полагаемъ сей вопросъ рѣшеннымъ (39). Но, и не сомнѣваясь о Скандинавскомъ происхожденіи пришлецовъ по Балтійскому морю, мы затрудняемся страннымъ недоумѣніемъ: ни имени *Варяговъ*, ни имени *Руси*, не находилось въ Скандинавіи. Мы не знаемъ во всей Скандинавіи страны, гдѣ была-бы область *Варяжская* или *Русская*.

Замѣтимъ прежде всего, что многіе народы принимали тѣ имена, которыя даны имъ были другими, прежде ихъ осѣдлыми, или болѣе просвѣщенными, и иногда собственное имя народа уступало сему, данному другими. Такъ Сканди-

(39) Есть люди, которые еще упорствуютъ въ этомъ. Подробности по сему отношенію всего лучше собраны въ соч. Г-на Погодина: *О происхожденіи Руси* (М. 1825). Тамъ читатели найдутъ изложеніе всѣхъ мнѣній, какія существовали донынѣ о томъ, *кто были Варяги*, и опроверженія ложныхъ мнѣній, съ показаніемъ матеріяловъ, по которымъ можно собрать подробности.

навы назвались во Франціи *Нордманнами*, именемъ, которымъ называли ихъ иноземцы. Что еще весьма часто производило имена, коими называли себя дикія толпы народовъ? Какое либо отличіе, упражненіе, занятіе. Такъ начались имена *Германцевъ*, *Франковъ*, *Бургундцевъ*, *Саксоновъ* (40).

Спрашиваемъ: имя *Варяговъ* было-ли отличительнымъ именемъ дружинъ Рурика и его преемниковъ? Нимало: такъ называли у насъ *вообще Скандинавовъ*. Лѣтописи наши, въ половинѣ XII-го вѣка, употребляли сіе имя, когда слово: *Русь*, было уже для нихъ самобытнымъ. Обращаемся къ источнику нашихъ лѣтописей, Греціи, и находимъ, что Варягами называли въ Греціи *всѣхъ Скандинавовъ*. Тамъ началось имя Варяговъ, котораго никогда не принимали на себя наши предки, перенявъ его отъ Грековъ только *для означенія сѣверныхъ Скандинавскихъ народовъ* (41).

(40) *Германцы* отъ her, *копье*, *оружіе*, *война*, и mann, *человѣкъ*; имя: *Франкъ*, значило *свободнаго человѣка*; *Саксоны* названы отъ слова: sachs, *мечъ*. Такъ произошли имена: Бургундія, Burh-gunds, *соединенные воины*, и проч.

(41) Имя: *Варягъ*, производили отъ разныхъ причинъ (смотр. объ этомъ Ист. Г. Р. Карамзина. т. I, примѣч. 101). Вотъ, кажется, настоящая причина: первые

Какимъ-же именемъ могли называть себя толпы Скандинавскихъ завоевателей, или, говоря точнѣе, морскихъ разбойниковъ, выступившихъ на Финскіе берега? Никакимъ изъ именъ земель или областей, на которыя дѣлилась тогда Скандинавія; ибо всѣ сіи толпы были смѣсью народа изъ разныхъ областей. Они назвали себя *Русь*, именемъ, не означавшимъ ни страны, ни народа.

При каждомъ сборѣ на войну въ Скандинавіи,

изъ Сѣверныхъ народовъ вступили въ Греческую службу *Готѳы*. Греки назвали ихъ почетнымъ именемъ: *союзники* (*φοιδεϱατοι*). Это названіе Готѳы перевели на свой языкъ словомъ: Vaeringar, а Греки измѣнили въ *Варангъ* (*Βαϱαγγοι*), отъ чего явилось *Варягъ*. Скандинавы, вступая въ службу Грековъ, принимали сіе имя, и отъ того говорится о нихъ у Грековъ подъ именемъ *союзниковъ* и подъ именемъ *Варанговъ*, безъ разбора. Греки въ послѣдствіи употребляли сіе имя точно въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляли его наши лѣтописцы, означая обитателей Скандинавіи, Даніи и Британіи: обыкновенная, старая привычка Грековъ, отъ которой произошли имена *Гипербореевъ*, *Киммеріанъ*, *Скиѳовъ* и *Сарматовъ*. Но Греки знали (важное обстоятельство!), что Варяги имѣютъ свои собственныя, народныя, отдѣльныя имена (Слич. Стриттеровы, Memoriæ populorum, т. IV, стр. 429-476; Шлецера, *Несторъ*, R. A, т. II; Эверса, *Предвар. изслѣд.* (Переводъ Г-на Погодина (М. 1825 г.) ч. I.).

когда набѣги Скандинавовъ были уже правильною системою тамошнихъ Князей и вождей, на живущихъ внутри земли налагалась обязанность поставлять пѣшихъ воиновъ, а на живущихъ по берегамъ моря, гребцовъ и воиновъ въ лодкахъ: послѣдніе именовались *Руси* и *Роси*. Отъ того весь Упландскій берегъ, гдѣ было одно изъ главныхъ морскихъ становищъ, получилъ названіе *Рослагена* (мѣста сборища Руссовъ). Вездѣ, куда приходили и гдѣ селились Скандинавы, донынѣ сохранились имена *Россовъ* и *Руссовъ*, т. е. мѣстъ, гдѣ существовали древле притоны морскихъ ополченій Скандинавовъ. Финны, на которыхъ Руси Скандинавскіе дѣлали набѣги, донынѣ называютъ Шведовъ *Россами*. Именемъ Россовъ и *Руссовъ* назвали ихъ и Славянскія поколѣнія, какъ такимъ именемъ, которымъ сами себя называли пришельцы, которое ставили они себѣ за честь, какъ имя означавшее ихъ званіе: *морскіе воины*. Оно казалось именемъ народа чужеземцу, было именемъ дружинъ Руриковыхъ, и осталось именемъ всѣхъ потомковъ ихъ. Повторяемъ, что Руриковы дружины никакимъ другимъ именемъ не могли назвать себя. Такъ имя *Казака* сдѣлалось именемъ народа (42).

(42) Что слово: *Росслагенъ* не было именемъ собственнымъ Упландскаго берега, см. Барона Розенкамп-

Причиною всѣхъ другихъ этимологическихъ и часто затѣйливыхъ догадокъ, бывали ложныя понятія о началѣ государствъ и народовъ. Прежде непремѣнно хотѣли Историки отыскать имя собственное, олицетворить его, и отъ него выводить народъ. Прежде думали, что Греки необходимо должны были имѣть прародителя *Грека*, Славяне *Славена*, Тевтоны *Тевта*, Поляки *Ляха*, и Датчане *Дана*; что поколѣніе такого *первобытнаго человѣка* должно было разраждаться, разселяться, строить города, основывать государства, и сохранять въ имени народномъ имя своего прародителя. Нынѣ мы знаемъ, что имена народовъ бывали всегда случайныя; что маленькія племена разно-

фа, *Объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи* (*Труды Общ. Ист. и древн. Россійскихъ*, ч. IV, кн. 1. стр. 144 и слѣд.). Тутъ-же объяснены симъ ученымъ изыскателемъ сборы Скандинавовъ въ походъ и гражданскія установленія въ семъ случаѣ. — Названія *Руси* на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывали Скандинавскіе притоны, сообразилъ Г-нъ Мухановъ (см. упом. *Труды Общ. Ист. и древн.* ч. IV, кн. I. стр. 69 и слѣд.). Имя: *Казакъ*, значило въ Азіи *коннаго воина*, и симъ именемъ назвалась многочисленная орда *Канкловъ* или *Кангюевъ* (Киргизъ-Кайсаки). См. Мейендорфа, Voyage à Boukhara (Пар. 1826 г. кн. I, 53), и О. Іакинеа, *Опис. Чжуньгаріи*, т. I. стр. XXV и слѣд.

родныхъ людей, западавшихъ при какой нибудь рѣчкѣ составляли первое зерно каждаго народа, и теряли потомъ память о своемъ происхожденіи. Движенія другихъ народовъ и первобытная каждаго изъ нихъ кочевая жизнь часто сбивали поколѣнія съ ихъ мѣстъ, забрасывали ихъ въ стороны, заставляли соединиться съ другими. Сильнѣйшій организмъ одного народа поглощалъ окрестъ себя другихъ, какъ организмъ человѣка поглощаетъ пищу, и что такимъ образомъ превосходящая сила одного племени сливала все окружавшее его въ одно тѣло, раздвигавшее члены свои вѣками и постепенно.

Узнавъ *имена*, *исторію* и *мѣста* народовъ, образовавшихъ собою *народъ Русскій*, мы не вполнѣ еще знаемъ первобытныя, основныя стихіи нашей отчизны. Здѣсь мертвый рисунокъ должно оживить красками, изобразивъ бытъ коренныхъ туземцевъ, и то общество, которое образовали они, соединясь съ пришедшими къ нимъ Варягами.

Къ сожалѣнію, памятники наши недостаточны и картина быта народовъ, покоренныхъ Варягами, черезъ тысячу лѣтъ не можетъ быть достаточно дополнена немногими, общими свѣдѣніями. Мы должны однакожъ довольствоваться тѣмъ, что находимъ въ памятникахъ.

Въ наше обозрѣніе не войдутъ Финскія племена. Отставая далеко отъ Славянскихъ пле-

менъ тѣлеснымъ сложеніемъ, будучи диче, бѣднѣе, малочисленнѣе ихъ, они вскорѣ были оставлены Варягами безъ вниманія. Прозябая неподвижно на мѣстахъ, ими издревле занимаемыхъ, даже и нынѣ Финны могутъ-ли быть почтены народомъ, входящимъ въ составъ гражданскаго нашего общества? Нимало: это волчцы и дикія травы, растущіе по нивамъ, засѣяннымъ животворными, хлѣбными растеніями. Но тѣмъ тѣснѣе слились Скандинавскіе пришлецы съ Латышскими и Славянскими племенами, долженствующими обратить на себя полное вниманіе наше.

Лѣтописи наши крапко описываютъ нравы и бытъ Славянскихъ народовъ, послѣ переселенія ихъ на Ильмень и Днѣпръ. Онѣ говорятъ намъ, что изъ Славянскихъ поколѣній, Поляне были мирны, кротки, не терпѣли многоженства, и были притѣсняемы отъ Древлянъ, жившихъ звѣрски, въ лѣсахъ, похищавшихъ дѣвицъ Полянскихъ и ѣвшихъ падалину. Таковы-же были, говорятъ лѣтописцы, нравы Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ и Кривичей. Объ Ильмерянахъ сохранилось только одно извѣстіе, что они знали употребленіе бань и любили париться. Лѣтописи прибавляютъ, что Радимичи, Вятичи и Сѣверяне собирались на игрища, гдѣ неистовое сладострастіе замѣняло имъ законные браки; что многоженство было у нихъ позволено, и что они сжигали

мертвыхъ на большихъ кострахъ, праздновали тризну, собирали кости въ сосудъ, и выставляли ихъ на столбахъ (43).

Симъ ограничиваются всѣ извѣстія нашихъ лѣтописей. Весьма трудно дополнять сіи извѣстія сказками, какія находимъ въ лѣтописяхъ, также позднѣйшими свѣдѣніями и оставшимися обычаями, или извѣстіями писателей Европейскихъ, знавшихъ Славянъ до переселенія ихъ съ Дуная, и писателей Восточныхъ, описанія которыхъ чрезвычайно перепутаны. Извлекаемъ однакожъ здѣсь все, что можно признать достовѣрнѣйшимъ (44).

Тацитъ описывалъ Венедовъ, какъ жителей Германіи, народомъ кочующимъ, грабящимъ сосѣдей,

(43) *Кенигсбергск.* списокъ, стр. 11-12; *Пушкинскій* сп. стр 7—8; объ Ильменскихъ Славянахъ, *Кенигсб.* стр. 8; *Пушкинскій* стр. 5.

(44) Въ Ист. Г. Р. Карамзинъ помѣстилъ весьма подробныя извѣстія о бытѣ древнихъ Славянъ (Т. I, глава III: *О физич. и нравств. характерѣ Славянъ древнихъ*). Осмѣливаюсь замѣтить, что Карамзинъ сдѣлалъ большую ошибку: онъ перенесъ народныя повѣрья наши, нынѣшнія, и извѣстія о Западныхъ Славянахъ, позднѣйшихъ, къ древнимъ Славянамъ. Отъ того столь огромнымъ и подробнымъ явилось въ Ист. Г. Р. описаніе самой Миѳологіи Славянской, мало намъ извѣстной, если будемъ критически разбирать свѣдѣнія объ оной, разнообразныя и невѣрныя.

грубымъ, но не столь уже дикимъ и невѣжественнымъ, какъ Финны, ихъ восточные сосѣди, вытѣсненные изъ прежнихъ жилищъ своихъ Венедами (45). Въ VI-мъ вѣкѣ Западные писатели описывали Славянъ народомъ уже имѣвшимъ постоянныя жилища, но живущимъ грубо, неопрятно, любящимъ личную независимость, словомъ: все еще, какъ народъ дикій, варварскій, имѣющій мало нуждъ и немного потребностей, даже въ общественномъ устройствѣ и религіи. Они поклонялись единому Богу, творцу міра и обладателю молній, но не знали будущей жизни; молились и творили обѣты въ часы опасности; тогда приносили и жертвы, забывая о богѣ своемъ, когда ничто не угрожало имъ опасностію.

Славяне, говорятъ тѣ-же писатели, великорослы, сильны, загорѣлы отъ солнца, всѣ русые; и даже рыжіе. Они добродушны и не хитры; гостепріимство почитаютъ священною обязанностію, и сосѣдъ обязанъ мстить за оскорбленіе, причиненное сосѣдомъ его пришельцу, просившему гостепріимства.

(45) Тацитъ, de moribus Germanorum, XXVI. Писатели VI-го вѣка о Славянахъ: *Прокопій Кесарійскій* (см. выписку въ Memoriae populorum, т. II, стр. 28-29) и *Императоръ Маврикій* (въ своемъ Strategicum, кн. II, гл. 5).

Скотоводство и земледѣліе были уже тогда упражненіемъ Славянъ; снятый, обмолоченный хлѣбъ прятали они въ ямы. Кончивъ трудъ свой, Славянинъ праздно пролеживалъ остальное время, или обдѣлывалъ свои земледѣльческіе и рыболовные снаряды, также свое оружіе: мечъ, щитъ. Славяне сражались всегда пѣшіе, худо защищались на открытомъ полѣ, выскакивали толпами изъ засадъ, и всего лучше умѣли побѣждать хитростію. Греки боялись ихъ скрытыхъ нападеній, ибо Славяне знали средства таиться даже въ рѣкахъ, дыша черезъ длинныя трубки, и выжидая непріятеля. Къ числу ихъ оружія принадлежалъ лукъ; стрѣлы намазывали они смертельнымъ ядомъ. Славянки дѣлили труды, занятія и самые походы съ своими мужьями. Греки часто находили на полѣ битвъ Славянокъ, убитыхъ подлѣ мужей, коихъ не хотѣли онѣ переживать, ибо вдовство считалось у нихъ безчестіемъ, и потому Славянки сжигались на кострахъ съ своими умершими мужьями.

Все сказанное здѣсь можемъ почитать сохранявшимся и между переселившимися на Ильмень и Днѣпръ Славянами. Арабы, знавшіе Славянъ, уже подъ именемъ Руссовъ, въ началѣ XI вѣка, прибавляютъ намъ немногое къ симъ свѣдѣніямъ. Они говорятъ о дикости Руссовъ, ихъ поклоненіи идоламъ, неопрятности, которая ужасала опрятныхъ Мусульманъ, и съ удивленіемъ

описываютъ, какимъ образомъ сожигались жены Руссовъ съ своими умершими мужьями (46).

Не смотря на отдаленность того времени, когда племена Венедовъ могли придти въ Европу, во всемъ этомъ мы видимъ слѣды Азіятскаго, и именно — Индійскаго происхожденія Славянъ: обычаи и религія указываютъ намъ на сіи слѣды (47). Съ тѣмъ вмѣстѣ, и образъ правленія патріархальный, ведущій къ единодержавію, долженъ былъ существовать у Славянъ. По всѣмъ извѣстіямъ такое правленіе точно у Славянъ существовало. Переселенные въ нынѣшнюю Россію, раздѣленные на нѣсколько маленькихъ народовъ, Славяне повиновались своимъ владѣтелямъ, и не знали феодальной системы Германцевъ и Скандинавовъ. Лѣтописи сохранили даже имена нѣкоторыхъ Князей Славянскихъ, хотя мы и не можемъ почитать такія извѣстія достовѣрными (48). Въ затруднительныхъ

(46) Извѣстія Восточныя, см. въ сочиненіи Френа *Ibn-Foszlan's* und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit (СПб. 1823.).

(47) Слич. *Шлегеля*, Sprache und Weisheit der Indier (Гейдельбергъ, 1808 г.); Лелевеля, Dzieie starożytne Indyi (Вильна, 1823 г.); Риттера, Die Vorhalle Europäischer Völkergeschichten (Берлинъ, 1820 г.). См. еще прим. 56.

(48) *Кія*, *Щека*, *Хорева*, Древлянскаго *Мала*,

случаяхъ, властитель собиралъ *вѣче*, или совѣтъ старцевъ и избранныхъ мужей, которые рѣшали дѣло (49).

Не зная подробно первобытныхъ гражданскихъ установленій и законовъ Славянскихъ, мы также не имѣемъ никакихъ памятниковъ ихъ увеселеній, забавъ, пѣсней, которыми, какъ говорятъ намъ Греки, Славяне любили увеселять себя, играя на струнныхъ инструментахъ. Нѣкоторыя изъ нашихъ народныхъ пѣсенъ показываютъ слѣды древности: въ нихъ упоминается о *Дунаѣ*, изображаются увеселенія, игры, обычаи, явно древніе (50). Есть слѣды и религіозныхъ гимновъ Славянскихъ, пѣсенъ заклинательныхъ, сохранившихся болѣе у древнихъ Славянскихъ переселенцевъ, племенъ Латышскихъ.

Радимичскаго *Радима*, и Вятичскихъ *Вятка* и *Ходоты*, напримѣръ; впрочемъ, сличеніе событій въ Исторіи Славянскихъ народовъ, лучшее доказательство.

(49) Такія *вѣчи* въ послѣдствіи приняты были и Варягами, когда самобытность Славянъ превозмогла Скандинавскіе обычаи.

(50) Игра: *просу сѣять*, колядованье, подблюдныя пѣсни, завиванье вѣнковъ, огни въ Ивановъ день, явно древніе, языческіе обряды и торжества. *Дунай* составляетъ одинъ изъ любимыхъ припѣвовъ въ хороводныхъ пѣсняхъ. Заклинательныя Литовскія пѣсни сохраняются въ величайшей тайнѣ между народомъ. О любви древнихъ Славянъ къ увеселеніямъ и пѣснямъ, сопровождаемымъ попойками, см. Memor. populor. т. II, стр. 53-54 и 61.

Все заставляетъ насъ думать, что Славяне были на степени образованія ни сколько не выше Скандинавскихъ пришельцевъ - побѣдителей. Въ противоположность Скандинавамъ, храбрымъ, жаднымъ къ богатствамъ и добычѣ, жившимъ войною и набѣгаами, Славяне представляли нѣчто спокойное, кроткое и мирное. Замѣтимъ и противоположность гражданскую: Славяне и Скандинавы равно дорожили необузданною свободою; но первые страшились только чуждаго ига, и повиновались своимъ Князьямъ; другіе не знали никакой власти надъ собою. Скандинавы не дорожили постояннымъ мѣстопребываніемъ и разсѣявались повсюду; Славяне всегда собирались въ одно мѣсто, любили осѣдлую жизнь, знали земледѣліе, привязывающее человѣка къ землѣ, имъ обработываемой, и скотоводство, заставляющее всего болѣе цѣнить мирное спокойствіе. Двѣ стихіи столь разнородныя слились въ единое гражданское общество: одна, какъ дѣятельное начало духа; другая, какъ тяжелая вещественность. Что изъ сего произошло?

Скандинавія никогда не была разсадникомъ многочисленныхъ народовъ, и Варяги никогда и нигдѣ не являлись толпами многочисленными. Безстрашные, готовые на битву и смерть, готовые и къ побѣгу, они пріѣзжали иногда десятками и основывали государства. Сорокъ человѣкъ положили начало Неаполитанскимъ заво-

еваніямъ Нордманновъ. Вѣроятно, что дружина Рурика и братьевъ его состояла изъ немногихъ (51); но сіи немногіе, закаленные въ буряхъ и битвахъ, были ужасны. Такимъ образомъ объясняется образъ владычества Варяговъ повсюду.

Являясь и основываясь въ небольшомъ числѣ, Варяги должны были налагать иго тяжкаго военнаго деспотизма на покорявшіеся власти ихъ народы. Каждый Варягъ долженствовалъ быть полновластнымъ повелителемъ туземца и видѣть въ немъ безоружнаго раба. Но, безпрерывно стремясь къ набѣгамъ, Варяги должны были составлять себѣ войско изъ туземцевъ, и ихъ руки обращать на завоеванія. Отъ того, избранная дружина повелителей должна была по-

(51) Многіе воображали, что Рурикъ привелъ съ собою *цѣлый народъ Русскій,* и доказывали это словами лѣтописей: «*пояша по себѣ всю Русь.*» Что Скандинавія никогда не была и не могла быть разсадникомъ народовъ многочисленныхъ, vagina gentium, officina gentium, какъ сказалъ Іорнандъ, и какъ повторяли за нимъ многіе другіе, это доказываетъ просто взглядъ на мѣстность Скандинавіи. Въ новѣйшее время объяснено, что Готѳовъ не должно считать выходцами Скандинавскими; они жили близъ Балтійскаго моря, по сю сторону, и отсюда двинулись къ Черному морю. Смотр. *Деппинга*, Hist. mar. т. I, стр. 5 и слѣд.— Любопытно еще въ семъ отношеніи сочиненіе I. Гроберга; оно переведено было въ *Вѣстникѣ Европы* (1829 г. кн. 1 и 2-я).

степенно возвышать рабовъ своихъ, жаловать ихъ отличіями, и только не передавала имъ своего владычества, исключительно принадлежавшаго Варягамъ, которые признавали власть Варяга, дѣлавшагося властителемъ страны, но не получавшаго надъ товарищами безусловнаго начальства, и сохранявшаго только прежнее значеніе: *повелителя въ дѣйствіи*. Здѣсь видно существенное различіе правъ Варяга и Славянина, ему покорнаго.

Тогда не было ни постояннаго сообщенія между мѣстами завоеваній, ни населенныхъ странъ отъ одного мѣста до другаго: пустыни и лѣса раздѣляли селенія, заброшенныя въ дичи лѣсовъ, гдѣ при рѣкахъ были расчищены мѣста для кучи бѣдныхъ хижинъ, обитаемыхъ туземцами (52). Варяги строили близъ такихъ селеній свои крѣпости, или городки, гдѣ хранили собираемыя богатства и могли защищаться отъ нападенія непріятелей, новыхъ пришельцевъ, или и самыхъ покоренныхъ ими народовъ, иногда

(52) Вѣроятно, что первобытныя обиталища были землянки; потомъ стали строить *деревянные* домы, *или хижины*, и собраніе нѣсколькихъ такихъ домовъ получало названіе *деревни*. *Городъ* означалъ мѣсто, *огороженное* стѣною, для защиты находившихся внутри его домовъ. Симъ разрѣшается недоумѣніе, что Варяги *срубили города*, когда города *уже существовали у Славянъ*.

возстававшихъ на своихъ повелителей, которые изъ городовъ разъѣзжали по окрестностямъ, пускались вдаль, и обременяли владычествомъ покоренную страну.

Признавая власть главнаго *Конунга* (имя, перемѣненное въ земляхъ Славянскихъ на имя *Князя*, встрѣчаемое съ древнѣйшихъ временъ у Славянъ (53)), владѣтели каждаго изъ городковъ, разсѣянныхъ на великомъ пространствѣ, принимали также именованія *Князей*. Главный Князь долженъ былъ требовать ихъ совѣта при сборѣ на войну, и давать имъ часть приобрѣтенной добычи; договоры заключались отъ имени *Великаго Князя* и *удѣльныхъ Князей*. Вновь приходившія дружины Варяговъ должны были покоряться симъ установленіямъ, и каждое новое завоеваніе входило такимъ образомъ въ составъ

(53) Слово: *Князь*, производили отъ *коня*. Добровскій выводилъ его отъ слова: *конъ*, принимая сіе слово за первобытное, отъ котораго будто-бы произошло слово: *законъ* (*Карамзинъ*, Ист. Г. Р. т. I, стр. 75 и примѣч. 163). Полагаю, что вѣрнѣе выводить слово: *законъ*, отъ Греческаго *Κανὸν* (правило). Можно согласиться и въ томъ, что Князь произошло отъ Скандинавскаго: Konung. Все это вѣроятно, но еще вѣроятнѣе, что звукъ, выражающій слово, означающее человѣка имѣющаго власть, отозвался изъ Азіи. Отъ того такое созвучіе Славянскаго: *Князь*, Восточнаго: *Каганъ* (Хаганъ), Скандинавскаго: Konung, и Германскаго: König.

сей удѣльной системы. Сыновья Князей дѣлили участки отцовъ своихъ, а новые Варяги, не участвуя уже въ дѣлежѣ земель, составляли собою родъ безпомѣстнаго дворянства, предводительствовавшаго, повелѣвавшаго туземцами, составлявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ избранную дружину каждаго Князя и опору власти его.

Туземцы, покорные Варягамъ, были рабы. Право жизни и смерти принадлежало Князьямъ, равно какъ имѣніе туземца, самъ онъ и семейство его. По приказу Князя туземцы принимались за оружіе и шли въ походъ, предводимые Варягами, но по окончаніи похода оружіе у нихъ отбиралось и хранилось въ кладовыхъ Князя.

Туземцы платили подать ежегодно, съ дома или съ семьи. Подать сія состояла въ мѣхахъ, составлявшихъ богатство жителей; если гдѣ находилось золото, оно принималось въ подать.

Слѣдствіемъ такого порядка долженствовали быть торговля и появленіе средняго состоянія изъ туземцевъ. Мѣха, собираемые въ подать, покупаемы были Славянами у Варяговъ, или отъ ихъ имени возимы были въ пограничныя мѣста и къ чужеземцамъ, и промѣниваемы на другіе товары, золото, и серебро. Такъ съ древнихъ временъ началась торговля въ Ладогѣ, на озерѣ Нево, получившемъ имя *Ладожскаго* отъ сего города, вскорѣ сдѣлавшагося извѣстнымъ у Скандинавовъ и Германцевъ, подъ именемъ *Альдеи-*

габурга. Хазары, и Булгары Волжскіе доставляли средства сбывать мѣха и Европейскіе товары на Востокъ, и обратно получать Восточные товары въ Сѣверную Европу. Торговая предпріимчивость открыла путь въ дикую Біармію; вскорѣ Руссы узнали путь и въ самый Царьградъ. Богатство торгующихъ рабовъ пріобрѣтало имъ уваженіе отъ Варяговъ, презиравшихъ мирныя занятія, и все добывавшихъ мечемъ. Купечествующій Славянинъ, пріѣзжая съ товаромъ въ чужую землю, пользовался именемъ и неприкосновенностью *гостя*, и чрезъ то пріобрѣталъ уваженіе и у себя дома. Гражданскія должности начали отдаваться Славянамъ, и *людины* (Liude, Leute) стали отдѣляться отъ рабовъ.

Имя *гостя* и *купца* сдѣлалось такимъ образомъ почетнымъ, а право *купить себѣ невольника* вскорѣ отдѣлило понятіе о *рабѣ* (холопѣ), отъ понятія о *свободномъ человѣкѣ* (людинѣ). Варягъ былъ воинъ Князя, и продавалъ ему свою услугу за деньги, или уступку власти, могъ носить мечъ, жить гдѣ хотѣлъ, и дѣлать, что ему угодно; но Славянинъ, Латышъ и Финнъ были собственно рабами, ибо не участвовали въ Княжеской власти. Заплативъ однакожъ опредѣленную подать, они владѣли условно своимъ имуществомъ и богатствомъ, и, откупаясь отъ притѣсненія повелителей,

пользовались собственно такою-же свободою, какъ и Варяги, властвуя надъ своими рабами, приобрѣтенными за деньги.

Малочисленность Варяговъ, неравенство правъ между первыми Варяжскими пришельцами и новыми выходцами изъ Скандинавіи (ибо первые были осѣдлыми властителями, другіе безпомѣстными воинами) и распространеніе гражданскихъ правъ между Славянами, сливали такимъ образомъ мало по малу оба народа въ одно политическое тѣло. Но сіи успѣхи общества были медленны, и черезъ 200 лѣтъ послѣ Рурика существовало еще различіе даже Славянскихъ поколѣній между собою, не только Славянъ и Варяговъ.

Будучи разсѣяны въ маломъ числѣ, принуждены обращаться и жить съ Славянами, имѣя грубыя и не твердыя понятія обо всемъ, кромѣ понятія о свободѣ и корысти, Варяги скорѣе всего утратили свои народныя отличительныя черты: религію, языкъ и обычаи. Мы почти не видимъ слѣдовъ Скандинавской религіи въ немногихъ преданіяхъ о Миѳологіи первобытныхъ Руссовъ, и думаемъ, что Варяги приняли религію покоренныхъ ими Славянъ, не находя въ ней большаго различія: *Перунъ* замѣнилъ имъ *Одина*, и власть *Волоса*, бога скотовъ и пажитей, легко могла быть понята Варягами среди Славянскихъ народовъ, знавшихъ земледѣліе и скотоводство. Понятіе о духахъ, живущихъ въ глуши лѣсовъ,

и духахъ, блюстителяхъ жилищъ, были свойственны Скандинавамъ (54) наравнѣ съ Славянами. Разность Скандинавскаго языка могла также исчезнуть среди Славянъ, какъ и религіозныя идеи Скандинавовъ, или, лучше сказать, языкъ побѣдителей долженъ былъ слиться съ языкомъ покоренныхъ Славянъ. Но слѣды разности оставались долго, и дошли до насъ въ названіяхъ урочищъ и городовъ, изъ коихъ многіе носили вмѣстѣ Славянское и Варяжское имя (55).

(54) Всѣхъ лучше, кажется, разобралъ основанія Скандинавской Миѳологіи Финнъ Магнузенъ (Eddaläeren og dens Oprindelse, etc. Копенгагенъ, 1824-1826 гг.—). Разборы его важнаго сочиненія см. The Foreign Quart. Review, 1828 г. III, стр. 210-243; и Journal des Savans, Ноябрь 1828, Январь, 1829 гг. Онъ показалъ, что основаніе Скандинавской Миѳологіи было двоякое, и что кромѣ того въ Скандинавіи было еще нѣсколько сектъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находилась одна, имѣвшая основаніемъ своимъ чистый матеріялизмъ, и къ ней большею частію принадлежали бродящіе Скандинавскіе воители. Тѣмъ легче могли они перемѣнить свою религію.

(55) Такъ-же какъ и нынѣ въ Славянскихъ земляхъ, подвластныхъ Германскимъ народамъ, города именуются двояко, по-Нѣмецки и по-Славянски. Драгоцѣнный памятникъ различія Славянскаго и Варяжскаго языка, при сліяніи двухъ народовъ, остался намъ въ именахъ Днѣпровскихъ пороговъ. Константинъ Порфирородный (въ книгѣ своей: *Объ управленіи Государствомъ*; см. Mem. popul. т. II, 980-987) говоритъ, что въ его время (въ половинѣ X вѣ-

Языкъ Славянъ, отъ коего видимъ нынѣ столь много отраслей, вѣроятно, былъ сохраненъ Славянскими племенами, удалившимися въ нынѣш-

ка) Днѣпровскіе пороги имѣли Варяжскія и Славянскія именованія, а именно: второй порогъ назывался по-Варяжски: *Ульворси*, по Слав. *Островунипрахъ* (οὐλβορσι—ὀστροβουνιπραχ); четвертый, по Вар. *Ейфаръ*, по Слав *Неаситъ* (Ἀειφαρ-Νεασητ); пятый, по Вар. *Варуфоросъ*, по Слав. *Вульнипрахъ* (Βαρουφορος-Βουλνιπραχ); шестой, по Вар. *Леанти*, по Славян. *Верутзи* (Λεαντι-Βερουτζη); седьмой, по Вар. *Струвунъ*, по Слав. *Напрези* (Στρουβουν-Ναπρεζη). См. разысканія объ этомъ въ Лерберговыхъ *Изслѣдованіяхъ къ объясненію древней Русской Исторіи* (Русскій пер. Д. И. Языкова, СПБ. 1819 г. стр. 265—320); также Г-на Погодина, *О происхожденіи Руси*, стр. 55-72; Карамзина Ист. Г. Р. Т, I, прим. 102.—Любопытно было-бы изслѣдовать имена Русскихъ древнихъ Князей. Слишкомъ рано являются у насъ *Святославы*, *Рогволоды*, *Ярополки*, *Олеги*. Были-ль это испорченныя и составныя имена: *Сфенд-олафъ*, *Ренгвалдъ*, *Jarl-полкъ*, *Олафъ*, подобно *Игорю* (Ингварь), *Свенельду* (Свенгелдъ), *Владиміру* (Вольдемаръ), такъ-же, какъ въ Галліи, *Меревигъ*, *Хлоди*, *Хлодегеръ*, *Тіодерикъ*, *Хладемеръ*, *Хильдебертъ*, измѣнились въ Merovée, Clodion, Clotaire, Thierry, Clodomir, Childebert? Вѣроятнѣе всего, что Славяне переводили имена Варяговъ, по своему обычаю (какъ перевели они: Кенигсбергъ, *Королевецъ*, Саркелъ, *Бѣлая вежа*, Харакалпакъ, *Черный клобукъ*). Въ такомъ случаѣ, окончаніе: *славъ*, могло замѣнить Скандинавскія: wig и rik; Allrik могъ превратиться въ *Всеслава*, Thiodrik въ *Вышеслава*, и проч.

нюю Россію, не въ первобытной полнотѣ его, какую находимъ соображая памятники и слѣды первобытности его въ разныхъ отрасляхъ (56). Вѣроятно также, что языкъ поколѣній Славянскихъ, завоеванныхъ Руссами, уже разнился съ языками Германскихъ ихъ собратій. Полагаемъ, что множество двойныхъ словъ въ Русскомъ языкѣ, особливо на выраженіе одного предмета, введено

(56) Происхожденіе языка должно быть рѣшаемо не созвучіями, но Грамматикою: вотъ основаніе; звуки служатъ только дополненіемъ. При такомъ воззрѣніи, мы не будемъ по звукамъ заключать о родствѣ Славянскаго языка съ Нѣмецкимъ, Греческимъ Латинскимъ (Примѣры согласія звуковъ: Нѣмецкихъ съ Славянскими: ноготь, Nagel, солнце, Sonne; Греческихъ съ Славянскими: кадь, κάδος, жиръ, ςέαρ; Латинскихъ съ Славянскими: огонь, ignis, око, oculus), ибо увидимъ, что всѣ сіи языки въ *основаніяхъ* разнятся съ Славянскимъ. Чрезвычайно полезно было бы составить *Грамматику Славянскихъ языковъ*, по живымъ звукамъ нынѣ существующихъ языковъ Славянскихъ (Русскому, Польскому, Богемскому, Сербскому, Булгарскому, Иллирійскому, Вендскому, Кроатскому), и по древнѣйшимъ *народнымъ* памятникамъ. Разительное сходство грамматическихъ основаній въ языкахъ Славянскихъ съ основаніями Санскритскаго, есть одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ Индійскаго происхожденія Славянъ. Здѣсь открываются также всѣ потери, претерпѣнныя Славянскими языками, при отпаденіи ихъ отъ корня. Для примѣра, возьмемъ спряженія глаголовъ: мы должны имѣть три *вида* полные, въ каждомъ глаголѣ: *простой* — на *ать* и *ять*; отъ

было Варягами, въ тоже время принимавшими формы языка Славянскаго (57).

нихъ *однократные* на *уть* и *ить*, и *многократные* на *ывать* и *ивать*; при каждомъ видѣ времена: *настоящее*, *прошедшее*, *будущее*; сложные глаголы должны мы спрягать съ многократнымъ. Не болѣе 300 глаголовъ однакожъ остается въ нынѣшнемъ Русскомъ языкѣ полныхъ, и слѣдуетъ симъ правиламъ; другіе утратили въ несложныхъ видъ простой, и замѣнили его однократнымъ (*колоть*, *горѣть*), сохранивъ видъ простой въ сложныхъ (*колать*, *горать*), и производя сложные съ симъ видомъ (*заколать*, *выгорать*); видъ будущій несложный замѣненъ грубою формою съ существительнымъ глаголомъ *быть*, *бывать*.

(57) Вотъ любопытный предметъ для изслѣдованія. Мы говоримъ: *лобъ* и *чело*, *топоръ* и *сѣкира*, *хребетъ* и *спина*; такихъ одно-значащихъ словъ, *не синонимовъ*, тысячи. Должно собрать и разсмотрѣть ихъ. Это могло-бы повести къ важнымъ открытіямъ. Прилежное разсмотрѣніе показало Тунману, что слова касающіяся мореходства, въ Готѳскомъ языкѣ *Финскія*; Ватсонъ открылъ, что при смѣшеніи Славянскаго языка съ Финскимъ, въ Латышскомъ языкѣ, слова касающіяся мореходства, землепашества и огородничества, суть *Финскія*; П. И. Кеппенъ замѣтилъ, что въ Венгерскомъ языкѣ слова, касающіяся земледѣлія и сельскаго домоводства *Славянскія*; Нибуръ также разложилъ Латинскій языкъ. Изслѣдованіе словъ въ Русскомъ языкѣ пояснило-бы намъ отношеніе Варяговъ къ Славянамъ.

При дикости и грубости нравовъ народа покореннаго, и при безграничной власти покорившаго, законы, будучи неписанными законами, но обычаями, долженствовали быть просты, малосложны и грубы. Кровь за кровь, *вира* Князю за всякое преступленіе, окупъ, или выдача головою, составляли всѣ уголовные законы, и всѣ они удивительнымъ образомъ служили къ уравненію правъ между Варягами и Славянами: мечу Варяга Славянинъ противополагалъ золото, и наказывая смертью дерзость Варяга, откупался вирою Князю, усиливая через то власть его и возвышая себя. Всего болѣе давала средства защиты покореннымъ народамъ вира, платимая отъ цѣлыхъ *вервей*, или селеній, и особенно *дикая*, или платимая въ сроки. Здѣсь ясно стремленіе Варяжскихъ Князей ограничить силу своихъ спутниковъ. Гражданскіе законы были также немногочисленны. Возвращеніе похищеннаго и *вира* Князю; дѣлежъ наслѣдства по ровной части, взятіе на Князя при извѣстныхъ условіяхъ: вотъ почти все, чѣмъ ограничивались гражданскіе законы народа, которому *обычаи были закономъ*. Не зная письменъ, Славяне сохраняли договоры между собою и память событій мѣтками и знаками. (58)

(58) О законахъ Русскихъ будемъ имѣть случай говорить подробнѣе. *Верьвь* означала *сотню* (Warf, Hun-

Таково было *первоначальное образованіе* государствъ Варяжскихъ между Славянскими народами. Послѣ громкихъ, великолѣпныхъ и подробныхъ описаній, какія донынѣ передаваемы были намъ, подъ именемъ историческихъ свѣдѣній о началѣ Русскаго государства, картина, здѣсь начертанная, можетъ показаться блѣдною и недостаточною; но она вѣрна и справедлива. Чув-

dari); впрочемъ, извѣстно, что *сотня* не значила прежде 100, такъ-же какъ слово *сорокъ* 40 (смотр. соч. Галлама, *Европа въ средніе вѣки*, Франц. переводъ, П. 1828, т. II, стр. 19), но была числомъ условнымъ и неопредѣленнымъ. Верви подчинялись высшему разряду, *Тысячамъ*, Herrads—Höfdingar (см. Бар. Розенкампфа, *Тр. Общ. Ист. и Древн. Росс.* т. IV, кн. I, стр. 145 и слѣд.). Не при каждомъ-ли *Геррадѣ* былъ поставляемъ Варягами *городъ*, имѣвшій *тысяцкихъ? Вира*, или окупъ за преступленіе, есть Германское Wehrgeld. Такъ вся Скандинавская юридическая номенклатура и чинопостановленія были перенесены къ Славянамъ: *тіунъ*, (Tjena, Than), *метникъ*, *ябетникъ*, *гридинъ*, объясняются Скандинавскими словами (См. Барона Розенкампфа, *Изслѣдованія о Кормчей книгѣ* (М. 1829 г., стр. 313 и слѣд). Славяне не знали письменъ; о мѣткахъ и нарѣзкахъ, у нихъ существовавшихъ, см. Карамзина. Ист. Г. Р. т. I, пр. 260.)— Скандинавскіе руны, кажется, не были введены къ Славянамъ. Вотъ еще доказательство, что *Русь* была *не народъ*, переселившійся правильно, съ религіею, бытомъ народнымъ и познаніями своими, а только *толпы воиновъ-завоевателей*, *Руссы*, или *морскіе воины*.

ство любви къ отечеству, уваженіе къ славѣ предковъ, ложно смѣшиваемое съ желаніемъ славы и счастія отечеству въ настоящее время, не должны вводить въ заблужденіе Историка. Вѣкамъ прошедшимъ предоставимъ странное честолюбіе видѣть гражданъ въ варварахъ Славянскаго поколѣнія и героевъ въ хищникахъ Варяжскихъ; но мы, гордясь славою настоящаго, будемъ справедливы, и увѣримся, что только представляя себѣ событія въ настоящемъ ихъ видѣ, можемъ мы видѣть вѣрный ходъ ихъ, открывать причины и понимать слѣдствія.

Мы видѣли Рурика обладателемъ нѣсколькихъ городковъ Русскихъ, разсѣянныхъ по жилищамъ Славянскихъ и Финскихъ поколѣній, въ коихъ жили намѣстники его, слѣдственно, повелителемъ туземныхъ народовъ, сдѣлавшихся данниками и рабами Варяговъ. Лѣтописи передаютъ намъ извѣстіе, что Рурикъ властвовалъ такимъ образомъ 15 лѣтъ въ Новгородѣ, и скончался не прежде 879 года. До насъ не дошло никакихъ извѣстій о дѣлахъ его, и тѣмъ достовѣрнѣе кажутся извѣстія лѣтописцевъ нашихъ, ибо, не зная событій, они не хотѣли выдумывать ихъ и разсказывать сказки о дѣлахъ небывалыхъ. Впрочемъ, молчаніе лѣтописей объясняется образомъ правленія, какой принужденъ былъ ввести Рурикъ, правленія, основаннаго на Скандинавскихъ понятіяхъ о слабой власти *Великаго* или

главнаго Князя надъ другими Князьями, еще болѣе крѣпкими въ удѣлахъ своихъ отдаленностію городовъ, въ коихъ они княжили. Можемъ полагать, что между Варягами были междоусобія; что рабы ихъ возставали на своихъ повелителей, и что власть Варяговъ вскорѣ ослабѣла въ дикихъ, пустынныхъ областяхъ Бѣла-озера, ибо вниманіе Варяговъ соединялось въ главномъ мѣстѣ обладанія ихъ: Новгородѣ. Въ тоже время южныя привольныя страны манили къ себѣ жадность завоевателей. Узнавъ лучше положеніе земель, гдѣ сдѣлались они осѣдлыми жителями, Варяги вскорѣ могли узнать, что водяное сообщеніе можетъ привесть ихъ на югѣ къ любимому поприщу ихъ дѣйствій — морю, новому и неизвѣстному, за которымъ найдутъ они землю богатую, обильную всѣми благами. Варяги могли слышать о Греціи и прежде, въ Галліи и Германіи, могли слышать и отъ бывавшихъ въ ней соотечественниковъ своихъ; но въ земляхъ Новгородскихъ и Полоцкихъ, вѣроятно, услышали они подробнѣе и о золотыхъ стѣнахъ обширнаго Царяграда, и о слабости его обитателей. Впрочемъ, Варягамъ-ли было разбирать слабость или силу врага? Немедленно по основаніи Рурика въ Новгородѣ, лѣтописи повѣствуютъ о походѣ Варяговъ на югъ. Но сіи Варяги были *не Руриковой дружины*; два новые Варяга дѣлаются намъ извѣстными: *Аскольдъ* и *Диръ*.

Рурикъ могъ видѣть въ удаленіи сихъ двухъ знаменитыхъ Варяговъ, съ дружиною ихъ, удаленіе двухъ опасныхъ враговъ. Можемъ полагать, что Аскольдъ и Диръ, два вождя, пустившіеся на югъ, возбуждали ненависть дружинъ, преданныхъ Рурику. Черезъ 200 лѣтъ преданіе говорило, что они *не были ни Князья, ни рода Княжескаго, ни даже бояре*, а только *соплеменники* Рурика (59). Греція была предметомъ похода Аскольда и Дира: они не покоряли себѣ народовъ на пути, и только когда ладьи ихъ, перетащенныя по сухому пути въ Днѣпръ, плыли по сей обширной рѣкѣ, Аскольдъ и Диръ, можетъ быть собравъ болѣе мѣстныхъ свѣдѣній, рѣшились остановиться и основать пристонъ, въ которомъ можно-бы было имъ собрать силы и приготовиться къ дальнѣйшему походу. Три года, по крайней мѣрѣ, оставались они въ избранномъ ими мѣстѣ, на Днѣпрѣ, пока рѣшились идти далѣе.

Мѣсто, избранное Аскольдомъ и Диромъ, былъ *Кіевъ*. Здѣсь, по преданіямъ Полянъ, обитателей окрестныхъ земель, княжили нѣкогда знаме-

(59) Кенигсбергскій списокъ (стр. 17): « И бяста у него (у Рурика) два мужа, *не племени* его, *но* боярина (въ Пушкинск. *ни боярина*)». — Кажется, лѣтописецъ твердо вѣрилъ словамъ Олега: »Вы *нѣста Князи, ни рода Княжа.*“

ные Князья Славянскіе, ходившіе въ Царьградъ, коихъ имена сохранялись еще въ наименованіяхъ урочищъ (60). Тогда Варяги узнали новый народъ, грозный уже только именемъ и древнею свирѣпостью и силою: Кіевскіе Поляне платили дань Хазарамъ. Было повѣрье у Полянъ, что власть Хазаровъ должна вскорѣ разрушиться. Варяги обратили дань себѣ, и, кажется, не встрѣтили сопротивленія со стороны Хазаровъ. Уже со всѣхъ сторонъ, какъ мы замѣтили выше, напирали тогда на Хазаровъ новыя, дикія племена. Хаканъ Хазарскій трепеталъ въ Волжской столицѣ своей, и самъ отмежевывалъ границу свою Дономъ, гдѣ зодчіе, призванные имъ изъ Греціи, построили городъ Саркелъ, или Бѣлую Вежу, для защиты отъ сильныхъ сосѣдей (61).

Наконецъ, первоначальное, смѣлое предположеніе Варяговъ, основавшихся въ Кіевѣ, приведено было въ исполненіе. Двѣсти челноковъ, собранныхъ Аскольдомъ и Диромъ, были готовы, и по-

(60) *Кенигсб. сп.* стр. 17; *Пушкинск.* стр. 13, т. е. въ самомъ названіи *Кіева*, горѣ *Щековицѣ* и рѣчкѣ *Лыбедѣ*.

(61) См. подробности въ Лерберговыхъ *Изслѣдованіяхъ* (стр. 323 - 386). Саркелъ построенъ былъ между 829 - 842 гг. — Его строилъ Грекъ Петрона, нарочно посыланный изъ Царьграда, по просьбѣ Хазаровъ. Крѣпость сія была на Дону.

плыли по Днѣпру. Здѣсь преодолѣли они затрудненія, представляемыя Днѣпровскими порогами. Лиманъ Днѣпровскій вывелъ ихъ на обширное, новое море. Они обратились къ западу, плыли мимо Булгарскихъ областей, и вскорѣ увидѣли передъ собою земли Греческія.

Греція представляла въ сію эпоху замѣчательное явленіе. Уже давно забыта была Греками слава Римлянъ. Римъ и языкъ Римскій были чужды Грекамъ, хотя Императоры Царяграда все еще гордились происхожденіемъ отъ Августа Цезаря, и именовались *Римлянами*. Дикія племена варваровъ расторгли уже древнюю Имперію Римлянъ, и тщетно мечъ Велизарія распространилъ на малое время владычество Юстиніана въ Италіи и Африкѣ. Уже въ Италіи было новое, сильное царство, новая Церковь, новый первосвященникъ Христіанства; Азія, Африка отторгнуты были мечемъ послѣдователей Корана, два раза приходившихъ подъ самыя стѣны Царяграда, за толщею коихъ едва удержались робкіе повелители Греціи. Варвары, съ коими тщетно восемь вѣковъ боролись Римляне и Греки, уже основались тогда повсюду въ Европѣ; священныя границы Римскихъ областей давно исчезли, и земли Греціи до самаго Царяграда были увлажены кровію варваровъ и Грековъ. Настало время событій дотолѣ небывалыхъ; время политики особенной. Римляне обводили свою импе-

рію неприступною границею; напротивъ, Византійцы отдали свои обширныя области варварамъ, чтобы укрѣпиться въ остальныхъ, куда переселили они также множество варваровъ, приучая ихъ къ выгодамъ гражданской жизни, и на нихъ основывая средства защиты. Войско Греческое составлено было изъ союзныхъ наемниковъ: Готѳовъ, Славянъ, Франковъ, сражавшихся на ряду съ Греческими воинами. Просвѣщеніе и образованность Грековъ были въ совершенномъ упадкѣ: Поэзія, Краснорѣчіе, Философія замѣнены были тяжелою схоластикою и ѳеологическими спорами. Но умъ и политика Грековъ все еще далеко превосходили простодушную свирѣпость и дикую силу варваровъ. Греки имѣли явное преимущество надъ всѣми варварами. Они истощали всѣ усилія, коими хитрый умъ слабаго Европейца торжествуетъ надъ грубою, тяжелою силою дикаря. Вооружая варваровъ на варваровъ, ссоря ихъ, посѣвая между ними междоусобія, употребляя ихъ самихъ на защиту, уступая въ необходимости, губя въ торжествѣ, преимуществуя въ военномъ устройствѣ, и обладая тайною *Греческаго огня*, ужасавшаго варваровъ, казавшагося имъ небесными молніями, употребляя самое вліяніе Христіанской религіи въ свою пользу, Греція, при всемъ униженіи своемъ, въ IX-мъ вѣкѣ была еще государствомъ сильнымъ въ глазахъ сосѣдей, превосходившимъ ихъ въ

просвѣщеніи, и богатымъ, ибо торговля и промышленность были въ рукахъ Грековъ. Золото лилось въ казнохранилище Греческаго Императора, блескъ и пышность окружали его, и великолѣпный, обширный Царьградъ, съ его мраморными зданіями, золотыми, муссійными стѣнами, многолюдствомъ и обширностію, казался городомъ первымъ во вселенной, славился за чудо во всѣхъ земляхъ. Посланники ко Двору Царяградскому, въ виду коихъ Императоръ былъ поднимаемъ къ самому потолку зданія, на хитроустроенномъ золотомъ тронѣ своемъ, при раболѣпіи царедворцевъ, при рыканіи золотыхъ львовъ, видѣли въ немъ нѣчто великое, могущественное.

Но сей великолѣпный повелитель двадцати девяти *Фимъ*, или областей, дѣйствительныхъ и *мнимыхъ* (ибо гордость Греческая удерживала въ титулѣ Императорскомъ области давно потерянныя), былъ рабъ низкихъ страстей, губившихъ остатки величія Римскаго, страшился перваго маяка, возвѣщавшаго ему движеніе варварскаго племени, и, при всѣхъ хитростяхъ, трепеталъ блеска мечей собственныхъ подданныхъ, не только чужеземцевъ. Уже болѣе 200 лѣтъ ни одинъ добродѣтельный, великій Государь не восходилъ на престолъ Царяградскій. *Девятнадцать* царствованій, начиная отъ кончины Ираклія, представляютъ, или ничтожныхъ вла-

дыкъ, или суевѣровъ, занятыхъ ересями церковными, или чудовищъ, приводящихъ въ омерзѣніе свою память. Царствованіе Императора Михаила (съ 842 года) напомнило Грекамъ неистовства Юстиніановъ, Геліогабаловъ и Нероновъ. Предаваясь распутству, бѣгая по городу съ шутами, одѣтыми въ священническія ризы; приказавъ даже сломать вѣстовыя башни, увѣдомлявшія о движеніяхъ варваровъ, Михаилъ съ ужасомъ услышалъ о появленіи врага, до того времени неслыханнаго (62).

Греки знали Булгаръ, Аваровъ, Дунайскихъ Славянъ, Аравитянъ; но имя *Руссовъ* въ первый разъ поразило слухъ ихъ. Съ ужасомъ услышали они, что Руссы приплыли *изъ сѣвера, въ челнокахъ, по морю*: явленіе новое и неслыханное, ибо Греки ожидали враговъ или сухимъ путемъ отъ Дуная, или изъ Азіи. Въ Царѣградѣ говорили, что Руссы суть Скиѳы, жители горы Тавра (63), и ужасались, слыша.

(62) Гиббоново безсмертное твореніе: The History of the decline and fall of the Roman Empire, есть сочиненіе, необходимое для познанія Византійской Исторіи. Я имѣлъ новое изданіе Французскаго перевода (Парижъ 1819 г.), съ примѣчаніями Гизо, и изъ него бралъ все, что касалось до Греческой Имперіи, сличая только источники Гиббона, и повѣряя ихъ новѣйшими открытіями.

(63) Шлецеръ, R. A. т. II, стр. 229.

что они опустошили уже острова Мраморнаго моря: Платій, Ятръ, Теревинѳъ, откуда, бывшій тамъ въ ссылкѣ, Патріархъ Игнатій едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Безчеловѣчная жестокость Руссовъ и жадность къ грабежу показываютъ намъ и цѣль и образъ похода ихъ. Михаила не было въ то время въ Царѣградѣ: ему вздумалось воевать въ Азіи. Эпархъ Царяградскій поспѣшно отправилъ къ нему вѣсть, и державный воитель, прискакавъ къ Цареградскому проливу, увидѣлъ зарева въ окрестностяхъ столицы. Лодки Русскія покрывали проливъ, и Михаилъ едва могъ пробраться въ Царьградъ. Судя по прежнимъ опытамъ, Греки могли предполагать, что видимые ими варвары суть только предшественники враговъ многочисленныхъ; думали, что такъже какъ за первыми отрядами Готѳовъ, Аваровъ, Аравитянъ, за Руссами идутъ тысячи судовъ; думали, что Царьградъ будетъ осажденъ, и—народъ, унылый, трепещущій за свою участь, ужаснулъ Михаила: тиранъ всегда бываетъ малодушенъ и безсердеченъ! Забывъ свое кощунство надъ религіею, онъ шелъ въ торжественномъ ходѣ, какой рѣшился сдѣлать Патріархъ Фотій въ церковь Влахернскія Богоматери. Тамъ, цѣлую ночь, со слезами молились Императоръ, Патріархъ и народъ, ожидая чуда къ спасенію. Между тѣмъ совершенная тишина возвѣщала бурю, и ужасная буря возстала; лег-

кія ладьи Руссовъ были разбиты, потоплены; все гибло. Аскольдъ и Диръ спаслись; но, вѣроятно, остатки ихъ спутниковъ были столь малочисленны, что они помышляли только о возвращеніи въ Кіевъ, а не о продолженіи грабежей. Греки думали видѣть чудо въ крушеніи Русскихъ лодокъ, и лѣтописцы Греческіе приписывали сіе чудо ризѣ Богоматери, хранившейся во Влахернской церкви. Патріархъ Фотій торжественно вынесъ Святую ризу, говорятъ они, погрузилъ въ море, буря зашумѣла по волнамъ, и погубила ладіи безбожныхъ Руссовъ (64).

Слѣдствія сего похода были важны. Аскольдъ и Диръ возвратились въ Кіевъ, и не предпринимали болѣе походовъ въ Грецію: это кажется несогласно съ характеромъ Варяговъ; но разсматривая событія, мы находимъ причины. Вѣроятно, дружины Аскольда и Дира были весьма не велики, и тѣ погибли подъ Царьградомъ; новыя дружины выходцевъ Скандинавскихъ должны были идти черезъ владѣнія Сѣверныхъ Руссовъ, гдѣ непріязнь и умыселъ на гибель южнаго Русскаго владѣнія уже таились, и месть явная была удерживаема, можетъ быть только старостью Рурика. Слабость силъ Аскольда и Дира открываемъ и въ томъ, что лѣтописи не говорятъ намъ ни о какихъ новыхъ предпріятіяхъ

(64) Шлецеръ, Нест. R. A. II, 221, 227. — О чудѣ, погубившемъ Руссовъ, см. Шлецера, R. A. т. II, стр. 233, и слѣд.

сихъ двухъ отважныхъ Варяговъ: окрестные, ближайшіе къ Кіеву народы, оставались независимыми до самой смерти Аскольда и Дира (въ 882 году). Между тѣмъ, въ Греціи дѣла приняли совсѣмъ новый оборотъ. Безумный, развратный Михаилъ былъ зарѣзанъ однимъ изъ вельможъ своихъ и любимцевъ, Василіемъ Македоняниномъ, въ 867 году. Василій вступилъ на престолъ, и благоразумно, дѣятельно царствовалъ девятнадцать лѣтъ. Не будучи Государемъ воинственнымъ, онъ умѣлъ держать въ страхѣ варваровъ, ладить съ ними и ссорить ихъ. Руссы приходили къ Царьграду не для побѣдъ, не думали завоевывать Греціи: они хотѣли добычь и золота. Василій предложилъ имъ то и другое; завелъ съ Кіевомъ сношенія дружескія; умѣлъ возвысить въ глазахъ ихъ свои *союзныя дружины Варяговъ*; хорошо узналъ новыхъ враговъ Греціи, и вскорѣ находимъ Кіевскихъ Руссовъ въ службѣ Императоровъ Греческихъ, осыпавшихъ пришлецовъ изъ Кіева почестями и золотомъ. Множество воиновъ изъ Руси устремилось служить въ Греціи, гдѣ стоя съ сѣкирами окрестъ престола Императорскаго, они гордились своимъ званіемъ, ходили въ торжественныхъ поѣздахъ передъ Императоромъ, и пѣли похвалы ему на Скандинавскомъ языкѣ (65). Славяне, рабы Варяговъ,

(65) Memor. populor. т. IV, отдѣленіе: Varangica.

могли дорожить тѣмъ болѣе щедростью Василія, что его самого почитали Славяниномъ. Можемъ полагать, что Варяговъ награждали даже почетными знаками, цѣпями, медалями, на которыхъ были Славянскія надписи: находка одной изъ такихъ медалей въ наше время, въ Черниговѣ, украшенной Славянскою надписью, и, вѣроятно, занесенной на Русь Варягомъ, выходцемъ изъ Греціи, оправдываетъ сіе предположеніе (66).

Служеніе Варяговъ въ Греціи вело къ торговлѣ. Мѣха, невольники, медъ и воскъ были товарами, какіе стали возить въ Грецію Гости Русскіе, вывозя оттуда золотыя и шелковыя ткани, золото и серебро. Вѣроятно, что Греческая торговля была монополіею Варяжскихъ Князей и дружинъ, ибо Гости, отправ-

(66) Мы говоримъ о *Черниговской гривнѣ*, надѣлавшей столько шуму и преній между Археологами. Эта золотая медаль (вѣсомъ въ $42\frac{3}{4}$ золотн.) найдена была близъ Чернигова, въ 1820 году, и нынѣ хранится въ СПетербургскомъ Эрмитажѣ. Она съ двойнымъ ушкомъ; съ одной стороны изображеніе Архангела Михаила, съ Греческою надписью: *ἅγιος ἅγιος ἅγιος κ͂ς Σαβαόθ πλήρης ὁ ἐρανὸς καὶ ἡ γῆ*; съ другой стороны символическое изображеніе головы, съ Греческою непонятною надписью, и съ Славянскою: *ги* (Господи) *помоги рабоу своіему василигю аминь.*

лявшіеся въ Грецію, должны были имѣть особенныя серебряныя печати (знаки). Она была прибыльна Руссамъ. Собирая отъ дикихъ Славянъ дань, и получая драгоцѣнные мѣха и невольниковъ за дешевую цѣну, Руссы мѣняли ихъ въ Царьградѣ, преодолѣвая затрудненія далекаго пути, Днѣпровскіе пороги, и опасное плаваніе около береговъ Чернаго моря. Болѣе знакомясь съ Греціею, Руссы видѣли опасность нападенія на Царьградъ при малочисленности силъ своихъ, видѣли, что сами Греки не думаютъ нападать на нихъ, и хотя знали хитрость, обманчивость Грековъ, и даже ввели въ пословицу лесть Греческую (67), но золото Царяградское ручалось имъ, что и съ хитрымъ Грекомъ можно ужиться дружески.

Новое, важное событіе служило къ сближенію Грековъ и Руссовъ. Еще при Михаилѣ (вѣроятно, въ послѣднее время его царствованія) явилось въ Царьградѣ посольство отъ одного изъ западныхъ Славянскихъ Государей, Моравскаго Князя; онъ просилъ проповѣдника Христіанской вѣры, и Греки спѣшили исполнить прошеніе Моравовъ. Патріархъ Царяградскій радовался умноженію своей паствы, и тому, что нечаянный случай даетъ ему торжество надъ ненавистнымъ соперникомъ, Патріархомъ или Папою Римскимъ,

(67) Суть-же бо Греци льстиви, даже и до сего дни. *Несторъ* (Кен. сп. спр. 61).

ибо тогда уже болѣе 50 лѣтъ прошло, какъ Латинская Церковь отдѣлилась отъ Греческой. Въ распоряженіяхъ Царяградскаго Двора и Патріарха, по случаю посольства Моравскаго Князя, видимъ политику мудрую, и по дѣйствіямъ узнаемъ умнаго, ученаго Фотія и благоразумнаго Василія, бывшаго любимцемъ и соправителемъ Михаила. Они рѣшились избрать проповѣдника, знающаго Славянскій языкъ, и который могъ-бы изъяснить Славянамъ Священное Писаніе на ихъ природномъ языкѣ, переводя оное съ Греческаго. Такимъ образомъ святое ученіе могло скорѣе проникнуть въ умы и сердца, нежели проповѣдь Римскихъ миссіонеровъ, являвшихся съ непонятнымъ для Славянъ Латинскимъ языкомъ. Окрестъ Селуня, родины Василія, жило множество Славянъ, *Сербскаго поколѣнія*, и жители Селуня хорошо знали языкъ сихъ поселенцевъ. Монахи: *Кириллъ* и братъ его *Меѳодій*, урожденцы Селуня, мужи ученые и мудрые, отправлены были въ Моравію. Еще въ Царьградѣ начали они переводъ Евангелія, и увидѣли необходимость, для выраженія звуковъ Славянскаго языка, прибавить къ Греческой азбукѣ нѣсколько буквъ, упростивъ начертаніе другихъ. Событіе важное, ибо здѣсь начало *Славянской азбуки* и *Церковно-Славянскаго языка*, который, будучи въ основаніи *древнимъ Сербскимъ*, для выраженія вели-

кихъ таинствъ и велелѣпія Библейскаго языка, преображенъ былъ по Греческимъ формамъ. Разумѣется, что такой языкъ не могъ быть совершенно понятенъ всѣмъ Славянамъ, говорившимъ уже отдѣльными нарѣчіями, но онъ былъ для нихъ вразумителенъ: книги Св. Писанія приводили въ восторгъ Славянъ, и были приняты и въ Булгаріи, гдѣ жители, потерявъ уже свой первобытный языкъ, говорили испорченнымъ Славянскимъ нарѣчіемъ. Тамъ, съ 867 года, рѣшительно введена была Христіанская вѣра; Царь Булгарскій, вельможи и народъ приняли св. крещеніе, и отличались благочестіемъ, усердіемъ и стараніемъ просвѣтиться знаніями Грековъ (68).

(68) О Кириллѣ и Меѳодіи, составленіи Славянской азбуки, переводѣ Библіи и началѣ Церковно-Славянскаго языка, смотр. *Дополненія* (*статья* VI). — Объ основаніи Булгарскаго царства въ древней Мизіи, послѣ паденія Аваровъ, мы уже упоминали: это было въ 678 г., послѣ побѣды надъ Греками. Съ сего періода велась династія Аспаруха; Богорисъ, принявшій Христіанскую вѣру, былъ 15-й Булгарскій Царь, и дядя Царя Симеона, великаго человѣка своего времени: мы увидимъ дѣла его въ послѣдствіи. — Булгарскій языкъ былъ самый испорченный Славянскій; но Булгары писали на Церковномъ языкѣ. Переводъ Библіи, сдѣланный для Моравовъ Кирилломъ и Меѳодіемъ былъ принятъ Булгарами. О памятникахъ Булгарской Литтературы IX и X-го вѣка, смотр. соч. К. Ѳ. Калайдовича, *Іоаннъ Экзархъ Болгарскій* (М. 1824 г.)

Такіе счастливые успѣхи внушили Грекамъ мысль: укротить и необузданную свирѣпость Руссовъ Христіанскою вѣрою. Можетъ быть, спутники Аскольда и Дира первые наставлены были въ истинахъ Христіанской вѣры, которыя могли быть имъ переданы на Церковномъ-Славянскомъ языкѣ, изобрѣтенномъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Сей языкъ могъ быть имъ понятенъ тѣмъ болѣе, что вѣроятно не одни Варяги, знакомые уже впрочемъ съ Славянскимъ языкомъ, но и рабы ихъ, Славянскаго поколѣнія, были въ числѣ воиновъ Аскольда и Дира. Со времени похода Кіевскихъ Руссовъ въ Грецію, т. е. съ 866 года, можемъ достовѣрно полагать *первое начало Христіанской вѣры въ земляхъ Русскихъ*. Она не могла распространяться быстро; но число Христіанъ въ Кіевѣ умножалось безпрерывно, такъ, что черезъ семьдесятъ лѣтъ въ Кіевѣ была уже церковь Св. Иліи Пророка. Въ самомъ именованіи сего святаго храма видимъ тѣ средства, кои дѣйствовали между прочимъ на убѣжденіе Скандинавскихъ язычниковъ принять законъ Христіанскій: они не могли постигать вполнѣ высокихъ таинствъ Христіанской вѣры, но не затруднились принять ея догматы. Понятіе объ Одинѣ, перенесенное ими къ Перуну, понятіе о Волосѣ богѣ скотоводства и пажитей, заимствованное ими отъ Славянъ, Варяги перенесли къ понятіямъ о *громо-*

носномъ Пророкѣ Иліи и *Святомъ Власіи*, который донынѣ почитается у насъ въ простонародіи покровителемъ скотоводства (69). Не можемъ сказать рѣшительно: имѣли-ль Кіевскіе Христіане книги Священнаго Писанія, переведенныя Кириллом̃ъ и Меѳодіемъ, но вѣроятность сего находимъ большую. Въ непродолжительномъ времени Руссы заключали уже договоры съ Греками на Славянскомъ языкѣ. Все ведетъ къ тому предположенію, что познаніе Христіанской вѣры ввело у Кіевлянъ употребленіе Славянскихъ письменъ, и оказало новое благодѣяніе симъ полудикимъ народамъ. Греки понимали важность событія: крещеніе нѣсколькихъ Руссовъ было поводомъ грамяты Патріарха Царяградскаго, кото-

(69) Народное суевѣріе, приписывающее разнымъ Святымъ Угодникамъ разныя отдѣльныя обязанности, достойно изслѣдованія. Съ любопытствомъ ожидаемъ окончанія трудовъ И. М. Снегирева, который занимается обозрѣніемъ Русскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрій. Полагаемъ, что въ его обозрѣніе войдутъ соображенія о томъ, что Св. Пророкъ Илія, въ понятіяхъ простаго народа, донынѣ почитается *громоноснымъ*, и что кромѣ Св. Власія, наши простолюдины чтутъ Св. Чудотворца Николая покровителемъ мореплаванія; Св. Мучениковъ Флора и Лавра покровителями лошадей; молятся Св. Праскевіи одержимые лихорадкою, Св. Антипію при зубной боли, и проч.

рою торжественно возвѣщено всѣмъ Епископамъ обращеніе Руссовъ, какъ дѣло великое и знаменитое, и Патріархъ не замедлилъ вписать Русь въ число епископствъ своей паствы (70).

Успѣхи просвѣщенія и образованности развиваются тихо; но соображая все, можемъ видѣть причины миролюбія Кіевскаго княженія Варяговъ. На сѣверъ не проникалъ еще ни одинъ лучъ съ юга. Тамъ, въ первобытной Скандинавской дикости, отдѣленныя отъ Кіевскаго княжества варварскими племенами Славянъ, скоплялись, бо-

(70) Photii Epistolæ (Лондонъ, 1651 г. стр. 58).— Выписка у Шлецера, *Несторъ*, R. A. т. II, стр. 225 и слѣд.—«Народъ, (пишетъ Фотій), столь часто многими превозносимый, и, какъ жестокостію, такъ и жаждою къ человѣческой крови всѣ другіе народы превосходящій, я говорю, *Руссы*, которые покоривъ окружные, сосѣдніе народы, возгордились, и имѣя о себѣ весьма высокія мысли, подъяли оружіе на Римскую державу, теперь и сами преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и неблазную Христіанскую вѣру, и ведутъ себя, яко послушные сыны и друзья, не смотря на то, что не задолго передъ симъ тревожили насъ своими разбоями и учинили великое злодѣяніе. (Мы слѣдуемъ переводу Д. И. Языкова, Шлецерова Нестора, т. II, стр. 42).

Русская Митрополія считалась 61-ю по Уставу Императора Льва (886—911 гг.) (Шлецеръ R. A. т. III, стр. 99 и слѣд.)

лѣе Кіевскихъ грозныя, силы Варяговъ. Аскольдъ и Диръ, вѣроятно, не хотѣли даже признавать надъ собою власти Князя Новгородскаго, хотя находимъ преданія, что торговля производилась въ Грецію черезъ Кіевъ и изъ Новгорода (71). Руссы Новгородскіе готовили месть Руссамъ Кіева, и вскорѣ месть сія разразилась въ набѣгѣ и убійствѣ.

Рурикъ скончался въ 879 году, какъ мы упомянули выше: здѣсь новый періодъ владычества Варяговъ въ Славянскихъ земляхъ.

(71) Симъ объясняются слова Олега: «*гость есмь; идемъ въ Греки*» (Пушкинск. сп. стр. 14), которыми обольстилъ онъ Аскольда и Дира; слѣдственно: гость, идущій изъ Новгорода въ Царьградъ, было явленіе обыкновенное.

ГЛАВА II.

Рурикъ оставилъ малолѣтнаго сына, Игоря, и передалъ княжество свое Олегу, товарищу, *можетъ быть*, родственнику своему. Не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ Олегѣ только *опекуна Игорева* и временнаго правителя государства. Съ большею основательностію можемъ полагать, что Олегъ принялъ вполнѣ наслѣдіе Рурика, и былъ до самой смерти своей Княземъ самовластнымъ (72).

По дѣламъ своимъ онъ является истинный Варягъ: дикій, необузданный никакими препятствіями, смѣлый до безразсудства. Все измѣнилось, когда Олегъ принялъ княженіе. Черезъ три года онъ оставилъ Новгородъ, и — навсегда. Онъ спѣшилъ завладѣть Кіевскимъ княжествомъ Руссовъ, и, вѣроятно, хотѣлъ испытать счастія въ походѣ по морю, которое называлось уже *Русскимъ* (73), по имени

(72) Шлецеръ давно уже доказывалъ это; не знаемъ, какія причины находятъ къ мнѣнію противному. См. доказательства Шлецера, *Несторъ*, R. A, весь т. III, *Oleg*, *Zweiter Gross*-Fürst von Russland.

(73) »Иже море словетъ *Русское* (Кенигсбергскій сп. стр. 7. — Повѣсть о путешествіи Апостола Андрея, вѣроятно, не выдумана, а списана Русскимъ лѣтописцемъ, и потому названіе *Русскаго моря* могло быть придаваемо Черному морю, въ X вѣкѣ, другими народами, кромѣ самихъ Руссовъ

грозныхъ выходцевъ изъ Скандинавіи, въ первый разъ огласившихъ берега Греціи неслыханнымъ дотолѣ именемъ Руссовъ. Болѣе двухъ лѣтъ прошло однакожъ, пока ладьи Олеговы явились подъ Кіевомъ. Въ это время Олегъ, вѣроятно, сбиралъ толпы Варяговъ изъ за-моря, соединялъ Новгородцевъ, Кривичей, Чудскіе народы, и постепенно овладѣлъ Смоленскомъ и Любечемъ (74).

Но онъ не ихъ искалъ, двигался далѣе, и наконецъ явился подъ Кіевомъ. Достопамятное овладѣніе симъ мѣстомъ оставило столь сильное впечатлѣніе въ памяти современниковъ, что они передали его намъ подробно.

Аскольдъ и Диръ не могли не знать о распространеніи Новгородскихъ собратій своихъ до Смоленска и Любеча; но, кажется, они не ожидали скорой гибели, приготовляемой имъ Олегомъ. Можетъ быть, Олегъ льстилъ имъ

(74) Въ числѣ Руриковыхъ городовъ мы видѣли *Ладогу*, *Изборскъ*, *Бѣлоозеро*, *Новгородъ*, *Полоцкъ*, *Ростовъ*, *Муромъ*. Съ появленіемъ Аскольда и Дира узнаемъ *Кіевъ*. Олегъ рубитъ городки: *Смоленскъ* и *Любечъ*. Оба они были устроены на Днѣпрѣ; послѣдній находился весьма недалеко отъ Кіева. Любопытно было-бы сдѣлать мѣстныя обозрѣнія переходовъ Варяжскихъ изъ рѣки въ рѣку. Если рѣка Ловать вела ладьи ихъ въ Днѣпръ, то, *гдѣ переволакивались* они изъ Ловати въ Днѣпръ?

дружбою: иначе не льзя изъяснить миролюбиваго легковѣрія опытныхъ, испытанныхъ бурями и битвами Кіевскихъ Князей. Множество ладей Олеговыхъ шло по Днѣпру; онъ остановилъ ихъ, приплылъ подъ Кіевъ съ немногими, скрылъ воиновъ въ ладьяхъ, и послалъ къ Аскольду и Диру извѣстить, что *приплылъ гость, идущій въ Грецію посломъ, отъ Князя Олега и Княжича Игоря*, и желаетъ видѣться съ ними, своими родичами. Аскольдъ и Диръ спѣшили на свиданье; тогда открылась измѣна. Воины Олеговы выбѣжали изъ ладей, и предъ Аскольдомъ и Диромъ явился самъ грозный Олегъ: онъ несъ на рукахъ своихъ младенца Игоря.« Вы не Князья и не рода княжескаго! «воскликнулъ онъ. « Я Князь, и вотъ сынъ Рурика!» Сіи слова гремѣли опредѣленіемъ смертнымъ. Аскольдъ и Диръ были зарѣзаны, и воины Олеговы понесли тѣла ихъ въ Кіевъ. Лѣтописи сохранили память о мѣстѣ погребенія первыхъ властителей Кіева. Аскольдъ похороненъ былъ на горѣ, гдѣ въ послѣдствіи стояли вежи Угровъ, и Кіевлянинъ Ольма имѣлъ домъ, воздвигнувъ церковь, во имя Чудотворца Николая, на самой могилѣ Аскольда; подлѣ Дировой могилы построена была, по введеніи Христіанской вѣры, церковь Св. Ирины (75).

(75) Кен. спис. 91, Пушк. сп. 41.

Олегъ вошелъ въ Кіевъ, торжествуя убійство какъ побѣду. Дружины сопровождали его, и Кіевляне признали власть Олега. Новѣйшіе Историки называютъ пятномъ Олеговой славы кровавый поступокъ его съ Аскольдомъ и Диромъ, видя въ немъ измѣну и хищеніе. Современники не такъ смотрѣли на дѣйствія Олега, и намъ не льзя судить по нашему образу мыслей о дѣлахъ человѣка, жившаго за девять столѣтій, иначе думавшаго, бывшаго въ обстоятельствахъ намъ неизвѣстныхъ. Варягъ, искавшій добычи съ мечемъ въ рукахъ и переплывавшій моря для грабежа и раззоренія земель чуждыхъ, не можетъ быть обвиняемъ, какъ гражданинъ устроеннаго общества. Не будемъ представлять себѣ Олега тѣмъ, чѣмъ онъ не былъ: героемъ по *нашему* образу мыслей. Отвага, смѣлость, храбрость, жадность къ покоренію народовъ, не для блага и счастія ихъ, но для добычи, для власти: таковы были свойства и дѣла Варяжскихъ завоевателей. Въ семъ случаѣ, всякія средства казались имъ позволительными. Олегъ, убійца храбрыхъ Кіевскихъ владѣтелей, виновнѣе-ли грабителя невинныхъ обитателей Греціи? Если удача извиняла средства для современниковъ, то характеръ Олега не пятнается смертію Аскольда и Дира.

Олегъ хорошо зналъ выгоды, заставившія его идти на югъ и перенесть мѣсто пребыванія своего изъ болотъ и лѣсовъ Новгородскихъ на Днѣпръ, подъ благорастворенное небо Юга, отколѣ волны обширнаго Днѣпра вели его въ Грецію. Въ Кіевѣ учредилъ Олегъ главный городокъ Русскихъ княжествъ (76).

Здѣсь видимъ первое отдѣленіе Новгорода отъ непосредственной власти Князей Русскихъ. Удаленіе Олега отнимало средства сбирать на Сѣверѣ дань по своей волѣ. Дикія пустыни и лѣса отдѣлили Кіевъ отъ Нов-

(76) Мѣсто сіе, столь знаменитое въ Исторіи нашей, представляло Варягамъ всѣ удобства, посредствомъ сообщенія по рѣкамъ, владѣть землями на сѣверъ, востокъ и западъ. Сюда обширный Днѣпръ велъ ладьи Варяговъ отъ Смоленска; съ правой стороны впадающія рѣки: *Припять*, съ принадлежащими къ ней рѣками: *Горынью*, *Случемъ*, *Стырью*, *Пиною*, *Яцолдою*, открывала путь въ Древлянскую, Дряговичскую и Волынскую земли; *Рось* составляла сообщеніе южнѣе; съ лѣвой стороны: рѣка *Сожа*, почти параллельная Днѣпру, открывала путь въ землю Радимичей; обширная рѣка *Десна*, принимающая *Семь*, дѣлала обладателями Сѣверянъ, а рѣка *Сула* Суличей. Немедленно ставитъ Олегъ городокъ въ землѣ Сѣверской (*Черниговъ*, на Деснѣ), другой городокъ въ 60 верстахъ южнѣе Кіева (*Переяславль*, на Трубежѣ); *Смоленскъ* дѣлается сѣвернымъ городкомъ, защищающимъ его Кривичскія владѣнія.

города, еще болѣе отъ Изборска и Бѣлоозера, главныхъ мѣстъ владѣній Руриковыхъ. Тогда установлена была однообразная ежегодная дань, которую обязанъ былъ вносить Новгородъ. Лѣтописи называютъ Олега владѣтелемъ Полянъ и другихъ трехъ народовъ, покоренныхъ имъ уже изъ Кіева, и въ тоже время говорятъ, что Олегъ только *установилъ дани Славянамъ, Кривичамъ и Мери*: ясное различіе. Мы знаемъ уже, что подъ именемъ Славянъ разумѣлъ лѣтописецъ *жителей Новгородскихъ*; лѣтописи прибавляютъ, что Новгороду опредѣлено было платить Варягамъ, *для поддержанія мира*, 300 гривенъ серебра ежегодно. Не можемъ изъяснить сей дани иначе, какъ только тѣмъ, что Новгородцы получили тогда первыя основанія своей независимости, заключили договоръ, и обязались платить Олегу 300 гривенъ за себя, и за Чудскія, Бѣлоозерскія и Изборскія области, надъ коими получили особенную власть (77), безъ посредства

(77) «И *бѣ обладая* Олегъ Поляны, Древляны, Сѣверяны, Радимичи. «—» Нача (*Олегъ*) города ставити и *устави дани* Славянамъ, Кривичамъ и Мери; и Варягамъ устави дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, *мира дѣля*. «(Пушк. сп. 14, 15; Кен. сп. 19, 20). Здѣсь Варяги конечно значатъ не приходящихъ изъ за-моря, но *самого Олега и его дружины*, удалившіяся на югъ. Въ лѣ-

Олеговыхъ намѣстниковъ. Увидимъ въ послѣдствіи, что Олегъ не взялъ окладовъ въ Греціи на Новгородъ, Бѣлоозерскъ и Изборскъ. Находимъ въ числѣ городовъ окладныхъ *Ростовъ*, бывшій въ землѣ Мери; но здѣсь могло быть новое сообщеніе, уже изъ Кіева; впрочемъ, Ростовъ могъ и не войдти въ союзъ Новгородскій, заключавшій въ себѣ другія Руриковы владѣнія. Олегу остались подвластными Князья Варяжскіе, бывшіе въ Полоцкѣ; но и сей городъ въ послѣдствіи находимъ подъ властію Варяжскаго Князя, совершенно отдѣльнаго.

Слѣдственно, всѣ дѣйствія Олеговы ограничились *Кіевомъ и его окрестностями*. Сѣверъ Русскій преданъ былъ особой судьбѣ. По обѣимъ сторонамъ Днѣпра обитали Славянскія

тописяхъ вовсе нѣтъ слѣдовъ власти Кіевскаго Князя надъ Новгородомъ до 947 года, когда »иде Ольга къ Новугороду и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани «(*Кен. сп.* стр. 52). Слова: *мира дѣля*, извѣстная форма: amicitiae causa (какъ говорили Руссы Людовику Благочестивому. См. Шлецера, *Несторъ* R. A. т. II, стр. 180). Что значитъ *гривна*, въ первый разъ здѣсь упоминаемая, см. ниже. — Неужели тогда было такое изобиліе драгоцѣнныхъ металловъ въ сѣверной Россіи? Нѣтъ: на звонкіе металлы только вычисляли мѣха, говоритъ Карамзинъ. Разсмотримъ это обстоятельство въ послѣдствіи.

племена, не признававшія власти Руссовъ. Олегъ, еще до прихода въ Кіевъ, покорилъ уже Кривичей, и отчасти Сѣверянъ. На другой годъ послѣ смерти Аскольда и Дира видимъ Олега въ походѣ на *Древлянъ*, самый дикій и, вѣроятно, сильнѣйшій другихъ народъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ похода на нихъ Олега, Древляне все еще возставали противъ Кіевскихъ владѣтелей, и послѣ совершеннаго своего покоренія составили одно изъ значительныхъ удѣльныхъ княжествъ. Покореніе Древлянъ могло убѣдить другихъ въ силѣ Олега; онъ вступилъ въ дремучіе лѣса Древлянскіе; война была жестокая; *измученные* Древляне согласились наконецъ платить Олегу дань драгоцѣнными куньими шкурами (78). Но они управлялись сами собою, и имѣли своихъ Славянскихъ Князей.

Въ два слѣдующіе года Олегъ посылалъ за требованіемъ дани къ остальнымъ Сѣверянамъ. Они были данники Хазаровъ. Олегъ объявилъ имъ, что онъ *врагъ Хазарамъ*, и удоволь-

(78) *По чернѣ кунѣ* (Кен. сп. 19; Пушк. 15). *Куница, тумакъ* (mustela martes); но здѣсь должно разумѣть и *соболя* (mustela zibellina). Слич. еще догадку о словахъ: *γοῦνα*, gunna, gonne, въ *Критич. разысканіяхъ о древнихъ Русскихъ монетахъ*, изд. Кругомъ (СПБ. 1807 г.) стр. 169.

ствовался данью легкою. Лѣтописи называютъ сіе дѣло Олега *побѣдою* надъ Сѣверянами; кажется, побѣждать было некого, и Варяги не любили *легкой* дани съ побѣжденныхъ. На слѣдующій годъ Радимичи, жители береговъ Сожи, добровольно согласились платить Олегу то, что платили Хазарамъ: по *шлягу*. Безмолвно слышали о дѣлахъ его Хазары (79).

(79) «Безмолвно?« возражаетъ Лербергъ (*Изслѣдованія*, стр. 347)—« Этотъ бранный, кочующій народъ? Навѣрное нѣтъ: только Исторія молчитъ о томъ, что они дѣлали, и, для разрѣшенія этой загадки, должны мы думать, что они, тотчасъ послѣ нападенія ихъ на *Кангаровъ*, занялись чѣмъ нибудь на Югѣ, куда также пошла часть выгнанныхъ Турковъ: можетъ быть, Арабами или *Аланами*, кои 40 лѣтъ еще спустя послѣ этого, въ Константиновы времена, были для нихъ столь опасными сосѣдями. — Не смотря на уменьшеніе своихъ владѣній, *Хазары* все еще удерживались на старыхъ своихъ пастьбищахъ, между *Волгою и Дономъ*, и внизъ *до Кубани*. Здѣсь принадлежали имъ *девять округовъ*. А что и тогда еще главное ихъ мѣсто было *на Волгѣ*, объ этомъ, со многими другими достопамятностями, даетъ намъ знать одинъ Арабъ, жившій въ то время (въ половинѣ X-го вѣка), Ибнъ-Гаукалъ. Вотъ слова Ибнъ-Гаукала: *Атель* (Волга) есть рѣка, текущая изъ *Руса и Булгара*. Государь Ательскій имѣетъ пребываніе на Западной сторонѣ, называется Царемъ, и имѣетъ прозваніе: *Баалъ*. Въ этой области есть тысячь десять Мусульманъ. Цар-

Здѣсь прерывается повѣствованіе лѣтописцевъ, и до 906 года мы не видимъ никакихъ дѣйствій Олега. Что̀ дѣлалъ онъ въ сіи *одиннадцать* лѣтъ? Что̀ удерживало его отъ похода въ Грецію?

Лѣтописи говорятъ только о войнѣ Олега съ Суличами, Славянскимъ племенемъ (80), обита-

ское жилище нѣсколько отдалено отъ берега, построено изъ кирпичей, и есть единственное сего рода строеніе во всей землѣ; одному только Царю позволяется строить такое жилище. Въ городѣ Ателѣ есть 4 воротъ. Царь сей земли Іудейскаго исповѣданія. Дворъ его состоитъ изъ 4000 человѣкъ, Мусульманъ, Христіанъ и идолопоклонниковъ, но вельможи его Жиды. А въ службѣ своей Царь имѣетъ 13,000 воиновъ. На мѣсто умершаго Царя тотчасъ избирается другой, и кромѣ Царя нѣтъ другаго начальника, а имѣетъ онъ подъ собою *девять* чиновниковъ, или судей, «и проч. — По *шьлягу* (Пушк. сп. 15), *по щьлоягоу* (Кен. сп. 19). Что значитъ это слово? Монету: Schilling, Skilling, отвѣчаетъ Кругъ (см. *Раз. о древн. Русск. мон.* стр. 268). Сомнѣваемся, если не принять, что шелягъ означалъ *условное количество мѣховъ*.

(80) А съ *Суличи* и *Тиверцы* имѣяше рать — (Кен. сп. стр. 20) А *Суличи* и *Тиверцы* имяше рать (Пуш. сп. 15). Ясно, что Суличи значатъ Славянъ, жителей Сулы. Олегъ ходилъ на правый берегъ Днѣпра и покорилъ Древлянъ; потомъ на лѣвый. Покоривъ, живущихъ на Сожѣ, Радимичей, онъ идетъ по лѣвому берегу Днѣпра, покоряетъ на Деснѣ Сѣ-

шелями береговъ Сулы, относя къ тому-же времени построеніе городовъ: вѣроятно, *Чернигова* (въ землѣ Сѣверянъ) и *Переяславля*, въ 60 верстахъ отъ Кіева, на рѣкѣ Трубежѣ. Въ 903-мъ году, Олегъ избралъ супругу Игорю, Ольгу, изъ Пскова: событіе замѣчательное по доблестямъ сей знаменитой жены (81). Игорь считался *Княжичемъ*, и оставался подъ властію Олега.

верянъ; живущіе по Сулѣ народы не сдаются, и Олегъ ставитъ на Трубежѣ Переяславль. Карамзинъ, почитая Олега героемъ, коего *побѣдоносныя знамена развѣвались на Днѣпрѣ и Бугѣ*, вѣря существованію Дулебовъ, Улучей и Тиверцевъ, и не разобравъ, какъ зашли тутъ Хорваты, покоряетъ Олегу *Дулебовъ*, *Тиверцевъ*, *Хорватовъ*, жителей горъ Карпатскихъ! Остается только прибавить: «Яже суть толкованы, звахуся отъ Грековъ: *Великая Скиѳія*» (Кен. сп. стр. 24). См. ниже, прим. 87.

(81) *Псковъ* по Кен. списку; *Плесковъ* по другимъ. Слѣд. сей городъ существовалъ уже тогда? Почему-же при Ольгѣ только мелькаетъ онъ въ лѣтописяхъ и опять исчезаетъ на 133 года (до 1036 г.), гдѣ также упоминаніе объ ономъ сомнительно? Кажется, что путешествіе Ольги въ 947 г., когда являются *сани* ея въ Псковѣ (непонятное слово лѣтописца), ввело Псковъ въ женитьбу Игоря. Совершенно соглашаемся съ Шлецеромъ, который говоритъ объ Ольгѣ, dass *man* von der Herkunft dieser unsterblichen Frau, ihrem Geburts-Ort, ihrem Alter, ihrer Bildung, und vielen andern kleinen Umständen, die wir so gerne wissen möchten — *nichts wisse* (Несторъ, R. A. т.

Но событія весьма важныя могли отвлекать вниманіе и мечъ Олега въ сіи годы. Мы говорили уже о движеніи ордъ Азійскихъ отъ Каспійскаго моря и Дона. Половцы, или Команы, тѣснили Хазаровъ, и двигали предъ собою Печенѣговъ (Кангаровъ, или Касаховъ). Постепенно вежи Печенѣжскія шли въ нынѣшнюю Малороссію, отнимая владѣнія у Хазаровъ и тѣсня передъ собою народы Турецкаго происхожденія, вступившіе сюда съ береговъ сѣверной Волги. Сіи послѣдніе принуждены были удаляться къ Кавказу и къ Днѣпру, и вскорѣ одинъ изъ нихъ, *Угры* или *Магьяры*, народъ многочисленный, пошелъ далѣе на западъ. Гонимые другими, Угры стали на время въ предѣлахъ владѣній южныхъ Руссовъ, и вежи ихъ, въ 896-мъ году, явились подъ Кіевомъ. Появленіе народа сильнаго, дикаго, могло подвергнуть опасности Кіевскаго Князя, и пребываніе Угровъ подъ Кіевомъ сохранилось до позднихъ временъ въ названіи мѣста, гдѣ стояли вежи ихъ, прозванаго съ того времени *Угорскимъ* (82). Не знаемъ, какъ могъ удер-

III, стр. 247 — 251. — Тутъ-же смотр. сказку, какую выдумали позднѣйшіе лѣтописцы о женитьбѣ Игоря.

(82) Слово: *Угры*, измѣнилось въ Ungern, Ungari, Hungari, *Οὔγγροι*, *Унгры* и *Венгры*, ибо у западныхъ Славянъ, звукъ: У, замѣнялся звукомъ: *он* (ą). Венгры

жаться Олегъ въ своихъ городкахъ, и дружески-ли разстался онъ съ Уграми. Но они вскорѣ оставили Кіевскую область и устремились на берега Дуная. Сіи-то Угры были основателями государства Венгерскаго. Ихъ переходъ на берега Дуная объясняется послѣдствіями и походомъ Олеговымъ въ Грецію. Здѣсь душею всѣхъ дѣйствій были Греки. Они видѣли въ Юграхъ новое средство поражать другихъ непріятелей, и звали ихъ на Дунай: оставивъ Днѣпровскіе берега, Угры шли на западъ и

сами себя называютъ: *Мадьяръ*. Венгерское gy произносится, какъ Русское: дь, слѣдственно, Magyar равно *Мадьяръ* (по замѣчанію П. И. Кеппена). Объ изгнаніи Угровъ изъ земель Приволжскихъ (*Ателькуса*) Византійцы пишутъ весьма ясно. Подъ предводительствомъ Князя *Леведія*, Угры перешли на южную часть Днѣпра и Заднѣпріа, назвавъ сіи земли *Леведіею*. Карамзинъ искалъ сей земли въ *Лебединѣ* (въ Харьковской губерніи, См. Ист. Г. Р. т. I, стр. 127). Греки знали Угровъ съ 829 г. — Съ 895 года Угры поселились въ нынѣшней Венгріи, грабили Западъ, и дрались съ Булгарами и Греками. Гейза, вождь ихъ, принялъ Христіанскую вѣру въ концѣ X-го столѣтія. Въ 1000 г. Папа Сильвестръ, а въ 1008 г. Императоръ Генрихъ II-й утвердили сына Гейзы, Стефана, въ достоинствѣ Короля Венгерскаго. О сохраненіи имени Угровъ въ Кіевѣ, см. *Кеп. спис.* стр. 20.

остановились между Булгаріею, Богеміею и Польшею.

Когда сія туча, грозившая Олегу, разсѣялась, для него настало время событій важнѣйшихъ. Черезъ немного лѣтъ послѣ прошествія Угровъ мимо Кіева, Олегъ готовъ былъ къ походу подъ Царьградъ. Необходимо здѣсь обозрѣть событія Греческой Исторіи съ 866-го года.

Императоръ Василій скончался въ 886 году. Изъ четырехъ сыновей его, старшій, Константинъ, умеръ еще при жизни отца. Младшій, Стефанъ, отказался отъ почестей Двора для монастырской келліи, и былъ въ послѣдствіи Царяградскимъ Патріархомъ. Два средніе сына, Левъ и Александръ, вмѣстѣ возведены были на престолъ. Александръ напомнилъ Царьграду злодѣйства и безуміе Михаила своими дѣлами; Левъ одинъ управлялъ государствомъ. Современники наименовали Льва *Философомъ*, потому, что онъ былъ воспитанъ ученымъ Патріархомъ Фотіемъ, любилъ схоластику, богословскіе споры, астрологію, и написалъ даже книгу предвѣщаній. Унизивъ себя незаконнымъ бракомъ, проводя жизнь въ кругу низкихъ льстецовъ, Левъ не ознаменовалъ своего царствованія ни мужествомъ, ни мудростію. Опасный, дѣятельный врагъ воз-

сталъ въ то время въ Булгаріи: Симеонъ, наслѣдникъ Царя Богориса, побѣжденнаго Василіемъ. Булгары, уже издавна Христіане, были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Греками. Симеонъ воспитывался въ Аѳинахъ, учился Аристотелевой Логикѣ и читалъ Димосѳена въ подлинникѣ. Назначенный къ жизни монастырской, онъ на перекоръ судьбѣ вступилъ на Булгарскій престолъ, любилъ просвѣщеніе и желалъ побѣдъ. Сорокъ лѣтъ царствованія его были ознаменованы силою Булгарскаго царства, которое пало съ его смертію и утратило свою знаменитость. Симеонъ привелъ на память Грекамъ ужасную смерть Императора Никифора, погибшаго въ странахъ Булгарскихъ. Греки радовались, успѣвъ возставить противъ него орды Угровъ, явившіяся тогда съ береговъ Днѣпра; но Симеонъ, разбитый въ одномъ сраженіи, разсѣялъ Угровъ въ другой битвѣ, опустошилъ Сербію, и на берегахъ Ахелоя разбивъ Греческія войска, заставилъ трепетать Царьградъ.

Въ это время и Олегъ могъ быть побужденъ Симеономъ къ войнѣ на Грековъ; по крайней мѣрѣ, могъ надѣяться успѣха, поддерживаемый Булгарскою силою. Такъ два отважные врага стали грозить Царьграду съ суши и съ моря: Симеонъ и Олегъ.

Счастливый походъ Олега подъ Царьградъ былъ прославленъ современниками. Они передали его намъ въ поэтическомъ изображенiи. Поэмы Скальдовъ, можетъ быть, сопровождавшихъ Олега къ Царьграду, явно внесены въ наши лѣтописи: онѣ показываютъ намъ понятiя и образъ мыслей тогдашнихъ Руссовъ.

Лѣтописи говорятъ о сборахъ Олега, какъ о сборахъ новаго Агамемнона. Имъ надобно было исчислить его воиновъ, и онѣ повторяютъ имена народовъ, которые не были подвластны Олегу, и даже тѣхъ, которые не могли быть подвластны: Варяговъ, Славянъ, Чудь, Кривичей, Мерю, Древлянъ, Радимичей, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей, *Хорватовъ*, *Дулебовъ*, *Тиверцевъ*; 2000 *кораблей*, говорятъ онѣ, шло по Днѣпру, и въ каждомъ было по 40 человѣкъ. Кромѣ 80,000 воиновъ морскихъ, шло берегомъ конное войско. Олегъ подступилъ подъ Царьградъ, и опустошилъ окрестности. Гавань Царяградская замкнута была цѣпью. Олегъ вытащилъ корабли свои на берегъ, поддѣлалъ подъ нихъ колеса, распустилъ парусы, и вѣтеръ покатилъ корабли его по сухому пути. Ужасая Грековъ, онъ надѣлалъ бумажныхъ, позлащенныхъ змѣевъ, коней, людей, и пустилъ ихъ по воздуху. Испуганные Греки просили мира, и выслали съѣстныхъ припасовъ и вина: все это было отравлено;

Олегъ увидѣлъ ухищреніе и отвергъ подарки. Тогда Греки говорили, что это не Русскій Князь Олегъ, но Св. Димитрій Селунскій посланъ отъ Бога, выслали просить помилованія, и согласились на тяжкую дань: по 12 гривенъ на человѣка (слѣдственно, на одинъ флотъ заплатили 960,000 гривенъ, не считая даннаго на сухопутное войско); кромѣ того дали оклады на города, гдѣ княжили подвластные Олегу Князья Русскіе. Тогда отправились съ обѣихъ сторонъ послы, утвержденъ миръ клятвами, и Олегъ повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царьграда. Возвращаясь съ торжествомъ, онъ велѣлъ на Русскіе корабли поставить парусы изъ шелковыхъ тканей, на Славянскіе корабли парусы полотняные (83); но вѣтеръ разодралъ тѣ и другіе, и Славяне сказали, что имъ лучше приняться за прежніе холстинные. Въ Кіевѣ, видя возвращеніе Олега, богатства имъ привезенныя: золото, паволоки, овощи, вина, всякія узорочья, празднуя побѣду, дивясь мудрости Олега, народъ называлъ его: *Вѣщій Олегъ* (84).

(83) *Кропинные*, говорятъ лѣтописи. Это слово переводятъ: *полотняные*, ибо изъ крапивы будтобы дѣлаютъ гдѣ-то какое-то полотно, по увѣренію многихъ, и между прочимъ Г-на Шторха, Hist. stat. Gemälde des Russ. Reichs, т. II, стр. 324).

(84) Кен. спис. стр. 23 — 26.

Оставимъ вымыслы Поэзіи, и удовольствуемся вѣроятною истиною. Взоръ наблюдателя можетъ отыскивать темные слѣды ея въ самыхъ сказкахъ.

Олеговъ походъ остался преимущественно въ памяти потомковъ, можетъ быть потому— замѣтимъ сіе отношеніе — что это былъ *первый* набѣгъ Сѣверныхъ Руссовъ, и *единственный* удачный походъ Руссовъ на Царьградъ. Аскольдъ и Диръ возвратились побѣжденные бурею; Игорь, побѣжденный Греческимъ огнемъ; походъ Святослава начатъ былъ совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ, и былъ уже не морской походъ Скандинавскій, но сухопутный и—несчастный набѣгъ на Булгарію. Походы Владиміра и Ярослава совершенно отдѣляются отъ первоначальныхъ Русскихъ набѣговъ. Тогда все уже измѣнилось. Отъ сего древній походъ Олега, счастливый и смѣлый, воспламенялъ воображеніе Руссовъ.

Но точно-ли совершилъ Олегъ походъ сей? Сомнѣніе весьма основательное, ибо Греческія лѣтописи ничего не говорятъ объономъ. Здѣсь должно замѣтить, что Исторія Византійская съ начала и до половины X-го вѣка весьма неполна, и потому, что въ дошедшихъ до насъ памятникахъ Византійскихъ не находимъ похода Олегова, мы не имѣемъ права отвергать сказаніе лѣтописца, который не могъ выду-

мывать происшествія, совершившагося только за сто лѣтъ до него; разсказъ его тѣмъ достовѣрнѣе, что лѣтописецъ передаетъ намъ его со всѣми сказочными прибавками. Мы не можемъ отвергать достовѣрности договора Олегова, заключеннаго въ 911 году (85). Сей первый письменный памятникъ нашей Исторіи могъ быть заключенъ только въ слѣдствіе ужаса, наведеннаго на Грековъ; а что-же другое кромѣ меча Варяговъ могло возбудить сей ужасъ?

Но число флота Олегова и исчисленіе народовъ съ нимъ бывшихъ, явно выдуманы и увеличены. Не *корабли* большіе, но *лодки* могъ провесть Олегъ чрезъ Днѣпровскіе пороги, и Константинъ Порфирородный сказываетъ намъ подробно, какъ составлялся флотъ Кіевскихъ Руссовъ. Кривичи, Суличи и другіе Славяне рубили дерева, выдалбливали изъ нихъ челны, и сплавляли ихъ весною въ Кіевъ, гдѣ Руссы придѣлывали къ нимъ весла и уключины, изъ старыхъ лодокъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ можно было плыть Днѣпромъ. Проѣхавъ съ трудомъ три Днѣпровскіе порога, Руссы тащили

(85) О молчаніи Греческихъ лѣтописцевъ, и перерывѣ, замѣтномъ въ Византійскихъ описаніяхъ первой половины X-го вѣка, см. Шлецера, Несторъ, R. A. т. I, стр. 13; другія доказательства, см. у Карамзина, Ист. Г. Р. т. I, пр. 316.

свои лодки по сухому берегу, мимо Неясытскаго порога. На островѣ Св. Григорія, Руссы приносили жертву за благополучный переѣздъ, гадали по своими стрѣламъ, и, держась сѣверозападнаго, а отъ Дуная западнаго берега Чернаго моря, приплывали въ Мезимврію, а оттолѣ въ Царьградъ (86). Олегъ не могъ про-

(86) См. Mém. popul. т. II, стр. 980—987, и *Круга*, Изыск. о древн. Русск. монетахъ, стр. 70—109. Константинъ Порфирородный называетъ Русскія лодки: μονόξυλα (однодеревка, челнокъ, изъ одного дерева выдолбленный). И при Игорѣ, Ліутпрандъ называетъ Русскія лодки *небольшими*, въ сравненіи съ Греческими хеландіями, которыя однакожъ были весьма неогромны. Подвластные Руссамъ народы Конст. Порфир. называетъ: *Кривитене* (Кривичи), *Лензанине* (*Лутичи*, жители Луцка, или *Суличи*? ибо Конст. упоминаетъ объ нихъ, *какъ о сосѣдяхъ Печенѣговъ*) *Верване* (не жители-ль *вервей?*), *Другувиты*) (Дряговичи), *Серване* (Сѣверяне), *Дервленине* (Древляне). — Днѣпровскіе пороги начинаются за 500 верстъ отъ Кіева. Ихъ производитъ гранитный отрогъ, идущій отъ Карпатскихъ горъ на востокъ, и начинающій быть замѣтнымъ у Дубоссаръ на Днѣстрѣ, Соколовъ на Бугѣ, и Елисаветграда на Ингулѣ. Черезъ сей отрогъ протекаетъ Днѣпръ, искривляя отъ сего направленіе свое отъ востока къ западу, и сражаясь съ гранитными каменьями, прерывающими теченіе его. Далѣе гранитная полоса продолжается до самаго Азовскаго моря (см. подробности у Лерберга, *Изслѣдованія*, стр. 265 — 280).

браться съ огромными кораблями по Днѣпру; слѣдовательно: подобно Аскольду и Диру, онъ шелъ въ ладьяхъ. Число: 2000, увеличено *въ десятеро* противъ Аскольда и Дира; увидимъ въ послѣдствіи, что Игорь пойдетъ на Грецію *съ* 10,000 *лодокъ*: сіи *десятки* подозрительны.

Исчисленіе народовъ, бывшихъ съ Олегомъ, невѣрно. Съ нимъ могли быть только пришельцы Варяги, Кіевскіе Руссы, Древляне, Радимичи, Сѣверяне, Кривичи Полоцкіе, и, *можетъ быть*, Ростовская Меря: видимъ, что Олегъ требовалъ окладовъ только на *Кіевъ*, *Черниговъ*, *Переяславль*, *Полоцкъ*, *Любечъ* (и *Ростовъ* (87); впрочемъ, послан-

(87) «*И на прочіе грады*, по тѣмъ-бо городамъ сѣдяху велиціи князи подъ Олегомъ суще (Кен. сп. стр. 25)» — явная вставка позднѣйшая: переписчикъ хотѣлъ, кажется, поправить упущеніе именъ. Олегъ идетъ изъ Новагорода, и лѣтопись исчисляетъ: «Поимъ *Варяги, Чудь, Словене, Мерю* и всѣ (не должно-ли читать: *Весь и ?*) *Кривичи*». Олегъ покоряетъ потомъ Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, *а съ Суличами имѣетъ рать*; здѣсь вставляютъ: «и съ *Тиверцами*,» ибо прежде (стр. 11) упоминались *Уличи* и *Тиверцы*. Олегъ идетъ въ походъ; новое повтореніе стараго (стр. 23): «Поя *Варяги, Чудь, Словене, Мерю и Кривичи*». Но онъ покорилъ послѣ того Древлянъ, Радимичей, Полянъ, Сѣверянъ, и къ старому вычету, лѣтописи прибавляютъ: «*Древлянъ, Ра-*

никовъ отъ Олега было *пятеро*). Мы упомянули уже объ отдѣленіи Новгородской области, положившей начало своей республиканской свободѣ. Тамъ былъ свой міръ дѣйствій.

Сухопутныхъ войскъ Олегъ не могъ имѣть съ собою: гдѣ могли пройдти его дружины?

димичей, Полянъ, Сѣверянъ.» Но на 11-й стран. сіи народы исчислялись съ Вятичами, Хорватами, Дулебами, Улучами, Тиверцами; надобно и сіи народы включить въ войско Олега, и лѣтописецъ цѣликомъ переноситъ сюда прежнюю рѣчь: *и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверцы, яже суть толкованы, сіи вси звахуся отъ Грекъ Великая Скиѳія.* Но когда-же они покорены? Почему Святославъ снова *покоряетъ* Вятичей въ 964 году? А *Хорваты* какъ здѣсь очутились? Карамзинъ разрѣшаетъ недоумѣніе, говоря, что Олегъ завоевалъ, «*можетъ быть,* и Галлицію» (Ист. Г. Р. Т. I, стр. 127), и далѣе: «*завоевалъ все* отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра, и — *кажется*, горъ Карпатскихъ.» Изумленный такими (мнимыми) подвигами Олега, Карамзинъ продолжаетъ: «Древняя Россія славится не однимъ героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ.» (Ист. Г. Р. т. I, стр. 143). Признаемся, что мы ничего этого не видимъ, и думаемъ, что все разрѣшится страннымъ честолюбіемъ, которое въ другомъ мѣстѣ заставило лѣтописца писать: «*Славянскому* «*языку* былъ учитель Св. Апостолъ Павелъ, *слѣдственно, и нашъ учитель былъ онъ, ибо и мы* «*Славяне*, только отъ Варяговъ прозвашася *Русью*« Кен. сп. стр. 23).

Не чрезъ Булгарію, по крайней мѣрѣ, а другаго пути нѣтъ. И гдѣ притомъ могъ собрать войско многочисленное обладатель Кіевскаго и другихъ четырехъ или пяти городковъ, и столькихъ-же небольшихъ народовъ?

Такимъ образомъ, Олегъ, можетъ быть, съ двумя сотнями лодокъ, явился подъ Царьградъ, и, не думая о завоеваніи города — повторимъ слова лѣтописи: *творилъ, что обыкновенно ратники творятъ.* Такъ *обыкновеннымъ* казался лѣтописателю ужасный образъ тогдашней войны, среди кровавыхъ событій XII-го вѣка, Половецкихъ набѣговъ, и междоусобій, слѣдовавшихъ послѣ каждой побѣды. Олеговы Руссы убивали, мучили, рубили, разстрѣливали людей, жгли зданія и домы. Императоръ Левъ, написавшій книгу о военной Тактикѣ, не смѣлъ выступить противъ непріятелей; только перегородилъ гавань столичную цѣпью, нѣкогда спасшею Царьградъ отъ Аравитянъ, и выслалъ пословъ договариваться съ Олегомъ (88). Олегъ потребовалъ окупа, по 12 гривенъ на ладью (89),

(88) Сія цѣпь протягивалась при входѣ въ Царяградскую гавань, отъ Акрополя до Галатскаго замка. Въ 709 г. симъ образомъ спасенъ былъ Царьградъ отъ Аравитянъ. См. Шлецера, Нест. R. A. т. III, стр. 260 - 263.

(89) «Заповѣда дать по 12 гривенъ *на ключъ*» (Кен. сп. стр. 25). Что значитъ: *на ключъ?* На *человѣка,*

и особую дань на пять, или на шесть городовъ, ему подвластныхъ. Греки согласились; Олеговы послы: Карлъ, Фарлофъ, Веремидъ, Рулавъ и

говорятъ намъ, ибо немного выше сказано: « Заповѣда даяти на 2000 кораблей *по 12 гривенъ на человѣка.* » Шлецеръ отдѣлался въ семъ мѣстѣ незнаніемъ, жалуясь, что hier fängt die Noth des Commentators an (R. A. т. III, стр. 275). — Карамзинъ рѣшительно утверждаетъ, что *ключъ* значитъ *человѣка*. Вотъ его сильнѣйшія доказательства: « Каждый Славянинъ, запирая драгоцѣннѣйшую собственность, обыкновенно ходилъ съ ключемъ, привязаннымъ къ поясу (что дѣлаютъ и нынѣ Русскіе крестьяне и простолюдины); отъ того стали говорить: *на ключъ*, вмѣсто: *на человѣка* (Ист. Г. Р. т. I. пр. 310). » Кругъ также переводитъ слова: *на ключъ, на человѣка*, и въ доказательство приводитъ огромныя суммы, какія брали Нордманны повсюду, также богатство Грековъ въ X-мъ вѣкѣ (см. *Разысканія о древн. Русск. монетахъ* (стр. 88, 224-254). Согласны; но естественно-ли, что бы Греки дали 960 тысячь гривенъ на одинъ флотъ, кромѣ окладовъ на города и сухопутное войско (ибо Карамзинъ вѣритъ и 2000-мъ ладей, съ 40 человѣками на каждой, и сухопутному войску Олега)? Если и положимъ, что лодокъ у Олега было только 200, и что на каждой изъ нихъ было гораздо менѣе 40 человѣкъ; далѣе, что у него во все не было сухопутнаго войска, то все еще сумма кажется нелѣпа. Когда въ 1043 г. Руссы потребовали по 3 гривны на человѣка, Греки почли это требованіе неисполнимымъ и безумнымъ (Мет. рор. т. II, стр. 1014). Слово: *ключъ*, имѣетъ у насъ нѣсколько значеній: кро-

Стемидъ, объявили дальнѣйшія условія: « Олегъ заключаетъ миръ и отступаетъ отъ Царьграда, соглашается возобновить прежнюю дружбу и торговлю; но условливается въ томъ, что послы, которыхъ будетъ онъ присылать въ Грецію, могутъ брать посольскаго сколько имъ угодно (90).» Напротивъ, « *гости*, или торговцы, имѣютъ право требовать *мѣсячины*, но не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ (91).» Кромѣ того, Руссы хотѣли, что бы каждому Руссу

мѣ орудія, отпирающаго и запирающаго замо́къ, и кромѣ родника (Schlüssel и Brunnen), оно значитъ еще *нѣсколько деревень въ одно управленіе соединенныхъ* (въ Бѣлоруссіи, Польшѣ и Богеміи). — Вспомнимъ, что мѣсто, гдѣ на лодкѣ укрѣпляются весла, понынѣ называется *уключиною;* почему не полагать, что число гребцовъ, потребное для лодки, называлось *ключемъ*, и даже, что не было распоряженія, какъ въ Скандинавіи, чтобы такой-то ключъ выставляемъ былъ отъ извѣстнаго числа селеніи? Лучше принять *вѣроятное*, нежели вовсе неимовѣрное.

(90) «Емлютъ слюбное (*сольбное*) елико хотячи») (Кен. сп.) стр. 25). *Солъ* значило посолъ. Обычай содержать пословъ на счетъ Двора, къ которому они присланы, прежде былъ повсюдный, и донынѣ сохранился у Азіятцевъ.

(91) «Емлютъ мѣсячину на шесть мѣсяцовъ... пойдучи-жь за ся, да емлютъ брашно, и якори, и ужа, и парусы, елико надобе»... (Кен. сп. стр. 25), т. е., торговцевъ, *гостей*, Греки обязывались полгода кормить, поить и давать имъ бани безденежно.

дозволялось въ Царьградѣ свободное употребленіе бань, необходимой потребности ихъ, и чтобы при возвращеніи въ Русь, Греки давали, если будутъ надобны Руссамъ, якори, парусы, снасти и запасъ въ дорогу. Условія народовъ полудикихъ, на которыя Греки согласились, включивъ съ своей стороны разныя предосторожности отъ Руссовъ, своевольныхъ и не привыкшихъ къ гражданскому порядку!

« Руссы, пришедшіе не послами, и не для торговли, не имѣютъ права требовать ни посольскаго, ни мѣсячины.» Это условіе понятно, когда мы вспомнимъ, что Варяги приходили служить въ Грецію, и что многіе Скандинавы, искатели приключеній, бродили тогда изъ страны въ страну. Вѣроятно, тогда-же положено было, что бы послы Русскіе приносили съ собою *золотыя печати*, а гости *серебряныя* (условіе Грековъ съ Булгарами), ибо безъ сего не льзя было отличить ни тѣхъ ни другихъ отъ бродящихъ Варяговъ. « Руссы не должны приставать прямо къ Царьграду; они должны останавливаться за городскою стѣною, въ селеніи Св. Маманта (92), и Князь Руссовъ строго запретитъ

(92) Тутъ былъ славный монастырь С. Маманта, и гавань съ портиками, устроенная Львомъ Императоромъ, ein Kronstadt für Constantinopl, какъ говоритъ Шлецеръ (см. R. A. т. III, стр. 287).

имъ всякое насиліе и буйство. По приходѣ Руссовъ, Греческіе чиновники переписываютъ ихъ, и выдаютъ мѣсячину, сперва Кіевлянамъ, потомъ Черниговцамъ и Переяславцамъ, если сіи пришельцы окажутся гости. Руссамъ позволяется входить въ городъ въ извѣстныя ворота, подъ присмотромъ особаго пристава, не болѣе 50 человѣкъ вдругъ, и безъ оружія. При соблюденіи всѣхъ сихъ условій, Руссамъ позволяется торговать сколько угодно, и безъ всякой пошлины.«

Какъ ярко отражается здѣсь X-й вѣкъ, нравы, обычаи Руссовъ, и политика Грековъ! Разсмотрите договоръ Олега, и вы поймете тогдашнее состояніе и Кіева и Царьграда.

Олегъ благополучно и съ добычею возвратился въ Кіевъ. Онъ провелъ остальныя шесть лѣтъ своей старости въ тишинѣ; по крайней мѣрѣ, не находимъ никакихъ извѣстій о войнахъ и набѣгахъ его. Договоръ, вѣроятно, словесный, заключенный подъ Царьградомъ, былъ утвержденъ клятвами съ обѣихъ сторонъ: Греки клялись Евангеліемъ; Олегъ и воины его Перуномъ, Волосомъ и — оружіемъ своимъ (93). Но прошло нѣсколько лѣтъ, и время могло показать опущенныя подробности. Греки хотѣли утвердить

(93) «*Кляшася оружіемъ своимъ* (какъ это естественно для дикаго Нордманна!) и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ» (Кен. сп. стр. 26).

письменно договоръ свой. Послы Олеговы явились тогда въ Царьградъ.

Сей достопамятный договоръ, первый, драгоцѣнный письменный памятникъ Русской Исторіи, сохранился для потомства, и вполнѣ вписанъ въ наши лѣтописи. Онъ составленъ былъ на Славянскомъ языкѣ, извѣстномъ Грекамъ, имѣвшемъ письмена для выраженія словъ, и, вѣроятно, входившемъ уже въ общее употребленіе между Варягами (94).

Мы находимъ прежнихъ пословъ Олеговыхъ: Карла (95), Фарлафа, Веремида, Рулава, Стемида, и кромѣ того семь человѣкъ, называвших-

(94) Сомнѣніе о договорѣ Олега изъявлялъ Шлецеръ, находя въ немъ темноту и невѣрности. Послѣ Шлецера почти все темное объяснено. Сильнѣйшее доказательство подлинности заключается въ самой сущности договора: онъ простъ, естественъ; такъ не поддѣлываютъ актовъ. А что письменныя сношенія между Греками и Рускими были въ началѣ X-го вѣка, это говорятъ намъ сами Греки (см. Memor. popul. т. II, стр. 980). Слич. для подробностей, Карамзина, Ист. Г. Р.; Шлецера, Несторъ, R. A.; Круга, Раз. о древн. Русск. монетахъ, и Эверса, Das älteste Recht der Russen (Дерптъ, 1826 г. стр. 118 - 124). - Полный списокъ Договора, см. *Дополненія* (статья VII).

(95) *Инегельдъ* (по Кен. сп.), *Ингелотъ* (по Троицк. сп.) не значитъ-ли: *Англичанинъ*? Англичане бродили тогда повсюду; въ Царьградѣ, особливо послѣ Гастингской битвы, находилось множество Англичанъ.

ся (если только нѣкоторыя изъ сихъ семи именъ не должно почитать прилагательными) : Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актутруанъ, Лидульфостъ. Договоръ написанъ былъ киноварью, въ двухъ спискахъ, отъ имени Олега, который названъ *Великимъ Княземъ*, отъ имени Свѣтлыхъ Князей, подъ рукою его сущихъ, и Бояръ; со стороны Грековъ отъ имени Царей Льва, Александра и Константина (*Порфиророднаго*, который въ дѣтскихъ лѣтахъ былъ коронованъ отцомъ своимъ, Львомъ, и двадцать лѣтъ составлялъ тѣнь властителя, будучи подъ опекою, сначала матери, потомъ дяди, наконецъ дерзкаго хищника Романа). Послѣ взаимныхъ обѣщаній, слѣдуютъ условія :

1. Всякая вина доказывается свидѣтельствами; въ противномъ случаѣ отвѣтчикъ даетъ присягу по своей вѣрѣ; за ложную присягу слѣдуетъ наказаніе.

2. Убійство наказывается смертію убійцы, или убійца платитъ законную плату; но жена его не лишается своей части имѣнія. Бѣжавшій убійца остается подъ судомъ, и по сыскѣ отвѣчаетъ жизнію, или имѣніемъ.

3. За удареніе мечемъ, или чѣмъ либо другимъ, виноватый платитъ пять литръ серебра, *по закону Русскому* (96). Въ случаѣ неимущества, онъ

(96) *Λίτρα*, испорченное отъ Римскаго Libra. Она

долженъ отдать сколько можетъ, все, даже платье свое, а въ остальномъ, недостающемъ, приводится къ присягѣ, клянясь, что ему нечѣмъ заплатить, и что никто платить за него не хочетъ.

4. Воръ, пойманный въ воровствѣ и сопротивляющійся, можетъ быть убитъ безъ отвѣта, и хозяинъ беретъ украденное имъ. Если воръ добровольно дастъ себя поймать, онъ долженъ возвратить втрое противъ покраденнаго.

5. Захватившій чужое подъ видомъ обыска, платитъ втрое.

6. Руссы, увидѣвъ ладію Греческую, вѣтромъ изверженную на чужую землю, должны проводить ее въ Грецію, и въ случаѣ бури и другихъ препятствій пособить Греческимъ гребцамъ; но если это случится близъ земли

содержала въ себѣ 72 *номисма* (nomismata) или *солида* (solidos). Солидъ вѣсилъ 1 золотникъ, коихъ 72 шло въ Греческій фунтъ; 5 золотыхъ равнялись 72 золотникамъ серебра. Русская *гривна* равнялась Греческой *литрѣ*. См. подробности въ *Разысканіяхъ о древн. Русск. монетахъ*, Круга. Мысль Круга, что *гривна* Русская есть переводъ Греческой *литры*, кажется, совершенно вѣрна. Въ Россіи были и *вѣсы* (exagia) для взвѣшиванія монетъ. Одни изъ такихъ вѣсовъ найдены были въ Кіевскихъ пещерахъ, и доставили Кругу сильное доказательство его мнѣнія.

Русской, Руссы обязаны довести ее къ себѣ, продать товаръ, и когда пойдутъ торговать, или посольствомъ въ Грецію, обязаны отдать тамъ все вырученное. За убійство бывшихъ на ладьѣ и за кражу съ нея отвѣчаютъ Руссы, какъ выше сказано.

7. Плѣнникъ, проданный въ рабство, возвращается взаимно, съ отдачею купившему его того, что тотъ заплатилъ, или по извѣстной цѣнѣ невольниковъ, 20 золотыхъ номисмовъ или солидовъ. Захваченный на войнѣ, Грекъ или Руссъ, возвращается въ свою сторону, со взносомъ сей-же цѣны. Но пришедшіе охотою служить Царю Греческому, имѣютъ волю остаться въ Греціи безъ всякой платы Руссамъ.

8. Рабъ, украденный, убѣжавшій, или по принужденію проданный, если подтвердитъ жалобу Русса, своего хозяина, возвращается. Если гость Русскій утратитъ, какимъ либо изъ вышеозначенныхъ образовъ, раба своего, и принесетъ жалобу, то можетъ искать и взять своего раба. Не допустившій до обыска считается виноватымъ.

9. Кто изъ служащихъ въ Греціи Руссовъ умретъ не распорядившись имѣніемъ, и ближнихъ его въ Греціи не будетъ, то имѣніе его отсылается къ *дальнимъ* родственникамъ въ

Русь (97). При сдѣланномъ завѣщаніи, исполнять какъ распоряжено въ ономъ, и если-бы распоряженіе передавало во владѣніе чье либо и то имѣніе, которое находится въ Руси, оное должно быть доставлено.

10. Преступники убѣжавшіе возвращаются взаимно.

Сей договоръ показываетъ намъ часть законовъ, существовавшихъ въ Руси, и служитъ поясненіемъ грубыхъ, немногосложныхъ правъ того времени. *Кровь за кровь, или плата за убійство; плата въ случаѣ побоевъ; право наслѣдства и распоряженія собственностію*; *законы о воровствѣ и обыскѣ*; *присяга въ случаѣ недостатка свидѣтельствъ*; *возвращеніе втрое противъ похищеннаго*, составляютъ всю сущность законоположеній. Замѣчательны: цѣна невольниковъ; позволеніе служить въ Греціи; условіе возвращать бѣглыхъ преступниковъ, и выгоды, какія имѣли Руссы при договорѣ противъ Грековъ.

(97) «*Малымъ* ближникамъ» (по Кен. сп. стр. 31). Къ *милымъ*, пишетъ Карамзинъ (Ист. Г. Р. т. 1, стр. 139) и ссылается на *сгорѣвшій* Троицкій списокъ. Въ другихъ спискахъ поставлено *милымъ* и *малымъ* безъ разбора. Шлецеръ читалъ сіе слово: *ближнимъ*, nächste Verwandte (R. A. т. III, 331).

Олегъ скончался въ 911 году, княживъ 33 года. Если онъ былъ спутникъ Рурика, то онъ скончался въ преклонной старости. Память его была драгоцѣнна Руссамъ, видѣвшимъ въ немъ истиннаго Князя, смѣлаго, храбраго, предпріимчиваго. Походъ его въ Грецію украшенъ былъ поэзіею вымысла народнаго, и самая смерть представлена въ сказкѣ, основанной на таинственномъ предвѣщаніи. Современники во всемъ видѣли оправданіе имени *Вѣщаго*, и долго помнили Олегову могилу на горѣ Щековицѣ (98).

(98) Кен. спис. стр. 33. «*И плакашась людіе вси плачемъ великимъ.*» Что́ можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу Государя умершаго? — говоритъ Карамзинъ. Но не есть-ли это обыкновенная форма изъясненія лѣтописцевъ? Объ Ольгѣ (Кен. сп. стр. 59) сказано тоже: «*плакася вси плачемъ великимъ;*» объ Изяславѣ, котораго рѣшительно не за-что было любить (Кен. сп. стр. 126), »*плакася по немъ весь городъ Кіевъ плачемъ великимъ.*» Такихъ примѣровъ множество. Изображая въ краснорѣчивыхъ апоѳегмахъ славу Олега (Мудростію правителя цвѣтутъ государства образованныя; но только сильная рука героя основываетъ великія Имперіи,« и проч. см. (Ист. Г. Р. т. I. стр. 143), Исторіографъ сомнѣвается въ чистотѣ его величія, потому только, что «кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы!»

Совсѣмъ не таковъ, кажется, былъ въ глазахъ ихъ сынъ Рурика, наслѣдовавшій княжество Кіевское. Онъ не имѣлъ никакой власти при Олегѣ, не участвовалъ въ походѣ Цареградскомъ, оставаясь въ Кіевѣ, и даже *не былъ упомянутъ* въ Олеговомъ договорѣ съ Греками. Игорь принялъ правленіе въ лѣтахъ опытности, но никогда не былъ мужъ *опыта*, составлявшаго въ древнія времена мудрость человѣка. Олегъ умѣлъ одушевлять, соединять народы, ему подвластные; Игорь, слабый, *сидѣвшій* въ Кіевѣ, не водилъ самъ дружинъ своихъ на брань. Еще одно обстоятельство замѣчаемъ въ темныхъ сказаніяхъ лѣтописей.

Человѣкъ слабый подпадаетъ власти другихъ, сильнѣйшихъ его характеромъ; властитель слабый всего скорѣе повинуется волѣ вельможъ своихъ и женщинъ. Игоря окружали Варяги, мужественные, сильные властію; мы знаемъ Ольгу, супругу его, и предполагаемъ, что̀ могла она дѣлать при жизни Игоря. Намъ еще является Варягъ замѣчательный: *Свенельдъ*, полководецъ Игоревыхъ войскъ, сильный властію, какую пріобрѣлъ онъ надъ Игоремъ, бывшій потомъ воспитателемъ, сопутникомъ Святослава, и несчастною причиною братоубійства между дѣтьми его.

Двадцать девять лѣтъ княженія Игорева,

при управленіи дѣлъ Ольгою и Свенельдомъ, произвели важныя перемѣны въ образѣ управленія и въ порядкѣ дѣлъ. Крѣпкая рука Олега держала подъ властію его дружину и вождей. Рука Игоря не была столь сильна, и Свенельдъ является властителемъ дружинъ воинскихъ. Но, имѣя сильную мощь надъ воинствомъ, онъ не могъ удержать гражданскаго могущества Ольги. Находимъ еще новыя лица при Игорѣ: племянниковъ его, *Улеба* и *Якуна*. Не знаемъ, *гдѣ* они княжили, ибо вѣроятно, что они были Князьями особыхъ удѣловъ. Такимъ образомъ, Варяжская аристократія, отчасти задушенная Олегомъ, ожила при Игорѣ, и Свенельдъ не могъ не уступать ей. Власть Ольги была столь важна, что имя ея вносилось въ договоры Кіевскаго Князя съ чужеземными народами, можетъ быть и потому, что она владѣла особеннымъ княжествомъ и могла требовать участія въ даняхъ, собираемыхъ Кіевскимъ Княземъ съ народовъ, ему подвластныхъ. Не это-ли произвело особенный удѣлъ и супругѣ племянника Игорева, Улеба (99)?

(99) Сіи подробности о Варяжской аристократіи извлекаемъ изъ договора Игорева съ Греками. Тамъ сказано о послахъ Русскихъ (по Кен. списку):» Иворъ, *солъ Игоревъ*, Великаго Князя Русскаго, и общіи послы (Пушк. *и обчіи сли*): Фуефастъ, Святославъ

Другое обстоятельство ведетъ къ новой догадкѣ. Умъ Ольги могъ постигнуть величіе Христіанской вѣры, могъ понять и важность ея въ гражданскомъ быту общества, какъ ученія, смягчающаго нравы. Не можемъ предположить, чтобы Ольга вдругъ убѣждена была къ торжественному святому крещенію, какое совершила она черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Игоря. Вѣроятно, что постепенно узнавала она истины Христіанскаго ученія, и не могла рѣшиться на торжественное обращеніе при жизни супруга. Она опасалась, можетъ быть, утратить важное вліяніе свое на дѣла государственныя, если-бы о-

(Пушк. *Святославль*) сына Игорева; Искусѐви (это вѣроятно имя посла, испорченное, какъ и всѣ другія) Ольги Княгини; слы Игоревыхъ нетіевъ (такъ читаю я въ Пушк. спискѣ слова: *слуды Игоревъ нети Игоревъ*); Улебль *Володиславъ*, Каницаревъ *Предславъ* (въ Пушк. и Кен. Улебъ Володиславль, Канецаръ Предславинъ). *Шигобернъ* Сфандрь, жены Улебовы (въ Пушк. жены Улебле)» . . . и далѣе: «Прастѣнъ Якунь, нети Игоревъ.» — Имена, повторяемъ, явно испорчены; все однакожъ различать можно имена поставленныя въ *родительномъ* и *именительномъ* падежахъ, и мы узнаемъ около 20 человѣкъ, посылавшихъ пословъ отъ себя. Удѣлъ Ольги былъ въ Вышгородѣ, верстахъ въ семи отъ Кіева, на берегу Днѣпра (Бѣ Вышгородъ градъ Ольгинъ — *Пушк. сп.* стр. 31).

ставила господствующую религію, которую держали Князья и дружины ихъ, и если-бы взяла сторону такой религіи, которая, проповѣдуя смиреніе и кроткія добродѣтели, рѣшительно противоположна была вѣрѣ и мнѣніямъ воителей Скандинавскаго происхожденія, коихъ отцы за сто лѣтъ разбойничали на моряхъ и были ужасными Христіанству. Увидимъ въ послѣдствіи, что̀ отвѣчалъ Ольгѣ сынъ ея чрезъ двадцать лѣтъ: онъ стыдился *быть осмѣяннымъ дружиною*, *униженнымъ въ глазахъ ея*, сдѣлавшись Христіаниномъ. Но Ольга оказывала втайнѣ покровительство Кіевскимъ Христіанамъ, въ числѣ коихъ были многіе Варяги, презиравшіе мнѣніемъ товарищей. Христіане такъ усилились въ Кіевѣ, что отправляли уже публичное богослуженіе и построили церковь Св. Иліи, о которой упомянуто было выше; имъ позволялось свободно слѣдовать своимъ религіознымъ мнѣніямъ, и, въ случаѣ присяги, совершать клятву по Христіанскому закону. Можетъ быть Ольга имѣла также и политическія причины покровительствовать Христіанамъ, ибо въ нихъ могла видѣть сильную опору своей власти.

При самомъ началѣ Игорева княженія, два поколѣнія Славянскія, не скоро уступившія Олегу, но потомъ въ теченіе тридцати лѣтъ бывшія покорными мечу его, дикіе *Древляне* и *Суличи* отреклись платить дань. Игорь самъ пошелъ на

Древлянъ, и принудилъ ихъ платить дань снова; но Свенельдъ былъ съ нимъ въ походѣ; здѣсь оказалась сила его, ибо Игорь оставилъ себѣ и дружинѣ только прежнюю Олегову дань, и далъ Свенельду право собирать съ Древлянъ *дань особенную*, чѣмъ оскорбились другія дружины. Свенельдъ отправился послѣ того въ страну Суличей; война съ ними продолжалась три года; всего болѣе останавливала Свенельда осада Пересѣчена, города Суличей, но сила рѣшила споръ: упомленные Суличи согласились на платежъ дани, и сія дань отдана была Свенельду (100).

Въ это время узнаемъ отдѣльные походы Руссовъ по Волгѣ. Испросивъ позволеніе Хазарскаго Хакана, Руссы пускались въ лодкахъ, выплывали въ Каспійское море, грабили и раззоряли берега Ирака, Табаристана, Адербайджана; возвращаясь, давали часть добычи Хазарамъ и увозили къ себѣ остальное. Увеличенные разсказы Восточныхъ писателей и поэтовъ показываютъ намъ успѣхи и неудачи Руссовъ на

(100) Соображеніе обстоятельствъ заставляетъ принять сіи извѣстія, которыхъ впрочемъ нѣтъ въ Пушк. и Кен. спискахъ. Но съ чего-же бы послѣ, Игоревой дружинѣ говорить о Свенельдовой дружинѣ: *она изодѣлася*, и жаловаться: *мы наги и босы?* (см. Шлецера. R. A. т. IV. стр. 1 — 5).

Каспійскомъ морѣ. Кто были сіи Руссы? Жители Ростова, или Новгородцы (101)?

(101) О семъ походѣ Руссовъ говорятъ Массуди и Абульфеда (см. Карамзина, Ист. Г. Р. т. I, стр. 158, и пр. 364). Руссы грабили въ Дагестанѣ и Ширванѣ въ 912 г., а въ 944 г. взяли Берду, столицу Аранскую, или Карабахскую (бывшую въ 70 верстахъ отъ нынѣшней Ганджи). Въ этомъ разбоѣ, Исторіографъ находитъ доказательства—« смѣлости, мужества и терпѣнія, которыя въ самомъ началѣ государственнаго бытія Россіи, *ославили* имя ея въ Европѣ и въ Азіи!» — Странно только, почему послѣ сего Печенѣги заслужили отъ Исторіографа имя *разбойниковъ* (Ист. Г. Р. т. I. стр. 147)? Съ любопытствомъ читаемъ поэму Персидскаго поэта Низамія. Ее издалъ Профессоръ Эрдманъ, съ Латинскимъ предисловіемъ (*О походѣ Руссовъ противъ Берды*), Казань 1826 г. — Русскій переводъ Предисловія напечатанъ былъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1828 г., т. XXXV, стр. 3 — 49). Низамій увѣряетъ, что Руских находилось до 900,000; что «не было человѣка во всемъ Русскомъ войскѣ, который-бы не носилъ золотой короны, и жемчуговъ, какихъ и въ морѣ не найдешь. Если-бы можно было (продолжаетъ Низамій) завладѣть рудниками Русскаго народа, тогда предписывай законы всему свѣту, займи тронъ Шаха и въ какое хочешь время года, строй новую Имперію. Дворецъ Русскій наполненъ перлами и богатствами, и вмѣсто копій и шлемовъ блеститъ рубинами и драгоцѣнными каменьями; всѣ убранства Рускихъ состоятъ въ золотѣ и камняхъ, и самыя попоны не бываютъ безъ бисеровъ; шляпы на нихъ

Двадцать девять лѣтъ Игорева княженія совершилось, но, кромѣ усмиренія Древлянъ и Суличей, ничѣмъ не ознаменовалъ онъ себя въ глазахъ современниковъ. Сношенія съ Греціею продолжались: Руссы служили въ войскѣ Греческомъ, и даже иногда ладьи ихъ увеличивали собою флотъ Греческій (102). Но съ умноженіемъ сношеній торговыхъ и военныхъ, умножались и безпорядки. Своевольные Руссы не хотѣли уважать договора, требовали лишняго и не исполняли условій. Можетъ быть и разстроенное, смятенное положеніе Греціи давало имъ болѣе смѣлости. Послѣ смерти Императора Льва, братъ его Александръ принялъ правленіе, но немного болѣе года царствовалъ,

блестятъ золотомъ, и съ плечъ опускается пышный хитонъ; они отдыхаютъ на коврахъ, шитыхъ золотомъ и шелковыхъ, или на пушистыхъ мѣхахъ; въ рукахъ ихъ не увидишь копья, ни въ колчанахъ стрѣлъ; все напрыскано амброю, и Руссы гордятся ожерельями, а въ ушахъ носятъ серьги, искусно смыкающіяся.» — Александръ Македонскій (этотъ безсмертный миѳическій символъ побѣдителя на Востокѣ) разбилъ Русскихъ, по словамъ Низамія, который украшаетъ свою поэму *всѣми подсолнечными перлами моря поэзіи.*

(102) Въ 902 г., при походѣ къ острову Криту, въ Греческомъ флотѣ было 700 Руссовъ; въ 935 г. было ихъ на флотѣ Греческомъ въ Италіи 415 человѣкъ.

и умеръ отъ распутства. Малолѣтный Константинъ, сынъ Льва, объявленъ былъ единодержавцемъ, подъ опекою матери своей Зои, и семи избранныхъ вельможъ. Вскорѣ двое вельможъ, Левъ Фока, полководецъ сухопутныхъ войскъ, и Романъ Лакапинъ, начальникъ флота и тайный любовникъ Императрицы Зои, оспорили власть всѣхъ другихъ опекуновъ. Мы видѣли уже подвиги Симеона, героя Булгарскаго. Онъ продолжалъ сражаться съ Греками, теряя и выигрывая битвы, отражая Венгровъ и другіе народы, возбуждаемые на него Греками. Случайное торжество надъ Симеономъ дало средства Роману побѣдить соперниковъ. Оставивъ непріятелей, онъ спѣшилъ отъ береговъ Дуная къ Царьграду, и объявленъ былъ единственнымъ опекуномъ юнаго Константина. Но честолюбивый Романъ еще не былъ доволенъ. Мать Императора схватили, заперли въ монастырь и постригли. Романъ обвѣнчалъ Константина съ дочерью своею Еленою, не хотѣлъ его лишить ни жизни, ни престола, но короновался самъ и возвелъ на престолъ трехъ сыновей своихъ: Христофора, Стефана и Константина. Греки съ удивленіемъ видѣли *пять* Императоровъ вмѣстѣ, и законнаго Императора *послѣднимъ* изъ нихъ. Любя ученіе, Константинъ писалъ книги о правленіи государствомъ, а Романъ правилъ дѣлами, до-

казывая неумѣнье свое. Симеонъ явился подъ Царьградомъ, предписалъ миръ, взялъ золота, получилъ титулъ *Императора* — предметъ честолюбивыхъ своихъ желаній — и удалился съ побѣдою. Романъ умолялъ его о мирѣ, какъ грознаго царя, и говорилъ съ нимъ обвертѣвъ голову ризою Богоматери, которую взялъ изъ Влахернской церкви. Онъ боялся меча Симеонова, не надѣясь на стальной шлемъ, бывшій у него на головѣ сверхъ чудесной ризы.

Все это могло возбуждать дикое своевольство Руссовъ. Являлось множество причинъ къ раздорамъ. Греки не соглашались продавать имъ самыхъ драгоцѣнныхъ тканей, не желая варваровъ сравнять съ собою великолѣпіемъ одежды (103). Руссы оставались зимовать въ

(103) Странная гордость, но это достовѣрно. «Какъ превзошли мы другіе народы богатствомъ и мудростію, такъ должны мы превзойдти ихъ и въ одѣяніи,» говорили Греки Ліутпранду, послу Императора Оттона, бывшему очевидцемъ Игорева похода къ Царьграду. Ліутпрандъ получилъ въ подарокъ отъ Грековъ нѣсколько драгоцѣнныхъ тканей, но ему не позволили вывезть оныхъ изъ Царьграда. Чужестранецъ, провозившій такія ткани тайно, подвергался жестокому наказанію: у такого преступника брили голову, и потомъ сѣкли его. См. Круга, *Раз. о древн. Русск. мон.* стр. 118 — 130.

Греціи, и требовали мѣсячины; другіе назывались послами и требовали подарковъ. Грекамъ казалась слишкомъ великою и самая цѣна невольниковъ, приводимыхъ въ Грецію. Наказаніе преступившихъ условія, по разности законовъ, затрудняло съ обѣихъ сторонъ: Руссы казнили у себя Грековъ, и не давали удовлетворенія. Сношенія Руссовъ съ обитателями Тавриды открыли новыя несогласія. Тамъ обитали Хазары, Готѳы и Греки. Можетъ быть, сражаясь съ другими, Руссы нападали и на Грековъ; кромѣ того оставались они зимовать въ устьѣ Днѣпра, и грабили Херсонцевъ, отправлявшихся въ сіи мѣста на рыбную ловлю. Статьи обо всемъ этомъ находимъ включенными въ договоръ, какой принуждены были заключить Руссы послѣ войны съ Греками, и можемъ полагать, что ссоры, по видимому останавливавшія торговлю и сношенія, были начаты Руссами.

Игорь не могъ идти по слѣдамъ Аскольда и Олега; но люди окружавшіе Игоря были еще тѣ-же, съ которыми Олегъ ходилъ подъ Царьградъ; новая война льстила ихъ непобѣдимой склонности: *ходить въ дань* и приобрѣтать золото желѣзомъ. За всѣмъ тѣмъ, походъ Игоря совершенъ въ послѣднее время его княженія. Не новые-ли сосѣди останавливали до того времени Руссовъ?

Сіи сосѣди были орды Печенѣговъ. Онѣ выдвинулись наконецъ къ берегамъ Чернаго моря, заселили приморье, закочевали всѣ земли отъ Дона до Дуная; вытѣснили Угровъ въ нынѣшнюю Венгрію, воевали съ Булгарами и Греками, нанимались въ походы, и, окруживъ Днѣпровское устье, раздвинувшись до самыхъ пороговъ Днѣпра, препятствовали плаванію Руссовъ, которые должны были сражаться съ ними, идя въ Грецію и возвращаясь оттуда. Кочуя въ своихъ кибиткахъ, зная только скотоводство и грабежъ, Печенѣги казались варварами Руссамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были и опасными врагами, ибо, съ отвагою обитателей Азійской степи переплывая на своихъ легкихъ коняхъ и кожахъ черезъ рѣки, они побѣждали непріятелей столько-же боемъ, сколько и бѣгствомъ. Лѣтописи говорятъ, что еще въ 914 году были Печенѣги подъ Кіевомъ. Кажется, что съ ними дѣло кончилось тогда миромъ; но съ тѣхъ поръ Печенѣги безпрерывно являются то врагами, то союзниками Руссовъ, и всегда опасными и гибельными, въ войнѣ и въ мирѣ (104).

(104) Вѣрный выводъ изъ Исторіи переходовъ Печенѣжскихъ см. у Лерберга (*Изслѣдованія*, стр, 301, 333, 350, 360). Въ началѣ IX вѣка они бродятъ между Волгою и Яикомъ. Потомъ нападаютъ, тѣснимые Команами и Уцами (Половцами), на Турковъ

Въ 941 году Игорь собралъ наконецъ дружины свои, и повелъ ладьи Руссовъ въ Царьградъ. Сей походъ, событіе совершенно достовѣрное, описанъ Греческими, Западными и даже Восточными писателями. Мы имѣемъ возможность повѣрить сказанія нашихъ лѣтописцевъ (105).

Лѣтописцы наши сознаются въ неудачѣ Игоревой; но разсказываютъ походъ его измѣняя событія. Вотъ что можно почесть истиною:

Игорь собралъ Варяговъ пришлецовъ и Кіевскую дружину. Онъ принялъ въ союзники и Печенѣговъ, такъ, что все войско его составляло 10,000 человѣкъ. Приплывъ въ ладьяхъ своихъ къ Босфорскому проливу, воины его принялись за грабежъ и раззореніе окрестностей Царь-

(Угры на Днѣпрѣ), а въ половинѣ X-го вѣка занимаютъ земли отъ Херсона до Булгаровъ, Венгровъ и Руссовъ Кіевскихъ. Печенѣгія составляла тогда восемь ордъ. По произношенію Грековъ, четыре восточныя назывались: *Куарци-Цуръ*, *Сиру-Калпей*, *Воро-Талматъ*, *Вулатъ-Зоспонъ*; четыре западныя: *Гіази-Хопонъ*, *Гила или Хиву-Гсинъ*, *Харовой* (ближайшая къ Кіеву), *Явдіертимъ* (ближайшая къ Волыни), такъ, что сѣверная граница Печенѣговъ была отъ вершинъ Прута и Днѣстра мимо Роси, вверхъ по Сулѣ, и, чрезъ источники Остра, вдоль по Семи.

(105) Шлецеръ, R. A. т. IV, стр. 19 — 25.

града. Императоръ Романъ, предувѣдомленный Булгарами, не зналъ, что дѣлать, и отъ страха не спалъ нѣсколько ночей, ибо флотъ Греческій находился тогда въ походѣ, и войскъ въ близости не было. Наконецъ, успѣли вооружить нѣсколько старыхъ кораблей, и Протовестіарій Ѳеофанъ, устроивъ на оныхъ машины для метанія Греческаго огня, вышелъ противъ Руссовъ. Руссы надѣялись побѣды, и хотѣли взять Грековъ живыхъ; но совершенное безвѣтріе дало Ѳеофану средства распорядить метаніе огня. Огненные потоки полились на Руссовъ; ладьи ихъ горѣли, тонули; ужаснувшіеся Руссы думали, что небесныя молніи пожигаютъ ихъ, бросались въ воду и погибали, спѣшили на берегъ и попадались въ руки Грековъ. Часть Русскихъ ладей бѣжала къ Азіятскому берегу. Руссы вышли на Пафлагонское приморье, и начали опустошать окрестныя страны, мстя убійствомъ и пожарами. Но полководцы Греческіе уже собрали войско; Ѳеофанъ явился опять съ текучимъ своимъ огнемъ, и — погибель Руссовъ была на сей разъ неизбѣжна. Немногія ладьи ихъ спаслись и бѣжали въ Кіевъ. Множество плѣнныхъ приведено было въ Царьградъ; повелитель Царьграда хотѣлъ надъ ними показать свое мужество: ихъ всѣхъ казнили по повелѣнію Романа.

Лѣтописцы наши говорятъ, что съ Игоремъ

было подъ Царьградомъ 10,000 *ладей*, и что прибѣжавъ въ Кіевъ, Игорь не думалъ унывать отъ неудачи, но снова собралъ *безчисленное множество кораблей, покрылъ ими море*, нанялъ Печенѣговъ, и устроилъ сильное сухопутное воинство. Испуганный Романъ прислалъ просить у него мира, и соглашался дать ему дань больше Олеговой. Игорь собралъ свою дружину, думалъ и просилъ совѣта. «Чего-жь намъ болѣе?» отвѣчали ему. «Безъ битвы золото, серебро и паволоки? Кто знаетъ, чья еще будетъ побѣда? И кто совѣтенъ съ моремъ? Мы не по землѣ ходимъ къ Царьграду, но по безднѣ моря.» Тогда Игорь согласился на миръ; взялъ дань, и пришелъ въ Кіевъ.

Вся эта сказка оказывается невѣроятною. На слѣдующій годъ Игорь отправилъ своихъ пословъ въ Царьградъ, и заключилъ съ Греками новый договоръ. Сей любопытный памятникъ вполнѣ сохранился въ лѣтописяхъ нашихъ (106).

Договоръ былъ заключенъ со стороны Грековъ отъ имени Императоровъ Романа, Стефана и Константина (Христофоръ уже скончался). Со стороны Руссовъ, отъ имени самого *Игоря*; *Святослава*, сына Игорева; *Ольги* Княгини; племянниковъ Игоревыхъ: *Улеба* и *Якуна*;

(106) Кен. сп. стр. 38—45; Пушк. стр. 20—25. См. *Дополненія*, статья VIII.

Сфандры, жены Улебовой, многихъ Русскихъ Князей, поименно; кромѣ того названо 23 посла отъ купцовъ, и бирючъ Русскій (107).

Подтверждая условія Олега о житьѣ Руссовъ за стѣнами Царьграда, въ селеніи Св. Маманта, и впускѣ въ Царьградъ по 50 человѣкъ, въ извѣстныя ворота, съ приставомъ, Руссы даютъ волю приставу рѣшать всѣ споры. Кромѣ подтвержденія прежней статьи о платѣ за нанесенную рану, Руссы во всемъ ограничили себя.

Опредѣлено: посылать гостей и пословъ *съ граматами* отъ Русскаго Князя. Пришедшихъ безъ граматы Греки имѣютъ право задержать, а при сопротивленіи умертвить. Руссы обязываются не покупать тканей дороже 50 золотыхъ монетъ, и не зимовать ни въ Греціи, ни въ устьѣ Днѣпра; за украденную вещь положено платить только *вдвое*, а не втрое; за невольниковъ, приведенныхъ Руссами, получать *не по* 20 *златыхъ*, но по разбору: за юношу и дѣвицу добрую 10, средняго человѣка 8, старика и дитя 5 золотыхъ; напротивъ, Руссы платятъ Грекамъ безъ разбора за всякаго 10 золотыхъ, или цѣну, объявленную хозяиномъ подъ присягою. Преступниковъ Греческихъ Руссы не должны наказывать, но обязаны

(107) *Общіе слы—купець—боричь* (Кен. сп. *биричь*).

отсылать въ Грецію для суда и казни. Кромѣ того, Руссы обязались не воевать въ Херсонской сторонѣ, не мѣшать рыболовству Херсонцевъ въ Днѣпровскомъ устьѣ, и не пускать Дунайскихъ Булгаровъ воевать въ Херсонской странѣ; наконецъ, по требованію Греческаго Императора давать вспомогательное войско.

Такъ не договариваются люди, которые могли еще устрашать непріятеля. Договоръ утвержденъ былъ клятвами: Варяги-Христіане клялись местью Бога, судомъ и погибелью въ сей вѣкъ и въ будущій; Варяги-язычники: не имѣть помощи отъ бога Перуна, не ущититься щитами своими, быть посѣченными мечами своими, погибнуть отъ стрѣлъ и оружія своего, и быть рабами въ сей вѣкъ и въ будущій.

Послы Греческіе явились въ Кіевѣ, и требовали присяги. Игорь, Князья, бояре и дружина его вышли на холмъ, гдѣ стоялъ истуканъ Перуна, положили на землю щиты свой, обнаженные мечи, кольца, золото, и произнесли клятву, держа хартію договора: «Кто преступитъ написанное въ сей хартіи, да будетъ умерщвленъ своимъ оружіемъ, и проклятъ отъ Перуна. Обѣщаю хранить любовь правую; да не разрушится она, доколѣ солнце сіяетъ и міръ стоитъ, въ сей вѣкъ и въ будущій.» Варяги-Христіане присягали въ церкви Св. Иліи. Игорь ода-

рилъ Греческихъ пословъ мѣхами, невольниками и воскомъ (108).

И такъ, походъ Руссовъ принесъ имъ только стыдъ и пораженіе. Онъ рѣшительно уничтожилъ морскіе набѣги Руссовъ, увидѣвшихъ, что всегда встрѣтятъ они непреоборимыя препятствія въ покушеніяхъ на Царьградъ. Дружина Игорева была *нага* и *боса*, по выраженію лѣтописцевъ (109). Она жаловалась, и съ негодованіемъ указывала на дружину Свенельда, богатую и хорошо вооруженную; требовала, что бы Игорь *шелъ въ дань*. Престарѣлый Князь отправился къ Древлянамъ, покорнымъ, но, можетъ быть, богатымъ болѣе другихъ. Дань обыкновенная была уже взята отъ нихъ съ излишкомъ. Игорь требовалъ новой дани; дружина Игорева грабила кромѣ того. Древляне платили, терпѣли. Но едва оставилъ Игорь землю Древлянъ, какъ ему показалось все имъ собранное недостаточнымъ. Онъ отпустилъ войско, рѣшась *походить еще по землѣ Древлянской*. Приведенные въ отчаяніе, Древляне выслали къ нему пословъ, говоря: «Зачѣмъ опять идешь къ намъ? Ты взялъ уже дань.»

(108) Кен. сп. 45; Пушк. сп. 25—26.

(109) «Отроцы Свенельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази: пойди съ нами въ дань.» *Пушк. сп.* 26—27.

Игорь думалъ, что Древлянская область не Царьградъ, и поздно увидѣлъ ошибку. Древляне напали на него, убили его спутниковъ; несчастный Игорь привязанъ былъ къ двумъ согнутымъ деревамъ и разорванъ. Высокій холмъ подлѣ Коростеня, Древлянскаго города, означилъ могилу его (110).

Извѣстіе о смерти Игоря не испугало Кіева.

(110) Левъ Діаконъ (Русскій пер. *Исторія Льва, Діакона Калойскаго*, СПБ. 1820, гл. VI, стр. 65). — «Повадится волкъ въ стадо, то выноситъ все стадо, если не убьютъ его; такъ и сей, если не убьемъ его, всѣхъ насъ погубитъ,» говорили Древляне. *Коростень* (какъ говоритъ Г-нъ Руссовъ въ *Волынскихъ Запискахъ*) нынѣ *Искорость*, село Волынской губерніи, въ Овручскомъ повѣтѣ. Тамъ есть высокій холмъ: это — *могила Игоря*. Вѣрить-ли? Впрочемъ, Коростень болѣе не является въ лѣтописяхъ, и черезъ тридцать лѣтъ у Древлянъ находимъ городъ *Вручай* (*Овручъ?*). — Карамзинъ и Шлецеръ строго судятъ Игоря, и Шлецеръ бранитъ его безъ пощады: Igor war ein ausgezeichnet schlechter Regent, говоритъ онъ, и выводитъ изъ самой смерти его правило для Государей: «*Учитесь справедливости и не презирайте народа* (Discite justitiam moniti, nec temnere plebem)». Карамзинъ входитъ въ политическія изысканія, также весьма нравоучительныя; напримѣръ, что Игорь, отмстивъ Древлянамъ за бунтъ (?), долженъ былъ простить ихъ, ибо «Государь унижается местію долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды,» и проч. (Ист. Г. Р. т. I, стр. 158).

Отчаяніе Древлянъ не могло имѣть важныхъ слѣдствій; имъ готовилось мщеніе ужасное. Но прежде всего устроилось правленіе. Свенельдъ не хотѣлъ, или не могъ быть *Княземъ*, ни даже опекуномъ Святослава, бывшаго еще юношею, но имѣвшаго неоспоримое право на княжество Кіевское. Власть мудрой матери его была такъ велика, что Свенельдъ уступилъ ей, можетъ быть и потому, что Ольга умѣла предупредить всякое начинаніе злодѣйства, и что при ея правленіи не могли вступаться въ дѣла другіе Варяжскіе Князья. Варягъ Асмундъ назначенъ былъ дядькою Святослава; Свенельдъ повелѣвалъ воинскими дружинами; Ольга правила княжествомъ.

Она не хотѣла безполезныхъ завоеваній. Тридцать лѣтъ правленія Игорева ослабили связь между Русскими владѣніями. Вѣроятно, что тогда усилились удѣльные Князья, смирявшіе Скандинавскую свою гордость и требованія при Олегѣ, мужественномъ и отважномъ. Обстоятельства измѣнились. Уже восемьдесятъ слишкомъ лѣтъ прошло, съ того времени, какъ Варяги поселились въ Новгородѣ, и болѣе шестидесяти со времени основанія ихъ въ Кіевѣ. Было уже поколѣніе *Руссовъ*, не пришельцевъ изъ за-моря, но туземцевъ, Варяговъ и Славянъ: оба народа уже смѣшались; образовыва-

лось, если не *отечество*, то, по крайней мѣрѣ, *родина*. Толпы Варяговъ, приходившихъ изъ за-моря въ Новгородъ и Кіевъ, остававшихся тутъ, или проходившихъ далѣе, въ Царьградъ, уже казались *чужеземцами* Руссамъ. Нравы смягчились съ измѣненіями различія народовъ, и Руссы Кіевскіе отвыкали постепенно отъ образа мыслей, нравовъ, обычаевъ, повѣрій Варяжскихъ. Приходъ новыхъ Варяговъ становился безпрестанно менѣе, ибо и въ самой родинѣ ихъ, Скандинавіи, постепенно учреждались тогда государства, стремившіяся къ самобытности и гражданскому порядку. Русь представляла уже не дикую страну, но области, защищенныя оружіемъ, и хотя грубыми, но твердыми общественными постановленіями. Такое состояніе Русской земли, останавливая предпріятія Варяговъ, представляло сихъ странствователей въ глазахъ Руссовъ бродягами; неудачи покушеній на Царьградъ и поселенія Печенѣговъ на Днѣпрѣ, отнявшія средства къ морскимъ набѣгамъ, ясно показывали Руссамъ, что жизнь Варяжская уже не годится для нихъ. На западѣ отъ нихъ образовались также гражданскія общества, грозившія имъ не слабымъ сопротивленіемъ дикихъ, небольшихъ племенъ, но замыслами нападеній сильныхъ, требовавшихъ тѣснѣйшей связи народной, большей крѣпости об-

щественныхъ силъ (111). Ольга видѣла, понимала все это, и десять лѣтъ ея опекунства ознаменованы были подвигами, едва замѣченными въ лѣтописяхъ, не славными ни кровопролитіемъ, ни нападеніями на земли чуждыя, но важными и великими, ибо, когда Святославъ вступилъ въ управленіе Руссами, онъ нашелъ совсѣмъ другое расположеніе общественныхъ связей и дѣлъ, противъ существовавшаго при отцѣ его.

Преданіе, украсившее вымыслами Поэзіи брани и побѣды первобытныхъ Руссовъ, превратило въ басню мщеніе Ольги Древлянамъ. Изъ всего разсказа лѣтописей можемъ извлечь только одно, что Древляне своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ заставили Ольгу мстить имъ ужаснымъ образомъ. Олегъ и Игорь завоевали Древлянскую землю, брали дань, но оставляли ей отдѣльную самобытность. Древляне имѣли сво-

(111) Введеніе Христіанской вѣры и установленіе Монархій совершилось рѣшительно въ концѣ X вѣка въ Швеціи и Норвегіи. Канутъ Великій (1014—1036 гг.) сильною рукою укрѣпилъ первыя связи гражданскаго порядка въ Даніи и Скандинавіи. Тогда кончились набѣги Нордманновъ изъ Сѣвера. Исторія Скандинавіи и Даніи дѣлается самобытною и отдѣльною. Руссы вскорѣ начинаютъ уже *нанимать Варяговъ*, дѣйствуя въ семъ случаѣ также какъ народъ самобытный. О западныхъ сосѣдяхъ Руси, см. выше, примѣч. 35.

ихъ Князей. Ольга *покорила* Древлянъ и сдѣлала землю ихъ *областью Кіевскою*, учредила свой судъ и расправу (свои *уставы* и *уроки*). Древлянскій Князь погибъ, и такимъ образомъ область Древлянъ сдѣлалась важнымъ подкрѣпленіемъ силы Кіевскаго княжества.

Сношенія съ Грецiею ознакомили Руссовъ съ вѣрою, законами и государственными постановленiями Греціи. Здѣсь Руссы хорошо узнали новый, неизвѣстный имъ дотолѣ образъ правленія, льстившій честолюбію владѣтеля, и гражданамъ дававшій болѣе увѣренности въ благоденствіи, нежели феодальная, военная система Варяговъ. Власть, соединенная въ особѣ одного Государя, у коего *всѣ* жители послушныхъ ему областей *подданные*, а *не участники въ правленіи*, не раздробители его гражданскаго и военнаго могущества, возвышала Славянъ, уничтожала аристократію Варяговъ, и уравнивала дружины княжескія съ другими гражданами. Взаимная польза стремила слѣдовательно къ одной цѣли и властителя и народъ. Здѣсь начало новаго образа правленія въ Руси, и Ольга успѣшно предприняла и продолжала его. Ей хотѣлось укрѣпить Кіевъ и сѣверныя области Руси союзомъ болѣе прочнымъ. Мы замѣтили уже отдѣленіе Новгорода при Олегѣ, и потомъ, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, не видѣли никакого близкаго отношенія Новгорода

къ Кіеву, кромѣ условной дани. Въ сіи шестьдесятъ лѣтъ Новгородъ положилъ начало республиканской формѣ своего правленія, и своему *посадничеству*, когда Кіевскіе Князья покоряли окрестности Кіева. Наконецъ, между Кіевомъ и Новгородомъ было столь мало гражданскихъ отношеній, что Новогородцы почти не почитали себя подвластными Кіеву. Ольга видѣла опасность такого положенія дѣлъ, растоpгавшаго владѣнія Руссовъ, и, подкрѣпляемая сильною дружиною, могла предложить Новгороду покорность болѣе значительную. По усмиреніи Древлянъ, Ольга мирно отправилась въ Новгородъ. Лѣтописи говорятъ, что она уставила погосты, оброки и дани по рѣкамъ *Мстѣ* и *Лугѣ*. Уставъ Ярослава, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Ольги составленный, поясняетъ сіе сказаніе (112). Находимъ, что вся

(112) См. сей важный географическій памятникъ въ Ист. Г. Р. т. II, прим. 1(8.—Тамъ означается древнѣйшее дѣленіе областей Новгородскихъ. Ихъ было восемь: *Ржевская*, *Бѣжицкая*, *Водская*, *Обонежская*, *Лужская*, *Лопьская*, *Волховская*, *Яжелбицкая*. Такимъ образомъ: Изборскъ, Новгородъ и Бѣлоозеро остались въ союзѣ Новгородскомъ. Рѣка Мста была важна для Новгорода, ибо вела Новгородскія ладьи, черезъ *Вышній Волокъ*, до Тверцы, гдѣ *Торжокъ* былъ первымъ мѣстомъ; черезъ *Волокъ Ламскій* и рѣку Москву южнѣе, а по Волгѣ сѣвернѣе, Новгородъ сообщался съ югомъ и юго-востокомъ.

Новгородская область раздѣлена была на восемь областей, занимая пространство отъ Онеги до Чудскаго озера, и отъ Ладоги до Волги. Въ числѣ сихъ областей поименованы: *Лужская* и *Яжелбицкая*. Слѣдовательно, Ольга, не мѣшая уставамъ Новгорода, опредѣлила только яснѣе области, и права и обязанности Новгородскихъ гражданъ къ Кіеву, бывъ сама въ Изборской, или Псковской, и въ Новгородской областяхъ, и такимъ образомъ соединяя тѣснѣе Кіевъ, Древлянскую область и Новгородъ. Но она не увеличила дани Новгородской. *Полоцкое* владѣніе тогда отдѣлялось совершенно отъ Кіева; Черниговъ и область Суличей были крѣпки Кіеву; *Вышгородъ* считался собственнымъ помѣстьемъ Ольги. Ничего не знаемъ о Ростовѣ и Муромѣ; но, кажется, и сіи отдаленные городки принадлежали Кіевскому княжеству. Новая система правленія проникла, слѣдственно, повсюду, скрѣпляя части въ единое цѣлое.

Преданіе не сохранило намъ другихъ уставовъ и учрежденій Ольги, стремившихся къ укрѣпленію силъ Русскаго княжества и единодержавію. Намъ неизвѣстны дѣла ея до 955 года. Святославъ сталъ уже юношею мужественнымъ и крѣпкимъ, и Ольга, передавая сыну дружины, предводимыя опытнымъ Свенельдомъ, вѣроятно, уступала ему постепенно и всю княжескую

власть, сама приближаясь къ лѣтамъ преклоннымъ, и желая успокоенія въ старости.

Тогда рѣшилась она исполнить намѣреніе, издавна таившееся въ душѣ ея: принять торжественно Христіанскій законъ. Хотѣла-ли Ольга путешествіемъ своимъ въ Царьградъ придать болѣе важности своему обращенію, и дѣйствовать чрезъ то на умы подданныхъ, полагая, что тогда впечатлѣніе сильнѣйшее проникнетъ въ сердца язычниковъ, или Греки хотѣли придать болѣе значенія своему вліянію на Русь, хотѣли видѣть мать Русскаго Князя въ чертогахъ Императора, и въ самомъ обращеніи ея сыскать новое средство для своей политики? Не знаемъ, но, вѣроятно, то и другое было причиною путешествія Ольги; послѣднее впрочемъ болѣе правдоподобно. Ольга могла знать характеръ Святослава, гордый, непреклонный, суровый, и тщетно было ей надѣяться укротить нравъ сына великолѣпіемъ, величіемъ обряда. Напротивъ, въ лѣтописяхъ Германскихъ находимъ извѣстіе о посольствѣ Ольги къ Императору Оттону, съ требованіемъ священника, и можемъ видѣть, что политическіе виды Папы и Цареградскаго Патріарха устремлялись тогда внимательно на Русь и дѣятельно сражались между собою. Оттонъ отправилъ духовную особу въ Кіевъ, но поздно: Ольга была уже тогда въ Царьградѣ, гдѣ ласковый пріемъ

Двора показываетъ намъ, что Греки искали дружескаго расположенія Ольги (113).

Константинъ Порфирородный царствовалъ уже съ сыномъ своимъ; онъ самъ описалъ намъ пріемъ Ольги въ Царьградѣ. Роскошный Ѳеофилактъ, сынъ Романа, гордый, сластолюбивый вельможа (который имѣлъ въ конюшняхъ своихъ 2000 лошадей, и кормилъ ихъ миндалемъ и шафраномъ), былъ тогда Патріархомъ и совершалъ обрядъ крещенія. Императоръ былъ крестнымъ отцомъ. Съ благоговѣніемъ принимая св. крещеніе, Ольга получила имя *Елены*, можетъ быть, надѣясь быть тѣмъ-же для Руссовъ, чѣмъ была Царица *Елена* для Византіи: благовѣстницею святой вѣры. Надежды ея не сбылись.

(113) Посольство отъ Оттона было въ 960 году. Карамзинъ говоритъ: «При Ольгѣ *Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ*... *Можетъ быть*, Княгиня *Россійская*, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, что бы онъ также *свѣдалъ о знаменитости ея народа*, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ пословъ своихъ» (*Ист. Г. Р.* т. I, стр. 177). Къ чему здѣсь: *можетъ быть*, когда Нѣмецкія лѣтописи, изъ коихъ взято сіе извѣстіе, говорятъ именно, *зачѣмъ* приходили Русскіе послы: venerunt — deprecantes ut aliquem suorum Episcoporum transmitteret, qui ostenderet eis viam veritatis). См. Шлецера, *Несторъ*, Русск. пер. т. III, стр. 445, и слѣд.

Кажется, что по прибытіи Ольги въ Царьградъ вышли нѣкоторыя недоразумѣнія и споры въ обрядахъ, и она принуждена была нѣсколько времени оставаться въ гавани Царяградской, оскорбляясь поступками Грековъ. Кровь Варяжская еще не застывала въ ея жилахъ. Обряды Двора Царяградскаго огорчали Ольгу; но они казались важнѣе всѣхъ политическихъ отношеній Грекамъ, какъ обыкновенно кажутся они важны, когда истинная сила и величіе престола упадаютъ. Впрочемъ, Императоръ принялъ Ольгу дружески, и честилъ ее, какъ Княгиню Руси. Сопровождаемая Русскими послами, Русскими купцами, и вельможами Греческими, она торжественно посѣтила Императора, бесѣдовала съ нимъ, была проведена отъ него къ Императрицѣ, обѣдала съ Императорскимъ семействомъ, но сидѣла за столомъ съ придворными; свита ея и всѣ Руссы должны были кланяться до земли, и сама Ольга поклониться Императору. Подарки, поднесенные ей и Руссамъ, были ничтожны. На другой день былъ обѣдъ у Императрицы, и Ольга посажена съ нею и невѣсткою Императора, супругою Романа, соправителя престола, за одинъ столъ. Можемъ думать, что она требовала сей почести, оскорбленная тѣмъ, что прежде заставили ее сидѣть на ряду съ подданными Греческаго Императора. Лѣтописи наши прибавляютъ сказки

къ путешествію Ольги въ Царьградъ, говорятъ, что Императоръ влюбился въ нее, хотѣлъ на ней жениться, и что Ольга умѣла перехитрить (переклюкать) его. «Владыко!» говорила Ольга, благословляемая Патріархомъ, при возвращеніи въ Кіевъ: «сынъ мой и люди мои поклонники идоловъ — моли, да соблюдетъ меня Богъ отъ всякаго зла!» Она возвратилась въ Кіевъ, и отвѣчала на требованія Грековъ, напоминавшихъ ей обѣщаніе — прислать подарки и войско въ помощь Грекамъ: «Пусть Царь вашъ постоитъ у меня столько-же на Почайнѣ (рѣчка въ Кіевѣ), сколько я стояла въ Царяградской гавани; тогда пришлю обѣщанное (114).»

(114) Подробныя извѣстія, см. Шлецера, Несторъ (Русск. пер. т. III, стр. 355 — 445). Гордость Императоровъ Царяградскихъ въ обрядахъ и церемоніялахъ, особливо при пріемахъ иностранцевъ, была безмѣрна. Представлявшихся особъ водили по Дворцу, изъ комнаты въ комнату, пока доводили до трона, гдѣ въ молчаніи надлежало кланяться и подносить подарки. Измѣненія въ обрядахъ при свиданіи съ Ольгою записаны Константиномъ Порфиророднымъ, какъ весьма важныя событія. — Подарки Греческаго Императора были слѣдующіе: самой Ольгѣ поднесли 500 миліарезій серебра; племяннику ея (*ανεψίοσ*) 30; 8-мъ друзьямъ ея по 20; 20 другимъ особамъ по 12; 43 *гостямъ* тоже; *попу Григорію* 8; двумъ переводчикамъ по 12 и одному 15; Святославовымъ людямъ, при Ольгѣ бывшимъ, по 5; 6

ГЛАВА III.

Отселѣ, старость и благочестивыя занятія отвлекали Ольгу отъ управленія княжествомъ Русскимъ. Святославъ, надежда Руссовъ, возмужалъ, и былъ любимъ дружиною, сравнивавшею его съ легкимъ леопардомъ. Онъ не препятствовалъ престарѣлой матери своей принять законъ Христіанскій, не препятствовалъ никому слѣдовать ея примѣру; но самъ не внималъ ея совѣтамъ и увѣщаніямъ. « Предать-ли мнѣ себя на посмѣшище дружинѣ моей? « отвѣчалъ онъ съ досадою, когда мать вѣщала ему объ истинахъ Христіанской вѣры. Напрасно Ольга, зная народъ, говорила, что всѣ послѣ-

слугамъ по 3. — Въ другой разъ Ольгѣ поднесли 200 миліарезій, и всѣмъ другимъ Руссамъ менѣе перваго раза въ такой-же соразмѣрности. — Миліарезій (μιλιαρησιον) была серебряная монета, стоившая $1\frac{1}{5}$ золотн. золота, т. е. въ 5 солидовъ шло 60 миліарезій, и 1 солидъ стоилъ 12 миліарезій. Впрочемъ, сіи подарки считались у Грековъ *почетными* (какъ Римскіе sportula или apophoreta); но Руссы могли-ль понять *малоцѣнную* почесть? — Лѣтописецъ, разсказывающій о любви Императора къ Ольгѣ и предложеніи ей Императоромъ руки, забылъ, что Ольга была уже въ преклонной старости, и что Императоръ былъ давно женатъ.

дуютъ его примѣру. Ей должно было умолкнуть, поручить волѣ Бога спасеніе сына, и только молиться за него и Русь, еще дикую и не православную (115).

Пріученный къ оружію Свенельдомъ, и руководимый симъ вождемъ воинскихъ дружинъ, Святославъ хотѣлъ дѣйствовать, и не могъ терпѣть празднаго мира. Онъ былъ воинъ уже *Русскаго* рода: не зналъ моря, и первый началъ *воевать* на землѣ. Дѣдъ его покорилъ только Новгородъ, отецъ окрестныя мѣста около Кіева; Святославъ хотѣлъ большаго. Воспитанный сурово, онъ не возилъ съ собою съѣстныхъ припасовъ, котловъ и шатровъ: спалъ на войлокѣ, подложивъ сѣдло подъ голову, пекъ на угольяхъ конину, или мясо убитаго имъ звѣря, и ѣлъ въ кругу своихъ воиновъ, слѣдовавшихъ примѣру Князя. « Иду на васъ! » посылалъ онъ сказать въ ту страну, куда шелъ съ войскомъ, не боясь приготовленій непріятели. Греки, узнавшіе его на Дунаѣ, го-

(115) « Князю Святославу взростшу и возмужавшу, нача совокупляти вои многи и храбры, и легко ходя, аки пардусъ, войны многи творя. » — Отвѣтъ Святослава матери: « Како азъ инъ законъ одинъ « хощу пріяти, а дружина моя сему смѣяться нач« нетъ? . . . къ тому и гнѣвашеся на мать « (Кен. сп. 55).

ворятъ, что онъ былъ средняго роста; голубые глаза, плоскій носъ, показывали въ немъ потомка Варяговъ, а толстая шея, широкія плеча и стройный станъ крѣпость его и силу. Голова была у него обрита, и только напереди оставленъ былъ одинъ локонъ волосовъ; борода также была обрита; густые, длинные, висячіе усы покрывали верхнюю губу; видъ его былъ мраченъ и дикъ: таковы были и жизнь и дѣла его.

На берегахъ Оки, въ лѣсахъ, и нынѣ еще мрачныхъ и дремучихъ, обитало поколѣніе Славянъ, производившее себя отъ праотца *Вятка*, будто-бы передавшаго имя свое потомкамъ, называвшимся *Вятичами*. Радимичи почитались родичами ихъ, но легко согласились платить Олегу дань, которую прежде давали Хазарамъ. Вятичи признавали себя данниками Хазаровъ, но не покорялись Руссамъ, какъ Радимичи. Святославъ внесъ оружіе въ землю Вятичей. Они поддались силѣ его оружія, но еще не признали власти Кіева. Тогда Святославъ началъ походъ гораздо важнѣйшій: онъ вступилъ въ землю самыхъ Хазаровъ. Уже Олегъ не страшился сей упадавшей державы, и объявлялъ себя *врагомъ Хазаровъ*. Онъ покорялъ уже народы Славянскіе, платившіе дань Хазарамъ. Теперь, когда Печенѣги заняли области Хазарскія на югѣ, Греки тѣснили Хазаровъ въ Тавридѣ, а

Половцы на Волгѣ, Святославъ напалъ на Донскія ихъ волости. Самъ Хазарскій Хаканъ выступилъ противъ него; но битва жестокая и упорная была выиграна Руссами; городъ Хазарскій *Саркелъ*, или *Бѣлая вежа*, былъ взятъ, раззоренъ и разрушенъ навсегда. Тѣнь Хазарскаго государства оставалась нѣкоторое время на Волгѣ и въ Тавридѣ. Вскорѣ увидимъ совершенное паденіе Хазаровъ Таврическихъ; Волжскіе исчезли не замѣченные Исторіею. Святославъ шелъ далѣе къ Кавказу, разбилъ орды Яссовъ и Касоговъ и завоевалъ Тмутороканъ, полуостровъ, гдѣ древле была Греческая Таматарха, а въ послѣдствіи удѣльное княженіе внука Святославова, и, въ теченіе 150 лѣтъ, владѣніе Русское (116). Мѣсто сіе могло ка-

(116) Такія отдаленныя и быстрыя завоеванія изумляютъ насъ; но поставимъ слово: *набѣгъ*, вмѣсто: *завоеваніе*, и все разрѣшится легко. Что̀ такое дѣлаетъ Святославъ, наемникъ Грековъ въ Булгаріи, отважный потомокъ Скандинава? Онъ идетъ на Оку, перебирается на Донъ, громитъ Хазаровъ, идетъ по Дону, беретъ дань съ двухъ Кавказскихъ народовъ, и срубаетъ городокъ на томъ полуостро вѣ, который, вытягиваясь угломъ отъ Кавказа къ Крыму, загораживаетъ Азовское море, и даетъ средства по Черному морю сноситься съ устьемъ Днѣпра, запирать входъ въ Воспорскій проливъ, грозить Тавридѣ. Сей полуостровъ назывался древле отъ Грековъ *Таматарха*; Руссы измѣнили сіе названіе въ

заться важнымъ, доставляя Руссамъ средства брать дань съ народовъ окружныхъ, безъ перехода черезъ земли Печенѣговъ, занимавшихъ сѣверные берега Азовскаго и Чернаго моря, и

Тмуторокань. Нынѣ называется онъ *Таманъ*, и причисляется къ землѣ Черноморскихъ Казаковъ. См. разныя подробности о Тмуторокани въ *Историческомъ изслѣдованіи о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмуторок. княженія* (СПБ. 1794 г.), соч. Граф. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ (впрочемъ, это сочиненіе исполнено грубѣйшихъ ошибокъ), и *Письмѣ о камнѣ Тмутороканскомъ* (СПБ. 1806 г), соч. А. Н. Оленина. Знаменитый камень сей найденъ былъ въ 1792 г., въ городкѣ Таманѣ (гдѣ хранится и нынѣ въ Покровской церкви). На немъ изсѣчена надпись: «*Въ лѣто* 6576 *Индикта* 6 *Глѣбъ Князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърчева* 10,000 *и* 4,000 *саженъ.*» Корчева значитъ здѣсь *Керчь*, древнюю Пантикапею, лежащую на противоположномъ Крымскомъ берегу. О Князѣ Глѣбѣ, княжившемъ въ Тмуторокани, упомянемъ въ послѣдствіи. Надпись показываетъ, что въ жестокую зиму, когда замерзло море между Тмутороканью и Керчью, Глѣбъ вымѣрялъ по льду разстояніе отъ одного берега до другаго. Мѣра сія оказывается совершенно справедливою, и надпись Тмутороканская носитъ всѣ признаки достовѣрности. Превосходный снимокъ съ оной см. въ вышеупомянутомъ Письмѣ А. Н. Оленина. Доказательства, что Яссы и Касоги значатъ Кавказскіе народы (вѣроятно, это нынѣшніе *Оссетинцы и Черкесы*), см. *Карамзина*, Ист. Г. Р. т. I, стр. 172).

въ тоже время поставляя Тавриду въ опасность отъ нападенія Руссовъ съ двухъ сторонъ. Святославовъ обратный походъ ознаменованъ былъ совершеннымъ покореніемъ Вятичей.

Мирно и крѣпко было между тѣмъ владѣніе Кіевское: данники раболѣпно покорялись Кіевлянамъ, и Святославъ могъ отважиться на другія предпріятія. Вѣроятно, что и самый походъ его на Хазаровъ былъ слѣдствіемъ сношенія съ Греками. Печенѣги служили Грекамъ всегдашнимъ орудіемъ противъ другихъ народовъ, подкупаемые Греческимъ золотомъ: Греки видѣли и въ Святославѣ такое-же орудіе (117).

Константинъ Порфирородный уже скончался. Воцарился сынъ его, Романъ, ускорившій, какъ всѣ полагали, смерть отца своего отравою. Прекрасный собою, онъ былъ государемъ ничтож-

(117) Неоднократно ссылались мы на книгу Константина Порфиророднаго: *Объ управленіи государствомъ;* она драгоцѣнна, показывая намъ политическія отношенія Греціи въ X-мъ вѣкѣ къ ея сосѣдямъ. Байеръ сдѣлалъ извлеченіе изъ оной и помѣстилъ его въ Commentarii Academiae Petropolitanae (т. IX.) Константинъ подробно говоритъ, какимъ образомъ Греки могутъ производить вражду между Руссами и Печенѣгами; чѣмъ оба сіи народа взаимно могутъ быть опасны другъ другу, и какую пользу извлекутъ Греки изъ ихъ раздоровъ (см. Mem. populor. т. II, стр. 980 и слѣд.)

нымъ, и ядъ, данный ему супругою его Θеофаніею, женщиною низкаго рода, возведенною на престолъ только за красоту ея, прекратилъ дни Романа. Два малолѣтные сына: Василій и Константинъ, и двѣ дочери: Анна и Θеофанія, были плодомъ неблагословеннаго брака его съ Θеофаніею. Оба сыновья Романа облечены были въ багряницу Императорскую; Θеофанія объявлена ихъ опекуншею. Но она видѣла невозможность поддержать бремя правленія, и отдала руку и престолъ счастливому завоевателю Крита, полководцу Никифору Фокѣ. Скупой, суровый, нелюбимый Дворомъ, народомъ, и скоро опостылѣвшій развратной Θеофаніи, Никифоръ царствовалъ шесть лѣтъ, и видя слабость, паденіе Халифатства Сарацинскаго, устремлялъ все свое вниманіе на обратное завоеваніе Греческихъ владѣній въ Азіи. Булгаровъ уговаривалъ онъ защищать Грецію съ сѣвера, и препятствовать впаденію Венгровъ въ Греческія владѣнія. Симеона, Царя Булгарскаго, уже не было; сынъ его, Петръ, царствовалъ въ Булгаріи. Слабый и нерѣшительный, онъ колебался, и Никифоръ, разгнѣванный несогласіемъ, рѣшился наказать его. Въ Кіевъ отправился патрицій Калокиръ, предложить Святославу походъ на Булгарію, вручивъ ему много золота и обѣщая еще болѣе при успѣхѣ. Святославъ рѣшился немедленно начать предполагаемый набѣгъ,

собралъ дружины свои, и явился на Дунаѣ. Булгары не могли противиться, и бѣжали отъ Руссовъ, которые, съ дикимъ крикомъ, закрываясь своими щитами, поражали ихъ длинными копьями. Разбитое воинство Булгаровъ заперлось въ Доростолѣ, столицѣ Булгарской (118); опустошеніе разлилось по Булгаріи; Царь Петръ умеръ въ горести и отчаяніи. Легкое завоеваніе Булгаріи, казалось, упрочивало сію землю Святославу. Тайныя козни терзали между тѣмъ Византійскій Дворъ. Противъ Императора Никифора таились заговоры. Калокиръ, посланникъ его, уже другъ Святослава, обѣщалъ отдать всю Булгарію Руссамъ, если Святославъ пособитъ ему овладѣть Греческимъ престоломъ. Побѣдителю Хазаровъ и Булгаровъ казалось возможнымъ такое предпріятіе. Онъ основался въ Переяславцѣ Дунайскомъ (древнемъ Марціанопо-

(118) См. извѣстія Византійцевъ, въ Шлецеровомъ *Несторѣ* (Русскій перев. т. III, 497) и *Исторію Льва, Діакона Калойскаго,* изд. Газе (Русскій перев. СПБ. 1820 г.). Левъ пишетъ, что Святославу дали Греки 15 центенаріевъ (1,500 фунтовъ) золота, и что Святославъ пришелъ въ Булгарію съ 60,000 воиновъ. Карамзинъ *вѣрилъ* этому; не смѣлъ однакожъ сказать, что Святославъ взялъ *болѣе тридцати пудовъ золота*, и потому поставилъ—*нѣсколько пудовъ*!! См. Ист. Г. Р. т. I, стр. 173. — Доростолъ, Дисра, нынѣшняя *Силистрія* на Дунаѣ.

лѣ), и не слушалъ пословъ Никифора, требовавшаго, что бы Руссы выступили изъ Булгаріи (119). Печенѣги помогали Святославу; онъ собирался уже идти на Царьградъ, и вдругъ получилъ извѣстіе изъ Кіева, что толпы Печенѣговъ едва не овладѣли симъ городомъ. Вѣроятно, что нападеніемъ Печенѣговъ Греки хотѣли отвлечь Святослава, не имѣя еще средствъ начать съ нимъ войну. Тогда Антіохія взята была Сарацинами, и дѣла Грековъ въ Азіи приняли оборотъ неблагопріятный. Никифоръ спѣшилъ помириться съ новымъ Булгарскимъ Царемъ, Борисомъ, укрѣпилъ дружбу брачными союзами Греческихъ Царевичей съ Булгарскими Царевнами, и готовился помогать Булгарамъ, пославъ Греческое войско.

Извѣстіе изъ Кіева заставило Святослава покинуть на время Булгарію. Дружины его остались въ Переяславцѣ и Доростолѣ. Самъ Святославъ спѣшилъ въ Кіевъ.

Нападеніе Печенѣговъ было уже отражено хитростію воеводы Претича. Сказавъ, что малый отрядъ, имъ предводительствуемый, составляетъ передовое войско Святослава, идущаго съ Дуная, Претичъ устрашилъ Печенѣговъ грозою имени своего Князя, помѣнялся оружіемъ

(119) Переяславецъ, *нынѣ Праславъ* въ Румъ-Или (см. Шлецера Несторъ, Русск. пер. т. III, стр. 509).

съ Печенѣжскимъ начальникомъ, въ знакъ дружбы, и заключилъ миръ. Святославъ прискакалъ въ Кіевъ, обнялъ престарѣлую мать и дѣтей своихъ, и долженъ былъ слышать справедливые упреки Ольги и Кіевлянъ. «Ты ищешь чужой земли, отказавшись отъ своей (чужія земли ищеши, своей ся охабивъ): едва не взяли Печенѣги и мать и дѣтей твоихъ. Безъ твоей обороны Печенѣги придутъ опять: или не жаль тебѣ старости матери и юности дѣтей?» Такъ говорила ему Ольга. Святославъ обратилъ оружіе на Печенѣговъ, разбилъ ихъ, и помирился съ ними: миръ на мечѣ казался ему надежнымъ, ибо тогда сила боялась только силы.

Но Кіевъ не любъ былъ Святославу: житье въ роскошной, цвѣтущей Булгаріи; надежда владѣть Дунайскою землею; мысль — быть побѣдителемъ Царяграда, и еще болѣе: возвести оружіемъ своимъ новаго Царя на колеблющійся престолъ Царяградскій, обольщали его. Не внимая совѣтамъ матери и дружинъ, онъ хотѣлъ поселиться въ Дунайскомъ Переяславцѣ. «Тамъ хочу жить я,» говорилъ Святославъ, «тамъ среда земли моей, ибо тамъ вся благая сходятся: отъ Грековъ везутъ паволоки, злато, вина и овощи; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и коней; изъ Руси шлютъ мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ.» — Ольга, уже дряхлая и больная, молила сына не оставлять ея при послѣднемъ

издыханіи. «Похорони меня, и тогда иди, куда хочешь,» говорила она, и через три дня скончалась, исповѣдуя законъ Христіанскій. Она заказала не творить надъ могилою ея тризны, и была похоронена Христіанскимъ священникомъ. Жена мудрая, *утренняя звѣзда предъ солнцемъ и заря предъ свѣтомъ*, какъ говоритъ лѣтописецъ. Церковь Россійская причла ее къ лику святыхъ, но потомство не оцѣнило гражданскихъ ея подвиговъ, и не умѣло подражать ей.

Аристократіи Варяжской и удѣловъ не было уже въ Руси нигдѣ, кромѣ Полоцка. Было только княжество Святослава въ Кіевѣ, заключавшее въ себѣ Черниговъ, Переяславль, Смоленскъ, и другіе окрестъ Кіева города, въ бывшихъ земляхъ Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Кривичей, Суличей и Древлянъ. Новгородъ, прежнія мѣстопребыванія Руриковыхъ братьевъ: Изборскъ и Бѣлоозеро, и другіе города на сѣверѣ, составляли область Новгородскую, которую Ольга, можетъ быть, не могла, а Святославъ не думалъ покорить совершенному владычеству Кіева. Имѣя двухъ юныхъ сыновъ, и рѣшаясь навсегда оставить берега Днѣпровскіе, быть тѣмъ-же для Кіева, чѣмъ былъ для Новгорода Олегъ, Святославъ рѣшился раздѣлить *Русское* Княжество. Старшій сынъ Святославовъ, Ярополкъ, получилъ *Кіевскую* область; младшій, Олегъ, *Древлян-*

скую область. Отъ кого изъ нихъ зависѣли земли Суличей, Радимичей, Сѣверянъ и Вятичей; или Святославъ оставилъ дѣтей правителями только двухъ небольшихъ областей, назначивъ въ другія простыхъ намѣстниковъ? Не знаемъ; но Святославъ считалъ Русь *своимъ* владѣніемъ: это мы знаемъ изъ словъ его (120). У Святослава былъ еще сынъ, Владиміръ, отъ Малуши, ключницы Ольгиной, дочери Любечанина Малха. Добрыня, братъ Малуши, совѣтовалъ Новгородцамъ просить Владиміра къ себѣ на княжество. Добрыня былъ посадникомъ Новгорода въ послѣдствіи, и мы понимаемъ причину, побудившую Новгородцевъ просить себѣ Князя. Принимая сына Святославова, Новгородъ могъ тѣмъ болѣе утвердить права свои, и платя дань условленную, считаясь *владѣніемъ Князя Кіевскаго*, имѣя намѣстникомъ сына его, быть безопаснымъ отъ произвольной дани и посѣщеній своенравнаго Кіевскаго властителя и его дружинъ, тяжкихъ благосостоянію жителей (121).

(120) Хощу жити въ Переславцѣ на Дунаѣ, яко *то есть среда земли моей*, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ поволоки, и злато, и вина, и овощи разноличные; изъ Чехъ и изъ Угръ *сребро* и кони; изъ *Руси-же* скора, воскъ, и медъ и челядь (Кен. стр. 59).

(121) Князья разъ въ годъ объѣзжали свои владѣнія и сбирали дань. Это дѣлалось зимою (см. Мет. porphyr. Iог. т. II, стр. 985). Сіи объѣзды бывали тяжелы для жителей: вспомнимъ исторію Игоря и Древлянъ.

Права Новгородцевъ были однакожъ таковы, что когда послы Новгородскіе явились въ Кіевѣ, Святославъ отвѣчалъ имъ: «Едва-ли кто пойдетъ къ вамъ (122).» Въ самомъ дѣлѣ, Ярополкъ и Олегъ отреклись. «Если вы нейдете, то мы сыщемъ себѣ другаго Князя,» сказали Новгородцы, и просили дать имъ Владиміра. «*Вотъ по васъ Князь*!» отвѣчалъ Святославъ, и юный Владиміръ, съ Добрынею, отправился въ Новгородъ. Какъ дитя рожденное отъ рабыни, Владиміръ безъ стыда могъ быть ограниченъ въ своей власти: гордость Ярополка и Олега не терпѣла сего.

Тогда Святославъ спѣшилъ исполнить свое предпріятіе: кончить завоеваніе Булгаріи, и идти къ Царьграду, чего другъ его, честолюбивый Калокиръ, ожидалъ нетерпѣливо. Греки, можетъ быть, думали, что Святославъ уже не воротит-

Такъ въ послѣдствіи Новогородцы договаривались, чтобы Князь «писцовъ своихъ и даньщиковъ въ волости Новогородскія не посылалъ, *понеже Христіанству тяжко, и положился-бы на Новгородскую душу*, и Новгородцы сами собравъ дань, отдадутъ» (см. Русск. Лѣт. изд. Львовымъ т. II, стр. 113). Ольготныхъ граматахъ Новгорода см. далѣе.

(122) «Аще вы не пойдете къ намъ, то налѣземъ Князя себѣ,» говорили Новгородцы. — «*Абы пошелъ кто къ вамъ*,» отвѣчалъ Святославъ. — «Дай ны Владиміра.» — Отъ то вы есть (Пушк. сп. *вото вы есть*.) — Кен. спис. стр. 61.

ся на Дунай, и ободренные сею надеждою Булгары осмѣлились напасть на оставшихся тамъ Руссовъ; кажется, что они завладѣли даже снова Переяславцемъ. Возвращеніе Святослава въ Булгарію измѣнило обстоятельства и сдѣлало положеніе дѣлъ опаснымъ для Грековъ. Печенѣги и Венгры не шли въ союзъ съ ними, и усилили своими ордами войско Святослава. Стремительнымъ нападеніемъ разсѣялъ онъ слабое сопротивленіе Булгаровъ; снова Переяславецъ, и самъ юный Царь Булгарскій Борисъ были въ рукахъ его. Мечты Калокира могли осуществиться, ибо Греческая Имперія находилась въ великомъ замѣшательствѣ. Развратная Ѳеофанія сама ввела убійцъ въ чертоги Императорскіе; Никифоръ палъ подъ мечами убійцъ-рабовъ и товарища своего Іоанна Цимисхія. Аравитяне грозили Греціи съ Востока; голодъ свирѣпствовалъ въ Царьградѣ; Духовенство возставало на Іоанна, требуя возвращенія правъ, отнятыхъ у Церкви Никифоромъ. Самыя небесныя знаменія приводили Грековъ въ робость, и мы не дивимся, что присутствіе грознаго Святослава, и толпы разноплеменныхъ варваровъ на Дунаѣ, ужаснули Грековъ. Митрополитъ Іоаннъ, изъявляя горесть о смерти Никифора, въ эпитафіи ему, говорилъ: «*Возстань, Государь! на насъ стремится Русская рать.*» Другіе сравнивали Святослава съ Ахиллесомъ, выводя изъ Арріана, что Ахиллесъ

былъ также Скиѳъ, изъ окрестностей Меотійскаго моря, изгнанный въ послѣдствіи въ Ѳессалію. «У него также были голубые глаза и русые волосы; онъ носилъ такой-же плащъ, также былъ безумно отваженъ, гордъ и вспыльчивъ; и Святославу, такъ-же какъ Ахиллесу, можно приписать стихъ Омира: *Тебѣ всегда пріятны споры, раздоры и битвы.*» Смѣшивая миѳы древнихъ Эллиновъ съ Св. Писаніемъ, Греки находили въ имени Руссовъ ужасающее предзнаменованіе, говорили о храбрости, силѣ и безумной отвагѣ Руссовъ, читая въ книгѣ Пророка Іезекіиля ужасное предвѣщаніе: «*Се азъ навожу на тя Гога и Магога, Князя Россъ* (123).»

Опасенія Грековъ въ самомъ дѣлѣ могли быть не напрасны. Но Императоръ Іоаннъ былъ мужественный человѣкъ, у котораго въ маломъ тѣлѣ таилась душа великая. Убійствомъ проложивъ себѣ путь къ престолу, онъ загладилъ злодѣйство силою ума и меча, ибо умъ былъ у него соединенъ съ необыкновенною тѣлесною крѣпостію и дѣятельностію. Онъ обвинилъ въ убійствѣ Никифора одного изъ своихъ участниковъ, и далъ его на растерзаніе народу, удалилъ

(123) Іоаннъ былъ Митрополитъ Мелитинскій. Эпитафія, имъ сочиненная, сохранилась у Скилитца. Подробности см. у Льва Діакона (Русск. пер. стр. 188, 93). Стихъ Иліады, здѣсь упомянутый, кн. I, 177.

Ѳеофанію, отдалъ Духовенству всѣ отнятыя права его, и былъ вѣнчанъ на царство при всеобщей радости. Іоаннъ оставилъ малолѣтныхъ Константина и Романа соправителями, и сочетался бракомъ съ теткою ихъ, дочерью Константина Порфиророднаго. Собранные отвсюду припасы привезены были въ Грецію на собственныя, огромныя сокровища Іоанна; вельможи Царяградскіе осыпаны были отъ него милостями и наградами; все ожило въ дѣятельной надеждѣ. Тогда изъ Азіи получили отрадныя вѣсти: Аравитяне были разбиты. Іоаннъ спѣшилъ спасать Грецію отъ Руссовъ. Онъ готовилъ флотъ, собиралъ войско; но между тѣмъ хотѣлъ еще испытать мира. Послы Греческіе явились къ Святославу, благодарили, что онъ исполнилъ договоръ съ Никифоромъ, наказалъ Булгарію, и сказали, что Греки готовы заплатить ему обѣщанное по договору, но за то долженъ онъ оставить Булгарію немедленно. «Выкупите ее,» отвѣчалъ Святославъ, «заплатите мнѣ за каждый городъ, »за каждаго плѣнника, или переселяйтесь въ Азію: »намъ не ужиться на одной землѣ.» Греческіе послы желали знать количество требуемаго окупа; Святославъ потребовалъ безмѣрныхъ суммъ. Іоаннъ прислалъ къ нему еще разъ пословъ. «Богъ былъ свидѣтелемъ договоровъ и мира между нашими предками, и, какъ Христіане, мы не хотимъ разрывать мира,» гово-

рили снова Греческіе послы. «Идите въ свою землю друзьями; иначе не мы, а вы будете виною разрыва, и мы принудимъ васъ уступить, ибо надѣемся на помощь Бога. Вспомни, Святославъ, участь Игоря: онъ приходилъ со множествомъ ладей къ Царьграду, и едва-ли съ десятью возвратился домой; вспомни смерть его. Тебѣ не возвратиться въ Русь, если Императоръ нашъ и воинство Римское выступятъ противъ тебя.» Святославъ не потерпѣлъ столь гордыхъ рѣчей. «Скажите вашему Императору,» отвѣчалъ съ гнѣвомъ Князь Руссовъ,» что онъ напрасно хочетъ трудиться: зачѣмъ ему приходить сюда? Мы скоро поставимъ вежи свои передъ Царьградомъ, и покажемъ ему, что мы не наемные работники Грековъ, но воины. Напрасно считаетъ онъ насъ женщинами и пугаетъ какъ дѣтей (124).»

Война смертельная была рѣшена. Святославъ не зналъ еще, что въ Іоаннѣ найдетъ онъ достойнаго противника. Руссы, Булгары, Венгры, Печенѣги выступили изъ Булгаріи, начали грабить и раззорять Ѳракію, и явились даже предъ Адріанополемъ; но вскорѣ Вардъ, полководецъ Греческій, напалъ на нихъ, развлекъ силы ихъ, и успѣлъ прогнать за Гемусъ. Въ ужасѣ бѣжали они до

(125) Левъ Діаконъ (Русск. пер. стр. 65.)

самаго *Дуная*, оставивъ горные проходы Гемуса не занятыми (125).

Тогда, раннею весною, Іоаннъ выступилъ съ воинствомъ, и, обрадованный свободнымъ проходомъ въ горахъ, спѣшилъ провести своихъ воиновъ черезъ тѣснины Гемуса. Онъ самъ шелъ впереди, съ своимъ полкомъ *безсмертныхъ*; за нимъ слѣдовали остальныя войска. Тихо перебравшись черезъ горы, Іоаннъ спѣшилъ къ Переяславцу. Корабли его, начиненные Греческимъ огнемъ, уже плыли къ Дунаю. Нечаянное нападеніе Греческихъ войскъ не испугало Свенельда, начальствовавшаго въ Переяславцѣ. Конница Греческая смяла Руссовъ, и принудила ихъ затвориться въ городѣ. Святославъ былъ тогда въ Доростолѣ, и Калокиръ поскакалъ къ нему съ извѣстіемъ. Въ самую Страстную Пятницу Іоаннъ осадилъ Переяславецъ; жестокое сопротивленіе Руссовъ не помогло имъ. Греки овладѣли городомъ; Царь Борисъ взятъ былъ въ плѣнъ, съ женою и съ дѣтьми. Руссы и союзники ихъ заперлись въ Царскомъ дворцѣ, сражались и отвергали помилованіе. Тогда Греки зажгли дворецъ; Руссы выступили изъ него, и, окру-

(125) *Гемусъ*, хребетъ горъ, нынѣ называемый *Балканомъ*. Онъ отдѣляетъ Булгарію отъ Ѳракіи, или нынѣшней Румеліи.

женные отвсюду, почти всѣ легли на мѣстѣ; немногіе спаслись съ Свенельдомъ, и принесли къ Святославу вѣсть о потерѣ Переяславца. Онъ не унылъ отъ первой неудачи, собралъ дружины Руссовъ, союзниковъ, и ждалъ приближенія Грековъ. Между тѣмъ Іоаннъ объявилъ свободу, миръ и союзъ Борису. Булгары оставляли Святослава, и сдали Грекамъ Плискуву, Динею и другіе города. Святославъ почелъ сей поступокъ измѣною, казнилъ за то триста знатныхъ Булгаровъ и ждалъ Іоанна въ Доростолѣ.

23 Апрѣля Іоаннъ пришелъ къ сему городу, и едва успѣлъ устроить свое воинство, какъ воины Святославовы, сомкнувъ щиты и копья, устремились на ряды Грековъ. Цѣлый день кипѣла битва; нѣсколько разъ (*двѣнадцать*, по словамъ Грековъ) счастіе перемѣнялось. Къ вечеру самъ Іоаннъ кинулся съ конницею, воскликнувъ: *докажемъ свою доблесть*! Руссы были сбиты, отступили и заперлись въ городѣ. Греки укрѣпили рвомъ станъ свой и начали осаду Доростола.

Не будемъ описывать трехъ-мѣсячной борьбы Святослава съ героемъ Греческимъ. Святославъ повелѣвалъ дикими, разнородными толпами, и самые Руссы, сильные и отважные, не могли выдерживать битвъ правильныхъ и стройныхъ. Противъ него было войско, правильно устроенное, ободряемое примѣромъ мужествен-

наго Государя, отличнаго воина, снабженное оружіемъ и запасами, подкрѣпленное флотомъ, пресѣкшимъ всякое средство осажденнымъ доставать припасы. Голодъ, недостатки усиливались въ городѣ. Одинъ изъ главныхъ полководцевъ Святослава палъ въ битвѣ; Икморъ, первый богатырь Русскій, былъ убитъ (126), но Святославъ не уступалъ. Въ бурную ночь успѣлъ онъ запасти Доростолъ съѣстными припасами, отбивалъ приступы, выходилъ въ поле, иногда побѣждалъ, но ряды воиновъ его рѣдѣли. Греки сказываютъ, что Руссы выходили еще изъ города по ночамъ, сжигали тѣла своихъ воиновъ, закалали въ жертву имъ плѣнныхъ, и топили въ Дунаѣ пѣтуховъ и младенцевъ. Думая, что воинъ умершій въ плѣну, будетъ рабомъ побѣдителя въ будущей жизни, Руссъ убивалъ самъ себя, не сдаваясь въ плѣнъ, если не было уже возможности спастись.

Всѣ средства спасенія наконецъ истощились; оставалось одно: смерть. Святославъ созвалъ воиновъ на совѣтъ. Положеніе было отчаянное

(226) Объ Икморѣ, см. Мет. рор. т. II, 1002, и Льва Діакона, стр. 92. Греки пишутъ, что это былъ исполинъ и первый вождь послѣ Святослава. Они сказываютъ, что и Свенельдъ (Сфагеллъ, Сфенкалъ) былъ убитъ, но онъ является въ послѣдствіи по лѣтописямъ нашимъ, и при договорѣ съ Греками.

и мнѣнія различны. Всѣ рѣшили наконецъ, что надобно мириться, и просить у Грековъ свободнаго пропуска въ Русь. Глубоко вздохнувъ, Святославъ отвѣтствовалъ: «И такъ погибнетъ честь Рускаго оружія, безъ пролитія крови донынѣ покорявшаго области, легко побѣждавшаго сосѣдей. Нѣтъ! помня храбрость предковъ нашихъ, вѣря, что мы до сихъ поръ были непобѣдимы, сразимся еще разъ: побѣда или смерть!» Такъ передаютъ Греки рѣчь Святослава; не ее-ли передалъ намъ Лѣтописецъ нашъ короче и выразительнѣе: «*Уже намъ нѣкуда дѣться! Волею или неволею противостанемъ, не посрамимъ земли Русской, но ляжемъ здѣсь костьми: мертвые не стыдятся, а побѣгъ не спасеніе, но только стыдъ принесетъ намъ; станемъ крѣпко. Я пойду передъ вами: если глава моя ляжетъ, спасайтесь!*»— Гдѣ твоя глава ляжетъ (воскликнули воины), тамъ и мы наши головы положимъ (127)!

(127) Уже намъ нѣкамо ся дѣти; волею и неволею стати противу; да не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ костьми (*Кен.* костьми ту); мертвыи бо срама не имамъ (*Кен.* не имать); аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ (*Кен.* имамы), ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко. Азъ-же предъ вами пойду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою (*Кен.* о себѣ) Пушк. сп. стр. 40—Кен. сп. стр. 62.

Есть извѣстія, что Іоаннъ предлагалъ Святославу единоборство, и что Святославъ отвѣчалъ: «Лучше Греческаго Царя знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Есть много средствъ умереть: пусть выбираетъ какое угодно.» Повѣствованіе сомнительно: положеніе Святослава скорѣе могло его заставить искать средства къ спасенію въ единоборствѣ, а не побѣдительнаго Императора Греческаго, и притомъ такія битвы болѣе извѣстны были Скандинавамъ, нежели Грекамъ.

Іюля 24-го вспыхнула битва *послѣдняя*. Она была ужасна. При захожденіи солнца, Руссы вышли изъ города, и яростно устремились на непріятелей. Анемасъ, Греческій силачъ, пробился до самого Святослава, ударилъ его копьемъ, и сшибъ съ ногъ, но дружина Русская окружила Анемаса, и онъ палъ пронзенный копьями. Сраженіе усилилось; Греки бѣжали, Руссы преслѣдовали ихъ; самъ Іоаннъ бросился въ пылъ битвы, и не берегъ себя. Тогда вдругъ разнесся слухъ между Греческими воинами, что благочестивые люди видятъ передъ воинствомъ всадника на бѣломъ конѣ, что онъ поражаетъ и гонитъ Руссовъ. «Святой Ѳеодоръ Стратилатъ за насъ!» кричали Греки, и бросались въ битву съ новою бодростію. Поднялся вихрь; полилъ дождь въ лицо Руссамъ; Греки видѣли явную помощь Небесъ; самъ Святославъ, истощенный, раненый,

бѣжалъ въ городъ, горѣлъ гнѣвомъ, стыдомъ, не спалъ всю ночь, и на другой день послалъ *просить мира.* Іоаннъ ждалъ только сего предложенія, согласился немедленно, и отправилъ запасы хлѣба къ осажденнымъ. Свенельдъ договаривался съ Іоанномъ; Ѳеофилъ Синкелъ, посланный къ Святославу, написалъ договоръ на хартіи, и приложилъ печати.

Сей договоръ сохраненъ въ нашихъ лѣтописяхъ: онъ кратокъ, таковъ, какого побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденныхъ. Всѣ гордыя мечты Святослава погибли. Перуномъ и Волосомъ клялся онъ » никогда не помышлять о нападеніи на Грековъ, и на все подвластное имъ: Херсонскую область и Булгарскую землю; не идти на нихъ съ своимъ войскомъ, ни съ наемнымъ, не подговаривать другихъ къ нападенію, и, напротивъ, быть врагомъ всякаго врага Грековъ (128). »

Ничего не было сказано о торговлѣ, условіяхъ, посольствахъ: такъ не договаривались и разбитые подъ Царьградомъ Руссы. Можетъ быть, что Святославъ, заключая миръ, клянясь *быть*

(128) Описаніе войны Святослава съ Греками, взято изъ Византійскихъ источниковъ (Мст. popul. т. I, стр. 987 и слѣд., и Шлецера, Несторъ (Русск. пер. т. III, стр. 542 и слѣд.), и особенно изъ *Исторіи Льва Діакона.* — Договоръ Святослава вполнѣ, см. въ *Дополненіяхъ* (статья IX).

желтымъ, какъ золото, при нарушеніи договора, клялся въ тоже время самъ себѣ мстить Грекамъ, желалъ только спасенія; можетъ быть, въ шумѣ военной тревоги нѣкогда было и договариваться подробно: прежніе подробные договоры заключались особыми послами, въ мирное время. Но Императоръ Греческій шелъ на миръ, отпускалъ Святослава. Видимъ: *чего* еще могла стоить Грекамъ побѣда рѣшительная, если они соглашались выпустить изъ рукъ свирѣпаго Князя Русскаго. Впрочемъ, Греки могли надѣяться, что коварство рѣшитъ начатое силою: миръ съ Греками ссорилъ Святослава съ союзниками его. Печенѣги брались погубить Святослава (129). Кромѣ того, миръ доставлялъ тишину Булгаріи и Греціи, въ то время, когда Іоанну надобно было спѣшить въ Сирію и Палестину, надобно было усмирять мятежи, возникшіе въ Греціи безъ него.

Святославъ желалъ видѣть своего противника и побѣдителя. Іоаннъ, въ позлащенномъ вооруженіи, окруженный всадниками, одѣтыми въ блестящіе доспѣхи, выѣхалъ на берегъ Дуная. По

(129) Такъ можно полагать, такъ и нашъ Лѣтописецъ говоритъ (Кен. стр. 65); но Греки оправдываются въ умыслѣ на Святослава, и увѣряютъ, что Печенѣги по собственной злобѣ убили его.

рѣкѣ плыла простая лодка; на ряду съ другими гребцами сидѣлъ человѣкъ, въ бѣлой, ни чѣмъ отъ другихъ не отличной одеждѣ, и *работалъ веслами*: это былъ Святославъ. Сидя на скамьѣ своей, онъ глядѣлъ нѣсколько времени на Іоанна, сказалъ нѣсколько словъ о мирѣ, и поплылъ обратно (130).

Іоаннъ съ торжествомъ вазвратился въ Грецію, и въ блестящемъ тріумфѣ въѣхалъ въ Царьградъ, держа въ рукахъ вѣнцы и скиптры. На торжественной колесницѣ везли икону Богоматери, взятую имъ изъ Булгаріи; короны и багряницы гордаго Симеона Булгарскаго украшали сію колесницу; жалкій внукъ Симеона, Царь Борисъ, шелъ за нею. Онъ лишенъ былъ потомъ царскаго вѣнца, и остался патриціемъ при Дворѣ Греческомъ, откуда бѣжалъ послѣ смерти Іоанна. Булгарія обращена была въ Греческую область; Доростолъ, столицу Булгарскую, переименовали *Ѳеодорополемъ* (въ честь Св. Ѳеодора Стратилата, коего имя и явленіе спасло Грековъ въ крайности битвы) и — слава Булгаріи погибла съ тѣхъ поръ невозвратно! Напрасно отважный Комитопол хотѣлъ возстановить Булгарское царство; тщетно еще около четырехъ вѣковъ сохранялось *имя* Булгаріи,

(130) Левъ Діаконъ, стр. 97.

пока съ дочерью Сусмана, въ гаремѣ Амураmовомъ, не погибла и самая mѣнь самобытносmи Булгарской. Всѣ успѣхи Булгаровъ, въ mеченіе слѣдующихъ чеmырехъ вѣковъ, были мгновенные и случайные (131).

Заключивъ миръ, оmдавъ плѣнныхъ, Святославъ поплылъ на родину въ своихъ ладіяхъ, съ малою дружиною. Кажеmся, чmо Святославу mяжко было возвраmиться въ Кіевъ. Печенѣги засѣли уже въ Днѣпровскихъ порогахъ и ждали его; Свенельдъ совѣmовалъ ему идmи берегомъ; Святославъ не слушалъ Свенельда и осmался зимоваmь въ Бѣлобережьѣ (132), на усmьѣ Днѣ-

(131) Idem. спр. 98. — Другіе говоряmъ, чmо Доросmолъ названъ былъ *Іоаннополемъ*. — Исmорія Булгаріи продолжалась еще до половины XIV сmолѣmія. Послѣ Цимисхія, Самуилъ (Комиmополь), избранный Булгарскимъ Царемъ, угрожалъ даже самой Греціи, и съ 1185 г. Булгарія была опяmь нѣсколько времени независима. — Послѣдній Царь Булгарскій Сусманъ, имѣлъ двухъ дочерей: одна выдана была за Андроника, сына Іоанна Палеолога; другую взялъ въ свой гаремъ Амураmъ, Сулmанъ Турецкій.

(132) «*Пріиде Святославъ къ порогомъ*, и не бѣльзя пройдmи пороги, и сmа зимоваmи въ Бѣлобережъ» (Пушк. сп. *въ Бѣлобережье*) — Кен. сп. 65. — Лербергъ полагалъ, чmо Святославъ провелъ зиму въ Тавридѣ, и чmо mамъ было Бѣлобережье, гдѣ mеперь *Ахтіяръ* (см. его *Изслѣдованія* спр. 376). Предположеніе едва-ли вѣроятное. Слич. Шлецера (Несmор.

пра. Зимою недостатокъ припасовъ дошелъ до того, что конь продавался по полугривнѣ (133). Терпѣливо снося всѣ труды и бѣдствія, на весну Святославъ поплылъ къ Кіеву; тогда Печенѣги напали на него, и Святославъ палъ въ битвѣ.... Свенельдъ пробился съ остальною дружиною, и дошелъ благополучно въ Кіевъ.

Такъ погибъ Святославъ, явленіе своего вѣка и народа столь-же блестящее, какъ Пирръ, Густавъ Адольфъ и Карлъ XII, удивляющіе метеоры, яркимъ, но дикимъ свѣтомъ озарявшіе міръ, имъ современный! Лѣтописи говорятъ, что Куря, Ханъ Печенѣжскій, снялъ съ головы Святослава черепъ, оковалъ въ серебро, пилъ изъ него, и надписалъ на немъ: «*Чужаго ища, свое потерялъ.*» Можемъ не вѣрить подлинности апофѳегмы Печенѣжской, но она была кстати Святославу (134).

Мы видѣли его самовластно управлявшаго и располагавшаго Русскими владѣніями. Кромѣ

Русск. пер. т. III, стр. 159), который указываетъ на Днѣстръ и *Акерманъ* (Бѣлгородъ?).

(133) «*Глава коняча*» (Кен. и Пушк. сп.). Кажется, что здѣсь приняты сіи слова вмѣсто слова: *конь*, ибо и нынѣ говоримъ мы: «столько-то *головъ* рогатаго скота,» вмѣсто: столько-то штукъ рогатаго скота.

(134) Кен. сп. стр. 65. О надписи говоритъ Стриковскій, знаменитый выдумками.

Полоцка и Сѣвера Руси, гдѣ были особые отдѣлы правленія, кажется, что при Святославѣ уже рѣшительно не было удѣльныхъ *свѣтлыхъ* Князей. Онъ одинъ ходилъ на Хазаровъ и Булгаровъ, отдавалъ сыновьямъ области, самовластно хотѣлъ переселяться въ Булгарію, и заключалъ договоръ съ Греками не упоминая о Князьяхъ Русскихъ. Но единодержавіе, сіе единственное спасительное средство образовать полудикій народъ, самъ-ли Святославъ умѣлъ его присвоить себѣ? Напротивъ: десять лѣтъ правленія Ольги укрѣпили Кіевское княжество, а десять лѣтъ княженія Святославова только разрушали союзъ народовъ, необразованныхъ, и вещественно все еще сильныхъ въ сравненіи съ Кіевскими дружинами. Увидимъ, какъ не надежно было отдаленное покореніе Вятичей; самые Радимичи возставали противъ Кіева. Походы безпрерывные и шумъ оружія были милѣе гражданской дѣятельности Святославу. Современники любили его, хотѣли оправдывать всѣ его неудачи, и даже пристрастно передали намъ повѣствованіе о походѣ его въ Булгарію, изображая его побѣдителемъ Грековъ, Ахиллесомъ, презирающимъ дары, и съ радостію схватившимъ оружіе, отъ Цимисхія присланное (135). Поэзія не забудетъ Святослава.

(135) Карамзинъ видитъ въ Святославѣ *героя,*

Юный, слабый душею Ярополкъ, Князь Кіева, узналъ о смерти отца своего и не думалъ о правахъ на другія Русскія княжества. Свенельдъ, престарѣлый воевода отца и дѣда его, управлялъ мнѣніями Князя. Олегъ, братъ Ярополка, княжилъ въ Древлянской области; Владиміръ былъ въ Новгородѣ. Пять лѣтъ прошло до событія, имѣвшаго важныя слѣдствія.

Лютъ, юный сынъ Свенельда, заѣхалъ съ охотою своею въ княжество Древлянское. Олегъ, Князь Древлянскій, встрѣтился съ нимъ; началась ссора: Лютъ былъ убитъ. Свенельдъ запылалъ мщеніемъ. «Возьми область брата своего,» говорилъ онъ Ярополку. Черезъ два года, дружины Ярополка двинулись въ Древлянскую область; Олегъ выступилъ изъ Вручая, города, гдѣ княжилъ; началась битва; Кіевляне

съ правилами истинно рыцарской чести, образецъ великихъ полководцевъ, только *не великаго государя, ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственнаго блага* (Ист. Г. Р. т. I, стр. 171 и 194). Современники Святослава не понимали того, что находитъ и чего не находитъ въ Святославѣ Исторіографъ. Но они изложили превратно всю Исторію Булгарской войны, къ чести Святослава: заставляютъ Цимисхія трусить, трепетать; Святослава побѣждать Грековъ и брать съ нихъ дани. Это блестящая поэма, о которой будемъ еще имѣть случай говорить.

одолѣли, и Олегъ побѣжалъ съ своими дружинами. Къ воротамъ города велъ мостъ; бѣглецы тѣснились, падали въ ровъ. Ярополкъ вошелъ во Вручай, и объявилъ Древлянское Княжество своею областью. Стали искать Олега: его видѣли упавшаго въ ровъ съ моста; полдня вытаскивали изъ рва трупы; несчастный сынъ Святослава былъ найденъ наконецъ, мертвый, обезображенный, и положенъ на коверъ. Ярополкъ пришелъ къ трупу его, и заплакалъ. «Смотри: этого-ли ты хотѣлъ!» сказалъ онъ Свенельду. Олега похоронили подлѣ Вручая.

Владиміръ слышалъ въ Новгородѣ о гибели Олега. Или не имѣлъ онъ права принуждать Новгородцевъ, имѣвшихъ свои уставы, идти на войну по волѣ Князя, или Новгородцы не хотѣли идти съ нимъ. Владиміръ оставилъ Новгородъ, бѣжалъ за Балтійское море, и черезъ два года возвратился съ толпами Варяговъ. Наемные воины со всѣхъ сторонъ Скандинавіи собрались къ нему, и сдѣлали Владиміра страшнымъ. Онъ нашелъ уже въ Новгородѣ намѣстниковъ Ярополковыхъ, и съ насмѣшкою отослалъ ихъ въ Кіевъ. «Скажите брату моему что я иду на него; пусть готовится,» говорилъ онъ, и спѣшилъ нанесть новую обиду Ярополку.

Ярополкъ имѣлъ уже супругу, красавицу, Греческую монахиню. Святославъ захватилъ ее

въ Булгаріи и подарилъ Ярополку. Но Ярополкъ искалъ другой супруги, и свапался за дочь Князя Полоцкаго, Рогволода. Мы упомянули уже объ оп҃дѣленіи сего Княжества оп҃ъ системы Руссовъ южныхъ и сѣверныхъ.

Полоцкъ былъ въ числѣ областей, гдѣ сѣли Руриковы сопутники, *намѣстники*, какъ говорятъ лѣтописи, думая, что всѣ товарищи Варяжскаго Князя были подвластны ему: мы объяснили уже власть и отношенія сихъ Князей къ главному ихъ повелителю, слѣдственно, не удивимся, что при удаленіи Олега на югъ, отдѣленіи Новгорода и слабости Игоря, Князья Полоцкіе рѣшительно отпали отъ власти Великихъ Князей Русскихъ. Но лѣтописи говорятъ объ отдѣльномъ пришествіи Рогволода въ Полоцкъ изъ за-моря, вмѣстѣ съ Варягомъ Туромъ, основавшимся въ Туровѣ. Можетъ быть Рогволодъ наслѣдовалъ Княжество послѣ прежнихъ Полоцкихъ Князей. Исторія западной отъ Кіева стороны и Новгородскихъ областей, сливается съ Исторіею Русскою только со временъ Владиміра (136).

Въ тоже время, когда Ярополкъ свапался за

(136) Полоцкъ (*Полтескъ*) городъ на Двинѣ, при впаденіи въ нее Полоты. *Туровъ*, городъ при рѣкахъ Случѣ и Припети, далѣе отъ Полоцка на западъ, къ Польскимъ границамъ.

дочь Полоцкаго Князя (ее звали Рогнедою), явились и Владиміровы послы. «Не хочу разуть сына рабы!» отвѣчала Рогнеда (137). Упрекъ за рожденіе отъ рабыни долженъ былъ усилить гнѣвъ Владиміра, униженнаго предпочтеніемъ брата, уже врага его. Варяги выступили изъ Новгорода; съ ними были союзники: Новгородскія дружины. Они явились къ Полоцку, когда готовился свадебный поѣздъ въ Кіевъ. Полоцкъ былъ осажденъ, взятъ, Рогволодъ и два сына его убиты, и, близъ труповъ отца и братьевъ, Рогнеда сдѣлалась наложницею Владиміра. Не вѣримъ другимъ, еще болѣе ужаснымъ подробностямъ сего событія; но память о несчастной Рогнедѣ, названной *Гориславою*, долго хранилась въ потомствѣ. Черезъ 200 лѣтъ разсказывали на Руси, какъ Горислава хотѣла мстить Владиміру, и сими ужасными событіями объясняли ненависть Полоцкихъ Князей къ Кіевскимъ (138).

(137) Древній обычай: разувать мужа въ день свадьбы, существовалъ даже въ позднѣйшія времена. Олеарій въ XVII-мъ вѣкѣ говоритъ о немъ.

(138) Не вставка-ли все повѣствованіе о Рогнедѣ, и отдѣльномъ приходѣ изъ за-моря Рогволода и Тура? Оно повторено продолжателемъ Нестора, подъ 1128 годомъ, гдѣ, желая объяснить вражду между Полоцкими и другими Русскими Князьями, продолжатель говоритъ: « О сихъ-же Всеславичехъ сице есть,

Мы не находимъ уже имени Свенельда, виновника несчастныхъ междоусобій. Новый вельможа, Блудъ, владѣлъ довѣренностію Ярополка, слабаго, робкаго въ опасности. Не смѣя выступить противъ Владиміра, окопавшагося въ станѣ между Дорогожичемъ и Капичемъ (139), близъ Кіева, Ярополкъ затворился въ Кіевѣ съ Блудомъ. Кіевляне хотѣли защищать Князя. Но измѣна всегда гнѣздится подлѣ малодушнаго властителя. Блудъ сносился съ Владиміромъ и готовилъ гибель Ярополку. «Если убью моего брата, ты будешь мнѣ отцомъ,» говорилъ Владиміръ. «Не я началъ бить братьевъ: я страшился собственной гибели, и только защищаю

якоже сказаша вѣдущіи (*сказали?* Слѣдственно, продолжатель *не читалъ* того, что мы находимъ подъ 980 годомъ?); потомъ продолжатель описываетъ исторію Рогнеды, и прибавляетъ отъ себя странный романическій разсказъ, который Карамзинъ внесъ въ Ист. Г. Р. (т. I, стр. 206), называя оный *любопытнымъ* и *трогательнымъ случаемъ*. Кажется, что основаніе въ исторіи Рогнеды историческое, а подробности едва-ли не выдуманы.

(130) «*Есть ровъ и до сего дни,*» говоритъ Несторъ. Доказательство, что онъ писалъ съ мѣстныхъ разсказовъ. Онъ знаетъ мѣста могилъ Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Олега Святославича; безпрестанно разсказываетъ анекдоты, подробности; вставляетъ пословицы, составившіяся по поводу разныхъ происшествій, и проч.

себя (140).» Умѣвъ сдѣлать Ярополку подозрительною вѣрность Кіевлянъ, Блудъ уговорилъ его бѣжать въ Родню (141). Тамъ окружили его дружины Владиміра, который занялъ Кіевъ, покорившійся ему послѣ бѣгства Ярополка. Голодъ свирѣпствовалъ въ Роднѣ до такой степени, что память о немъ осталась пословицею (142). Тогда Блудъ началъ уговаривать Ярополка мириться съ Владиміромъ, изъявить ему покорность, удовольствоваться тѣмъ, что дастъ Владиміръ. Легковѣріе Ярополка было столь велико, что онъ, провождаемый Блудомъ, рѣшился ѣхать въ Кіевъ. Напрасно другой приближенный Ярополка, *Варяжко*, говорилъ ему, что онъ идетъ на смерть, совѣтовалъ лучше

(140) Передаемъ въ точности слова Владиміра: они грубы и дики, но зачѣмъ преображать истину? «Поприіяй ми; *аще убью брата своего*, имѣти тя хощу во отца мѣсто, и многу честь возмешь отъ меня; не азъ-бо *почалъ братію бити*, но онъ; азъже того убояхся придохъ нань.» Карамзинъ пересказываетъ сіи слова такимъ образомъ:» Желаю твоей помощи; ты будешь мнѣ вторымъ отцомъ, *когда не станетъ Ярополка*. Онъ самъ началъ братоубійство; я вооружился для спасенія жизни своей.» Далѣе лѣтописецъ жестоко бранитъ Блуда, и говоритъ, что люди, ему подобные, *хуже дьявола* (горьше суть бѣсовъ таковые).

(141) Городокъ на устьѣ Роси.

(142) Бѣда, аки въ Роднѣ. Кен. сп. стр. 69.

бѣжать къ Печенѣгамъ и нанять ихъ. Ярополкъ не слушалъ Варяжка, явился въ Кіевъ, и довѣрчиво шелъ въ теремъ, гдѣ Владиміръ съ дружиною своею ожидалъ его. Едва Ярополкъ переступилъ черезъ порогъ, какъ Блудъ затворилъ двери, не впустилъ спутниковъ его, и два Варяга *подняли* Ярополка на мечи. Въ глазахъ Владиміра палъ братъ, и оставилъ его полнымъ владыкою Руси. Красавица-монахиня, жена Ярополка, уже беременная, сдѣлалась наложницею Владиміра. Современники, во всемъ видѣвшіе таинственность судебъ, приписали сему поступку гораздо болѣе важности, нежели убіенію брата. « Плодъ, зачатый во грѣхѣ, принесъ плоды горькіе, » говорили они, видя какъ сынъ Ярополка свершалъ кровавую месть судебъ надъ сынами Владиміра (143).

Братоубійство совершилось; Кіевъ повиновался Владиміру; оставалось наградить помощниковъ. Наемные Варяги требовали золота; но Владиміръ, хитрый и осторожный, проводилъ ихъ обѣщаніями, пока не собралъ силы противиться, и Варяги просили наконецъ только позволенія идти въ Грецію и наняться тамъ въ службу Греческаго Императора. Оставивъ *добрыхъ* и *смысленныхъ*, онъ отпустилъ всѣхъ другихъ, но просилъ Греческаго

(143) Пушк. сп. стр. 47.

Императора разсѣять ихъ, и не пускать въ Русь, какъ людей буйныхъ. Добрыня получилъ снова посадничество Новгородское, и ознаменовалъ торжество свое воздвиженіемъ Перунова истукана на берегу Волхова.

Дѣла Владиміра не казались ужасными Руссамъ. Роскошный, великолѣпный, ласковый съ народомъ, любимый дружиною, онъ спѣшилъ устроить безопасность Кіева, угрожаемую отвсюду: Печенѣги раззоряли области Кіевскія; Вятичи отреклись отъ дани; даже Радимичи, мирно живешіе дотолѣ, не повиновались. Такъ слабы еще были связи государства Русскаго, такъ ободрили всѣхъ смерть Святослава и междоусобія въ Кіевѣ! По два года ходили дружины Владиміра на Вятичей, и принудили ихъ къ прежней дани. Воевода *Волчій хвостъ* (144) легко усмирилъ Радимичей; рать съ Печенѣгами была во все время княженія Владимірова. Оградивъ себя отъ набѣговъ ихъ, Владиміръ хотѣлъ утвердить безопасность Древлянской области. На западъ отъ нея обитали дикіе Ятвяги: онъ покорилъ ихъ, и обратилъ оружіе на обитателей Червенской области, граничившей на югъ съ Древлянскою об-

(144) Вотъ еще доказательство, что Славяне переводили Варяжскія имена: настоящаго имени Владимірова воеводы должны мы искать, вѣроятно, въ языкахъ Скандинавскихъ. *Волчій хвостъ* — явный переводъ!

ластью. Тамъ были уже города: Перемышль, Червень, и въ послѣдствіи составилось сильное Княжество Галицкое (145). Такими успѣ-

(145) Имя *Червонной Руси* произошло отъ *Червена*, говоритъ Карамзинъ (т. I, пр. 431). Сомнѣваемся; надобно вспомнить о *Бѣлой Руссіи*, въ противоположность Червонной. Не знаю: на чемъ основано мнѣніе Нарушевича о *Червонной Хроваціи*, (Histor. nar. Polsk. т. II, стр. 53 и слѣд)? Кажется, что оно не имѣетъ основанія. Несторъ говоритъ здѣсь: «Иде Володиміръ *къ Ляхамъ*, и зая грады ихъ: Перемышль, Червенъ и ины грады» (Пушк. сп. стр. 50). Слѣдственно: Владиміръ *объявилъ войну Польшѣ?* Нимало. Польша простиралась тогда по Бугъ, и Мечиславъ, мужественный и смѣлый, двигался болѣе на западъ, встрѣчался съ Нѣмцами, и мечемъ и коварствомъ сражался противъ ихъ силы. Хитрый Владиміръ, кажется, спѣшилъ остановить покушенія Мечислава на Востокъ, завладѣвъ Волынью, и поставилъ городъ *Владиміръ* на самомъ краю своего завоеванія; потомъ двинулся онъ къ Сѣверу и покорилъ Ятвяговъ. Такимъ образомъ Владиміръ обезопасилъ Кіевъ съ западной стороны. Волынь сдѣлалась потомъ яблокомъ раздора между Польшей и Русью. Поляки отняли ее въ 1018 г.; Руссы взяли снова въ 1031 г., и послѣ того Волынь служила театромъ взаимной политики и мѣстомъ вражды и соединенія обоихъ народовъ. — *Червень*, нынѣ Чернеевъ, село близъ Хелма; *Владиміръ* находится въ 222 верстахъ отъ Новгорода Волынскаго, на рѣкѣ Луй, впадающей близъ него въ Бугъ.

хами снова укрѣпилась разрушавшаяся мощь Кіева. Вскорѣ Владиміру повиновались Кіевъ и области: Полоцкая, Ростовская, Древлянская, Волынская и Тмутороканская. Новгородъ признавалъ себя городомъ, зависящимъ отъ Кіева, и платилъ дань (146).

(146) Войны Владиміра исчисляются лѣтописцемъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 981 г. въ Волыни; 982 г. съ Вятичами и Ятвягами; 984 г. съ Радимичами; 988 г. въ Тавридѣ; съ Печенѣгами была война безпрерывно. Но въ 985 г. лѣтописецъ ставитъ войну *съ Булгарами*, и разсказываетъ смѣшную сказку, что въ походѣ на Булгаровъ, съ Владиміромъ былъ Добрыня; что Добрыня осмотрѣлъ плѣнныхъ, увидѣлъ всѣхъ ихъ въ сапогахъ, и сказалъ: «Эти люди не станутъ намъ давать дани; пойдемъ искать *лапотниковъ*.» Остроумное замѣчаніе это заставило будтобы Владиміра мириться. Внеся сіи сказочныя подробности въ Исторію, Карамзинъ заставляетъ Владиміра плыть съ Новгородцами (Добрыня былъ посадникомъ въ Новгородѣ) на Волгу и побѣждать Булгаровъ Волжскихъ (Ист. Г. Р. т. I, стр. 205). Можно-бы найдти ближе Булгарію, на Дунаѣ. Тогда-же Булгары жестоко дрались съ Греками, и Греки могли пригласить Руссовъ. Съ Владиміромъ въ походѣ были Торки: они скитались около Трубежа, *по Днѣпру*. Зачѣмъ вести этотъ бродящій народецъ отъ Переяславля на Каму? Кажется, о Камской Булгаріи тутъ не льзя и думать. Мы не включили Булгарскаго похода въ Исторію, потому, что онъ вовсе несообразенъ и затемненъ сказками.

Желая вѣрнѣе отвратить опасность нечаянныхъ впаденій Печенѣжскихъ, Владиміръ вывелъ переселенцевъ изъ другихъ областей, разселилъ ихъ по Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ, и основалъ нѣсколько новыхъ городковъ при селеніяхъ. Защищая такимъ образомъ Кіевъ, въ самыхъ переселеніяхъ жителей Владиміръ могъ имѣть въ виду смѣшеніе родовъ, все еще дикихъ и раздѣльныхъ (147).

Замѣтимъ самое важное обстоятельство въ дѣлахъ Владиміра. Онъ первый началъ рѣшительно отставать отъ Скандинавскихъ обычаевъ, и понимать, что онъ властитель не малочисленныхъ Варяговъ, но смѣшанныхъ съ ними многочисленныхъ племенъ Славянскихъ. Рурикъ, Олегъ, Игорь и Святославъ, всѣ, кромѣ Ольги, дѣйствовали какъ-будто пришельцы; только мыслили о сборѣ дани, о набѣгахъ и походахъ. Владиміръ понялъ, что туземцы должны составить его истинную силу и могущество. Удаливъ дружины пришлыхъ Варяговъ, онъ окружилъ себя *Руссами* и *Славянами*. Двое сыновей его названы были Славянскими имена-

(147) Пушк. стр 85. Политика Владиміра видна во всѣхъ дѣлахъ его. *Стугна,* рѣка, впадающая съ правой стороны въ Днѣпръ, верстахъ въ 30 отъ Кіева.

ми (148). Славянскій языкъ, бывшій уже въ общемъ употребленіи, и превозмогавшій языкъ Варяжскихъ пришлецовъ, совершенно возобладалъ Русью и всѣми подвластными ей племенами. Варяжская аристократія не существовала, но слѣды ея оставались въ независимости воинскихъ дружинъ и силѣ полководцевъ, еще напоминая феодализмъ Варяговъ: Владиміръ вполнѣ замѣнилъ его Азіятскою монархіею, сходною съ основными нравами Славянъ. Дружина воинская и бояре Владиміра стали *не товарищи*, но рѣшительно *подданные* его. Различіе между Славяниномъ и Руссомъ исчезло: остались только *свободные люди* и *рабы* ихъ. Воля Князя возводила въ чиновныя званія. Многочисленное семейство Владиміра давало ему способы ставить начальниками главныхъ мѣстъ Руси сыновей своихъ. Тогда явились *не удѣлы*, но *области*, правимыя дѣтьми одного самовластнаго Государя. Если первая супруга Владиміра была Рогнеда, отъ которой родились Изяславъ, Мстиславъ, Ярославъ и Всеволодъ, а вторая Греческая монахиня, мать Святополка, то въ 990-мъ году, когда сыновья Владиміра отправились въ назначенныя имъ об-

(148) *Борисъ* и *Глѣбъ* — чистыя Славянскія имена; мать ихъ была Славянка, изъ Булгаріи (Пушк. сп. стр. 48).

ласти, самому старшему изъ нихъ было не болѣе девяти лѣтъ; такое дитя не могло быть правителемъ; но Владиміру надобно было *имя его сына*, пресѣкавшее всѣ покушенія къ прежней системѣ удѣловъ. Такъ образовалась совершенно новая, Восточная система правленія.

Еще важное дѣло замѣчаемъ въ дѣйствіяхъ Владиміра. У Славянъ владѣтелѣ былъ и первосвященникомъ своего народа; Владиміръ сдѣлался первосвященникомъ Кіевлянъ. Рурикъ, Олегъ, Игорь и Святославъ кланялись Перуну и Волосу; Владиміръ сдѣлалъ болѣе: онъ самъ воздвигъ истуканы *Перуна*, *Хорса*, *Дажьбога*, *Стрибога*, *Семарглы* и *Мокоша* въ Кіевѣ (149). Истуканъ Перуна былъ деревян-

(149) Мысль, что Владиміръ сдѣлался первосвященникомъ Славянскихъ язычниковъ, принадлежитъ покойному З. Я. Ходаковскому, и мнѣ кажется совершенно справедливою. Зная, какія божества преображали Перунъ и Волосъ, мы не можемъ сказать, что значили: *Хорсъ*, *Дажь-богъ*, *Стрибогъ*, *Семаргла*, и *Мокошъ*? Въ *Словѣ о полку Игоревомъ* находимъ Хорса, Дажь-бога, Стрибога. Поэтъ именуетъ Руссовъ *сынами Дажь-бога*, а вѣтры называетъ *внуками Стрибога*. Кажется, симъ ограничиваются всѣ историческія свѣдѣнія о Миѳологіи предковъ нашихъ. *Ладо*, *Лель*, *Полель*, *Морское чудо*, *Кащей*, *Горыня*, *Дубыня*, суть новѣйшія выдумки, или перетолкованные ошибочно

ный, съ серебряною головою и золошыми усами. Кровавыя жершвы приносимы были по по-

припѣвы пѣсенъ (*ладъ*, *люли*), которые изслѣдователямъ Славянской Миѳологіи показались богами древними. Миѳологія Венедовъ и Латышей составляла особую систему отъ Миѳологіи Славянъ-собственно. — Русалки, Лѣшіе, Домовые, Кикиморы, кажется, входятъ въ древнюю Миѳологію, которая можетъ дополняться народными повѣрьями, суевѣріями и сказаніями. Но желательно-бы, чтобъ изыскатели наши отличали истинно-древнее отъ прибавокъ позднѣйшихъ. До сихъ поръ наши миѳологи, самымъ неученымъ образомъ, выдаютъ намъ свои вздорныя выдумки и соображенія за истины историческія. Этому недостатку подвержены всѣ книги о Славянской Миѳологіи, изданныя Гг-ми Глинкою (Григоріемъ), Кайсаровымъ, Поповымъ и Чулковымъ (*Древняя религія Славянъ*, Митава 1804 г. — *Славянск. Миѳологія*, М. 1810 г.—*Описаніе Славянск. баснословія*, Спб. 1768 г.—*Абевега Русск. суевѣрій*, М. 1786 г.). Для соображеній вообще о Миѳологіи Славянъ и Сѣверныхъ народовъ любопытно соч. Моне, Гейдельбергскаго Профессора: Uebersicht der Geschichte des nordischen Heidenthums (напеч. при сокращеніи Крейцеровой Символики, Мозеромъ (Fr. Kreuzers Symb. und Myth. in Auszuge, von G. H. Moser, Лейпц. 1822 г.). Лелевель думаетъ, что Славяне признавали одного Бога, что всѣ другіе боги ихъ были только превращенные въ образы качества сего главнаго божества, или символы явленій природы. Система Миѳологіи, заключавшей въ себѣ многобожіе, какую выводилъ Ходаковскій, также заслуживаетъ вниманіе.

велѣнію Владиміра передъ идолами, и послѣ покоренія Ятвяговъ совершена была даже необыкновенная жертва: рѣшились заклать передъ богами дѣвицу или юношу; бросили жребій на жителей Кіева, и онъ палъ на юнаго Варяга, Христіанина. Его исторгли изъ объятій старика отца, и убили во славу Перуна (150).

Такъ Владиміръ овладѣлъ сердцами народа, и умѣлъ остаться навсегда даже въ повѣрьѣ народномъ. Прежніе Князья перешли къ потомству въ историческихъ сказаніяхъ; Владиміръ пережилъ себя въ народной памяти, какъ Альфредъ и Артуръ у Англичанъ, Карлъ Великій у Французовъ, Канутъ у Датчанъ (151). Угощая дру-

(150) Пушк. сп. стр. 50.— Горестный отецъ, въ отчаяніи, порицалъ идоловъ и раздражилъ Кіевлянъ, которые убили его вмѣстѣ съ сыномъ. Мѣсто погребенія ихъ было тайною язычниковъ. Замѣчательно, что лѣтописецъ и при семъ случаѣ ничего не говоритъ о жрецахъ, а сказываетъ, что жребій кидали *старцы и бояре.* По введеніи Христіанской вѣры, оба Варяга были причтены къ лику Святыхъ, подъ вымышленными именами Θеодора и Іоанна. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ ихъ, въ послѣдствіи воздвигнута была Десятинная церковь

(151) Народъ имѣетъ свою память, не историческую, хотя также передаваемую изъ рода въ родъ. Но для сего избираетъ онъ обыкновенно одно лицо, и ему приписываетъ дѣла цѣлыхъ столѣтій и цѣлыхъ поколѣній. Такъ древній міръ нашихъ преданій сосре-

жины и народъ, онъ выкатывалъ для нихъ по триста варь меду, честилъ въ теремѣ своемъ бояръ, гридней и дружину трапезою еженедѣльно, разставлялъ столы и брашны для Кіевлянъ.

дотачивается во Владимірѣ, средній въ Димитріи Донскомъ, и Іоаннѣ, покорителѣ Казани. Введеніе истинной вѣры, первый рѣшительный ударъ Монголамъ, и рѣшительное сверженіе ига ихъ: вотъ что запомнили на Руси, передали изъ вѣка въ вѣкъ, и облекли въ миѳическіе и поэтическіе вымыслы. Отдѣльнаго и обширнаго разбора стоитъ все *не-историческое*, повѣствуемое народною памятью о Владимірѣ. Разборъ этого, любопытный, вызывающій на трудъ, требующій людей ученыхъ, одаренныхъ умомъ, воображеніемъ и — главное условіе — знакомыхъ съ историческою критикою, донынѣ еще не сдѣланъ. Онъ не принадлежитъ собственно къ Исторіи, ибо Исторія не касается того, что сомнительно, и что болѣе говоритъ нашему воображенію, нежели уму. Множество народныхъ преданій о Владимірѣ собрано было нѣкогда (въ XVII–XVIII вѣкѣ) Киршею Даниловымъ (это собраніе издано въ М. 1818 г., подъ названіемъ: *Древнія Русскія стихотворенія)*. Кромѣ того много преданій находимъ въ сказкахъ и пѣсняхъ. Сказокъ мы почти не принимались еще собирать. Что собрано и издано, то испорчено незнающими и неучеными людьми (таковы: *Пересмѣшникъ*, или Славянскія Сказки, собр. М. Чулковымъ, 5 ч. М. 1783 г.; *Русскія сказки*, собр. М. Чулковымъ, 10 ч. М. 1780 г.—*Старинныя диковинки*, собр. М. Поповымъ, СПб. 1778 г.). И здѣсь опять надобно большое умѣнье и знаніе отдѣлять переведенныя въ древнія времена Восточныя,

«Серебромъ и золотомъ не найдти мнѣ дружины, а дружиною найду я серебро и золото,» сказалъ Владиміръ, слыша, какъ однажды гости его *подпили* (152) и говорили, что стыдно имъ ѣсть деревянными, а не серебряными ложками; немедленно выковали для нихъ серебряныя ложки. Думаемъ, что на пиршествахъ Владиміра раздавались и пѣсни Бардовъ Славянскихъ, коихъ отголоски долетѣли до позднѣйшаго потомства, ибо, хотя пѣснопѣнія, дошедшія до насъ, гдѣ говорятъ намъ о пирахъ, гульбѣ, богатыряхъ Владиміра, явно сочинены въ позднѣйшія времена, но основаніе ихъ видимо принадлежитъ древнему вѣку. «Сказка складка, а *пѣсня быль* —» основное повѣрье Рускихъ. Гусляры Славянскіе, которыхъ видѣли Греки въ VI-мъ столѣтіи, велись долго между Славянами, и слѣды Баяновъ, которые, какъ изображаетъ Поэзія Русская—словно по золотой цѣпи, идя въ одну сторону заводятъ пѣсни, идя въ другую говорятъ сказку, остались донынѣ въ

и Западныя сказки отъ самобытныхъ Русскихъ, и составленное вновь отъ древняго. Кто, напримѣръ, могъ-бы подумать, что *Бова Королевичъ* есть Итальянская сказка, и что сказка *Объ Акирѣ премудромъ* принадлежитъ Тысячѣ и одной ночи?

(152) Егда-же *подпьяхуться*, начняхуть роптати на Князь — *Пушк.* сп. стр. 89.

быту нашемъ (153). Словомъ: Владиміромъ началось самобытное государство, въ ряду другихъ государствъ, тогда уже окружавшихъ Русь. Не будучи искателемъ чуждыхъ земель, Владиміръ крѣпилъ мечемъ свою землю, расточалъ собираемыя богатства въ народѣ, а не копилъ ихъ въ своей казнѣ, не обогащалъ имъ только воинской дружины своей, отдѣлявшей Князей отъ остальнаго народа.

(153) Въ 590 г. Греки захватили во Ѳракіи трехъ Славянъ, бывшихъ безъ оружія, съ киѳарами, или гуслями (citharas). Они объявили себя посланными къ Аварамъ, отъ Славянъ, живущихъ на краю западнаго океана. «Желѣза у насъ нѣтъ, и оружія мы не «знаемъ, «говорили сіи Славяне,« играемъ на гусляхъ, «и, не вѣдая войны, музыку почитаемъ лучшимъ «упражненіемъ» (Mem. popul. т. II, стр. 53). У насъ донынѣ есть еще простонародные сказочники и пѣсельники, люди, посвятившіе себя особенно этому занятію. Въ Малороссіи ведется даже особый цехъ менестрелей: бандуристовъ и пѣвцовъ, бродящихъ съ кобзами, или другими какими нибудь музыкальными орудіями. Ихъ всегда окружаютъ многочисленные слушатели, и, внимая пѣснямъ о *быломъ*, иногда плачутъ, иногда смѣются въ восторгѣ, смотря по содержанію пѣсни. Кому изъ насъ не случалось прослушивать по цѣлымъ часамъ старика, мастера разсказывать сказки особеннымъ Русскимъ образомъ, съ присловьями, присказками, поговорками и пословицами, изъ коихъ многія явно древни?

Простивъ ему кровавое вступленіе на княжество, подданные прощали веселому, разгульному Князю порокъ, снѣдавшій его не менѣе властолюбія: сладострастіе. Кромѣ Рогнеды и Гречанки, намъ извѣстны еще три супруги его: Богемка, мать Вышеслава; другая супруга, мать Святослава и Судислава, и урожденка Булгаріи, мать Бориса и Глѣба. Въ Вышгородѣ гаремъ Владиміра состоялъ изъ 300 наложницъ, въ Бѣлгородѣ также изъ 300, и въ Берестовѣ изъ 200 (154). Недовольный тѣмъ, Владиміръ не дорожилъ ни узами супружества, ни невинностью, отнималъ женъ, увозилъ дѣвъ — *былъ женолюбецъ, какъ Соломонъ*, по словамъ лѣтописей (155).

(154) *Бѣлгородъ*, нынѣ мѣстечко Бѣлгородка, близъ Кіева, на рѣчкѣ Рупинѣ. — *Берестово*, село, бывшее подлѣ Кіева.

(155) Лѣтописецъ сравниваетъ Владиміра съ Соломономъ и отдаетъ ему преимущество. «Тотъ былъ мудръ и потомъ погибъ; сей былъ *невѣголосъ*, а потомъ обрѣлъ спасеніе» говоритъ лѣтописатель. За симъ восклицаетъ онъ: «Велій Богъ, и велія крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!» и заключаетъ выписками изъ Соломона о женѣ развратной и женѣ добродѣтельной. Такъ писана вся лѣтопись Нестора и его продолжателей. Вѣкъ, когда писали они, ярко отливается на ихъ сказаніяхъ.

Но упомленіе спрастей вело Владиміра къ желанію величія болѣе прочнаго. Онъ восхопѣлъ чесши и славы, болѣе знаменишой, нежели па, копорою довольспвовались предшесшвенники его. Сею жаждою души Владиміра исполнились надъ Русью шайныя судьбы Провидѣнія.

ГЛАВА IV.

Сношенія съ Греками не прерывались при Владимірѣ: онъ зналъ состояніе Греціи; Греки знали событія въ Руси. Они могли видѣть во Владимірѣ повелителя страны, принимавшей болѣе и болѣе гражданскую образованность, могли надѣяться въ немъ союзника мощнаго и сильнаго. Императоръ Іоаннъ Цимисхій уже не существовалъ, погибшій отъ яда, поднесеннаго ему злодѣемъ. Въ лѣтахъ зрѣлой юности, Василій и Константинъ, дѣти Романа, приняли правленіе; но опекунство надъ ними не кончилось смертію Цимисхія. Человѣкъ ничтожный, но хитрый, умѣлъ овладѣть умами царственныхъ юношей и правилъ государствомъ: еще 12 лѣтъ, Василій, храбрый и благоразумный, зналъ только забавы Дворскія; Константинъ навсегда остался государемъ только по счету. Въ это время Сарацины усилились въ Азіи, гдѣ два полководца Греческіе бунтовали, и думали даже о багряницѣ царской. Булгары, не страшась юнаго Царя, пріобрѣтшаго въ послѣдствіи своими побѣдами прозваніе *ужаса Булгаровъ*, ободрились, возстали, дѣлали набѣги даже до самыхъ стѣнъ Царьграда. Въ это время опекунъ царскій могъ отправить къ Русскому Князю, пре-

емнику Святослава, посольство для испрашиванія помощи.

Другое дѣло, весьма значительное, вмѣшалось въ сіе сношеніе. Уже Христіанство было распространено въ западныхъ государствахъ, сосѣдственныхъ съ Русью. Среди ихъ, только Русь оставалась во тмѣ идолопоклонства, и тѣмъ сильнѣе устремлялись на нее виды соперничествующихъ владыкъ Христіанства: Патріарха Цареградскаго и Папы Римскаго. Сильнымъ вліяніемъ своимъ на Германію, Латинскій первосвященникъ успѣлъ уже присвоить себѣ власть надъ Церковью Моравіи, гдѣ послѣдователи Церкви Греческой были преслѣдуемы и гонимы; успѣлъ кромѣ того сдѣлать важное умноженіе паствы своей въ Польшѣ, крещенной Латинскими проповѣдниками. Виды его простирались на Русское государство, и сношенія, при Ольгѣ начавшіяся, поясняютъ посольство Руссовъ къ Императору Германскому въ 973 году. Слѣды сношеній съ Папою, имѣвшихъ цѣлію введеніе Христіанства въ Россію, находятся въ нашихъ лѣтописяхъ. Могъ-ли Патріархъ Греческій не ревновать своему сопернику, уже отнявшему Моравію? Вѣроятно, что онъ употребилъ всѣ средства для убѣжденія Русскаго Князя принять вѣру Христіанскую, и принять ее отъ Греческой Церкви (156).

(156) Исторія Церкви представляетъ намъ удиви-

Утомленный пылкими страстями, и честолюбивый, Владиміръ обладалъ такимъ умомъ, ко-

тельную картину судебъ Провидѣнія. Христіанская вѣра была краеугольнымъ камнемъ, на коемъ созидалось новое общество Европы. Когда ереси первыхъ седми вѣковъ по Р. Х. родили наконецъ ересь *Иконоборцевъ* (726 г.), Римъ отторгся отъ Греческой Церкви, и въ тоже время хитрая политика вразумила Карла Великаго, что власть Папы должна быть увеличена, въ противоположность силѣ Царяградскаго Патріарха. Карлъ исполнилъ сіе предположеніе, и соединилъ такимъ образомъ судьбу Папы съ своею (768 г.), отдѣливъ Западъ отъ Востока. Папы съ 752 г. не были уже избираемы Императоромъ, но требовали только подтвержденія отъ него. Соглашаясь на сіе, и подкрѣпляя тѣмъ власть Императоровъ, Папы удобно отдѣлились отъ зависимости Греческаго Патріарха. Первосвященникъ Греческій видѣлъ съ одной стороны ужасное могущество Мугаммеданства (начавшееся съ половины VII-го вѣка), съ другой отдѣленіе Запада, и сильно устремился защитить власть свою и права. Отъ сего родились споры церковные, и равное желаніе и Рима и Царьграда: подкрѣплять себя увеличеніемъ паствы. Всюду пустились тогда проповѣдники; Папа Римскій, имѣвшій болѣе силъ и способовъ, рѣшительно побѣждалъ повсюду Патріарха Греческаго. Германія, Франція, Англія, Испанія, Данія, Скандинавія, Польша стали подъ его хоругви. Патріархъ Царяградскій единственно изобрѣтенію Славянской азбуки обязанъ былъ спасеніемъ нѣкоторыхъ Славянскихъ народовъ отъ Латинской Церкви. Но жестокая борьба долго горѣла за Булгарію; въ Моравіи Папы взяли наконецъ верхъ:

торый могъ показать ему всѣ выгоды обращенія въ Христіанство. Истины вѣры Христіанской, свѣтлыя и благія, согрѣвающія земное бытіе и открывающія небо за гробомъ, могли ярко освѣщать умъ Владиміра. Лѣтописи наши передаютъ намъ огромный разсказъ объ испытаніяхъ вѣръ, бесѣдахъ Греческихъ проповѣдниковъ съ Владиміромъ и убѣжденіи Князя сими бесѣдами. Разсказъ выдуманъ, но основныя черты его замѣчательны. Любя сладострастіе, Владиміръ готовъ былъ сдѣлаться Мугаммеданиномъ, но запрещеніе вина казалось ему запрещеніемъ тяжкимъ. «Вино веселье Руси; мы не можемъ не пить его,» говорилъ онъ. Іудейскій законъ не нравился ему, какъ законъ народа разсѣяннаго и бѣдствующаго. Кромѣ того, Греческіе проповѣдники изобразили ему въ отвра-

Богемія, Венгрія подверглись ихъ власти, и тѣмъ болѣе дорожили и Папа и Патріархъ Русью, обращеніе коей могло покорить Сѣверъ Скиѳскій Риму или Царьграду. Не смотря на то, что Папы (въ половинѣ XI вѣка) занялись сверженіемъ власти Императоровъ и покореніемъ гражданскихъ властей церковной; что въ концѣ XI вѣка Крестовые походы всколебали всю Европу, и что съ X-го вѣка Русь рѣшительно уже принадлежала къ Церкви Греческой, Римъ не прекращалъ безпрерывныхъ покушеній на овладѣніе Русью. Любопытную Исторію сихъ покушеній мы будемъ наблюдать постепенно.

тительныхъ краскахъ и Мугаммеданъ и Жидовъ (157).

(157) Что все повѣствованіе о приходѣ въ Кіевъ Греческаго, Латинскаго, Іудейскаго и Мугаммеданскаго проповѣдниковъ, есть поэма, въ родѣ старинныхъ духовныхъ мистерій, въ семъ не льзя сомнѣваться. Расположеніе повѣсти это доказываетъ, и притомъ, зачѣмъ было Руссамъ отправлять пословъ въ Царьградъ и Хазарію? Руссы очень хорошо знали обѣ сіи стороны. Весь разговоръ Греческаго философа съ Владиміромъ вымышленъ: это схоластическіе вопросы и отвѣты. Все, что повѣствуетъ Владиміру Греческій философъ о Священной Исторіи, выписано изъ Временника Георгія Амартолы (см. извѣстія, сообщ. П. М. Строевымъ, *Труды Общ. Ист. и Др. Россійскихъ*, т. IV, кн. I, стр. 171). — Греки употребляли всякія хитрости для обращенія Руссовъ; на прим. говорили о Мугаммеданахъ ужасныя нелѣпости (см. въ Пушк. сп. стр. 54); говоренное ими о Латинахъ также сущая несправедливость (Пушк. сп. стр. 79). Основаніе разсказа о разборѣ вѣръ правдиво; по крайней мѣрѣ, оно сообразовалось съ понятіями того времени. И здѣсь-то источникъ наблюденій надъ нравами, о которыхъ лѣтописи передаютъ намъ столь немногое! Карамзинъ думалъ, что разсказъ о разборѣ вѣръ есть Историческое повѣствованіе: онъ утверждался на Греческомъ описаніи путешествія Руссовъ въ Царьградъ, для узнанія вѣры. Это описаніе есть отрывокъ, въ которомъ перепутано что-то похожее на разсказъ нашихъ лѣтописей, съ повѣстью о Кириллѣ и Меѳодіи (сіи святители названы: Аѳанасій и Кириллъ).

Константинъ Порфирородный, за 40 лѣтъ до Владиміра, говорилъ, что варвары: Руссы, Хазары и Турки, всего болѣе стараются вывѣдать у Грековъ тайну Греческаго огня, достать Царскія одежды Грековъ, и вступать въ брачные союзы съ Императорами Греческими. Онъ изъяснялъ сыну своему, какъ должно ему отговариваться отъ всѣхъ ихъ требованій, какъ должно говорить, что Греки не могутъ давать иноплеменникамъ одежды, отличающей великихъ Императоровъ Царьграда; что ангелъ принесъ съ неба тайну Греческаго огня, и что Христіанскіе государи, Императоры Царьграда, не могутъ быть въ родственномъ союзѣ ни съ кѣмъ изъ иноплеменныхъ, тѣмъ-же болѣе съ язычниками. Немногіе примѣры нарушенія сего правила, Греки оправдывали хитрымъ образомъ, утверждая, что по особымъ, великимъ причинамъ, члены Императорскаго семейства и сами Греческіе Императоры могутъ жениться на доче-

Видимъ изъ другаго подложнаго свидѣтельства, приводимаго Карамзинымъ, что повѣсть о крещеніи Руссовъ переходила отъ народа къ народу въ безобразныхъ разсказахъ. Письмо Смеры, «*писанное же»лѣзными буквами, на 12-ти мѣдныхъ доскахъ,*» это доказываетъ. Всего вѣрнѣе повторить слова Исторіографа: »Не будемъ глупѣе глупыхъ невѣждъ, хотящихъ обманывать насъ подобными вымыслами» (см. Ист. Г. Р. т. I, пр. 447).

ряхъ язычниковъ, очищая ихъ крещеніемъ (158). Такимъ образомъ, Христіанская вѣра дѣлалась *условіемъ родства* съ Императорами Гре-

(158) Mem. pop. m. II, стр. 986. Греки ссылались на мнимый законъ Константина Великаго, коимъ запрещалось Греческимъ Императорамъ вступать въ родство съ иноземными народами, а тѣмъ болѣе съ идолопоклонниками. «Вспомни,» говоритъ Константинъ Порфирородный сыну своему, «что такъ думали древніе Римляне: Маркъ-Антоній посрамилъ себя, женясь на Египтянкѣ, а Титъ отослалъ отъ себя Беренису, страшась позора.» Можно-бы напомнить Константину слова Антонія: Quid te mutavit, an quod reginam ineo? Uxor mea est! и то, что Беренисѣ было около 50 лѣтъ, когда Титъ разстался съ нею. Впрочемъ, нарушеніе закона было явно учинено при Константинѣ Копронимѣ, который женился на дочери Хазарскаго Хана; также при брачномъ союзѣ внуки Романовой съ Булгарскимъ Царевичемъ, и наконецъ при свадьбѣ Романа, сына Константинова съ Бертою, дочерью Гугона, Графа Арльскаго. Греки оправдывались въ сихъ случаяхъ, что 1-й примѣръ ничего не доказываетъ, ибо Константинъ Копронимъ былъ еретикъ и злодѣй, слѣдоват. могъ дѣлать что угодно, губя свою душу и совѣсть; что 2-й примѣръ также не годится, ибо Романъ былъ похититель престола; наконецъ, что родство съ Гугономъ не безславило Греціи, ибо онъ былъ потомокъ Карла Великаго и *владыка Франціи*. Видно нѣкому было возразить на это, что Гугонъ никогда не былъ Королемъ французскимъ, и что Берта была дочь одной изъ трехъ его наложницъ. Переиме-

ческими. Владимiръ понялъ это, увидѣлъ новое средство къ почестямъ, и объявилъ, что готовъ принять законъ Христiанскiй, но—требуетъ руки Греческой Царевны, сестры Василiя и Константина. «*Тогда крещусь,*» говорилъ онъ (159).

Владимiръ лучше Святослава зналъ свойства народа, и если должно почесть его и первосвященникомъ Славянскаго идолослуженiя, то тѣмъ легче могъ онъ сдѣлать новую, важную перемѣну. «Придайте ума совѣтомъ ва-

нованная Евдокiею, она только была обручена съ Романомъ и скончалась въ невѣстахъ. Романъ женился на чудовищѣ Ѳеофанiи. Анна, младшая дочь его отъ сего брака, была супругою Владимiра; старшая, Ѳеофанiя, вышла за Императора Оттона Великаго. Здѣсь уже рѣшительно нарушены были законы Греческiе; но Греки умѣли все изъяснить по своему: въ оправданiе перваго брака привели славу апостольства при обращенiи Руссовъ, для коей не должно жалѣть мiрской славы, а второй бракъ оправдывали славою Оттона, и титуломъ *Римскаго Императора*. Такъ политика Грековъ вела всѣ свои дѣла.

(159) Сiе объясняется самыми событiями. Иначе зачѣмъ онъ бралъ Херсонъ? Кажется, что требованiе руки Греческой Царевны сдѣлано было прежде. «Владимiръ,» говоритъ Карамзинъ, «вздумалъ *завоевать* вѣру, ибо *гордость могущества и славы не позволяли Владимiру унизиться.*» Это вовсе несправедливо. (Слич. Ист. Г. Р. т. I, ст. 213, и Пушк. сп. стр. 74-75).

шимъ,» говорилъ Владиміръ своимъ боярамъ и дружинѣ. «Что̀ вы мнѣ скажете? Греки бесѣдовали со мною: они хулятъ всѣ другія вѣры, и хвалятъ свой законъ. Много они говорили мнѣ о созданіи, бытіи міра и будущей жизни; хитро говорятъ они; любо и чудно слушать ихъ.»—Никто не хулитъ своего, а всякій хвалитъ—отвѣчали совѣтники Владиміра.—Но еслибы не хорошъ былъ законъ Греческій, то Ольга, бабка твоя, *мудрѣйшая изъ всѣхъ человѣковъ*, не приняла-бы его. — И такъ, волѣ Князя ничто не противилось. «Гдѣ примемъ крещеніе?» спросилъ Владиміръ. — Гдѣ тебѣ угодно, отвѣчали ему (160).

Думаемъ, что предложеніе Владиміра сначала изумило Грековъ. Отдать Греческую Царевну за варвара, Скиѳа, убійцу роднаго брата—это ужаснуло Греческихъ Царей и Дворъ ихъ. Василій, набожный, въ старости носившій власяницу инока подъ царскою багряницею, не пившій вина и не ѣвшій мясъ, могъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ усердно желать причастія славѣ Апостоловъ, проповѣдниковъ Евангелія, могъ ревновать просвѣщенія Христіанствомъ той земли, гдѣ нѣкогда, по преданіямъ, шествовалъ Апостолъ Андрей. Патріархъ Царьградскій также могъ раздѣлять сіе желаніе, усиливаемое враждою

(160) Пушк. сп. 72, 73.

къ Папѣ. Но, ни ревность къ св. вѣрѣ, ни политическія выгоды не могли убѣдить Царяградскій Дворъ согласиться на желаніе Владиміра (161). Не знаемъ, что отвѣчали ему; но на слѣдующій годъ хоругви Руссовъ возвѣялись въ странѣ, дотолѣ не испытывавшей вполнѣ силы Русскаго оружія. Ладіи Руссовъ, и самъ Владиміръ, явились подъ Херсономъ, главнымъ изъ Греческихъ городовъ въ Тавридѣ: единственный походъ Владиміра, какъ завоевателя чуждыхъ, отдаленныхъ областей (162).

Таврида знала Руссовъ, обладателей Тмуторокани и грабителей судовъ Греческихъ въ устьѣ Днѣпра, но въ первый разъ увидѣла она ополченія Руссовъ, нѣкогда грозившія Царьграду. Херсонъ никогда не былъ крѣпкимъ городомъ;

(161) Мы полагаемъ, что легенда о путешествіи Св. Апостола Андрея была вымышлена не Руссами. Догадки, *отъ чего* явилась она, см. Байера (Comm. Acad. Petropolit. т. III, стр. 390 и слѣд.).

(162) Слѣды Херсона до сихъ поръ еще видны въ Крыму, близъ Севастополя. См. описаніе ихъ и краткую Исторію Херсона, составленныя Митрополитомъ Евгеніемъ (*Тр. общ. Ист. и Древн. Росс.* т. IV, кн. I, стр. 102). Предки наши называли его *Корсунь*, Итальянцы *Сарсона*, а Татары *Чорчина* и *Сары-Кирманъ*. Херсонъ издревле цвѣлъ богатствомъ, и упалъ въ послѣдствіи; въ началѣ XVI вѣка оставались отъ него только бѣдныя развалины.

жители его заперлись однакожъ въ стѣнахъ своихъ. Руссы обложили ихъ. «Сдайтесь,» говорилъ Владиміръ Херсонцамъ, «или три года буду стоять подъ стѣнами вашими.» Началась осада; измѣна, привычное оружіе Владиміра, скорѣе трехъ лѣтъ рѣшила участь Херсона. Житель сего города, Іерей Анастасій, успѣлъ увѣдомить Владиміра, что стóитъ только перекопать водопроводы, снабжающіе городъ водою, и Херсонъ будетъ въ его рукахъ. Владиміръ исполнилъ совѣтъ; Херсонъ, томимый жаждою, сдался; Руссы заняли городъ.

Тогда явились въ Царьградѣ послы отъ Князя Русскаго, какъ покорителя знаменитаго Греческаго города, и переговоры продолжались не долго. «Херсонъ принадлежитъ мнѣ,» говорилъ Владиміръ. «Я крещусь, если отдадите за меня сестру вашу, ибо вѣра и богослуженіе ваше мнѣ любы; иначе—увидите меня подъ Царьградомъ!» Царевна Анна, требуемая Владиміромъ, лучше хотѣла умереть, нежели ѣхать въ Херсонъ къ жениху своему, и горько плакала, садясь въ корабль, долженствовавшій навсегда разлучить ее съ великолѣпіемъ Царьграда, родиною и надеждами счастія. «Богъ избираетъ тебя, да обратишь въ святой законъ его Русскую землю. Или ты не знаешь, сколько зла причинили уже Руссы Греціи, и, если не согласишься,

сколько причинятъ они еще,» говорили братья, разставаясь съ нею (163).

Съ радостью встрѣтили Царевну въ Херсонѣ. Владиміръ занималъ Дворецъ, находившійся на городскомъ торжищѣ. Церковь Христіанская была между симъ Дворцомъ и другимъ, гдѣ остановились Царевна, сановники, пресвитеры Цареградскіе и свита ея. Церковь сія казалась таинственнымъ символомъ, раздѣляющимъ язычника отъ Христіанки. Крещеніе Русскаго Князя было совершено немедленно. Лѣтописи разсказываютъ чудо: у Владиміра болѣли глаза, такъ, что онъ не могъ ничего видѣть; но когда Епископъ Херсонскій, съ пресвитерами Цареградскими, совершилъ торжественное крещеніе Владиміра, онъ прозрѣлъ мгновенно (164).

Достопамятное таинство крещенія совершено было въ церкви, о которой мы упомянули. Владиміръ принялъ Христіанское имя *Василія*. Бояре и дружина его крестились по примѣру

(163) «Яко въ полонъ иду; лучше-бы мнѣ здѣ умрети,» говорила Анна — «и едва ю принудиша — «она-же съ плачемъ пойде черезъ море» — *Пушк. спис.* стр. 76.

(164) Церковь, гдѣ крестился Владиміръ, была во имя Св. Василія. Митрополитъ Платонъ полагалъ, что прозрѣніе Владиміра было *духовное* (Церк. Росс. Ист. I, стр. 27). Вѣримъ благоразумному пастырю, но передаемъ преданіе, современное великому событію.

Князя своего, а бракъ Царевны Греческой съ Владиміромъ сдѣлалъ Руссовъ друзьями Грековъ. Часть войскъ Владиміровыхъ отправлена была въ Грецію, на помощь Императорамъ Цареградскимъ противъ мятежника Склира. Владиміръ отдалъ Херсонъ Грекамъ, какъ *вѣно* за свою супругу, и велѣлъ созидать въ Херсонѣ церковь, на память своего пребыванія (165).

Съ побѣдою, какъ родственникъ знаменитаго Дома Императоровъ Цареградскихъ, Владиміръ прибылъ въ Кіевъ, преображенный духомъ. Съ нимъ были: супруга - Христіанка, бояре и дружина - Христіане, священники Цареградскіе и Херсонскіе. Не трофеи воинскіе, не золото, отнятое оружіемъ, но святыя мощи, благословенныя иконы, священные сосуды, книги, законъ истинный въ сердцѣ и славу Апостола Русской земли въ грядущихъ вѣкахъ, несъ Владиміръ на родные Днѣпровскіе берега (166).

(165) Объ отправленіи помощи Грекамъ отъ Руссовъ, см. Мет. рор. т. II, стр. 1009.— «Вдасть-же за *вѣно* Грекамъ Корсунь опять, Царицы дѣля» (возвратилъ Грекамъ, ради Царицы). *Вѣно* — подарокъ родителямъ невѣсты, отъ слова: *вѣнецъ*, означавшаго обрядъ супружества (отъ сего глаголъ *вѣнчать*).

(166) «Владиміръ-же поемъ Царицу и Анастаса, и попы Корсунски, съ мощами Св. Климента и Ѳива, ученика его, пойма сосуды церковные, иконы на благословеніе себѣ.» Далѣе слѣдуютъ слова,

Были и есть примѣры дѣйствія святой благодати надъ язычниками, принявшими законъ Божественный. Приступая къ купѣли возрожденія съ сердцемъ закоснѣлымъ, по разсчетамъ

затруднявшія изъяснителей.» Постави-же церковь въ Корсунѣ, на горѣ, юже ссыпаша среди града, крадуще приспу, яже церковь стоитъ и до сего дни.« Это еще понятно: Владиміръ поставилъ церковь въ Херсонѣ, на томъ холмѣ, который Херсонцы насыпали среди града, когда уносили въ городъ *присыпъ*; сія церковь стоитъ и донынѣ, т. е. до того времени, когда писана лѣтопись. Прежде лѣтописецъ разсказалъ намъ, какъ Руссы *засыпали* ровъ градскій, и какъ Греки ночью уносили *присыпъ* ихъ въ городъ. Далѣе: «*Взя-же ида мѣдянѣ двѣ капищи и 4 иконѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, якоже* невѣдуще *мнятъ и мраморяны суща*» (Пушк. сп. стр. 81). Карамзинъ думалъ, что Владиміръ взялъ» *два истукана* и четырехъ *коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ.* Сіи,» прибавляетъ Исторіографъ,« можетъ быть, *изящныя произведенія древняго искусства*, стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви» (Ист. Г. Р. т. I, стр. 217). Думаемъ, напротивъ, что изящныхъ произведеній тутъ не должно предполагать, и что просто Владиміръ далъ въ созданную имъ въ Херсонѣ церковь, или взялъ съ собою въ Кіевъ, *два мѣдные кивота* и *четыре мѣдныя иконы*, которыя незнающими почитались за мраморныя. Впрочемъ, должно согласиться, что сіе мѣсто въ лѣтописи весьма темно.

корысти, они воспринимали преобразованіе ума и сердца отъ сего источника жизни. Почти всегда, новообращенные Христіане становились самыми жаркими поборниками святой вѣры, если только мечъ не сверкалъ надъ крестомъ, ихъ осѣнявшимъ; въ семъ послѣднемъ случаѣ человѣкъ ожесточается потерею свободы и воли, ибо тогда съ вѣрою налагается на него иго рабства. Но мы знаемъ, что среди бродящихъ ордъ Азіи и дикихъ поколѣній Европы, по голосу вѣры являлись мученики, изъ людей едва узнавшихъ вѣру Христіанскую. Таково было дѣйствіе вѣры и на Владиміра. Онъ искалъ земной славы; но съ крещеніемъ преобразился въ Христіанина умомъ и сердцемъ, и все для него измѣнилось. Съ ужасомъ увидѣли Кіевляне ниспроверженіе и безчестіе идоловъ: двѣнадцать человѣкъ повалили истуканъ Перуна, привязали его къ хвосту коня, волокли черезъ Кіевъ, били палками и бросили въ Днѣпръ, другихъ идоловъ жгли, рубили. Кіевляне плакали, недоумѣвали, когда бирючи ходя по Кіеву возвѣщали, что Князь велитъ всѣмъ жителямъ Кіева явиться на берегъ Днѣпра, и что не явившійся подвергнется его гнѣву (167).

(167) Опасаясь, чтобы истуканъ не присталъ гдѣ нибудь къ берегу, Владиміръ велѣлъ гнать его по водѣ за Днѣпровскіе пороги; тамъ выкинуло его на отмѣль (рѣнь), которая долго назывались: *Перунова*

На другой день открылось зрѣлище великое. Берегъ Днѣпра былъ покрытъ народомъ. Уже Кіевляне знали за чѣмъ были призваны, и не противились велѣнію Князя. «Если-бы не добро былъ Греческій законъ, Князь и бояре не приняли-бы его,» говорили они другъ другу, видя Владиміра, торжественно идущаго, съ знаменіями вѣры, при пѣніи ликовъ, предшествуемаго священниками, и съ нимъ Княгиню Анну, бояръ, старцевъ, дружину, съ благоговѣніемъ преклоняющихся предъ крестами и иконами. Освятили Днѣпръ: народъ вошелъ въ воду, и крещеніе было совершено. «Богъ, сотворившій небо и землю!» воскицалъ Владиміръ, возводя очи и руки къ небесамъ — «призри на новые люди сіи, даждь имъ увѣдѣти тебя, истиннаго Бога, и утверди вѣру въ нихъ (168)!»

Немедленно приступили къ строенію церквей, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были требища идоловъ: на холмѣ Перуновомъ срублена была деревянная

рѣнь. Въ древнихъ вѣкахъ все облекалось въ чудо и въ сказку. Такъ въ Новгородѣ было преданіе, что когда низверженный Перунъ плылъ по Волхову, то бросилъ палку на мостъ, и вскричалъ: *люди! храните ее въ память мою!* Съ тѣхъ поръ, говорило преданіе, каждый годъ Новгородцы дрались палками въ честь Перуна, въ тотъ самый день, когда онъ произнесъ на нихъ заклятіе. Такъ пишетъ Герберштеинъ.

(168) Пушк. сп. стр. 82; Кен. сп. стр. 83.

церковь Св. Василія. Во всѣ города посланы были повелѣнія Князя ниспровергнуть идоловъ и строить церкви: никто не ослушался; вездѣ народъ крестился по повелѣнію Князя (169).

Но всѣ-ли новые Христіане понимали важное таинство, надъ ними совершенное? Не думаемъ. Какъ Варяги приняли вѣру Славянъ, такъ теперь Руссы приняли вѣру Грековъ. Кто могъ изъяснить имъ истины Христіанства? Кто изъ нихъ могъ понять оныя, при изъясненіи Грека, едва знавшаго языкъ Славянскій? Самые Греки могли-ль

(169) Древняя церковь Св. Василія находится въ Кіевѣ близъ Десятинной. Ее-ли построилъ первоначально Владиміръ? Еще вопросъ: неуже-ли жрецы и идолопоклонники не противились введенію Христіанства? Не думаемъ. Что-же иное значитъ появленіе *волхвовъ*, бродившихъ въ разныхъ мѣстахъ Руси, со времени введенія Христіанской вѣры? Вѣроятно, это были жрецы, спасавшіеся тайно и возмущавшіе народъ. Впрочемъ, не всѣ народы, покорные Руссамъ, были вдругъ крещены: Вятичей обращалъ уже въ XI-мъ вѣкѣ Св. Кукша, инокъ Печерскій, и былъ ими замученъ; Св. Леонтій, другой инокъ, былъ убитъ въ Ростовѣ отъ идолопоклонниковъ (см. Карамзина, Ист. Г. Р. т. II, прим. 138). Страхъ принудилъ многихъ принять обряды Христіанства, при чемъ душа оставалась чуждою святыхъ истинъ онаго. Христіане-ли Якуты, Мордва, Чуваши, Вотяки, даже и въ наше время, когда всѣ они крещены? Такъ должно смотрѣть и на первоначальное крещеніе Руссовъ.

назваться Христіанами, понимавшими законъ Христіанскій? Схоластическіе споры давно уже затемнили въ ихъ умахъ истины религіи, обряды замѣнили для нихъ сущность оной, и благотворное дѣйствіе вѣры долженствовало тихо и медленно прозябать на новой нивѣ, готовой къ плодамъ благодатнымъ, но невоздѣланной.

Владиміръ хотѣлъ двумя средствами дѣйствовать на народъ. Служба Божественная производима была по Славянскимъ переводамъ книгъ церковныхъ, сдѣланнымъ для Моравовъ и Булгаровъ (170). Надобно было распространить

(170) Тотъ-ли у насъ переводъ Библіи и Св. книгъ, который учиненъ Кирилломъ и Меѳодіемъ для Моравовъ? Тотъ самый, отвѣчаемъ, ибо Несторъ говоритъ: » Первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Славянская, яже грамота есть въ Руси и въ Булгарехъ Дунайскихъ » (Кен. сп. стр. 23). Несторъ не могъ не знать о переводѣ Св. книгъ для Руссовъ, онъ, сохранившій столько мѣлкихъ подробностей. Исправленія перевода были необходимы: см. для примѣра, сличеніе отрывка изъ 14-ти древнихъ и новыхъ, рукописныхъ и печатныхъ, Евангелій, въ изд. К. Ѳ. Калайдовичемъ книгѣ: *Іоаннъ Экзархъ Булгарскій* (стр. 28 и слѣд.). Тутъ-же находятся доказательства, что въ Булгаріи былъ принятъ также переводъ Кирилла и Меѳодія (стр. 9 и слѣд.). Руссы взяли изъ Булгаріи даже переводы церковныхъ правилъ или законовъ, и въ XII вѣкѣ они извѣстны уже были въ Руси (см.

между Руссами и сдѣлать извѣстнымъ малопонятный языкъ книгъ церковныхъ, изучить Руссовъ гра-

Барона Розенкампфа, *Обозрѣн. Кормчей Книги*, стр. 47 и слѣд.).— Древнѣйшихъ списковъ полной Библіи нѣтъ ни у одного изъ Славянскихъ народовъ: всѣ они относятся къ позднѣйшему времени. Въ Россіи самые древніе списки 1499 и 1558 гг.— Оба хранятся въ Московской Синодальной библіотекѣ. Но частей Библіи есть списки древніе: *Евангеліе*, писанное для посадника Остромира въ 1057 г., хранится въ СПетербургской Императорской библіотекѣ. Другіе списки Евангелія не древнѣе 1132 г., 1144 г., 1164 гг. — Списковъ Псалтири и Апостола нѣтъ у насъ древнѣе XIII вѣка (см. подробности, *Іоаннъ Экз. Булгарскій*, стр. 97 и слѣд.). *Остромирово Евангеліе* по времени есть *древнѣйшій рукописный памятникъ* въ Россіи (см. *Списокъ Русскихъ памятниковъ* П. И. Кеппена, М. 1822 г.). Отрывки изъ онаго помѣщены П. И. Кеппеномъ въ книгѣ: *Собраніе Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи* (СПБ. 1827 г.). Славянская азбука въ Богеміи замѣнена Готическою Нѣмецкою; Поляки пишутъ Латинскими буквами; новые Сербы употребляютъ Кирилловскую, но съ измѣненіями, такъ-же какъ и мы. Объ изобрѣтенномъ въ послѣдствіи Католиками для Славянъ *Глаголитскомъ* письмѣ, ложно приписываемомъ св. Іерониму, и употребляемомъ у нѣкоторыхъ южныхъ Славянъ, см. *Ист. Г. Р.* т. I, стр. 110, и прим. 264 — 267. — Древнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ донынѣ Славанскихъ рукописей есть списокъ молитвъ и проповѣди найденный въ Латинской рукописи, и писанный Латинскими буквами. Сей отрывокъ относится

мошѣ, и Владиміръ велѣлъ учреждать училища для сихъ предметовъ. Матери плакали, видя дѣтей своихъ отводимыхъ въ такія училища, считали ихъ за мертвыхъ, но не смѣли противиться. Изъ сихъ разсадниковъ разсѣявались сѣмена ученія въ народѣ. Кто знаетъ уваженіе даже нынѣшнихъ простолюдиновъ нашихъ къ *грамотному*, тотъ пойметъ, каково долженствовало быть это уваженіе за девять столѣтій, какое почтеніе тогда внушалъ такой человѣкъ. Другое средство, употребленное Владиміромъ, была власть, данная духовнымъ особамъ. Священникъ сдѣлался судіею, страшнымъ въ глазахъ каждаго, ибо Владиміръ отдѣлилъ суду ихъ важную часть законодательства. Кромѣ неподсудности духовныхъ людей ни Князьямъ, ни боярамъ, суду ихъ предоставлены были браки, разводы, прелюбодѣянія, похищенія и насилія дѣвицъ, волхвованье, колдовство, и укоръ ка-

къ X, и даже къ IX-му вѣку, и есть памятникъ Хоруганскаго Славянскаго нарѣчія, коимъ говорили Винды въ Краинѣ, Каринтіи и Баваріи. (См. П. И. Кеппена, *Собр. Слов. Памятниковъ*, стр. I — 86). Сія драгоцѣнность хранится въ Минхенѣ. Древнѣйшая изъ печатныхъ Славянскихъ книгъ есть: *Новый Заветъ*, на Богемскомъ языкѣ, 1475 г.—Кирилловскими буквами напечатанная древнѣйшая книга есть *Псалтирь* (изд. въ Краковѣ, въ 1491 г., Швайпольтомъ Феолемъ). —Библія на Богемскомъ языкѣ напечатана была въ 1488 г.

кимъ-либо изъ означенныхъ преступленій, ссоры и драки между родителями и дѣтьми, церковная татьба, ограбленіе мертвецовъ, непристойныя дѣянія въ церквахъ и неприличное употребленіе святыхъ предметовъ, дѣтоубійство, идолопоклонство. Всѣ сіи статьи составляли нововведенія, и естественно должны онѣ были подлежать суду людей, знавшихъ правила, по коимъ должно было поступать (171). Но такимъ образомъ передавалась духовенству власть обширная, и донынѣ остались у насъ въ на-

(171) «Пославъ нача поймати у нарочитые люди дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матери-же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще-бо не бяхуся утвердили вѣрою, но аки по мертвецѣ плакахуся.»(Пушк. сп. стр. 83). — О власти духовныхъ и установленіи церковнаго суда, неоспоримое доказательство есть то, что въ Русской Правдѣ, или древнихъ Русскихъ гражданскихъ и уголовныхъ законахъ, ничего не сказано о предметахъ церковному суду подлежащихъ. Мы упоминали выше, что въ XII-мъ вѣкѣ были уже на Руси списки церковныхъ уставовъ. Имѣемъ Уставъ Владиміра о церковныхъ судахъ (см. его вполнѣ въ *Дополненіяхъ*, статья X-я). Онъ явно передѣланъ въ послѣдствіи, но основаніе его неоспоримо. Карамзинъ не вѣрилъ ему. Главнѣйшее доказательство Карамзина опровергнуто Барономъ Розенкампфомъ, который доказалъ, что содержаніе Устава взято было изъ Греческихъ Кормчихъ (см. *Обозр. Кормчей Книги*, стр. 212.). Древнѣйшій списокъ сего Устава находится въ Кормчей книгѣ, и не позже

родѣ слѣды страха, какой наводилъ судъ духовный на всѣхъ мірянъ (172).

Сего было недовольно. Съ Владиміромъ прибылъ въ Кіевъ Херсонскій Іерей Анастасій, передавшій въ руки его Херсонъ, и вѣроятно, что сей хитрый Грекъ умѣлъ овладѣть довѣренностью Князя, ослабляя въ тоже время непосредственное вліяніе Царяградскаго духовенства. Анастасій былъ первымъ духовнымъ сановникомъ при Владимірѣ, и убѣдилъ его воздвигнуть великолѣпную церковь. Не щадили издержекъ: выписывали изъ Греціи мозаику, мраморъ, порфиръ, употребляли золото и драгоцѣнности. Призваны были мастера изъ Греціи; строеніе продолжалось восемь лѣтъ, и въ 996 году Владиміръ вступилъ въ сей храмъ, озна-

XIII вѣка (см. о сей Кормчей въ *Русскихъ Достопамятностяхъ*, М. 1815 г., ч. I стр. 17 и слѣд.)

(172) Донынѣ встрѣча съ духовною особою, особливо съ священникомъ, считается между нашими простолюдинами худымъ предвѣщаніемъ. Полагаемъ, что первые Христіане-Руссы боялись встрѣчи съ ними, ибо часто подвергались ихъ преслѣдованію за не исполненіе обязанностей, а также и по самовластію духовныхъ. Простолюдины наши считаютъ еще понедѣльникъ худымъ днемъ: и здѣсь видна старинная причина. Древніе Руссы, вѣроятно, обязаны были являться въ церковь по воскресеньямъ, не исполняли сего требованія, и понедѣльникъ былъ днемъ расплаты за неповиновеніе.

менованный именемъ Богоматери. Здѣсь, съ радостію взирая на великолѣпіе и благолѣпіе храма, онъ установилъ платежъ Десятины со всѣхъ своихъ доходовъ въ пользу духовенства, и церковь назвалъ *Десятинною.* Анастасій вводилъ на Руси всѣ преимущества, какими пользовалось духовенство въ другихъ земляхъ, и не дѣлилъ власти своей съ Царьградомъ. Греки не противились, кажется, симъ распоряженіямъ и давали свободную волю Анастасію, предоставляя времени преодолѣніе его силы (173).

(173) Пушк. сп. стр. 86 и 88. Слова Владиміра: «Даю церкви сей Святѣй Богородицѣ отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть». И положи *написавъ клятву* въ церкви сей, рекъ: *аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ.*—Десятинная церковь, строенная со всевозможнымъ великолѣпіемъ, много терпѣла при бѣдствіяхъ Кіева, а въ 1240 году, Батый совершенно раззорилъ и разрушилъ оную. Изъ остатковъ одной церковной стѣны устроена была въ послѣдствіи церковь небольшая; остальное пространство заросло землею и было въ семъ запустѣніи до 1824 года. Тогда, по благословенію Митрополита Евгенія, знаменитаго любовью своею къ отечественнымъ древностямъ, чиновникъ 5-го класа Г-нъ Лохвицкій разрылъ землю и подъ нею найдено было все основаніе древней Десятинной церкви, на 24 саженяхъ въ длину и на 16 саж. въ ширину, также мраморные наборные полы, обломки муссіи, живописи, и разныя вещи, какъ-то

кресты, перстни, ржавые остатки оружій, и проч.— Къ сожалѣнію, усердіе Кіевлянъ и обитателей другихъ городовъ, ежегодно стекающихся въ Кіевъ, остановило работу: не откопали даже погребовъ подъ церковью, передѣлывали найденные остатки камней въ кресты, которые развозились по всей Россіи, и, теперь уже строятъ на мѣстѣ разрытыхъ остатковъ древней, новую церковь. Усердіе замѣчательное; но археографъ не можетъ не пожалѣть, что оно не допустило кончить разрытія Десятинной церкви; жаль и того, что донынѣ нѣтъ подробныхъ извѣстій о находкахъ въ Десятинной церкви.—Платежъ десятины, установленіе столь общее всѣмъ Христіанскимъ землямъ въ древніе вѣки, показываетъ силу дѣйствія вѣры на Владиміра. Мы полагаемъ, что Анастасій былъ первымъ сановникомъ церковнымъ при Владимірѣ, ибо не находимъ никакихъ слѣдовъ, чтобы при Владимірѣ была какая нибудь другая Іерархія въ Кіевѣ, кромѣ Анастасія и Греческихъ Священниковъ. Вотъ всѣ мѣста, гдѣ упоминается что-либо о семъ предметѣ: 1, отъѣздъ Владиміра изъ Херсона: «поемъ Царицу, *и Настаса и попы Корсунски*;» 2, крещеніе: «изыде Владиміръ *съ попы Царицыны и съ Корсунскими* на Днѣпръ — *попове*-же творяху молитву.— И нача ставити по градамъ церкви и *попы*;» 3, постройка Десятинной церкви: «поручи *ю Настасу Корсунянину, и попы Корсунскіе пристави;* » 4, освященіе сей церкви: «и вдасть десятину *Настасу Корсунянину*.»—Только въ одномъ, сомнительномъ, мѣстѣ упомянуты *Епи-*

Они были уже правителями въ разныхъ областяхъ, зависѣвшихъ отъ Владиміра: Вышеславъ въ *Новгородѣ*, Изяславъ въ *Полоцкѣ*, Ярославъ въ *Ростовѣ*, Глѣбъ въ *Муромѣ*, Святославъ въ *Древлянской* землѣ, Всеволодъ во *Владимірѣ*, Мстиславъ въ *Тмуторокани*, Святополкъ въ *Туровѣ* (174). Вышеславъ скончался въ юныхъ лѣтахъ, и Ярославъ переведенъ былъ въ Новгородъ; Ростовъ былъ отданъ Борису. Лѣтописи не упоминаютъ о дѣтяхъ Владиміра: *Судиславѣ*, *Станиславѣ* и *Позвиздѣ*; вѣроятно, первый оставался въ Кіевѣ, а двое другихъ умерли въ дѣтствѣ. Борисъ, любимый сынъ Владиміра, былъ Христіаниномъ пламеннымъ: зналъ церковныя книги, любилъ молитву и пѣніе духовныхъ пѣсней; Ярославъ Новго-

скопы. Объ этомъ, а также и дальнѣйшія объясненія, см. въ слѣд. примѣчаніяхъ,

(174) Слѣдовательно: Кіевъ, Полоцкъ, Туровъ, Ростовъ, Муромъ, Древлянская земля и Волынь были главными *пограничными* точками владѣній Кіевскихъ Руссовъ, ибо Владиміръ не опредѣлилъ никого въ Черниговѣ, Смоленскъ, и другіе *внутренніе* города; пространство между границами и внутренними городками раздѣлялось пустынями, сообщеніе было по рѣкамъ; въ мѣстахъ сліянія рѣкъ находились городки. Отдѣленная Тмуторокань держала въ страхѣ Тавриду, а въ Новгородѣ сосредоточивалось вліяніе Кіева на Сѣверъ.

родскій былъ также ревнитель православія; Мстиславъ и Глѣбъ ознаменовали себя подвигами благочестія (175).

Благотвореніе къ бѣднымъ было слѣдствіемъ обращенія Владиміра. Слыша слова Евангелія: *блаженни милостивіи*, онъ позволилъ всѣмъ неимущимъ приходить въ теремъ Княжескій, гдѣ довольствовали ихъ трапезою и деньгами; учредилъ особыя тѣлеги, на коихъ возили по Кіеву хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ, раздавая не могущимъ идти на Княжескій дворъ. Онъ учредилъ совѣтную думу свою изъ духовенства, бояръ и избранныхъ старцевъ, совѣтовался съ ними о судѣ и дѣлахъ гражданскихъ: такъ по совѣту ихъ введена была *смертная казнь* преступникамъ, вмѣсто *виры*; но сопротивленіе гражданъ принудило отмѣнить ее и ввесть по прежнему окупъ: для сбора такихъ окуповъ учредились приставы и особыя дружины (176).

(175) Борисъ утѣшалъ себя духовными пѣснями въ скорби, видя неминуемую свою кончину; Мстиславъ строилъ церкви по обѣтамъ; благочестіе Ярослава доходило даже до суевѣрія.

(176) Здѣсь упомянуты Несторомъ Епископы (Пушк. сп. стр. 90). »Рѣша *Епископи* Владиміру «— и далѣе: «и рѣша *Епископи* и *старци*.» Болѣе нигдѣ объ Епископахъ не упоминается. Это мѣсто мы называемъ *сомнительнымъ*, и имѣемъ причины такъ думать.

Безпрерывные набѣги Печенѣговъ и походъ въ Червенскую область составляютъ всѣ внѣшнія дѣла княженія Владимірова до 1014 года. Родственный союзъ Святополка, Князя Туровскаго, съ Польскомъ Королемъ, утверждалъ дружбу Руссовъ съ симъ государствомъ, уже сильнымъ при владычествѣ Болеслава, Государя мужественнаго, соединившаго подъ свою власть удѣлы дѣтей Мечислава, братьевъ своихъ, давшаго законы Польшѣ, воевавшаго съ Нѣмецкимъ Императоромъ, и умѣвшаго противиться могуществу Генриха II-го (177). Святополкъ и Борисъ

(177) Древнюю Исторію Польши до XIV вѣка можно раздѣлить на два періода: Польша *начинающаяся* (до 1139 г.) и Польша *раздѣленная* (съ 1139-го до 1333 г.). Баснословная Исторія Польши прекратилась съ половиною IX вѣка. Потомки Пяста (или Піаста) были самобытными государями небольшаго владѣнія, заключавшаго въ себѣ Мазовію и земли до Одера. *Земовитъ* (860—891 г.) распространилъ сію первоначальную Польшу; *Лѣшекъ*, (сконч. въ 921), *Земомыслъ* (сконч. въ 962 г.) и *Мечиславъ* (сконч. въ 992 г.) продолжали идти по слѣдамъ Земовита. Переступивъ за Одеръ, Мечиславъ встрѣтилъ силу Германскую, уступая ей получилъ титулъ Герцога, крестился (въ 965 г.), сочетался бракомъ съ дочерью Богемскаго Короля, и раздѣлилъ свое государство дѣтямъ. Болеславъ *Великій* (съ 992 г.), одинъ изъ дѣтей Мечеслава, изгналъ всѣхъ другихъ братьевъ, соединилъ ихъ удѣлы, и воевалъ окрестныя страны.

были въ Кіевѣ, когда Владиміра оскорбило неповиновеніе Новгородцевъ.

Здѣсь являюпся первые явные слѣды народной вольносши, сдѣлавшей въ послѣдсшвіи Новгородъ сильнымъ и могущесшвеннымъ. Уже давно Новгородъ не зависѣлъ опъ Кіева, управлялся посадникоми, велъ свои опдѣльныя войны и повиновался Кіевскому Князю на условіяхъ. Но обогащаясь шорговлею, владѣя обширными землями опъ Бѣлоозера ди Эспоніи, и опъ Невы до Смоленской обласши, Новгородцы не захопѣли

Онъ владѣлъ землями опъ Балпійскаго моря до Карпапскихъ горъ и Венгріи, и опъ Богеміи до Волыни. Опшонъ III-й (въ 1000 г.) госпилъ у него въ Гнѣзно, упвердилъ ему пипулъ *Короля*, и призналъ его независимымъ опъ всѣхъ обязанносшей вассала Германіи. Но важнѣйшая услуга Болеслава Польшѣ сосшояла въ гражданскомъ усшройсшвѣ земли Польской: онъ раздѣлилъ ее на повѣшы, или города (civitates, burgi), построилъ при городахъ зàмки, или крѣпосши (castellum, castrum). Болеславъ сшарался собрашь народъ въ города, въ крѣпосшяхъ усшановилъ Касшеляновъ и Сшаросшъ, сосшавилъ при себѣ совѣшъ изъ 12 вельможъ (consiliarii) и опредѣлилъ званія народныя. Тогда началися званія *рабовъ*, *кресшьянъ* и *шляхшы*. Исшорія Польши связана безпрерывно съ Русскою до самаго появленія Лишвы. Мы должны наблюдашь ее. О бракѣ Свяшополка съ дочерью Болеслава говоряшъ Западные писашели (см. Карамзина, *Ист. Г. Р.* ш. II, пр. 1.).

наконецъ платитъ дани, 300 гривенъ, установленной еще Олегомъ (178). Ярославъ принуж-

(178) Мы видѣли установленіе дани Новгородской, 300 гривенъ, при Олегѣ, « еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягамъ » (Пушк. сп. стр. 15). Здѣсь является дань Новгородская въ слѣдующихъ словахъ: « Ярославу-же сущу Новѣгородѣ и *урокомъ дающу Кіеву* 2000 *Гривенъ* отъ года до года, а 1000 въ Новгородѣ гридемъ роздаваху, *а тако даяху посадницы Новогородстіи*, а Ярославъ сего не даяше отцу своему » (Пушк. сп. стр. 92) Сіе важное мѣсто лѣтописи, поясняя сказанное выше, въ прим. 77, раскрываетъ всѣ обстоятельства дѣла. Дань, увеличенная лѣтописцемъ до 3000 гривенъ (кажется, ошибкою, или по привычкѣ лѣтописцевъ все увеличивать *десятками*), есть таже *Олегова дань*, 300 гривенъ. Ее давали посадники, т. е. Новгородцы, у которыхъ Князья, присылаемые изъ Кіева, были только вождями дружинъ, и сборщиками опредѣленной подати на Кіевъ. *Двѣ трети* отсылались въ Кіевъ; *треть* получали Новгородскій Князь и его чиновники. Новгородцы, а *не Ярославъ*, не захотѣли платить дани сей, и Владиміръ оскорбился на Новгородъ, и на сына, который по неволѣ долженъ былъ остаться въ Новгородѣ, не смѣя явиться въ Кіевъ. Карамзинъ полагалъ, что Ярославъ *дерзнулъ объявить себя независимымъ*, что Владиміръ хотѣлъ *наказать ослушника*, *а сынъ*, *ослѣпленный властолюбіемъ*, призвалъ изъ за моря Варяговъ на помощь, думая, *вопреки законамъ божественнымъ и человѣческимъ*, *поднять мечъ на отца и государя*. Небо, отвративъ сію войну *богопротивную* (продолжаетъ Исторіографъ), спасло Ярослава

денъ былъ повиновашься голосу Новгородскаго вѣча и посадниковъ, не смѣвши явишься раздраженному Владиміру. Неповиновеніе оскорбило Князя Кіевскаго, видѣвшаго въ Новгородцахъ бунтовщиковъ. Онъ велѣлъ гоповипь пупи, собралъ войско, самъ выѣхалъ изъ Кіева, и—не возвращался въ него. Въ Берестовѣ пяжкая болѣзнь постигла его. Слыша о набѣгѣ Печенѣговъ, онъ отправилъ Бориса Ростовскаго прошивъ нихъ, и скончался 15 Іюля (179).

опъ *злодѣянія рѣдкаго* (Исп. Г. Р. п. I, спр. 229). Горестію послѣднихъ минупъ своихъ, онъ (Владиміръ) заплапилъ за важную ошибку въ политикѣ, *за назначеніе особенныхъ удѣловъ сыновьямъ*» (Исп. Г. Р. п. I, спр. 232). Наконецъ: « Слѣдуя въ правленіи благодѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ (Ярославъ) *хотѣлъ загладить вину ослушнаго сына, и примириться съ тѣнью отца* (Исп. Г. Р. п. II, спр. 40). » Все это можно исключить изъ Исторіи Русской, ибо Новгородъ не былъ удѣломъ Ярослава, подобно удѣламъ другихъ дѣтей Владиміра; не Ярославъ былъ виновапъ въ неповиновеніи, но Новгородцы, и они достигли потомъ цѣли, которой искали, потому что Ярославъ сложилъ съ нихъ дань.

(179) Кен. сп. спр. 93. — « Слава правленія Влади-« міра раздалась въ прехъ частяхъ міра: древнія Скан-« динавскія, Византійскія, *Арабскія* лѣтописи гово-« рятъ о немъ » (Исп. Г. Р. п. I, спр. 232). Правда: *говорятъ, упоминаютъ мимоходомъ*; развѣ это значитъ *славу, раздавшуюся въ трехъ ча-*

Бояре, бывшіе въ Берестовѣ, скрыли смерть Владиміра, ночью привезли въ Кіевъ тѣло его, и поставили въ Десятинной церкви. Лѣтописецъ сказываетъ причину: Святополкъ, Князь

стяхъ свѣта? Скандинавскія лѣтописи кромѣ того исполнены бредней, касательно Руси. Исчисляя подвиги Владиміра, Карамзинъ говоритъ: «Мужествомъ дружины своей, онъ *утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ*,» т. е. все дѣло состоитъ въ томъ, что Владиміръ *посылалъ часть дружины на помощь Грекамъ изъ Херсона.* Отвергая всѣ сіи преувеличенныя похвалы, скажемъ, что гораздо лучше будетъ, если мы освободимь память Владиміра отъ наименованій *свирѣпаго мстителя, гнуснаго сластолюбца, воина кровожаднаго* (Ист. Г. Р. т. I., 231), вспомнивъ что сіи пороки были общи его вѣку, и что Владиміръ, не смотря на все сіе, былъ одинъ изъ благоразумнѣйшихъ древнихъ Князей Русскихъ: умѣлъ понять истину и выгоды Христіанской вѣры для жизни народа, умѣлъ понять и то, что твердость Руси зависѣла отъ устраненія *Скандинавскихъ* нравовъ, отъ утвержденія *народности Славянской*, и вѣрно слѣдовалъ своему плану; былъ храбръ, гдѣ было нужно, былъ политикъ умный и предусмотрительный. Того, что пишутъ о *Владимірѣ Русскомъ Царѣ* Скандинавы, мы не смѣли включить въ Исторію; сказки ихъ означены въ Ист. Г. Р т. I, стр. 228, и прим. 484). Карамзинъ сказываетъ еще, что Владиміръ былъ слабаго отъ природы здоровья; онъ беретъ сіе извѣстіе у Дитмара, Западнаго писателя XI-го вѣка; но Дитмаръ *какъ* узналъ это? Такое извѣстіе сходно-ли съ дѣлами Владиміра?

Туровскій, былъ тогда въ Кіевѣ, тайно сносился съ боярами, и когда гробъ Владиміра показанъ былъ народу въ Десятинной церкви, Святополкъ уже объявилъ себя Кіевскимъ Княземъ, наслѣдникомъ отца, и принялъ всѣ необходимыя мѣры. Изъ казны княжеской раздавали Кіевлянамъ дары; къ Борису, повелителю сильнаго войска, отряженнаго противъ Печенѣговъ, отправлены были послы, съ извѣстіемъ о смерти Владиміра и началѣ княженія Святополка. Но миролюбіе Бориса не могло еще увѣрить въ безопасности новаго властелина, и, отправивъ пословъ съ ласкою и дружелюбіемъ къ Борису, самъ Святополкъ тайно явился въ Вышгородъ избирать убійцъ. Путша, вѣроятно знатный Вышгородецъ, былъ начальникомъ злодѣевъ, коихъ имена съ ужасомъ сказываетъ намъ лѣтописецъ. Узнавъ о кончинѣ родителя, Борисъ заплакалъ, и печально внималъ обѣщаніямъ Святополка, что за миръ и согласіе удѣлъ его будетъ увеличенъ. Кроткій Князь отвѣчалъ, что и безъ того повиновеніе старшему брату онъ почитаетъ обязанностію, и отвергъ предложеніе воиновъ своихъ: идти въ Кіевъ и овладѣть престоломъ. Остановясь на берегахъ Альты (180), Борисъ отпустилъ дружины къ

(180) Альта (Ольта, Льта), рѣка, впадающая въ Трубежъ.

Святополку, остался съ немногими, вѣрными воинами, какъ будто желая доказать, что онъ ничего не ищетъ. Смиреніе и добродушіе не спасли его: уже изъ Вышгорода скакали убійцы. Ночью приблизились они къ шатру Бориса, который пѣлъ въ сіе время заутреню, и былъ пораженъ копьями, когда помолился за Святополка и легъ на одръ свой. Вѣрный слуга его, Богемецъ Георгій, хотѣлъ защитить Князя и былъ пораженъ вмѣстѣ съ нимъ; злодѣи позавидовали золотой гривнѣ, которою Борисъ нѣкогда наградилъ Георгія, не могли сорвать ея скоро, и отрубили голову уже мертвому Георгію; другіе спутники Бориса также были убиты. Тѣло Бориса завернули въ шатеръ, и на тѣлегѣ привезли въ Вышгородъ; Борисъ еще дышалъ; здѣсь его дорѣзали и тайно похоронили въ Вышгородской церкви Св. Василія.

Между тѣмъ Глѣбъ Муромскій ѣхалъ въ Кіевъ, по увѣдомленію Святополка, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣться съ нимъ. Путь изъ Мурома былъ тогда водою; Глѣбъ ѣхалъ по Волгѣ, но въ одномъ мѣстѣ хотѣлъ проѣхать верхомъ по берегу, упалъ съ коня, ушибъ ногу, и принужденъ былъ остановиться на Днѣпрѣ (181).

(181) « Какимъ образомъ Глѣбъ выѣхалъ изъ Му-» рома на берегъ Волги? Это не дорога въ Кіевъ» (Ист. Г. Р. т. II, прим. 6), говоритъ Карамзинъ.

Здѣсь прискакалъ къ нему посланникъ отъ Ярослава, съ извѣстіемъ о смерти отца и убіеніи Бориса. Предслава, сестра Ярославова, послала въ Новгородъ вѣсть о сихъ печальныхъ событіяхъ. Нерѣшительный Глѣбъ оплакивалъ еще отца и брата, когда убійцы окружили ладьи его. Горясѣръ, начальникъ злодѣевъ, объявилъ смерть Глѣбу, и поваръ Глѣбовъ пронзилъ несчастнаго Князя ножемъ. Тѣло Глѣба брошено было на берегу, но потомъ взято и похоронено, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса, въ Вышгородѣ.

Другіе убійцы спѣшили въ Древлянскую область; Святославъ, Князь сей области, узналъ умыселъ и скрылся, но за нимъ гнались, и онъ палъ подъ мечами злодѣевъ.

Ярославъ слышалъ обо всемъ въ Новгородѣ, и не зналъ, на что рѣшиться. Онъ готовился воевать съ Владиміромъ; наемные Варяги призваны были Новгородцами. Буйные воины сіи не могли ужиться съ гражданами, оскорбляли женъ ихъ, даже грабили домы, и въ жилищѣ Новгородца Парамона дошло до драки; въ

Отвѣчаемъ: инаго пути и не могло быть тогда. Въ Муромъ ѣздили изъ Ростова, а изъ Кіева плыли до Смоленска по Днѣпру, потомъ переѣзжали на Волгу, и сею рѣкою приближались къ Ростову, достигая его отъ береговъ Волги сухимъ путемъ.

смятеніи народномъ убито было множество Варяговъ. Оскорбленный Ярославъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько знатнѣйшихъ Новгородцевъ, и по его приказанію они были перерѣзаны (182). Это взволновало Новгородъ. Ночью пришло извѣстіе

(182) Слѣдственно: Варяги были призваны *Ярославомъ*, а *не Новгородцами*; иначе за что Ярославу наказывать Новгородцевъ? Напротивъ: Ярославъ былъ вождь дружинъ воинскихъ, и кромѣ того его голосъ долженъ былъ подтверждать рѣшенія Новгородцевъ. Новгородцы поступили своевольно, слѣдственно нарушили права Ярослава, который за нихъ ссорился съ отцомъ своимъ. Замѣтимъ, что Ярославъ говорилъ о побіенныхъ имъ Новгородцахъ. »О люба моя дружина! юже вчера избихъ *на вѣчѣ*« (Пушк. сп. стр. 101); слѣд. Новгородцы могли быть позваны на совѣщаніе и разборъ дѣла объ убійствѣ Варяговъ, безъ всякаго злаго умысла со стороны Ярослава, но раздражили его споромъ и были умерщвлены. Тѣмъ скорѣе могли забыть смерть буйныхъ своихъ сограждан Новгородцы. Лучше входить въ подобныя изъясненія, нежели хвалить неумѣренно предковъ вообще, а въ частностяхъ порицать ихъ, когда мы сами не хотимъ разбирать обстоятельствъ. На чемъ снованы всѣ слова Карамзина, что Новгородцы *не видали защиты отъ Князя, пристрастнаго къ иноземцамъ*; что Ярославъ *не устыдился быть вѣроломнымъ*, и наказалъ мятежныхъ Новгородцевъ такъ, *какъ государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ* (см. Ист. Г. Р. т. II, стр. 9 и 40)?

отъ Предславы. Собралось вѣче; къ удивленію народа, Ярославъ явился туда, смиренный, печальный, плакалъ о погибели Новгородцевъ, своей *любимой дружины*, объявилъ о кончинѣ отца, убіеніи братьевъ, и просилъ помощи. Новгородцы простили ему убійство, и спѣшили собирать войско. Тысяча Варяговъ и нѣсколько тысячь Новгородцевъ собрались подъ знамена Ярослава; онъ выступилъ къ Кіеву (183).

Святополкъ зналъ предпріятіе брата. Войско Кіевское, усиленное наемными Печенѣгами, со-

(183) (Пушк. сп. стр. 101) «Варягъ тысячу, *а прочихъ вой* M (40,000? Такъ и въ Кен. сп. стр. 97). Карамзинъ пишетъ: 40.000; но откуда взялъ Новгородъ такое ополченіе? Въ *Новгородской лѣтописи* назначено 3,000 Новгородцевъ; это гораздо вѣроятнѣе. Карамзинъ влагаетъ еще въ уста Ярослава рѣчь: «Да скончается злоба нечестиваго!« (т. II, стр. 11). Несторъ заставляетъ Ярослава говорить слѣдующее: »Не я почахъ избивати братію, но онъ; да будетъ отместникъ Богъ крови братьи моея, зане безъ вины пролья кровь Борисову и Глѣбову *праведную*; егда и мнѣ сице створитъ! Но суди ми, Господи, по правдѣ, да скончается злоба грѣшнаго.» Мы не приняли сей рѣчи, ибо это явная поддѣлка словъ Владиміра Блуду (см. выше), а слово: *праведную*, доказываетъ, что она составлена, когда Борисъ и Глѣбъ были уже причтены къ лику Святыхъ.

шлось съ Новгородцами близъ Любеча; оба Князя медлили: три мѣсяца прошло въ бездѣйствіи; наступила осень; рѣки замерзали. Кіевляне начали смѣяться надъ хромымъ Ярославомъ и дразнили Новгородцевъ (184); оскорбленные насмѣшками, Новгородцы просили Князя начать бой, рано по утру переѣхали Днѣпръ, оттолкнули ладьи отъ берега, и обрекли себя на смерть или побѣду. «Сами убьемъ того, »кто отступитъ!» кричали они, и напали на

(184) « Что придосте съ хромцемъ симъ, о вы, *плотницы* суще! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ!» Почему называли Новгородцевъ *плотниками*? Они *оскорблялись* симъ названіемъ. Старое повѣрье: давать насмѣшливыя именованія, сохранилось донынѣ на Руси; почти на каждый городъ въ простонародіи есть у насъ сатирическое присловье, побасенка и названіе. Вотъ любопытная черта Русскаго характера: насмѣшливость принадлежитъ, кажется, Рускимъ, какъ остроуміе Французамъ, способность каррикатуры Англичанамъ и добродушная шутка (юморъ) Нѣмцамъ. — Замѣтимъ однакожъ, что одна изъ частей *(концовъ)* Новгорода называлась *Плотницкою*. Любечская битва вполнѣ показываетъ характеръ Новгородцевъ: они ведутъ переговоры (торгуются), но оскорбленіе чести мгновенно приводитъ ихъ въ ярость, и заставляетъ забыть всѣ выгоды; они *отталкиваютъ ладьи* отъ берега, чтобы не было средства къ спасенію, кромѣ побѣды.

безпечныхъ Кіевлянъ. Всю ночь въ станѣ Святополковомъ пили и гуляли. Святополкъ мужественнно встрѣтилъ однакожъ непріятеля, сражался храбро, но былъ разбитъ и бѣжалъ къ Болеславу въ Польшу. Ярославъ пошелъ въ Кіевъ, занялъ его, и объявилъ ссбя Великимъ Княземъ.

Онъ не ожидалъ, чтобы Святополкъ нашелъ помощниковъ въ Польшѣ, и, можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ не нашелъ-бы ихъ, ибо Король Польскій все еще занятъ былъ войною съ Германскимъ Императоромъ. Послы Императора явились въ Кіевѣ, и предложили Ярославу нападеніе на общаго врага. Ярославъ хотѣлъ устрашить Болеслава, вступилъ въ его владѣнія, осаждалъ какой-то городъ, и возвратился безъ успѣха (185). На другой годъ, Польскій Ко-

(185) Послѣ смерти Оттона III-го, Генрихъ II-й, *Святой*, (съ 1002 г.) началъ войну съ Болеславомъ (не *Храбрымъ*, какъ говоритъ Карамзинъ, ибо симъ именемъ (śmiały) называли другаго Болеслава, царствов. съ 1058-го по 1080-й г., но Великимъ (wielky), о которомъ говорено выше), который побѣждалъ повсюду Германскія воинства, въ 1007 г. завоевалъ Лузацію, а въ 1012 г. Любушъ. Устрашенный Генрихъ искалъ всѣхъ средствъ укротить Болеслава, и посему предложилъ онъ союзъ даже отдаленному Князю Руссовъ. Въ Пушк. сп. сказано, подъ 1017 годомъ: » *Ярославъ иде* . . . « ; слѣ-

роль помирился съ Императоромъ, и вошелъ въ Русь съ сильнымъ войскомъ. Съ нимъ былъ Святополкъ. Ярославъ встрѣтилъ ихъ на Бугѣ, былъ смятъ внезапнымъ нападеніемъ храбрыхъ непріятелей, разбитъ, и, не смѣя бѣжать въ Кіевъ, только съ четырьмя воинами ускакалъ въ Новгородъ. Онъ не смѣлъ уже требовать помощи Новгородцевъ, думалъ бѣжать за море къ Варягамъ, и готовилъ себѣ ладьи. Но Новгородцы изрубили ладьи его. «Мы сами »можемъ еще биться съ Болеславомъ», сказалъ унывшему Князю посадникъ Константинъ, сынъ Добрыни. Новгородцы сдѣлали денежный сборъ, послали за Варягами, и готовились въ походъ (186).

дуетъ пропускъ, въ новѣйшихъ спискахъ замѣненный словами: *въ Кіевъ*; явная вставка, и это, кажется, показываетъ справедливость извѣстія Западныхъ писателей, что Русскій Князь, внявъ совѣтамъ Императора, ходилъ на Польшу. Миръ у Болеслава съ Генрихомъ, весьма выгодный для Польши, заключенъ былъ въ Будиссинѣ (Бауценѣ) въ 1018 г.— Болеславъ немедленно впалъ въ Россію, и Ярославъ дорого заплатилъ за нападеніе на Польшу.

(186) Вотъ дополнительное повѣствованіе, которое объясняетъ намъ событія въ Новгородѣ. Все дѣлано было самими Новгородцами. Для наемки Варяговъ былъ опредѣленъ въ Новгородѣ слѣдующій сборъ: съ бояръ по 18 гривенъ (въ Кен. по 80),

Въ Кіевѣ совершились между тѣмъ событія неожиданныя. Святополкъ и союзникъ его пришли въ Кіевъ, гдѣ Анастасій, съ духовенствомъ и народомъ, встрѣтилъ ихъ, какъ побѣдителей. Святополкъ думалъ, что дѣло Болеслава кончилось, но Король Польскій только начиналъ. Дружины его остались зимовать по Русскимъ городамъ и селеніямъ; самъ Болеславъ владычествовалъ въ Кіевѣ, принудилъ Предславу быть своею наложницею, и тѣсно подружился съ Анастасіемъ. Измѣнникъ не знаетъ мѣры въ вѣроломствѣ: предавши Руссамъ родину свою, вѣроятно, Анастасій хотѣлъ предать Болеславу новое свое отечество. Но Святополкъ успѣлъ предупредить умыслы. По его повелѣнію, оставшіяся на зимовку въ Руси дружины Болеславовы были измѣннически перерѣзаны: *безумное* дѣло, говорятъ лѣтописцы, но сіе безумное дѣло принудило Болеслава бѣжать изъ Кіева; онъ захватилъ съ собою бояръ, увезъ Предславу, сестру ея Марію, и богатства. Анастасій не смѣлъ остаться и бѣжалъ съ Болеславомъ (187).

съ *старостъ* (?) по 10 гривенъ (въ Кен. по 5), отъ всѣхъ другихъ Новгородцевъ по 4 куны.

(187) Чего хотѣлъ Болеславъ, оставаясь въ Кіевѣ? Можетъ быть, просто, зимовать; но можемъ предположить и гораздо обширнѣйшіе замыслы. Раз-

Довольно убійствъ, измѣнъ и дѣяній отвратительныхъ; но Князья Кіевскій и Новгородскій не хотѣли мириться. Кіевъ и Новгородъ еще разъ сразились. Печенѣги подкрѣпили Святополка, наемные Варяги Ярослава; дружины обоихъ Князей сошлись на Альтѣ. Тамъ, гдѣ кровь Бориса обагрила землю, сталъ Ярославъ и молился. »Кровь брата моего вопіетъ къ тебѣ, Владыко! «воскликнулъ онъ. «Мсти ее, какъ мстилъ кровь Авеля: порази врага; положи на немъ, какъ на Каинѣ, стенаніе и трясеніе.« Завязался бой. — *Такой битвы и не бывало на Руси*, говорятъ лѣтописцы: вои-

сказъ Польскихъ старинныхъ дѣеписателей о сей войнѣ исполненъ баснословія: вставлены рѣчи, прибавлены нелѣпости, напримѣръ, что Болеславъ мечемъ своимъ, въ знакъ побѣды, разрубилъ Кіевскія Златыя Ворота; что мечъ, коимъ разрубилъ онъ ихъ, былъ принесенъ ему Ангеломъ; что Болеславъ поставилъ желѣзные столпы на Сулѣ, и положилъ въ Днѣпръ мѣдныя трубы, которыя трубили имя Болеслава (см. Длугоша, Кадлубка, Кромера, Сарницкаго). Болеславъ отмщалъ покушеніе Руссовъ на Польшу, возводилъ союзника на престолъ; не мстилъ онъ за побіеніе Поляковъ едва-ли не потому только, что занятъ былъ своими честолюбивыми сношеніями съ Папою, и ссорами съ Германскимъ Императоромъ. Впрочемъ, Волынь вознаградила его за всѣ потери, а смерть (въ 1025 г.) не допустила до дальнѣйшихъ предпріятій на Русь.

ны схватывались за руки и рѣзались отчаянно; трижды уступали другъ другу Новгородцы и Кіевляне; наконецъ Ярославъ побѣдилъ, Святополкъ бѣжалъ, сдѣлался боленъ, и бредилъ: ему казалось, что за нимъ гонятся. *Бѣгите, бѣгите, о! женутъ, женутъ по насъ!* кричалъ онъ людямъ, которые несли его на носилкахъ. Святополкъ не смѣлъ уже идти въ Польшу; Болеславъ, занятой другими дѣлами, не воевалъ Русскихъ земель, но не отпускалъ взятыхъ имъ въ плѣнъ, не отдавалъ захваченнаго въ Кіевѣ, и завладѣвъ Червонною Русью, конечно, не простилъ бы зятю гибели Польскихъ воиновъ. Святополкъ бѣжалъ въ Богемію; болѣзнь его усилилась, и на границѣ Богемской несчастный скончался въ дикой пустынѣ; тамъ былъ онъ похороненъ, и—обремененъ проклятіемъ потомства. . .

Разсказъ о событіяхъ послѣ смерти Владиміра кажется весьма теменъ, если не пояснимъ его соображеніемъ обстоятельствъ. Лѣтописецъ видѣлъ въ Святополкѣ убійцу Святыхъ Князей Бориса и Глѣба, проклиналъ память его, называлъ его *окаяннымъ*, и былъ явно пристрастенъ.

Мы не знаемъ, оставилъ-ли Владиміръ какой нибудь уставъ объ удѣлахъ дѣтей своихъ. Уже 25-ть лѣтъ прошло послѣ отправленія ихъ въ удѣлы, и дѣти Владиміра, при старо-

сти отца, вѣроятно, почитали себя уже не намѣстниками стараго Князя, но самобытными Князьями. Сопротивленіе Ярослава доказываетъ сіе предположеніе. Но, если и положимъ, что Ярославъ дѣйствовалъ невольно, по требованію Новгородцевъ, то, есть извѣстія, что и Святополкъ хотѣлъ также независимости (188). Тѣмъ вѣроятнѣе, что по смерти Владиміра каждый изъ сыновей его могъ утвердиться въ семъ образѣ мыслей; увидимъ, что въ послѣдствіи братъ Ярославовъ объявитъ ему свои требованія на дѣлежъ наслѣдія по равной части. Что иное означаетъ обѣщаніе Святополка Борису: прибавить еще къ удѣлу, данному отцомъ? Но титло *Великаго*, и наслѣдство главнаго Княжества, долженствовали быть долею *старшаго* въ семействѣ: по смерти Вышеслава и Изяслава, Святополкъ былъ *старшій братъ*, слѣдственно, онъ имѣлъ всѣ права на Кіевъ и Великое Княжество. Ярославъ нарушалъ уставы противоборствуя ему. Онъ заступался за смерть братьевъ, но искалъ *смерти брата*, облитый кровью Новгородцевъ, которые погубили людей, *призванныхъ имъ*

(188) По извѣстіямъ Западныхъ писателей, онъ былъ даже посаженъ въ темницу Владиміромъ, за то, что хотѣлъ отказаться отъ подчиненности ему (см. Карамзина, Ист. Г. Р. т. II, пр. 1)

противъ отца. Словомъ: въ борьбѣ двухъ братьевъ, Святополкъ является едва-ли не правѣе Ярослава; по крайней мѣрѣ, дѣла обоихъ равно кровавы и ужасны. Кажется, что Ярославъ понималъ это, и что только рѣшительность Новгородцевъ доставила ему побѣду при Любечѣ, гдѣ три мѣсяца стоялъ онъ въ бездѣйствіи, вѣроятно, переговаривая съ Святополкомъ. Кіевляне ни мало не гнушались Святополкомъ, сыномъ Князя, восшедшаго на престолъ братоубійствомъ, шли съ нимъ охотно, насмѣхались надъ Ярославомъ и покорялись побѣдителю: сила казалась тогда правою — и когда она не была такою? — а для пріобрѣтенія силы, Князья ничего не почитали непозволительнымъ. Построеніе церкви успокоивало совѣсть; кровь за кровь требовала мщенія. Не смѣемъ объяснять смерти трехъ сыновъ Владиміровыхъ мщеніемъ за смерть Ярополка, отъ человѣка, признаннаго уже за сына Владиміромъ, и, вѣроятнѣе находимъ причину смерти Бориса и Глѣба въ какой-нибудь личной ненависти къ симъ Князьямъ: они были любимые дѣти Владиміра, а Святополка онъ не любилъ. Въ этомъ признается лѣтописецъ (189).

(189) См. Кен. сп. стр. 69.—Не смѣемъ объяснять злодѣйствъ Святополка мщеніемъ за смерть отца его Ярополка, какъ объясняетъ оныя Эверсъ (см. Das älteste

Укрѣпленіе Кіева Древлянскою областью могло быть причиною смерти Святослава, который не дожидаясь убійцъ бѣжалъ. Борисъ, начальникъ дружинъ воинскихъ, любимый ими, могъ возбуждать подозрѣнія Святополка. Точно-ли по призыву Святополка ѣхалъ Глѣбъ въ Кіевъ? Почему *только на него* и Святослава, *ближайшаго къ Кіеву владѣтеля*, пало мщеніе Святополка, и *почему* бѣжалъ Святославъ? Вопросы нерѣшенные, но они заставляютъ насъ измѣнить мнѣніе о Святополкѣ.

Съ ужасомъ взирая на мученическую кончину Бориса и Глѣба, юношей добрыхъ и прекрасныхъ, не можемъ не замѣтить въ Святополкѣ ума, дѣятельности, храбрости. Онъ умѣлъ обольщать народъ, умѣлъ сражаться, находить союзниковъ и средства, и если незаконное рожденіе и свирѣпый нравъ были причиною его злодѣйствъ, онъ достоинъ сожалѣнія, а не проклятія. Повѣримъ-ли лѣтописцу, что даже могила его поглощена была землею, и изъ бездны, куда упала она, исходилъ смрадъ (190)?

Recht der Russen, стр. 228). Это вовсе неимовѣрно. Слич. замѣчанія Бар. Розенкампфа (*Обозр. Кормчей Книги*, стр. 225).

(190) «Нападе нань бѣсъ—гонимъ Божіимъ гнѣвомъ прибѣжа въ пустыню, между Ляхи и Чехи, испроверже животъ свой. Есть-же могила его въ пустынѣ и

Должны-ли мы вѣрить и великодушію Новгородцевъ (191)? Они шли защищать Ярослава,

до сего дня, исходитъ-же отъ нея смрадъ золъ» (Пушк. сп. стр. 104) — «ибо (прибавляетъ *Никоновскій* лѣтописецъ, ч. I, стр. 127) разсѣдшеся земля пожре его.» — Лѣтописцы наши, неумѣренные въ хвалѣ, еще неумѣреннѣе были въ брани (Русское народное свойство!). Такъ объ убійцахъ Глѣба они говорятъ: «такіе люди сущіе діаволы, ибо на злое только діаволы посылаются, и еще хуже они діавола, ибо діаволъ Бога боится, а злые люди ни Бога не боятся, ни людей не стыдятся; бѣси боятся креста Господня, а злые люди и креста не боятся» (Пушк. сп. стр. 97). Карамзинъ осыпаетъ Святополка ужаснѣйшими укорами, называетъ *злодѣемъ, неблагодарнымъ, недостойнымъ Княземъ, имѣвшимъ только дерзость злодѣя, торжествовавшимъ злодѣянія свои, какъ славныя дѣла, извергомъ*, заслужившимъ проклятіе современниковъ и потомства: дѣла его *гнуснымъ коварствомъ*, а жизнь *гнусною* (см. Ист. Г. Р. т. II, стр. 5—18). Вотъ что значитъ *неудачное* злодѣйство! Побѣди Святополкъ, тогда и его злодѣянія, такъ-же какъ убійства при Олегѣ и Владимірѣ, Историки извинили-бы *государственною необходимостію*.

(191) «Ярославъ прибѣгнулъ *къ великодушію* оскорбленнаго имъ народа — *добрые* Новгородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали,» и проч. (Ист. Г. Р. т. II, стр. 10). «Ярославъ думалъ бѣжать — *великодушіе* Новгородцевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда» (idem. т. II, стр. 15). Карамзинъ пишетъ,

но онъ утвердилъ потомъ навсегда ихъ права; далъ имъ *льготныя* грамапы; освободилъ отъ дани; былъ первымъ Княземъ, законно признавшимъ ихъ вольность; сдѣлался чрезъ то любезнымъ ихъ памяти, и великодушіе Новгорода поясняется политикою, не представляя романическихъ несообразностей въ грубые, полудикіе вѣка. Разбитый Болеславомъ, Ярославъ не думалъ уже требовать помощи; Новгородцы видѣли въ Кіевѣ Болеслава и Святополка, который *помнилъ* Любечскую битву: они помогли снова Ярославу, но помогая ему сражались за себя, и не ошиблись въ разсчетѣ благодарности, какую долженъ былъ питать къ ихъ пожертвованію Князь Кіевскій (192). Быстро

что Новгородцы сказали: «У тебя нѣтъ казны: возьми все что имѣемъ.» Этого не говорили Новгородцы; по крайней мѣрѣ, сего нѣтъ въ лѣтописи.

(192) Дань Кіевская была сложена съ Новгорода (см. Кен. сп. стр. 19); за первый походъ къ Кіеву, каждый Новгородецъ получилъ по 10 (?) гривенъ. Далѣе въ лѣтописяхъ: «Давъ имъ (Ярославъ) Правду и Уставъ, списавъ грамату, рече: *по сему ходите и держите, яко-же списахъ вамъ*» (см. въ *Прод. Вивліоѳ. Новогор. лѣтопись,* стр. 335). Многіе полагаютъ, что это означало собраніе законовъ, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды:* мнѣніе несправедливое. Слова Ярославовы относятся къ *льготнымъ* грамапамъ, по которымъ въ послѣдствіи Князья Новгорода, «цѣло-

раздвигался послѣ сего Новгородъ, сшановился обширенъ, могущъ и воленъ.

Святополкъ былъ въ могилѣ. Ярославъ не страшился уже болѣе никого, обладалъ Кіевомъ и всѣми удѣлами своихъ брашьевъ, кромѣ Полоцка, гдѣ княжилъ родъ Изяслава. Святополкъ, Святославъ, Борисъ и Глѣбъ погибли въ четырехъ-лѣтнемъ междоусобіи; Мстиславъ княжилъ въ Тмуторокани; Всеволодъ уже не существовалъ, и самый удѣлъ его былъ отторгнутъ Болеславомъ. Такимъ образомъ Ярославъ могъ считать себя обладателемъ всѣхъ удѣловъ, кромѣ Полоцка и Тмуторокани, и *отеръ потъ съ лица своего, показавъ побѣду и трудъ великъ*.

Но бури его княженія еще не утихли. Притѣсненіемъ Полоцкаго Князя со стороны Турова, поступившаго во владѣніе Ярослава, можно объяснить набѣгъ Брячислава, Князя Полоцкаго, на Новгородъ. Онъ явился туда, какъ хищникъ

вали крестъ *на всей волѣ Новогородской, и на всѣхъ граматахъ Ярославовыхъ*» (Новг. лѣт. М. 1781 г. стр. 112); по которымъ другіе Руссы оправдывали Новгородъ въ неповиновеніи Князьямъ, говоря: «Правы суть Новгородцы, яко издавна суть освобождены Новогородскіе прадѣды отъ Князей нашихъ» (Степ. кн. т. I, стр. 300). О сихъ льготныхъ граматахъ и Русской Правдѣ, см. далѣе.

Печенѣжскій: овладѣлъ Новгородомъ, не хотѣлъ удержать его, ограбилъ и бѣжалъ; Ярославъ шелъ ему на встрѣчу, догналъ его на берегу Судомѣри (193), отнялъ плѣнныхъ и спѣшилъ помириться съ нимъ, ибо опасность важнѣйшая заняла Ярослава.

Мстиславъ Тмутороканскій славился уже мужествомъ и побѣдами. Въ 1016 году, онъ принялъ предложеніе Греческаго Императора, отправившаго въ Тавриду войско и ладьи: дѣло шло о разрушеніи тамошней Хазарской области, послѣдняго остатка Хазарскаго государства, нѣкогда столь сильнаго. Таврическая область Хазаровъ, послѣ паденія Волжскихъ и Донскихъ владѣній, вѣроятно, была самобытною. Мстиславъ соединился съ Греками; въ первой битвѣ Хаканъ Хазарскій, Георгій Цула, былъ взятъ въ плѣнъ, и имя *Хазаровъ* оста-

(193) Кажется, что Новгородъ не успѣлъ еще тогда оправиться отъ двухъ тяжкихъ войнъ съ Кіевомъ, и потому такъ легко поддался Полоцкому Князю, впрочемъ, нежданному. Ярославъ шелъ изъ Кіева до рѣки *Судомѣри* (?) семь дней. — Здѣсь Полоцкъ въ первый разъ является враждебнымъ Кіеву. Ярославъ обратилъ тогда особенное вниманіе на западныя области Руси: это могло встревожить Брячислава. Карамзинъ (Ист. Г. Р. т. II. стр. 19) говоритъ, что «Брячиславъ *хотѣлъ утвердить независимость свою смѣлымъ подвигомъ*,» т. е. разбоемъ?

лось только въ Исторіи (194). Тогда Мстиславъ обратился на покореніе сосѣдовъ Тмутороканн: Яссовъ и Касоговъ (195). Усиливъ дружины свои Хазарами и Кавказскими народами, онъ видѣлъ Ярослава на Кіевскомъ княжествѣ, и не хотѣлъ довольствоваться отдаленною Тмутороканью. Лѣтописи не говорятъ ни о переговорахъ, ни о требованіяхъ его, и, кажется, что Ярославъ едва успѣлъ управиться съ Полоцкомъ, не могъ еще и возвратиться въ Кіевъ, когда ладіи Мстислава явились на Днѣпрѣ и Деснѣ. Мстиславъ занялъ Черниговъ. Ярославъ былъ въ Новгородѣ и звалъ къ себѣ толпы Варяговъ: Якунъ, ярль Варяжскій, носившій золотую повязку на больныхъ своихъ глазахъ, но славный мужествомъ, пришелъ съ Варяжскими дружинами къ Ярославу. Скандинавы сразились съ жителями Кавказа и Тавриды близъ Лиственя (196), ночью, во время ужасной грозы: *на небѣ блистала молнія, на землѣ мечи*;

(194) Memor. popul. т. II, стр. 1010.

(195) Здѣсь вставляютъ лѣтописцы единоборство Мстислава съ Касожскимъ Княземъ (Кен. сп. стр. 101).

(196) *Листвень*, мѣстечко на рѣкѣ Рудѣ, и близъ Городни, въ Черниговской губерніи. — Якунъ носилъ на глазахъ « *луду*, золотомъ истканную. » Это казалось столь замѣчательнымъ, что потеря луды Якуновой въ битвѣ, отмѣчена въ лѣтописяхъ.

велика была гроза, сильна и страшна сѣча. Но Варяги не устояли; Якунъ потерялъ даже свою золотую повязку; Ярославъ скрылся въ Новгородѣ, и не вѣрилъ миролюбію Мстислава, немедленно предложившаго миръ, съ условіемъ раздѣла владѣній Русскихъ. На слѣдующій годъ заключили въ Городцѣ (197) миръ, достопамятный, ибо имъ положено было основаніе дѣленію областей, въ послѣдствіи бывшему источникомъ ссоръ и междоусобій.

Положено было: *Кіеву* быть владѣніемъ старшаго брата, *Чернигову* младшаго; Днѣпръ поставленъ межею обоихъ княжествъ, такъ, что Мстиславъ получилъ все, что находилось по лѣвую сторону, Ярославъ все, что было на правой сторонѣ. Съ того времени области: Сѣверская, Суличская, Радимичская, Вятичская, Ростовская и Муромская, стали считаться *Черниговскимъ княжествомъ*. За *Кіевскимъ княжествомъ* остались области: Кіевская, Древлянская, Дряговичская и Туровская (198). Ярославъ могъ

(197) *Городецъ*, противъ Кіева, на Днѣпрѣ. — Слова Мстислава: «Сѣди на своемъ столѣ въ Кіевѣ, понеже ты еси старѣйшій братъ.» *Столъ* значило: *престолъ*, *тронъ*.

(198) *Кен. сп.* стр. 103. «Раздѣлиста *по Днѣпръ* (т. е. во все теченіе Днѣпра) *Русскую* землю, и Ярославъ прія *сю* сторону, а Мстиславъ *ону* (лѣто-

имѣть надежду усилить свои области обратнымъ завоеваніемъ Волынскихъ владѣній, ибо смерть Болеслава передала правленіе Польши, терзаемой внутренними смятеніями, въ руки сына его Мечислава, государя слабаго. Мстиславъ соединилъ дружины Черниговскія съ Кіевскими, и помогъ брату своему возвратить завоеванія отца ихъ, Червенскую область (199).

Мирно бысть, говоритъ лѣтописецъ. Мстиславъ, имѣвшій уже сына, Евстафія, и самъ еще сильный и крѣпкій, могъ думать, что Черниговское княжество надолго останется въ родѣ его. Но въ 1033 г. Евстафій скончался, а черезъ два года и самъ Мстиславъ, выѣхавъ на охоту, разболѣлся и умеръ неожиданно. Князь храбрый и добрый, лучшій изъ Князей своего времени, и послѣдній изъ потомковъ Скандинавскихъ, ибо времена и нравы измѣнили всѣхъ другихъ Князей, и потомки не походили уже на желѣзныхъ предковъ своихъ (200).

писецъ жилъ въ Кіевѣ). Это дѣленіе было въ послѣдствіи источникомъ бѣдствій.

(199) Болеславъ сконч. въ 1025 г.; Мечиславъ царствовалъ до 1034 г.; Нѣмцы и Богемцы нападали на него; поморяне Балтійскіе возмущались.

(200) Въ лѣтописяхъ, скупыхъ на подобныя извѣстія, осталась характеристика Мстислава. Вотъ она: « Бѣ дебелъ тѣломъ, черменъ тѣломъ и лицомъ, ве-

Немедленно присоединилъ Ярославъ Черниговское княженіе къ Кіеву. Еще былъ живъ братъ его: *Судиславъ*, остававшійся безъ удѣла. Онъ могъ мѣшать Ярославу, и — вѣчная темница была удѣломъ Судислава: 24 года несчастный сидѣлъ въ тюрьмѣ, *оклеветанный*, говорятъ лѣтописцы, «*честолюбіемъ своего брата*,» можемъ прибавить. Племянники освободили его по смерти Ярослава, и монастырскія стѣны были послѣднимъ пристанищемъ его старости (201). Новыя преимущества утвердили тогда дружбу Новгородцевъ съ Ярославомъ: онъ отвезъ имъ старшаго сына своего, Владиміра, и Новгородъ охотно призналъ Владиміра своимъ Княземъ; тогда поставленъ былъ въ Новгородъ первый Епископъ, Лука Жидята: отличіе важное, уравнивавшее Новгородцевъ съ Кіевлянами, не хотѣвшими уступать Кіеву никакой почести (202).

ликима очима, храборъ на рати и милостивъ, и любяше дружину по велику, имѣнія не щадяше, и питья и ядѣнія не браняше (Кен. сп. стр. 104).

(201) «*Бѣ оклеветанъ*» (Кен. сп. 95). Его освободили въ 1059 г., но заставили поклясться, что онъ не будетъ искать княжества. Судиславъ постригся въ монахи, и умеръ въ 1063 г.

(202) Мысль Барона Розенкампфа, что договорныя граматы Новгородцевъ съ Князьями, позднѣйшихъ временъ, имѣли основаніемъ граматы льготныя, *древнѣйшія*, кажется намъ совершенно справедливою

Въ 1030 году, Новгородскія дружины ходили въ Чудскую землю, и срубили тамъ городъ Юрьевъ (нынѣшній Дерптъ); онъ давалъ имъ средства сбирать дани съ жителей окрестныхъ земель. Тогда-же Новгородцы пробрались, съ товарами и съ мечемъ, въ отдаленный Югорскій Сѣверъ, и наложили дань на обитателей береговъ Печоры. Ѣздя черезъ *Волокъ* отъ Онеги до Двины, они назвали всю восточную отъ него страну *За-*

(см. *Обозр. Кормчей Книги*, стр. 222). Мы имѣемъ сихъ Новгородскихъ договорныхъ грамать 20, изъ коихъ *пять* XIII вѣка (1265, 1270, 1295 гг.) и 12-ть XIV-го вѣка (1305, 1307, 1317, и т. д.). Онѣ помѣщены въ *Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ*. (М. 1813 г. т. I). Будемъ говорить объ нихъ въ послѣдствіи, и изъ нихъ можемъ извлечь основанія Новгородской вольности. Лука, добрый и благочестивый, былъ *первымъ* Епископомъ Новгорода, слѣд. въ Кіевѣ *былъ уже тогда Епископъ*. Иначе, не дали-бы сей чести Новгороду. Лѣтописи молчатъ однакожъ объ этомъ; но въ 1037 г. говорятъ онѣ, что Ярославъ «заложилъ церковь Св. Софіи и Митрополью « — *учредилъ*, кажется надобно читать, ибо немедленно, подъ 1039 г., мы находимъ уже Митрополита Ѳеопемпта, и его можемъ почитать *первымъ* Владыкою, или Митрополитомъ Кіевскимъ. Многіе увѣряютъ, что съ самаго введенія Христіанской вѣры въ Кіевѣ были Митрополиты, и именуютъ: *Михаила* (сконч. въ 992 г.), *Леонтія* (сконч. въ 1008 г.), *Іоанна* (сконч. въ 1035 г.), и потомъ

волочьемъ. Въ 1042 году, они ходили въ нынѣшнюю Финляндію, и сражались съ *Ямью*, народомъ Финскимъ (203).

уже *Ѳеопемпта* (будто-бы хиротонисаннаго въ 1035 г. и сконч. въ 1047 г.). Въ Новгородѣ, говорятъ намъ, Епископія также учредилась въ 992 г.; первый Епископъ былъ *Іоакимъ* Корсунянинъ, а *Лука* второй. Далѣе, что Владиміръ учредилъ Епископіи въ *Ростовѣ*, *Владимірѣ*, *Бѣлгородѣ* (близъ Кіева) и *Черниговѣ*. Но всѣ сіи извѣстія (см. *Исторію Росс. Іерархіи*, собр. Іеромонахомъ Амвросіемъ, М. 1807 г. ч. I) невѣрны, и основаны на новѣйшихъ выдумкахъ, ибо, повторимъ, что кромѣ приведеннаго нами выше, Несторъ ничего болѣе не говоритъ о Кіевской и другихъ Іерархіяхъ, а что онъ сказалъ-бы, если-бы что нибудь зналъ, объ этомъ и спорить нечего. Въ *Никоновской лѣтописи* все повѣствованіе о древней Русской Іерархіи взято изъ Нестора, но перепутано, обезображено самыми грубыми прибавками позднѣйшими, которыя видимъ въ Уставахъ Владиміра и Ярослава о церковныхъ судахъ. Кажется, что Анастасій, до самаго бѣгства своего въ Польшу, въ 1019 г., умѣлъ удерживать власть духовную въ рукахъ своихъ, и что Греческіе священники, можетъ быть и *Епископы*, пріѣзжали только на Русь, а потомъ до самаго мира Городецкаго, Ярославу нѣкогда было думать о Русской Іерархіи. Въ 1037 г. онъ поставляетъ *Епископа* Новгороду, и *Митрополита* Кіеву. Тутъ не было уже препятствій отъ Анастасія, и вліяніе Грековъ усилилось.

(203) См. Лерберга, *Изслѣдованія*, статья II-я: *О жилищахъ Еми*.

Въ Новгородѣ Ярославъ услышалъ о сильномъ набѣгѣ Печенѣговъ, и спѣшилъ въ Кіевъ. Многочисленныя вежи Печенѣжскія, бывшія уже подъ самымъ Кіевомъ, не устояли противъ сильныхъ дружинъ Ярослава, были разбиты, разогнаны, и никогда уже не являлись въ Россію, ибо орды Половецкія пришли тогда отъ Дона и Волги, и закрыли путь отъ Днѣпра и Дуная, покоривъ и истребивъ Печенѣговъ. Въ борьбѣ двухъ варварскихъ народовъ Русь думала видѣть свое спасеніе, и обманулась въ надеждѣ.

Безопасный, хотя на время, со стороны юга, Ярославъ хотѣлъ большей безопасности съ запада. Еще въ 1038 году наказалъ онъ дерзость Ятвяговъ, неукротимыхъ, дикихъ сосѣдовъ Древлянской области, а въ 1041 г. сражался съ жителями Мазовіи, по обоимъ берегамъ Вислы простиравшейся, и сосѣдней Туровскому владѣнію. Мазовшане отложились отъ Польши послѣ Мечислава; Моиславъ былъ ихъ начальникомъ, и воевалъ съ Казимиромъ, внукомъ Болеславовымъ, который, по желанію немногихъ вѣрныхъ подданныхъ отца его, взошелъ на престолъ Польскій, но не имѣлъ силъ подкрѣпить государство, разстроенное слабостію Мечислава и слабымъ правленіемъ Королевы Риксы, послѣ него правительствовавшей. Казиміръ предложилъ дружескій союзъ Ярославу, и Князь Русскій умѣлъ употребить предложеніе Казимира въ пользу Ру-

си. Казимиръ женился на сестрѣ Ярослава, Маріи, нѣкогда уведенной въ Польшу дѣдомъ его. Ярославъ помогъ Казимиру покорить Мазовію, и былъ награжденъ возвратомъ Рускихъ, бывшихъ въ плѣну у Поляковъ, также утвержденіемъ за Русью городовъ Червенскихъ. Удѣлъ Всеволода снова принадлежалъ Руси (204).

Тогда только могъ Ярославъ отдыхать послѣ опасностей и бѣдствій. Онъ былъ уже отцемъ шести сыновъ, и посвятилъ старость свою успокоенію и мирнымъ подвигамъ. Русь дышала свободно, послѣ переворотовъ быстрыхъ, тяжкихъ, какъ будто готовясь къ событіямъ дотолѣ въ ней неслыханнымъ. Тишина, какою наслаждалась она послѣ Городецкаго мира (съ 1026 г.) до самой кончины Ярослава, въ теченіе 28 лѣтъ,

(204) Послѣ смерти Мечислава правительствовала Рикса, супруга его, Нѣмка, но бѣжала изъ Польши, съ сыномъ Казимиромъ. Неустройства внутреннія и нападенія внѣшнихъ враговъ принудили Поляковъ призвать Казимира, въ 1040 году, изъ Германіи, гдѣ онъ хотѣлъ жить, занимаясь въ тихомъ уединеніи науками. Древніе Историки Польскіе говорятъ, что Казимиръ былъ уже монахомъ, и что Папа позволилъ ему оставить монашество, на особенныхъ (забавныхъ) условіяхъ, наприм. обязавъ Польшу давать ежегодно деньги на масло въ одну лампаду церкви Св. Петра; установивъ всѣмъ Полякамъ подбривать головы, какъ монахамъ; въ праздники шляхтѣ носить священническій епитрахиль, и проч.

можетъ быть уподоблена тишинѣ передъ бурею, разразившеюся въ блескѣ мечей, вихрѣ страстей и волнахъ крови, бурею, гремѣвшею въ Руси два вѣка, и умолкнувшею только въ нощной тмѣ нашествія Монголовъ.

Твердый на своемъ княжествѣ, Ярославъ не хотѣлъ новыхъ завоеваній, но не хотѣлъ и простить обиды, какую претерпѣли Русскіе торговцы въ Царьградѣ, гдѣ въ дракѣ былъ убитъ какой-то знаменитый Руссъ. Греческая Имперія, послѣ смерти Василія и Константина, съ коими пресѣклось мужеское колѣно царственныхъ потомковъ Василія Македонскаго, 160 лѣтъ управлявшихъ Греціею, представляла позорище странныхъ и быстрыхъ перемѣнъ владыкъ Имперіи, которые были одинъ другаго презрѣннѣе. Шестидесятилѣтняя Зоя, племянница Владимiровой супруги, Константинъ Мономахъ, больной старикъ, мужъ ея, и любовница Константина правили государствомъ, когда Ярославъ отправилъ воеводу Вышату и Владиміра, сына своего, подъ Царьградъ, съ сильнымъ войскомъ. Буря разнесла и сокрушила Русскія ладьи; нѣкоторые изъ Руссовъ спаслись, сражались съ Греками и разбили ихъ; но 6,000 человѣкъ Руссовъ, вышедшихъ на берегъ, и хотѣвшихъ сухимъ путемъ дойдти до Руси, были встрѣчены Греками и разбиты. Вышата (родной сынъ его разсказывалъ лѣтописцу сіи подробности) не хотѣлъ оставить

воиновъ, сказалъ: *хочу погибнуть съ дружиною*, шелъ съ ними, покинувъ ладьи Владиміру, сражался и былъ полоненъ. Трусливый Мономахъ обрадовался, торжествовалъ побѣду, говоря что онъ разбилъ Князя Русскаго, *собравшаго на Грецію безчисленное войско, съ полуночныхъ острововъ океана*, и приказалъ выколоть глаза многимъ плѣнникамъ. Нерѣшительный походъ сей заставилъ Ярослава мириться. Мономахъ и безъ того соглашался на всякое удовлетвореніе, но юный Владиміръ не хотѣлъ идти на миръ, и требовалъ непомѣрной дани: по 3 гривны золота на каждаго изъ бывшихъ съ нимъ воиновъ (205).

Мирно провелъ остальные годы Ярославъ. Онъ съ особеннымъ благоговѣніемъ занимался благолѣпіемъ церковнымъ, воздвигнулъ въ Кіевѣ соборную церковь во имя Софіи Премудрости Божіей (на томъ мѣстѣ, гдѣ разбилъ Печенѣговъ въ 1036 г.) и учредилъ въ Кіевѣ Митрополію. Въ 1039 г. упоминается уже въ лѣтописяхъ *Митрополитъ* Ѳеопемптъ; въ 1051 г. поставленъ былъ въ Митрополиты Иларіонъ, простой іерей, природный Руссъ, жившій пустынникомъ на берегу Днѣпра, въ *пещеркѣ*, гдѣ въ послѣдствіи поселился св. Антоній и основанъ былъ знаменитый

(205) См. описаніе сей войны въ Memor. popul. т. II, стр. 1012 - 1016, и Кен. сп. Нестор. лѣт. стр. 106 и слѣд.

монастырь Печерскій (206). Лѣтописецъ хвалитъ Ярослава за устроеніе первыхъ монастырей въ Кіевѣ: св. Георгія и св. Ирины. «При Ярославѣ,» говоритъ онъ, «черноризцы начали множиться: онъ любилъ церковные уставы, любилъ священниковъ, и особенно черноризцевъ; читалъ духовныя книги днемъ и ночью, велѣлъ ихъ списывать, переводить; украсилъ св. Софію золотомъ и серебромъ, строилъ церкви, ставилъ священниковъ и давалъ имъ урѣченное содержаніе, радуясь многочисленности церквей» (207). Ярославъ подтвердилъ и увеличилъ права духовнаго суда, установленнаго Владиміромъ. Увѣренный, что крещеніе спасетъ отъ гибели вѣчной, онъ вырылъ ко-

(206) Мы упомянули объ усиленномъ послѣ Анастасія вліяніи Грековъ: оно оказывается немедленно, и во всемъ, даже въ самомъ желаніи подражать Царяградскимъ церквамъ и зданіямъ: Св. Софія и Златыя Врата были въ Царьградѣ. Объ Иларіонѣ и началѣ Кіевской Лавры — сего священнаго палладіума Россіи — см. *Кен. сп.* стр. 108 и далѣе. Несторъ вмѣстилъ въ свою лѣтопись множество извѣстій о Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Изъ нихъ, кажется, составили потомъ *Патерикъ* (напеч. въ 1-й разъ въ Кіевѣ, 1661 г.), или собраніе жизнеописаній угодниковъ Печерскихъ, несправедливо приписываемый Нестору. Въ этомъ Патерикѣ находимъ много любопытныхъ подробностей. Къ сожалѣнію, донынѣ онъ еще не изданъ критическимъ образомъ.

(207) Мы имѣемъ *Уставъ Ярослава о церковныхъ*

сти дядей своихъ, Ярополка и Олега, крестилъ ихъ, и положилъ въ Десятинной церкви, гдѣ былъ схороненъ Владиміръ (208).

Но кромѣ подвиговъ благочестія, Ярославъ ознаменовался въ памяти народной и гражданскими учрежденіями. Вѣроятно, смѣшивая извѣстіе лѣтописцевъ о правахъ, данныхъ Ярославомъ Новгороду, съ законами, которые собраны и списаны были тамъ подъ именемъ *Русской Правды*, приписали въ послѣдствіи Ярославу сіи законы, явно списанные въ разныя времена, и драгоцѣнные для насъ, ибо они изображаютъ вѣкъ, нравы, обычаи, духъ древнихъ Руссовъ. Ярославъ заботился и объ украшеніи городовъ: Кіевъ былъ обведенъ каменною стѣною въ 1039 году, и одни ворота въ сей стѣнѣ названы *Золотыми*; надъ ними построена была церковь Благовѣщенія (209).

судахъ. Это подтвержденіе Устава Владимірова, и, конечно, такъ-же какъ Уставъ Владиміровъ, оно *подправлено* было въ послѣдствіи. Но, сказавъ уже прежде, до какой степени простирается достовѣрность сихъ Уставовъ, т. е., что основаніе ихъ должно быть вѣрно, мы не можемъ отвергнуть Ярославова Устава. См. его вполнѣ, въ *Дополненіяхъ* (статья XI).

(208) Это ясно показываетъ намъ, въ *чемъ* полагали тогда сущность Христіанства и долгъ Христіанина. Судиславъ томился въ тюрьмѣ, а кости дядей были крещены для спасенія душъ ихъ.

(209) Предлагаемъ наше мнѣніе о *Русской Правдѣ*.

Еще до смерти своей, Ярославъ раздѣлилъ государство на отдѣльныя княжества. Изяславъ

Подъ симъ названіемъ извѣстно собраніе древнихъ Русскихъ законовъ, гражданскихъ и уголовныхъ; оно находится въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей Новгородскихъ, и отдѣльно списанное въ *Кормчихъ Книгахъ*, или собраніяхъ Греческихъ церковныхъ уставовъ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ списковъ Правды найденъ въ Кормчей XIII-го вѣка, которая хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Съ сего списка напечаталъ Русскую Правду К. Ѳ. Калайдовичъ въ *Русскихъ Достопамятностяхъ* (М. 1815 г. ч. I, стр. 17 — 58). Кромѣ того, Правда Русская издана Шлецеромъ (СПБ. 1767 г., изъ Новгородскаго лѣтописца), дважды Академіею Наукъ (въ *Прод. Русск. Вивліоѳики*, 1786 г. ч. I-я, изъ лѣтоп. Новгородск. съ примѣчаніями Татищева; 1788 г. ч. III-я, изъ старинной Кормчей), дважды Болтинымъ (съ примѣчаніями, СПБ. 1792 г. и М. 1799 г.). Что Ярославъ далъ Новгородцамъ не *Правду Русскую*, мы говорили уже выше сего. Сообразивъ сіе, и при томъ: 1 е, что Правда Русская является въ разныхъ спискахъ, сокращеннѣе и полнѣе; 2 е, что въ одномъ и томъ-же спискѣ оной являются измѣненія, противорѣчія, повторенія, доказывающія разновременное составленіе каждаго списка, мы думаемъ, что *Правда Русская* была сводъ законовъ, или, лучше сказать — собраніе замѣтокъ о законахъ Русскихъ, составленное въ Новгородѣ, разными Посадниками, въ разное время, чѣмъ руководствовались Новгородцы при судопроизводствѣ, т. е. что Правда Русская есть сборникъ того, что прежде сохранялось въ преданіяхъ словесныхъ; что сбор-

былъ уже Княземъ въ Новгородѣ, вмѣсто Владиміра, умершаго въ 1052 г.; но отецъ завѣщалъ Изяславу *Кіевъ*, Святосл[illegible] *Черниговъ*,

никъ сей дополнялся и измѣнялся; но что основаніе его древнее. Думать, что Русская Правда есть правильное уложеніе, которое вдругъ написалъ Ярославъ и отдалъ Новгородцамъ, сказавъ: *по сему ходите и держите*, можетъ только незнакомый съ историческою критикою и образомъ составленія уложеній въ Среднія времена. — Говоря о гражданскихъ подвигахъ Ярослава, мы должны сказать о монетѣ Ярославовой. Такъ называютъ старинную, грубой работы монету, на которой находится съ одной стороны изображеніе Святаго, съ надписью: о Георгіо (*о агіосъ Георгіос*, т. е. *св. Георгій*) а съ другой изображеніе трезубца, или трона, съ надписью вокругъ: ✠ *Ярославле сърεбро*; по бокамъ и вверху сей надписи находятся буквы: *М. А. И.* (см. изображеніе сей монеты, въ *Письмѣ о камнѣ Тмуторокансколъ*, А. Н. Оленина, стр. 28). Типъ древности на сей монетѣ неоспоримъ; но все однакожъ, вѣрить-ли, что она *Ярославова*? Еще двѣ старинныя монеты намъ извѣстны, золотая и серебряная. На первой представленъ образъ Спасителя съ надписью вокругъ: ✠ *Исусъ Христосъ*; на оборотѣ грубое изображеніе Царя, или Князя, съ *скипетромъ, державою* и въ *коронѣ* (?!); надпись вокругъ: *Владиміръ* (но такъ ли писали въ старину?) *а се его злато*. Предъ изображеніемъ Князя находится такой-же знакъ, какъ на монетѣ Ярославовой. На серебряной, съ одной стороны изображеніе Князя, съ скипетромъ, короною и на тронѣ; надпись кругомъ: *Владиміръ на столѣ*:

Всеволоду *Переяславль*, Вячеславу *Смоленскъ*, Игорю *Владимиръ*. «Любите другъ друга,» говорилъ онъ дѣтямъ, «и помните, что вы братья *одного отца и одной матери* (210): тогда и Богъ будетъ въ васъ, покоритъ вамъ противные, и будетъ миръ между вами. Но при ненависти, погибнете вы и погубите землю. Мѣсто отца, да заступитъ вамъ старшій братъ.» Ярославъ заповѣдалъ сынамъ: *не преступать предѣла братняго, не изгонять одному другаго*, а Изяславу защищать обидимаго.

Уже больной поѣхалъ онъ въ Вышгородъ, со Всеволодомъ, любимымъ сыномъ своимъ, и тамъ скончался. Тѣло его привезено было въ Кіевъ, и положено въ Соборной Софійской церкви (211).

на оборотѣ тронъ, или трезубецъ, какъ на Ярославовой монетѣ, и надпись: *а се его сребро*. Полагаютъ, что обѣ сіи монеты выбиты при Владимірѣ. Вѣримъ добросовѣстности нашихъ нумизматовъ, но не смѣемъ подтверждать ихъ мнѣнія. Ярославова монета хранится у наслѣдниковъ Графа А. И. Мусина-Пушкина; золотая Владимірова монета въ послѣднее время потеряна, а серебряная находится въ кабинетѣ Московскаго Общества Исторіи и Древн. Россійскихъ.

(210) Вотъ замѣчательныя слова. Не объясняютъ-ли они отчасти вражды Святополка съ братьями, *не одной матери*?

(211) Гробница Ярослава донынѣ сохранилась въ Кіевской Софійской церкви. Половина ея находится

Соображая Исторію Ярослава, не льзя не удивляться сходству характера его съ характеромъ Владиміра, и сходству событій въ княженіе того и другаго. Такъ справедливо, что человѣкъ творитъ событія! Оба въ буряхъ междоусобій вступили на престолъ, обрызганный кровію братьевъ; оба были жестоки и нещадны пріобрѣтая власть; оба умѣли быть кроткими послѣ пріобрѣтенія оной, и, не бывши Олегами и Святославами, не отличаясь дикою храбростію, умѣли поддержать крѣпость Руси, твердость ея владѣній. Въ руки обоихъ Провидѣніе ввѣряло обладаніе всѣми Русскими княжествами; оба стремились къ единодержавію при жизни, и дѣлили государство послѣ смерти. Владиміръ, просвѣтивъ Русь Христіанскимъ закономъ, оказалъ услугу незабвенную; Ярославъ поддерживалъ Христіанство, распространилъ его, и въ шестьдесять лѣтъ, протекшихъ отъ принятія вѣры до кончины Ярослава, Христіанство было укоренено въ Руси, обѣщало добро въ будущемъ, ведя къ образованію народы полу-варварскіе, со-

въ стѣнѣ; другая выставлена наружу и одѣта бѣло-синеватымъ мраморомъ, по которому вырѣзаны кресты, съ буквами: IС. ХС. NIKA, птицы, рыбы, цвѣты и проч. Обдѣлка гробницы мраморомъ принадлежитъ-ли XI-му вѣку, или относится ко временамъ позднѣйшимъ?

единяя ихъ однимъ закономъ, такъ-же какъ они соединены были одчимъ языкомъ.

Не Владиміра, не Ярослава должно винить въ ошибкахъ политики и въ преступленіяхъ, но духъ времени. Феодализмъ, гибельный и страшный для государей и подданныхъ, во всей Европѣ тогдашней былъ причиною дѣлежа областей наслѣдникамъ, и вездѣ причинялъ такія-же бѣдствія, какія видѣла отъ него Русь. Провидѣніе хотѣло, кажется, оставить Новгородъ среди кроваваго моря, покрывшаго всю остальную Русь въ битвахъ междоусобій, какъ признакъ неизмѣннаго характера Руссовъ, какъ точку соединенія съ Европою, ибо Европа скоро потеряла Русь изъ вида, и Греція не узнавала земли, грозившей нѣкогда Царьграду своимъ оружіемъ. Счастливая судьба давала случай Новгороду возводить на Кіевскій престолъ Владиміра и Ярослава. Оказывая такія заслуги Князьямъ Кіевскимъ, Новгородъ требовалъ отъ нихъ только независимости, получалъ ее, и умѣлъ сохранять.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

правдѣ" или однимъ законамъ; такъ-же, какъ они составляли было одинъ языкъ.

При Владимирѣ, и Ярославѣ дѣлано многое въ пользѣ общества и къ просвѣщенію; но худыя времена Россіи, гибельныя и страшныя для Государей и подданныхъ, во всей Европѣ обыкновенныя были, временемъ дѣлимой удѣльной на Княжества, и всѣхъ причиною было-же, бывши, какъ видѣли, онъ всей Руси Правленію вредно, вмѣсто, знаніи. Новгородъ среди кровавыхъ вражд, сохраняетъ свою вольную Русь въ своихъ междоусобіяхъ, или правахъ неизмѣннаго характера Русскимъ, какъ новую болѣзнію на Европу, въ Греціи скоро пострѣлы Русь шла также, и Греція не уклонялась, угрозою немецкою Папирову, самымъ оружіемъ; Россіяне судьбою своею служили Новгороду, позволяли не нашимъ прежнимъ Владимірамъ и Ярославамъ. Самыми смѣлыми Князьями Кіевскими, Новгородъ прибавилъ свои вольности независимости; получилъ же, а уставы сохранилъ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

О ХРОНОЛОГІИ

въ Несторовой лѣтописи.

Во многихъ, или, лучше сказать, *почти во всѣхъ полныхъ* спискахъ лѣтописи Нестора, тамъ, гдѣ оканчивается всемірная Этнографія и Исторія всемірная, также древняя Исторія и Этнографія Сѣвера и Славянъ, а начинается *собственно-Русскаго народа* Исторія, поставлено хронологическое исчисленіе событій, всемірныхъ и Русскихъ. По оному выведены годы дальнѣйшихъ происшествій; оно взято лѣтописцемъ въ основаніе. Легко понять важность изслѣдованія, въ слѣдствіе коего мы узнаемъ: *откуда взято* и *какъ выведено* это основное хронологическое показаніе нашихъ лѣтописей?

Оно обезображено въ разныхъ спискахъ: въ иномъ пропущена одна статья его, въ другомъ другая; въ иныхъ числа перемѣшаны. Составляемъ его, сколько возможно полнѣе и исправнѣе, изъ разныхъ списковъ:

«Въ лѣто 6360, Индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ

Царѣ приходиша Русь на Царьградъ, яко-же пишется въ лѣтописаньи Греческомъ, тѣмъ-же отселѣ почнемъ и числа положимъ, яко

«Отъ Адама до Потопа. 2242

«Отъ Потопа до Авраама. 1082

«Отъ призванія Авраамова до исхожденія Моисеева. 502

«Отъ исхожденія Моисеева до Давида. 601

«А отъ Давида, и до начала царства Соломонова и до плѣненія Іерусалимля. . 448

«А отъ плѣненія до Александра. . . 318

«Отъ Александра до Рожд. Хр. . . 333

«Отъ Р. Хр. до Константина. . . 318

«Отъ Константина-же до Михаила сего. 542

6386.»

Явно, что все это заимствовано изъ Византійцевъ. *Откуда* именно?

Византійцы основывались на одномъ хронологѣ: сей хронологъ былъ *Никифоръ*, *Патріархъ Царяградскій*, родившійся въ 758 году и умершій въ 828 году. Его сочиненіе, подъ названіемъ: *Хронологическое сокращеніе*, напечатано въ Греческомъ подлинникѣ, съ Латинскимъ переводомъ, въ Corpus Scriptorum Historiæ Byzantinæ (Парижск. изданія т. VI), подъ названіемъ: Nicephori, Patriarchæ Constantinopolitani, *Breviarium chronographicum*,

ab Adamo ad Michælis et ejus f. Theophili tempora.—Оно переведено было въ древнѣйшія времена на Русскій языкъ. Въ спискѣ *Кормчей Книги* XIII столѣтія, хронологія Никифора Патріарха помѣщена между другими важными статьями, подъ слѣдующимъ названіемъ: *Кратκій лѣтописецъ Патріарха Царяградскаго Никифора* (*). Она находится во множествѣ другихъ сборниковъ, и вмѣщена во многіе списки лѣтописей Русскихъ. Она-то была, какъ изъ всего видно, источникомъ Несторовой хронологіи, такъ какъ была она источникомъ хронологіи для Византійцевъ. Въ *Никоновской лѣтописи* нашли ее Шлецеръ и Башиловъ, и напечатали при 1-мъ томѣ (СПБ. 1767 г. *Прибавленія*, стр. 6—17).

Никифоръ исчисляетъ подробности событій: сіи подробности выпущены нашимъ лѣтописцемъ. Но сообразите *эпохи*, имъ показываемыя, и вы найдете, что онѣ тѣже, которыя показаны у Никифора. Въ числахъ есть ошибки, но ими обязаны мы переписчикамъ. Слагая лѣтосчисленія находимъ ошибку въ 26 годахъ (6386, вмѣсто 6360) (**).

(*) Русскія Достопамятности (М. 1815 г.) ч. I, стр. 21.

(**) То и другое невѣрно. Смотр. *Круга*, Kritischer Versuch zur Aufklärun der Byzantischen Chronologie (СПБ. 1810 г.)

И такъ нѣтъ сомнѣнія: *источникъ всемірной хронологіи Нестора отысканъ.*

Замѣтимъ слова Нестора: «Наченшу Михаи-«лу царствовати, начаша прозыватися Русская «земля.» Михаилъ, слѣдственно, составлялъ пунктъ начала Русской Исторіи; его царствованіе было основаніемъ лѣточисленія. Но отъ чего взялъ сей пунктъ Несторъ? «Увѣдахомъ,» отвѣчаетъ лѣтописецъ, «*яко при семъ Царѣ приходиша Русь на Царьградъ.*» Откуда-же *увѣдалъ* онъ сіе событіе? «*Пишется въ лѣтописаніи Греческомъ*», говоритъ лѣтописецъ. Читайте отрывокъ Георгія Амартола (Труды Общ. Ист. и Древн. Росс. т. IV, кн. I, стр. 182). Дѣло ясно.

Продолжимъ далѣе Несторову хронологію: «*Отселѣ почнемъ, и числа положимъ*», говоритъ онъ, и исчисляетъ:

«Отъ *перваго* лѣта Михаила сего, до *перваго* лѣта Олегова, лѣтъ. . . . 28

«А отъ перваго лѣта Олегова, понеле-же сѣдѣ въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева, лѣтъ. 31

«А отъ перваго лѣта Игорева, до перваго лѣта Святославля, лѣтъ. . . . 33

«Отъ перваго лѣта Святославля, до перваго лѣта Ярополча, лѣтъ. 28

«Ярополкъ княжи лѣтъ. 8

«Владиміръ княжи лѣтъ. 37

«Ярославъ княжи лѣтъ. 40

«Тѣмъ-же, отъ смерти Святославли до смерти Ярославли, лѣтъ. 85

«Отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи, лѣтъ. 60»

Ярославъ скончался въ 1054 (6562) году. Это зналъ лѣтописецъ. Онъ зналъ по преданію, что

Ярославъ княжилъ.	40	лѣтъ.
Владиміръ.	37	—
Ярополкъ.	8	—
Святославъ.	28	—
Игорь.	33	—
Олегъ.	31	—
	177	

Годъ пришествія Олега въ Кіевъ выходитъ: 6385.

Лѣтописецъ полагалъ, что Михаилъ началъ царствовать въ 6360 году. Онъ вступилъ на престолъ трехъ лѣтъ, слѣдственно: родился въ 6357 году. Лѣтописецъ вывелъ счетъ остальныхъ лѣтъ: 28-мь отъ *перваго* лѣта Михаилова до *перваго* Олегова.

Но потомъ нашелъ онъ, что Руссы приходили *въ* 14-е *лѣто* царствованія Михаила: 6374-е, и начало княженія Олегова (28 лѣтъ послѣ 6360) вышло 6388. Приложивъ 177 лѣтъ княженія шести владѣтелей, находимъ, что,

или смерть Ярослава должна быть въ 6565 мъ, или начало княженія Олегова въ 6385 году.

Должно полагать, что лѣтописцу былъ не извѣстенъ настоящій годъ вступленія Михаила: 6350; ибо тогда все его расчисленіе дѣлается невѣрно. Годъ начала княженія Олегова выходитъ — 6378, а кончина Ярославова въ 6555 году.

Полагаемъ, что лѣтописецъ по преданіямъ зналъ *продолженіе годовъ различныхъ княженій до Олега*. Событія-же прежде его расчислилъ на удачу; тутъ встрѣчаются какія-то *седмицы* и дѣленія седмицъ.

Черезъ *семь лѣтъ*, послѣ 6360-го года — Варяги берутъ дань съ Славянъ, Чуди и Руси, въ 6367 году.

Черезъ *три года* еще, Варяги призываются къ правленію, въ 6370 году.

На *шестой годъ* Синеусъ и Труворъ умираютъ, въ 6373 году.

На *седьмой* годъ Аскольдъ и Диръ идутъ на Царьградъ въ 6374, въ 14-й годъ (черезъ двѣ седмицы) царствованія Михаила.

Черезъ *двѣ седмицы* (въ 6388 году) Олегъ принимаетъ правленіе.

Все это дѣлаетъ подозрительнымъ лѣтосчисленіе лѣтописца. Онъ не зналъ хорошо Греческой хронологіи, Всемірную взялъ отъ Грековъ,

а годы для первыхъ событій Русскихъ, *кажется*, выдумалъ, по какому-то таинственному разсчету, на удачу.

II.

ФИЗИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПОЧВЫ

Европейской Россіи (*).

Протяженіе Скандинавскихъ горъ, Сѣверный Океанъ, хребетъ Уральскихъ горъ и его отрасли, степи, Кавказъ, горы Таврическія, Черное море, протяженіе горъ Карпатскихъ, и возвышеніе земли на истокахъ Волги, или Алаунскія горы, наконецъ море Балтійское, окружаютъ обширную площадь, называемую: *Европейская Россія*. Омываемая столькими морями и обставленная столькими горами, она должна состоять изъ множества пространствъ, различныхъ по своему положенію, по слоямъ земли, оныя составляющимъ, и по производимости.

Пространство земли, на коемъ мѣстныя различія представляютъ одинъ извѣстный характеръ, мы называемъ *плоскостью* (plateau);

(*) Извлечено изъ соч. К. Ѳ. Германа; Sur l'état actuel de l'agriculture en Russie (отдѣленіе II, De la nature du sol), помѣщенн. въ Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg. Т. I, стр. 685—711.

такая плоскость можетъ имѣть свои особенности, независимо отъ градусовъ широты, подъ коими она находится. Раздѣленіе великаго пространства земли по градусамъ широты даетъ намъ понятіе слишкомъ общее, ибо одинакая широта пересѣкаетъ плоскости совершенно различныя. Самое извѣстное донынѣ географическое дѣленіе Европейской Россіи есть дѣленіе на *три* полосы: *сѣверную*, *среднюю* и *южную*; но при разнообразіи плоскостей, оно невѣрно и сбивчиво.

Гораздо лучше и точнѣе раздѣлять все пространство Европейской Россіи, по сущности почвы и положенію, на семь слѣдующихъ плоскостей: 1-е, *Скандинавскую*, куда принадлежатъ губерніи: Архангелогородская, Олонецкая, Вологодская, Сѣверная часть Вятской и Пермской, южная часть Финляндіи, Петербургъ и Сѣверная часть губ. Новгородской; 2-е, *Алаунскую*, гдѣ находятся Тверь, Псковъ и Смоленскъ; 3-е, *Балтійскую*, въ которой заключаются Эстляндія, Лифляндія и Курляндія; 4-е, *Уральскую* въ которой восточную часть составляютъ: югъ Вятки и Перми, Казань, Нижній Новгородъ, Симбирскъ, Тамбовъ Оренбургъ, Пенза, Саратовъ, Приволжье, а западную часть: Ярославль, Кострома, Москва, Владиміръ, Калуга, Тула, Рязань, Орелъ, Курскъ и Воронежъ; 5-е, *Бѣлорусскую*, куда принадлежатъ: Ви-

тебскъ, Могилевъ, Вильна, Гродно, Минскъ, или вообще Бѣлоруссія и Литва; 6-е, *Карпатскую*, въ коей заключаются: Херсонъ, Екатеринославль, Полтава, Харьковъ, Черниговъ, Кіевъ, Подолія и Волынь; 7-е, *Степную*, къ коей относятся: земли Кавказскія, Астрахань, Заволжье, Черноморье, Крымъ и земля Донскихъ Казаковъ.

I. *Скандинавская плоскость.* Здѣсь границы къ сѣверу: Океанъ Сѣверный; къ западу Скандинавскія горы; къ востоку горы Уральскія. Горы Норвежскія идутъ къ востоку до Выгъ озера и Онежскаго озера, гдѣ начинаются пески и болота, простирающіеся до подошвы Урала. Къ югу пески и болота идутъ черезъ Финляндію до Петербурга, гдѣ къ Новгороду, и также къ югу въ Вяткѣ и Перми земля возвышается. Слѣдственно: сіе пространство есть плоскость, наклоненная къ Уралу, болѣе возвышенная между Мезенью и Онежскимъ озеромъ, и осѣдшая у Колы; главнѣйшая возвышенность составляетъ южную границу оной у Новгорода и Вятки, а особливо у Перми.

Это пространство земли потопленной, едва возвышающейся изъ Бѣлаго моря и Океана, болотистой, покрытой озерками, между коими находятся горы средней высоты. Отъ Онежскаго озера къ Мезени почва каменистѣе; отъ Мезени это обширная долина, наклоненная къ морю, на коей земля, становясь болѣе и болѣе

болотистою, нечувствительно тонетъ въ водѣ. Здѣсь низко лежащія болота и выше ихъ находящіеся пески, прерываются только цѣпью Печорскихъ горъ. Въ Финляндіи три рода земель: болота, средины горъ, гдѣ есть земли плодоносныя, и каменистыя вершины горъ, покрытыя лѣсомъ. Отъ Вологды земля болѣе возвышена, поля усѣяны кремнемъ, почва иловата, все еще много озеръ и болотъ, все еще пески на возвышенностяхъ: черноземъ является съ началомъ дубоваго лѣса къ югу, какъ будто острова среди моря.

Внутренность земли отъ Онежскаго озера до Бѣлаго моря составляютъ слои трапповые, смѣшанные съ мраморомъ и кварцомъ: это продолженіе Скандинавскихъ горъ. Отъ Ильменя до Финскаго залива преимуществуютъ слои известковые: это протяженіе Алаунскихъ горъ, коего противоположное протяженіе идетъ черезъ Москву за Тулу. Слѣдственно: на сей плоскости почва весьма многоразлична. Каменистая земля здѣсь не совсѣмъ безплодна, ибо каменья берегутъ растенія отъ свирѣпости вѣтровъ и гибельной суши. Плодоноснѣйшая изъ всѣхъ здѣсь земель есть земля иловатая, лежащая на почвѣ глинистой, да и самая безплодная, смѣшанная съ каменьями, глинистая, въ срединѣ Финляндіи земля приноситъ плодъ при обработкѣ и стараніи.

Сосна, пихта и лиственница здѣсь туземны.

Лучшій соснякъ растетъ на горахъ Финляндскихъ; сѣверъ Россіи, въ мѣстахъ недоступныхъ земледѣлію, ни что иное, какъ обширный лѣсъ хвойныхъ деревъ, пересѣкаемый болотами и песками. Лѣса начинаютъ уменьшаться съ 64° широты, и совершенно кончатся подъ 67°. Дубъ оканчивается подъ 60°; холодъ и сырая почва не даютъ уже рости дубу, не смотря ни на какія старанія развести его.—Яровую пшеницу сѣютъ до 62°; въ Шенкурскѣ и близъ Онежскаго озера сѣвъ начинаютъ въ Маѣ, а жатву въ половинѣ Августа: пшеница родится самъ-третей и самъ-пятъ; озимая пшеница начинается съ Вологды, но вообще произведеніе оной ничтожно, и въ Вяткѣ рѣдко получаютъ самъ-восемъ, а въ Перми самъ-четырнадцатъ. Удачнѣе здѣсь озимая рожь, начиная съ 67°, но яровая мало обработывается и не переходитъ 62°; ячмень выдерживаетъ холодъ, но порядочный сѣвъ начинается съ 62°; овесъ плохъ; конопля иногда удается въ Олонцѣ, но лучше въ Вяткѣ и Перми, гдѣ родится и ленъ.

II. *Алаунская плоскость* возвышается на 150 туазовъ надъ поверхностью моря, ибо горы здѣсь достигаютъ 200 и пригорки 50 туазовъ. Нечувствительно вздымаетесь на сію плоскость, которая у Калуги имѣетъ только 2 фута возвышенія, идя къ западной части Твери, возвышеннѣйшей точкѣ изъ всей Европей-

ской Россіи; отсюда спускаетесь ко Пскову, гдѣ образуется наклонность къ Балтійскимъ землямъ и Смоленску, составляя самую южную часть уклона сей высоты. Волга, Днѣпръ и Двина текутъ отъ разныхъ сторонъ Алаунскаго возвышенія въ моря Каспійское, Черное и Балтійское.

Тверь, какъ мѣсто возвышеннѣйшее, не болотисто, и, хотя достаточно снабжено водою, сухое. Цѣпи холмовъ идутъ до самаго озера Ильменя, па протяженіи въ длину 150 и въ ширину 60 верстъ. Почва вообще смѣшанна: здѣсь песчаная земля, тамъ черноземъ, но болѣе всего преимуществуетъ земля иловатая. Восточная полоса здѣсь плодоноснѣйшая; къ западу земля холодна и болотиста; къ югу становится песчана.

Все сіе возвышеніе лежитъ на слояхъ известковыхъ, между коими гранитъ пробивается по берегамъ озеръ, какъ-то: у береговъ озера Селигера. Къ востоку являются уже слои глины, повсюду находящіеся въ Уральской плоскости.

Степень плодородія здѣсь посредственна. Тверская восточная полоса есть лучшая почва; за нею слѣдуютъ Смоленскъ и Псковъ.

Въ новѣйшее время здѣсь усилено обрабатываніе земель; древле всюду расли здѣсь безконечные лѣса. Дубъ встрѣчается рѣдко, и хвой-

ныя деревья преимущесшвуюшъ, смѣшанныя съ другими родами.

Смоленскъ, подходящій къ почвѣ Липвы, болѣе обрабошываешъ озимую пшеницу, и хлѣбъ родипся опъ самъ-четверпа до самъ-восьми; другія мѣста гораздо хуже. Всего болѣе здѣсь сѣюпъ озимую, рожь, ячмень и овесъ; яровая рожь не удаепся. — Псковъ есть лучшее мѣсто въ Россіи для конопли, копорая, такъ-же какъ и ленъ, сѣепся въ Смоленскѣ; въ Смоленскѣ-же разводяпъ и пабакъ.

III. *Балтійская плоскость* лежипъ на сланцовомъ основаніи. Разница между сѣвернымъ и южнымъ берегомъ Финскаго залива весьма замѣчапельна. Тамъ мы видимъ землю безобразно срѣзанную, и множесшво, почпи безплодныхъ, оспровковъ; здѣсь берега округлены, покрыпы опмѣлями, копорыя набиваепъ и измѣняепъ море, даже нынѣ; наконецъ оспрововъ здѣсь немного, и пѣ огромны и плодоносны. Кажепся, смопря на поверхность земель и образованіе береговъ опъ Бѣлаго моря да Волжскаго возвышенія, чпо во времена доисторическія было на семъ пространствѣ общее попопленіе, и воды, ринувшись опъ сѣвера къ юго-западу, покрыли западную часть Архангелогородской губерніи, изрыли Финскій заливъ далеко за нынѣшній его предѣлъ, можешъ быпь до самаго Ильменя, смыли земли горъ Алаун-

скихъ и, остановленныя Карпатскими горами, слились через низкія мѣста Бѣлоруссіи въ море Балтійское. Только подобною революціею можно объяснить нынѣшнее образованіе береговъ и состояніе земель по сей плоскости.

Эстляндія земля ровная, но не болотистая; основаніе оной сланцовое, и оно выставляется наружу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но вообще покрыто иловатою землею на 1 $\frac{1}{2}$ фута отъ поверхности; плодоносный черноземъ начинается у Дерпта, но впрочемъ, все пространство Эстляндіи мало плодоносно. Лифляндія покрыта песками по берегу моря отъ Риги до Пернова, и по берегамъ Двины до Фридрихштадта. Красноватая, глинистая земля смѣняетъ сіе песчаное море: тамъ, гдѣ она преимуществуетъ, поверхность земли трескается въ лѣтніе жары и разрываетъ корни растеній; но гдѣ съ нею смѣшанъ песокъ, почва довольно плодоносна, особливо для пшеницы. Двина течетъ по каменистому дну отъ Фридрихштадта до Якобштадта, и сія каменистая полоса полукругомъ идетъ до Литвы. Вокругъ озера Пейпуса пески, а потомъ слѣдуютъ множество маленькихъ озеръ, такъ, что при иной деревенькѣ ихъ бываетъ до пятнадцати: рыбная ловля питаетъ жителей; многія озера превращаются въ болота. Тутъ-же есть почти безплодныя земли, степи или *песчаники* (landes). Курляндія въ началѣ представляетъ сте-

ти; потомъ красноватыя, глинистыя земли; наконецъ иловатыя и черноземъ къ восточной холмистой сторонѣ. Вообще, Балтійская плоскость посредственно плодоносна; на островахъ ея почва лучше и есть хорошія пажити.

Древле здѣсь были обширные пихтовые лѣса, коихъ остатки видны близъ Пейпуса; листовыя деревья расли въ Курляндіи; нынѣ все истребляется.

Въ Лифляндіи удается озимая и яровая пшеница, въ Курляндіи меньше, въ Эстляндіи еще менѣе. Озимая рожь, ячмень и овесъ также вообще обработываются; яровая рожь менѣе. Курляндская конопля весьма извѣстна, ленъ также; въ Лифляндіи то и другое менѣе удачны; въ Эстляндіи еще менѣе.

IV. *Уральская* плоскость заслуживаетъ особенное вниманіе: это самая обширная, самая плодоносная изъ всей Европейской Россіи. Она образуетъ собою обширную долину, замѣтно наклоненную отъ Урала къ Уфѣ; отсюда къ верховью Волги наклонность гораздо менѣе. Таковое положеніе сей плоскости доказывается опытами въ Саратовѣ и Калугѣ надъ слоями земли глинистой, составляющими основаніе почвы и почти наружу выходящими въ Москвѣ, особенно въ Тулѣ. Посему должно раздѣлить всю плоскость на двѣ полосы. Первая есть страна ду-

боваго лѣса, который, смѣшанный съ другими лиственными деревьями, растетъ здѣсь въ обширныхъ лѣсахъ (южная часть Вятки, Казань, Нижній Новгородъ, Симбирскъ, Тамбовъ, Оренбургъ, Пенза, Саратовское приволжье по-сю сторону). Дубъ, требуя доброй земли, погибая равно отъ сырой почвы, отъ сильнаго жара и холода и быстрой перемѣны временъ, доказываетъ, что мѣста, гдѣ онъ туземенъ, находятся въ умѣренномъ климатѣ, и что почва тамъ возвышена и тучна. Въ западной полосѣ плоскости дубъ не составляетъ уже и трети лѣсовъ, постепенно теряясь, съ приближеніемъ къ Степной и Скандинавской плоскостямъ.

Въ Оренбургѣ черноземъ, земля жирная, удобная къ обработкѣ; но къ Каспійскому морю она становится глинистою и сухою. Приволжье по-сю сторону и западная часть Саратова состоятъ изъ чернозема, чрезвычайно плодоноснаго; къ югу земля суше и безплоднѣе. Въ Пензѣ холмистая поверхность состоитъ изъ земель смѣшанныхъ. Симбирская губ. дѣлится Волгою на двѣ части: западная плодоносна, восточная менѣе и подходитъ болѣе къ Степной плоскости. Въ Казани, тамъ гдѣ растетъ дубъ, земли хороши, но есть и песчаники и земли посредственныя. Нижегородская губ. представляетъ весьма ровное пространство; рѣки здѣсь разливаются и составляютъ хорошія пажити, и хотя есть мѣста

въ родѣ степей, но вообще почва плодоносна. Западная часть Тамбовской губ. песчана; средина, особливо къ Саратову, походитъ на степи, но южная плодоносна: это возвышенная долина, покрытая хлѣбными полями и прекрасными лугами.— Большое плодоносіе, черноземъ, луга, уподобляющіеся плодоноснымъ степямъ, пажити, утучняемыя разлитіемъ рѣкъ: вотъ основные признаки описываемаго нами пространства.

По испытаніямъ въ Саратовѣ, оказалось, что почва земли состоитъ изъ 2-хъ футовъ чернозема; за тѣмъ слѣдуетъ: земли глинистой, желтоватой, отъ 4-хъ до 5 аршинъ; небольшой слой известняку; потомъ опять земля глинистая, до 10 аршинъ; за тѣмъ аршинъ глины слоистой, 2 аршина глины твердой и черной; наконецъ слой известковый, и раковины, въ глубинѣ весьма значительной. Въ 5 верстахъ отъ Волги, въ Ахматовомъ городкѣ, найдено два фута чернозему; за тѣмъ два аршина иловатой земли и известковой земли, и глина красноватая и непроницаемая. Хотя при томъ и не было замѣчено возвышеніе земли надъ поверхностью моря, но по свойству слоевъ видно, что оно весьма значительно, ибо слои глины, непроницаемой для растеній, и даже для воды, здѣсь густо закрыты черноземомъ, когда сіи слои выходятъ почти наружу въ запад-

ной части плоскости, гдѣ они едва закрыты легкимъ слоемъ иловатой земли.

Вообще находимъ великую разницу западной полосы отъ плодоносной восточной. Москва, при подошвѣ Волжскаго возвышенія, къ западу являетъ намъ слои известковые, кои сходятъ съ Алаунскихъ высотъ и идутъ за Тулу, слегка покрытые иловатою землею.

Къ Востоку есть уже слои земли глинистой, однакожъ плодоносные при обработкѣ. Высокіе берега Оки песчаны, но плодоносіе здѣсь лучше, нежели на глинистой Тульской почвѣ, гдѣ сухіе слои глины слегка закрыты иловатою землею. Въ дожди поля покрыты здѣсь глинистою грязью; въ сухое время земля твердѣетъ и трескается. Въ Калугѣ та-же почва, но поверхность земли ниже, и между долинами и возвышеніями, между болотами на низкихъ мѣстахъ и песками возвышеній, есть земли плодоносныя. Владиміръ и Рязань, столь превознесенныя Герберштейномъ, Ногаретомъ и Гваньини за ихъ плодородіе, говоря вообще, не стоятъ сихъ похвалъ. Есть и тутъ плодоносныя земли, но вообще непроницаемая глина покрыта слегка иловатою землею.

По испытаніямъ почвы въ Калугѣ, въ девяти разныхъ мѣстахъ, для узнанія мѣста, гдѣ лучше растетъ дубъ, найдено слѣдующее: на возвышеннѣйшихъ мѣстахъ, въ 35 футахъ надъ по-

верхностью моря, лежитъ 6 дюймовъ чернозему; 2 фута 9 дюймовъ мѣлкаго песку; 1 футъ 4 дюйма хрящу; 10 дюймовъ хрящу, смѣшаннаго съ глиною, и 9 дюймовъ красноватой глины, подъ которою находится сланецъ. На 22 футахъ возвышенія нашли: 7 дюймовъ чернозему, 1 ф. 4 д. бѣлой глины, 1 ф. красноватой глины, и наконецъ красную глину, до глубины неизвѣстной. На 14 футахъ возвышенія — 1 ф 3 д. чернозему, 7 ф. 5 д. красноватой глины, а за тѣмъ глину непроницаемую. Такое-же расположеніе было найдено даже на двухъ футахъ возвышенія, съ тѣмъ различіемъ, что въ низкихъ мѣстахъ, глина, подъ которою сыскали воду, была синевата.

Три южныя губерніи: Орелъ, Курскъ и Воронежъ, плодоноснѣе, ибо почва ихъ подходитъ къ почвѣ восточной полосы. Слои глины хорошо покрыты черноземомъ въ Воронежѣ; долины тамъ сухи, обширны и походятъ на степи. Въ Курскѣ и Орлѣ поверхность земли холмиста, долины покрыты черноземомъ; болотъ на низкихъ мѣстахъ мало; рѣки разливаются и даютъ лугамъ траву сочную и хорошую; словомъ: смѣсь чернозему, песку и глины дѣлаютъ здѣсь земли весьма плодоносными.

Южная часть Перми и Вятки, Кострома и Ярославль, соединяютъ Уральскую плоскость съ Скандинавскою. Югъ Перми плодороднѣе сѣвер-

ной части, особливо юго-западъ. Но все еще это песчаная земля, подъ климатомъ перемѣннымъ, гдѣ дубъ не растетъ, а хвойныя деревья находятся большими лѣсами. Вятское Прикамье плодоноснѣе, черноземъ показывается, а съ нимъ и дубъ. Кострома болотиста къ сѣверу и носитъ отпечатокъ Скандинавской плоскости; къ югу земли лучше. Въ Ярославской губерніи, по правому Приволжью, гдѣ Волга обращается къ Югу, каменистая земля, потомъ песчаная вдоль рѣки, наконецъ глинистая къ срединѣ, гдѣ у Пошехонья видны песчаныя возвышенія, а у Ростова болота. Молога, по лѣвому Приволжью, есть земля потопленная, но въ другихъ мѣстахъ здѣсь почва тверда и глиниста. Вообще преимуществуетъ всюду земля иловатая, но плодородіе посредственно.

Лѣса здѣсь смѣшанные, и дубъ не образуетъ собою лѣсовъ значительныхъ. Расчистка подъ пашни, винокуреніе, и несчастная мысль, что лѣса здѣшніе безконечны, производятъ уже недостатокъ лѣса во многихъ мѣстахъ.

Въ Саратовѣ и Симбирскѣ болѣе обработываютъ яровую, въ Тамбовѣ яровую и озимую пшеницу. Хлѣбъ родится иногда самъ-десятъ и самъ-двѣнадцатъ. Рожь озимую обработываютъ здѣсь вообще, и она даетъ самъ-третей и самъ-двѣнадцать; яровой ржи мало; ячмень повсюденъ; конопля растетъ преимущественно въ Нижнемъ

Новгородѣ, Казани и Тамбовѣ; ленъ особливо въ Нижнемъ Новгородѣ.

Москва обрабатываетъ пшеницу озимую и яровую, особливо въ восточной полосѣ; Владиміръ и Калуга болѣе яровую; другія губерніи въ семъ отношеніи незначительны. Рязань, Калуга, Орелъ и Курскъ обрабатываютъ коноплю; Рязань и Калуга ленъ.

V. На юго-западъ отъ Алаунскаго возвышенія находится болотистая Бѣлоруссія и, не много возвышающаяся надъ нею, земля Литовская. Можно-бы назвать все сіе пространство *плоскостью низкихъ земель* (Нидерландіею, les Basses-terres), ибо оно лежитъ между высотою Алаунскою и возвышенною плоскостью Карпатскою.

Описанія путей по симъ землямъ, оставленныя намъ древними путешественниками, ужасны. Герберштеинъ говоритъ, что жители сами не могутъ запомнить именъ всѣхъ болотъ, озеръ и рѣкъ, по великому числу оныхъ. Гетерисъ сказываетъ намъ, что волки и разбойники не столько были ему страшны въ сей странѣ, сколько худыя дороги, по коимъ ѣхалъ онъ, non sine gravi horrore; что иногда видѣлъ онъ болота на 10 и 14 миль, и что надобно было собирать жителей, для прокладыванія дорогъ. Нѣтъ сомнѣнія: дороги нынѣ лучше; обработка земель распространена, и много болотъ осушено; но все не льзя не согласиться съ Лойдомъ (Hist. de

la guerre d'Allemagne, т. I, стр. 339), что вся сія страна немного превосходитъ Финляндію, покрыта болотами, озерами, лѣсами, мало обработана, худо населена.

Бѣлоруссія вообще весьма болотиста къ сѣверу, глиниста и песчана къ югу, хотя и тутъ все еще испещрена озерами. Литва пересѣкается безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, покрыта озерами и болотами, которыя у Бреста уподобляются озерамъ; но поля здѣсь болѣе возвышены, что доказываетъ ихъ песчаная почва, смѣшанная съ землею глинистою, дѣлающею ихъ плодоносными. Западная Литва менѣе плодоносна, но все превосходитъ Бѣлоруссію. Вообще, это ровная земля, съ нѣкоторымъ возвышеніемъ у Брацлава и Полоцка, на коемъ, такъ-же какъ и на возвышеніяхъ другихъ мѣстъ, плодородіе порядочное.

Все сіе пространство вообще покрыто лѣсомъ, гдѣ главнѣйшія дерева сосна и пихта. Смѣсь песку, глины и чернозему способствуетъ обработкѣ озимой пшеницы въ Литвѣ, особливо въ Минскѣ; въ Бѣлоруссіи, по причинѣ болотъ, болѣе сѣютъ яровую: первая, въ хорошіе годы родится самъ-десятъ, вторая самъ-шестъ. Озимая рожь, ячмень и овесъ вообще здѣсь обрабатываются, и даютъ отъ самъ-пята до самъ-восьма. Мало бываетъ яровой пшеницы; но конопля и ленъ, особливо конопля, превосходны.

VI. Протяженіе горъ Карпатскихъ идетъ черезъ Днѣпровскія области до самаго Чернаго моря. Гранитное основаніе выставляется во многихъ мѣстахъ, какъ-то: въ Днѣпровскихъ порогахъ, при Ингульцѣ, и при Бугѣ. Гранитъ не возвышается здѣсь горами, но тянется въ горизонтальныхъ слояхъ, на коихъ видны другіе слои, известковые, и раковины, въ долинѣ между Ингульцомъ и Ингуломъ; сіи второстепенные слои простираются до Кубани. Земляной уголь, соляники, и мѣловые холмы, суть особенныя отличія *Карпатской плоскости.* Въ Херсонѣ и Екатеринославлѣ она возвышена отъ 30 до 40 туазовъ надъ поверхностью моря, а берега Чернаго моря, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, отъ 40 до 43 туазовъ.

Надобно отличить здѣсь югъ плоскости (Херсонъ и Екатеринославль) отъ сѣвера оной (Полтава, Харьковъ, Кіевъ, Черниговъ, Подолія и Волынь). Первая часть есть земля возвышенная, открытая, сухая, хотя и орошается большимъ числомъ ручьевъ и рѣчекъ. Земли къ сѣверу песчаны, въ смѣси съ глиною и черноземомъ, легки къ обработкѣ и плодородны; земли къ югу тверды, глинисты, и плодородны чрезвычайно, но песчаники и солянистыя степи занимаютъ треть пространства На прибрежьяхъ рѣкъ пажити превосходныя. Очаковская степь къ югу почти безплодна: это красноватая, желѣзистая и со-

лянистая земля, но къ сѣверу, что называется: *степь Кодумская*, земля иловата и удивительно плодоносна. Земли Донскихъ Казаковъ образуютъ собою возвышенную долину, гдѣ холмы видны только при берегахъ рѣкъ, почва суха, посредственно плодородна для хлѣба. Все еще сѣверная часть въ дождливое время даетъ довольно, но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ болѣе почва дѣлается песчаною и солянистою, и только въ увалахъ, коихъ не весьма много, земля бываетъ хороша. Тоже должно сказать вообще о земляхъ по берегамъ большимъ рѣкъ, которыя, равно какъ и острова по рѣкамъ, покрыты лѣсомъ, рѣдкимъ въ другихъ мѣстахъ.

Сѣверная часть Карпатской плоскости весьма плодородна. Въ Полтавѣ черноземъ, прекрасныя пажити, земля ровна, открыта, почти безлѣсна. Въ Слободско-Украинской губерніи земля суха, черноземъ смѣшанный съ пескомъ и глиною, исключая Ахтырку, гдѣ почва песчана и становится болотистою. Есть и еще уѣзды глинистые и песчаные, но вообще плодоносіе чрезвычайно. Въ Кіевѣ почва довольно орошена водою, но не болотиста; черноземъ, глина и песокъ находятся въ разныхъ смѣшеніяхъ, вообще вездѣ благопріятныхъ плодородію. Сѣверъ Чернигова песчанъ; средина посредственно, а югъ весьма плодороденъ.

Карпатская плоскость, склоняясь къ низкой

Бѣлоруссіи, на западъ оканчивается холмистою поверхностью Подоліи и Волыни. Почва, хотя напитанная частями известковыми, весьма хороша: Подольскіе луга знамениты, и Волынь, хотя и увалистая, весьма плодородна.

Остатки пихтовыхъ деревъ близъ Кіева, огромные пни дубовыхъ деревъ, часто находимые на поляхъ Слободско-Украинскихъ, деревянныя старинныя церкви, и дубовыя *колоды* въ древнихъ могилахъ, тамъ, гдѣ нынѣ нѣтъ вовсе лѣса, доказываютъ, что на Карпатской плоскости древле были великіе, смѣшанные изъ листвяныхъ и хвойныхъ деревъ, лѣса. Земледѣліе, кочевая жизнь прежнихъ обитателей и винокуреніе все истребили. Теперь, только сѣверъ Чернигова богатъ лѣсами; есть они и близъ Кіева; но Слободско-Украинская и Полтавская губерніи вовсе безлѣсны.

Пшеница озимая и яровая, равно обработываются въ Херсонѣ и Екатеринославлѣ; но первая особенно въ Харьковѣ, Волыни, Полтавѣ и Кіевѣ; въ Черниговѣ меньше. При хорошемъ урожаѣ она родится самъ-пятнадцатъ и самъ-двадцатъ. Рожъ, озимая и яровая, вообще обработывается въ Херсонѣ, Екатеринославлѣ и Полтавѣ; первая преимущественно въ Подоліи, Волыни, Харьковѣ и Черниговѣ; при большемъ стараніи, жатвы тамошнія, и безъ того богатыя, были-бы еще лучше. Херсонъ и Екатеринославль болѣе обработываютъ ячмень, нежели

овесъ; другія губерніи то и другое наравнѣ. Конопля есть одно изъ важнѣйшихъ произведеній Харькова, Кіева, Чернигова и Волыни; въ Подоліи она хуже, въ Херсонѣ и Екатеринославлѣ ея весьма не много. Ленъ удается особенно въ Черниговѣ, Волыни и Кіевѣ; табаку разводятъ весьма много въ Кіевѣ, Черниговѣ, особливо въ Слободско-Украинской губерніи; въ Подоліи, Херсонѣ и Екатеринославлѣ его гораздо меньше.

VII. *Степная плоскость.* Степи суть, или плодоносныя, или безплодныя. Первыя покрыты черноземомъ, болѣе нежели на аршинъ толщиною; но недостатокъ лѣса и здоровой воды дѣлаютъ ихъ неспособными для житья земледѣльческихъ народовъ. Вторыя суть, или каменистыя, или покрытыя хрящемъ (который кажется есть остатокъ гранитныхъ горъ), или солянистыя. Слѣдственнно: не всегда безплодіе составляетъ отличительный характеръ степей. Наконецъ, не всегда степи бываютъ безконечными долинами, ибо есть степи, по коимъ весьма далеко простираются цѣпи сосѣдственныхъ горъ. — Отличительный характеръ Степной плоскости недостатокъ воды, и особливо лѣса.

Описывая особенно тѣ мѣста, гдѣ нынѣ производится обработываніе земель, мы ничего не скажемъ о Степной плоскости, гдѣ много есть мѣстъ способныхъ къ обработкѣ, но обработы-

вается весьма немногое, какъ-то: въ богатыхъ долинахъ у подошвы Кавказскихъ горъ, на полуостровѣ Тмуторокани, и въ гористой части Тавриды; замѣтимъ вообще, что на Степной плоскости, тамъ, гдѣ есть достаточное орошеніе водою, почва весьма плодородна. Такія мѣста обыкновенно находятся у подошвы горъ, и въ благословенныхъ долинахъ, между горами находящихся. Древле, земледѣліе было весьма велико въ Кавказскихъ земляхъ, близъ Астрахани, особливо-же въ Тавридѣ, но нынѣ сіи земли обитаемы народами, которые слишкомъ любятъ кочевую жизнь, и потому земледѣліе не есть главное ихъ занятіе.

Озимая и яровая пшеница обработывается по Тереку, въ Астрахани и въ Крыму, особливо въ послѣднемъ мѣстѣ. Въ хорошее время, она родится самъ-тридцатъ; яровая и озимая рожь также значительны въ Крыму и не важны въ другихъ мѣстахъ. Ячмень сѣется всюду, и замѣняетъ большею частію овесъ. Ленъ и конопля растутъ дикія на сей плоскости, но между тѣмъ ихъ обработка не важна.

Степная плоскость есть страна плодовитыхъ деревъ, садъ Европейской Россіи; обращая вниманіе особенно на почву земли и земледѣліе, мы не будемъ говорить здѣсь о произведеніяхъ, собственно не относящихся къ оному.

III.

О порядкѣ, въ какомъ должно разсматривать начало Несторовой лѣтописи.

Все, что занимаетъ первыя 14 страницъ *Кенигсбергскаго* и первыя 10 страницъ *Пушкинскаго* списковъ, есть предварительный Историческо-Географическій обзоръ, такъ сказать, Urgeschichte Русской Исторіи, которую лѣтописецъ начинаетъ потомъ словами: *Въ лѣто* 6360, *наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля.* Разберемъ это *вступленіе.*

Прежде всего Несторъ списываетъ общую этнографію Греческаго лѣтописца (Георгія Амартола (?); см. *Труды Общ. Ист. и Древн. Росс.* Ч. IV, кн. 1, стран. 178), отъ словъ: «*По потопѣ тріе сынове Ноеви раздѣлиша землю,*» до словъ: «*рѣку Тигръ, текущу межу Миды и Вавилономъ.*»

Слѣдуетъ общая вставка *этнографическая*: лѣтописецъ хочетъ въ дѣленіе народовъ ввести свою страну; тутъ онъ переноситъ ее къ всемірной Географіи, въ общихъ чертахъ, утверждая свое происхожденіе отъ Афета.

Слова: «*Симъ-же, Хамъ и Афетъ, раздѣливше землю,*» и далѣе до словъ: «*Афетови-же пріяша западъ и полуночныя страны*, есть *Исторія всеобщая.* За симъ

идетъ *общая Исторія* начала, дѣленія и переселеній Славянскихъ народовъ, которые вытѣснены были изъ *нынѣшней* (XII-го вѣка) *земли Венгерской и Булгарской Волохами.*

Слѣдуетъ вставка *этнографическая*: *о пути Греческомъ*, явно Варяжская, и постороннее извѣстіе о путешествіи Андрея (кажется, Греческое, примѣненное къ Руси, о чемъ мы уже говорили). Лѣтописецъ дорожитъ честью Кіева, своего обиталища, и кстати вставляетъ извѣстіе *о первомъ основателѣ Кіева*: Русское преданіе.

За тѣмъ слѣдуетъ *всеобщая этнографія Сѣвера*, и всеобщая Исторія, вышеизложенная, уже послѣдуется *этнографіею настоящаго состоянія Руси* (въ XII вѣкѣ), подробною: «*И по сихъ братьи держати почаша родъ* «*свой*;» означеніе Славянскихъ и *не*-Славянскихъ народовъ, и подтвержденіе о происхожденіи ихъ отъ Афета.

Слѣдуетъ опять *Исторія* Славянъ, съ ссылкою на *прежде сказанное* (Славянску-же языку, *яко-же рекохомъ*, живущу *на Дунаѣ*). Это не что иное, какъ подробности того, что прежде было сказано: «Сѣли Словене *по Дунаю*, гдѣ *нынѣ Угорская земля и Булгарская, и Волохомъ нашедшимъ на Словене Дунайскіе, сѣдшимъ и насилящимъ въ нихъ, разыдошася.*» Лѣтописецъ объясняетъ:

какимъ образомъ сдѣлалась *на Дунаѣ Булгарская* и *Угорская земля*, повѣствуетъ о приходѣ *Булгаровъ* и *Угровъ Бѣлыхъ*, объясняетъ прежнія слова свои о *насилованіи Славянъ*, повѣствуя о *Дулебахъ*, древнемъ племени Славянъ, уже исчезнувшемъ, замѣненномъ *Бужанами*, или *Волынянами*, исчисляя переселенія не только древнія, Булгаровъ и Угровъ Бѣлыхъ, но и другія: *Обровъ* (Аваровъ), и позднѣйшія: *Печенѣговъ* и *Угровъ Черныхъ*, при Олегѣ. Сличите съ этимъ разсказъ на 6-й стран. Кен. и 3-й стр. Пушкинскаго списка, и замѣтьте разнорѣчіе, т. е. что *Волохи* здѣсь не упоминаются, но только *Угры* и *Булгары*.

Сюда слѣдуетъ приставить находящееся ниже: «*Дулебы живяху по Бугу*, гдѣ *нынѣ Волыняне.*» Тогда ясно увидимъ, что Дулебы и Тиверцы упоминаются въ *прошедшемъ* времени, и только недоразумѣніе наше вводило Дулебовъ и Тиверцевъ въ то переселеніе, когда Поляне, Древляне и прочіе, прежде исчисленные народы, перешли на Днѣпръ и Ильмень.

Лѣтописецъ начинаетъ снова *этнографію настоящаго*, словами, которыя два раза повторилъ прежде (*Поляномъ-же жившимъ особѣ*), и вставляетъ особенное переселеніе отъ Ляховъ, означая: *тѣ прямо отъ рода Славянскаго, а сіи отъ переселившихся*

съ Дуная Словенъ, *отъ Ляховъ*; сіи переселенцы суть: *Радимичи и Вятичи.* Онъ описываетъ за тѣмъ нравы (*Имяху-бо обычаи свои*), и что-бы не дивились странности описанія его современники, вставляетъ изъ Греческаго хронографа описаніе нравовъ, еще страннѣйшихъ: «*Глаголетъ-бо Георгій* (смотри труды Общ. Ист. и Древн. Росс. Ч. IV, кн. 1, стр. 177). Слѣдуетъ вставочное извѣстіе о дани Кіевлянъ Хазарамъ, и начало *настоящей Русской Исторіи.*

Тутъ явно:

1-е. Что текстъ перепутанъ, можетъ быть, переписчиками или дополнителями, всего-же скорѣе самимъ лѣтописателемъ, который выписывалъ изъ Греческихъ источниковъ и прибавлялъ отъ себя безъ всякой системы и методы.

2-е. Что въ матеріялахъ Нестора видимъ четыре источника:

1-е. *Георгій Амартола.* Изъ него стр. 1-я, половина 2-й, окончаніе 8-й, вся 9-я и 1 $\frac{1}{2}$ строки 10-й (Пушкинскаго списка) взяты вполнѣ.

2-е. Окончаніе 2-й и половина 3-й взяты изъ другаго источника; окончаніе 4-й, половина 5-й, можетъ быть, изъ того-же; скорѣе-же все это передѣлано и помѣщено сокращенно.

3-е. Исторія Славянъ вообще, съ 12-й строки 3-й стран. по 26-ю строку, и дополненіе сей Исторіи, въ двухъ послѣднихъ строкахъ

6-й стран., 14-ти первыхъ строкахъ 7-й стран., *пяти* строкахъ съ (25-й по 30-ю) на 7-й стран., явно *Греческаго* источника. Какого? И одного-ли? Не знаемъ; но это одно и тоже, и *не Русское* извѣстіе. Сообразите только слова: «*То называлось отъ Грековъ Великая Скиѳія.*»

4-е. Наконецъ, собственно *Русскія* вставки только слѣдующія: этнографія Сѣвера вообще (стран. 2.); переселеніе Славянъ на Днѣпръ (стран. 3.); путь Греческій (стран. 4); основатели Кіева (стран. 5); этнографія Руси въ XII-мъ вѣкѣ (стр. 6-я); дополненіе къ ней (стран. 7, строки 17—25); нравы Славянъ (стр. 7 и 8); дань Хазарамъ отъ Кіевлянъ (стр. 10).

Важныя слѣдствія сего чтенія:

1-е. Лѣтописецъ полагаетъ, что *Волохи* (Волохомъ-бо нашедшимъ, и проч.) вытѣснили Славянъ съ Дуная, и заставили ихъ разселиться въ Моравіи, Богеміи, Хорваціи, Сербіи, Хорутаніи, на Днѣпрѣ и Ильменѣ.

Онъ говоритъ потомъ, что вытѣснившіе съ Дуная Славянъ народы были: *Булгары, Угры Бѣлые* и *Обры*, которые пришли изъ Скиѳіи (т. е. отъ Хазаровъ), *такъ же*, какъ пришли потомъ *Печенѣги* и *Угры Черные* при Олегѣ. Прочитаемъ на стр. 15 (Пушкинскаго сп.) объ ихъ приходѣ:

«Въ лѣто 6406, идоша Угры мимо Кіева горою . . . пришедъ отъ Востока, и устремиша-

ся через горы великія, и почаша воевати на живущіе ту *Волохи* и Словени. Сѣдяху-бо ту прежде *Словене* и *Волохове* прияша землю Словенску; по семъ-же *Угры* прогнаша Волхи, и наслѣдоша землю, и сѣдоша съ Словены, покорivше я подъ ся; *оттолѣ прозвася земля Угорская.* И начаша воевати Угры на Греки, и поплѣниша землю Ѳраческую и Македонскую, даже и до Селуня,» и проч.

Ясно, что лѣтописецъ взялъ изъ двухъ источниковъ извѣстія на стр. 3 й и на стр. 6-й и 7-й, а на стр. 15-й хотѣлъ помирить оба извѣстія. Имена: *Булгарія*, *Венгрія* (Угрія), *Валлахія* смѣшивали его; но кто знаетъ Византійскія извѣстія, въ коихъ перемѣшаны Булгары и Волохи (*), тотъ легко пояснитъ все дѣло.

2-е. Лѣтописецъ утверждаетъ, что *были Славяне* на Днѣстрѣ, Бугѣ и Ильменѣ, когда *не было еще* Полянъ, Древлянъ и проч., составлявшихъ позднѣйшее переселеніе. Къ симъ древнимъ Славянамъ принадлежали, говоритъ

(*) Извѣстія Византійскихъ Историковъ, Стриттера (СПБ. 1775), т. IV, стр. 102 и слѣд. Впрочемъ: что такое *Волохи* (Wölchi)? Сообразите замѣчанія Добровскаго (Шлецеровъ Несторъ, Русск. пер. т. III, стр. 681) и сходство языковъ *Цельтическихъ* (см. Atlas ethnographique, Бальби, таблица XI) съ *Волошскимъ*. Здѣсь большіе виды для соображеній весьма отдаленныхъ.

онъ : *Дулебы* , жившіе по Бугу , которыхъ измучили и истребили Обры ; также : *Улучи* и *Тиверцы*, которыхъ города оставались и въ его время, которыхъ земля называлась отъ Грековъ *Великою Скиѳіею*, и простиралась отъ Днѣстра къ Дунаю. — Вспомнимъ неопредѣленность того, что называли Греки Скиѳіею; вспомнимъ имя Днѣстра: *Тирасъ*, Геродотовыхъ *Тиритовъ*, городъ *Тыгровъ* на Бугѣ (*), самое имя: *Тавра*, *Тавриды*. Выходитъ изъ всего, что имена *Дулебовъ*, *Тиверцевъ*, *Улучей*, не должны входить въ этнографію XII вѣка.

Предлагаю за симъ текстъ Нестора (по списку Пушкинскому) въ томъ порядкѣ, въ какомъ, по мнѣнію моему, читать его должно. Но прежде надобно дополнить наши замѣчанія.

Находимъ, что Олегъ *имѣлъ рать съ Улучами и Тиверцами*; далѣе, что въ походѣ на Царьградъ съ нимъ были *Дулебы* и *Тиверцы*; въ походѣ съ Игоремъ тоже *Тиверцы*. Полагаю, что все это вставки позднѣйшія. Переписчикъ дошелъ до покоренныхъ Олегу народовъ, и не нашедъ между ими Тиверцевъ и Улучей, вставилъ: *имѣяше рать*. Еще явнѣе вставка при

(*) *Вельтманъ*, Начертаніе Древней Исторіи Бессарабіи (М. 1828 г.)

походѣ Олега, гдѣ переписчикъ обличаетъ самъ себя, прибавляя *Хорватовъ*, а къ Тиверцамъ и Улучамъ, слова: «Яже суть толкованы, и си «вси звахуться отъ Грекъ Великая Скиѳь» (*Кенигсб.* стр. 24). Наконецъ при Игорѣ являются одни *Тиверцы.* Но гдѣ постепенность ихъ покоренія? Куда дѣвались они послѣ? Вставка — и ничего болѣе!

Осмѣливаюсь думать, что мнѣ простятъ ошибки, могущія вкрасться въ мои предположенія, за тѣ новые виды для Исторической истины, которые ими открываются. Повторю уже много разъ сказанныя слова: Je tiefer gegraben wird, desto herrlicher wird die Ausbeute seyn; Lichter mögen herein gebracht werden, so viele als möglich; es ist des Dunkels noch recht viel.

Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть.

Се начнемъ повѣсть сію.

I. Всемірная Исторія и Этнографія.

По потопѣ тріе сынове Ноевы раздѣлиша землю, Симъ, Хамъ и Афетъ, и жребій метавше не преступати никому-же въ жребій братень, живяху каждый въ своей части. Бысть языкъ единъ, и умножившимся человѣкомъ на земли, помыслиша здати столпъ до небесе, во дни Нектана и Фалека. И собрашася на мѣстѣ Сеннаарполѣ здати столпъ до небесе, и градъ около его Вавилонъ, и созидаху столпъ той, за 40 лѣтъ не совершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И смѣси Богъ языки, и раздѣли на 72 языкъ, и разсѣя по всей земли. По размѣшеніи-же языкъ, Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ, и есть останокъ его промежи Ассура и Вавилона, и есть въ высоту саженей Е У Л Г, столько-же и въ ширину, и въ лѣта многа хранимъ останокъ.

По разрушеніи-же столпа, и по раздѣленіи языкъ, прияша сынове Симовы восточныя страны,

а Хамове сынове полуденныя страны, Афетовы-же пріяша западъ и полуночныя страны.

И яся востокъ Симови: Персія, Вактріана, даже до Индіи, въ долготу и въ ширину до Ринокорура, якоже рещи отъ востока, даже и до полудня: и Сирія, Мидія по Евфратъ рѣку, Вавилонъ, Кордуна, Ассирія, Месопотамія, Аравія старѣйшая, Елмаисъ, Индія, Аравія сильная, Комагена, Финикія.

Хамови-же яся полуденная страна: Египетъ, Ефіопія, прилежащая къ Индіи, другая Ефіопія, изъ нея-же исходитъ рѣка Ефіопская, Чермна, лежащая на востокъ, Өиваида, Ливія, прилежащая до Киринеи, Мармарія, Сиртисъ, другая Ливія, Нумидія, Массурія, Мавританія, противосуща Гадеру. Сущія-же къ Востоку имать: Киликію, Памфилію, Писидію, Мизію, Ликаонію, Фригію, Кавалію, Ликію; Карію, Лидію, Амазію, Троаду, Еолиду, Виөинію, старую Фригію. И островы нѣки имать: Сардинію, Критъ, Кипръ, и рѣку Гіонъ, зовомую Нилъ.

Афетови-же яся полунощная страна и западная: Мисія, Албанія, Арменія малая и великая, Каппадокія, Пафлагонія, Галатія, Колхида, Воспоръ, Меотія, Деррисъ, Сарматія, Таврія, Скиөія, Өракія, Македонія, Далматія, Моллосида, Өессалія, Локрія, Пеленія, яже и Пелопонисъ наречеся, Аркадія, Епиръ, Иллирія, Словене, Лухоція, Луріакія, Адріатическая пучина.

Имать-же и острова: Британію, Сицилію, Евбею, Родосъ, Хіосъ, Лесбосъ, Киѳеру, Закинѳъ, Кеѳалонію, Иѳаку; Корциру, часть Азіятскія страны, нарицаемую: Іонія; рѣку Тигръ, текущую между Мидіи и Вавилономъ. — *До Понтскаго моря на полунощныя страны: Дунай, Днѣстръ, и Кавказійскія горы, рекше Угорскія, и оттуда даже до Днѣпра, и прочія рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга, яже идетъ на востокъ, въ часть Симову.*

II. *Легенда о путешествіи св. Апостола Андрея въ Кіевъ и Новгородъ.*

А Днѣпръ втечетъ въ Понтское море жереломъ, еже море словетъ Русское, по нему же училъ святый Андрей братъ Петровъ, якоже рѣша: Андрею учащу въ Синопіи и пришедшу ему въ Корсунь, увидѣ, яко изъ Корсуня близь устье Днѣпрское, восхотѣ пойти въ Римъ, и проиде въ устье Днѣпрское; оттолѣ пойде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на брезѣ. Заутра воставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быть и церкви многи Богъ воздвигнути имать. Вошедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ,

и помолився Богу, и слѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Кіевъ, и пойде по Днѣпру горѣ. И приде въ Словены, идѣже нынѣ Новгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють, хвощуться и удивися имъ. Иде въ Варяги, и приде въ Римъ, исповѣда елико научи, и елико видѣ, и рече имъ: дивно видѣхъ Словенскую землю; идучи ми сѣмо, видѣхъ бани древяны, и пережгуть е рамяно, совлокуться, и будутъ нази, и облѣются квасомъ уснияным, и возмуть на ся прутье младое, бьються сами и того ся добьють, егда влѣзуть ли живи, и облѣются водою студеною, тако оживутъ; и то творятъ по вся дни не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье себѣ, а не мученье. То слышаще дивляхуся. Андрей-же, бывъ въ Римѣ, приде въ Синопию.

III. *Исторія Славянскихъ народовъ.*

Отъ сихъ же 72-хъ языку бысть языкъ *Словѣнескъ* отъ племени Афетова *Нарци*, еже суть Словѣне. По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ *Оугоръска* земля и *Болгаръска*.

Словѣньску-же языку, якоже рекохомъ, живуще на Дунаи, придоша отъ *Скуфъ*, рекше отъ *Козаръ*, рекомии *Болгаре*, сѣдоша по Ду-

наеви, населници Словѣномъ быша. Посемъ придоша *Оугри бѣлии*, наслѣдиша землю Словѣньску. Си бо Оугри почаша быти при *Раклии* Цари, иже находиша на *Хоздроя Царя Перьскаго*. Въ си же времена быша и Обри, ходиша на Аръклия Царя, и мало его не яша. Си же Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша *Дулебы*, сущая Словѣны, и насиліе творяху женамъ Дулѣпьскимъ. Аще поѣхати будяше Обърину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи Г ли Д ли, Е ли женъ въ телѣгу и повести Обърѣна: такоже мучаху Дулѣбы. Быша бо Объръ тѣломъ велици и умомь горди, и Богъ потреби я, помроша вси, и не остася ни единъ Объринъ; есть притча въ Руси и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихже нѣсть племени, ни наслѣдъка. По сихъ же придоша Печенѣзи; паки идоша *Оугри чернии* мимо Киевъ, послѣ же при Олзѣ (*).

(*) Въ лѣто 6406, Идоша Оугри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Оугорьское, пришедше къ Днѣпру, и сташа вежами; бѣша бо ходяще аки се Половци. Пришедъ отъ встока и устремишася черезъ горы великия, и почаша воевати на живущая ту Волхи и Словѣни. Сѣдяху бо ту прежде Словѣни; и Волохове прияша землю Словеньску; посемже Оугри прогнаша Волхи, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, покорившe я подъ ся: оттолѣ прозвася земля Оугорьска. И начаша воевати Оугри на Греки, и

Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне, а *Оулучи*, *Тиверци* сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру или до моря, супь гради ихъ и до сего дне; да що ся зваху опъ Грекъ *Великая Скуфь*.

Опъ пѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на копоромъ мѣспѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава и прозвашася *Морава*, а друзии *Чеси* нарекошася; а се пиже Словѣни: *Хровате бѣлии*, и *Серебь*, и *Хорутане*. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунаиския, сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася *Ляхове*; а опъ пѣхъ Ляховъ прозвашася *Поляне*, Ляхове друзии *Лутичи*, ини *Мазовшане*, ини *Поморяне*. Такоже и пи Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру, и нарекошася *Поляне*; а друзии *Древляне*, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; а друзии сѣдоша межю Припепью и

поплѣниша землю Фрачьску и Макидоньску даже и до Селуня, начаша воевапи на Мараву и на Чехи. Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихже пріяша Оугри, и Марава, Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книги Маравѣ, яже прозвася грамопа Словѣньская, яже грамопа есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунаискихъ.

Двиною, и нарекошася *Дреговичи*; рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася *Полочане*. Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и здѣлаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася *Сѣверъ*. Тако разидеся Словѣньскии языкъ; тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Поляномъ же живущемъ особѣ, яко же рекохомъ, суще отъ рода Словѣньска, и нарекошася Поляне; а Древляне же отъ Словѣнъ же, и нарекошася Древляне; *Радимичи* бо и *Вятичи* отъ Ляховъ. Бяста бо два брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другіи Вятко, и пришедша сѣдоста, Радимъ на Сожю, прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи. И живяху въ мирѣ Поляне, и Деревляне, Сѣверъ, и Радимичь, и Вятичи и Хорвате.

Полемъ же жившемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. Быша братья, единому имя Кии, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяще Кии на горѣ, гдѣже нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьеи

горѣ, отъ негоже прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣишаго и нарекоша имя ему Киевъ; бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихже есть Поляне в Киевѣ и до сего дне. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кии есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра: тѣмь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кии, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кии княжаше въ родѣ своемь. Приходившю ему ко Царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ отъ Царя, при которомь приходивъ Цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даше ему ту близь живущии; еже и до нынѣ наричють Дунай городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свои градъ Киевъ, ту животь свои сконча; а братъ его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

IV. *Современная Нестору Этнографія Сѣвера.*

И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а

другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волги, а на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Кривичи. Таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣ озерѣ сѣдять Весь, а на Ростовьскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же. По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свои, и Черемиси свои языкъ, Морьдва свои языкъ. Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Новогородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане: зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Волыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь; си суть свои языкъ имуще, отъ колена Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ.

Въ Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци, Меря, Мурома, Весь, Морьдва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Оугра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтьгола, Любь. Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжьскому. По сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Аглянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Оурмане, Русь, Агляне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици

Фрягове и прочии; ти же присѣдять отъ запада къ полуночью и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ.

V. РАЗНЫЯ ВСТАВКИ.

А. *О пути изъ Сѣвера въ Грецію и на Востокъ.*

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки; и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Ілмерь озеро великое, изъ негоже озера потечетъ Волховъ, и вытечеть въ озеро великое Нево, того озера внидѣть устье въ море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по томуже морю ко Царюгороду, а отъ Царягорода прити въ Понотъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на полдне; а Двина изъ тогоже лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и внидеть въ море Варяжьское; изъ тогоже лѣса потече Волга на въстокъ, и втечетъ семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское. Тѣмже изъ Руси можеть ити въ Болгары и въ Хвалисы, на въстокъ доити въ жребии Симовъ; а по двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова.

В. *О нравахъ Славянскихъ народовъ.*

Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свои нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матерямъ, и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнья имѣху, брачные обычаи имяху; не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по неи, что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: оубиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака оу нихъ не бываше, но оумыкиваху оуводы дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычаи имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всяки звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту оумыкаху жены собѣ съ неюже кто свѣщашеся; имяхуже по двѣ и по три жены. Аще кто оумряше, творяху трызноу надъ нимъ, и посемь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца, сожьжаху, и посемь собравше кости, вложаху в судину малу, и поставяху на столпѣ на путехъ; еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи,

прочии погании, не вѣдуще закона Божья, но творящи сами собѣ законъ.

С. *О правахъ различныхъ народовъ.*

Глаголешь Георгии въ лѣшописаньи: ибо комуждо языку овѣмъ написанъ законъ есть, другимъ же обычаи; зане безаконьникомъ отечьствіе мнится. Отъ нихже первие Сирии, жиоуще на конець земля, законъ имушь отець своихъ обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклевешати, ли оубиши, ли злодѣяти весьма. Законъ же Нукширианъ, глаголеми Врахмане и Островьници, іеже отъ прадѣдъ показаньемъ, благочестьемъ мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, ни какоя же злобы творяще, страха ради многа. Ибо явѣ шаче прилѣжащимъ к нимъ, оубистводѣиици, скверношворяще, гнѣвливіи паче естества, в нутрьнѣишеи странѣ ихъ человѣкъ ядуще, и страньствующихъ оубиваху, паче же ядять яко пси. Етеръ же законъ Халдѣемъ, Вавилонямъ, матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и оубиваті; всякое бо студное дѣянье яко дѣтелье мнятся дѣюще, любо далече страны своея будуть. Инъ же законъ Гилиомь: жены в нихъ орють, зижють храми, мужьская дѣла творять, но любы творять елико хощеть, не въздержаеми отъ мужии своихъ весьма, ли зрять; въ нихъ же

суть храбрыя жены ловити звѣрь крѣпко, владѣють же жены мужи своими и добляють ими. Во Вретаньи же мнози мужи съ единою женою спять, и жены съ единымъ съ мужемъ похотьствують, безаконьная законъ отець творять независтьно, ни въздержаньно. Амазоняне же мужа не имуть, но и аки скотъ безсловесныи единою лѣтомъ къ вешнымъ днемъ оземствени будуть, и сочтаются съ окрестныхъ; ибо мужи яко нѣкоторое имъ торжьство и велико празденьство время тѣмъ мнять. Отъ нихъ заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсюду вси: во время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубять; аще дѣвоческъ полъ, то въздоять прилѣжнѣ, въспитають. Якоже се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отець своихъ: кровь проливати, а хвалящеся о сихъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомѣки и сосулы, поимають мачехи своя, ятрови и ина обычая отець своихъ творять. Мы же Хрестеяне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

D. *О покоренiи Полянъ Хазарами.*

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея быша обидимы Древлями и онѣми окольними, и наидоща я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ в

лѣсѣхъ, и рѣша Козари: платите намъ дань. Сѣдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему, и къ старийшинымъ, и рѣша имъ се налѣзохомъ дань ноoу. Они же рѣша имъ: откуду? они же рѣша: в лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою. Они же рѣша: что суть вѣдали? они же показаша мечь. Рѣша старци Козарьстии: недобра дань, Княже! мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ. Сеже сбыся все; не отъ своея воля рекоша, но отъ Божья повелѣнья. Яко при Фаравонѣ Цари Еюпетьстѣмь, еда приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣишина Фараоня: се хочеть смирити областъ Еюпетьскую. Якоже и бысть; погибоша Еюптяне отъ Моисѣя, а первое быша работающе имъ: тако и си владѣша, а послѣ же самѣми владѣють; якоже бысть, володѣють Козары Русьские и до днешняго дне.

IV.

Выписка изъ Лѣтописей Русскихъ

о Сѣверѣ Европы и Сѣверо-Востокѣ Азіи *(продолженіе Несторовой лѣтописи, Кенигсбергскій списокъ, листъ* 135-*й, подъ* 1096 *годомъ).*

. . . . Безбожніи сынове Измаилови пущены на казнь Христіанамъ. Аще либо сіи суть отъ пустыни Евритійскія, межи востокомъ и сѣверомъ, числомъ ихъ четыре колѣна, Торкмени, Печенѣзи, Торки и Половцы. Меѳодій-же свидѣтельствуетъ о сихъ, яко восемь колѣнъ побѣгли суть, егда иска Гедеонъ, и восемь ихъ бѣжавъ въ пустыню, а четыре иссѣче. Друзіи-же глаголютъ: сыны Аммоновы; нѣсть тако: сынове-бо Моавли Хвалисы, а сынове Аммоновы Булгаре, а Срацины отъ Измаила и творятся Сарани, прозваша имя Саракине; рекше: Саррины есьмы. Тѣмъ-же Хвалисы и Булгары суть отъ дщерей Лотовыхъ, иже зачаста отъ отца своего, тѣмъ же не чисто племя ихъ. Измаиль-же родъ двѣнатцати сына, отъ нихъ же суть Торкмени, Печенѣзи, Торки и Половцы, иже исходятъ отъ пустыни. И по сихъ восемь колѣнъ къ кончинѣ велика изыдутъ, заклепани въ горѣ Александромъ Македонскимъ нечистые человѣки.— Се же хощу сказати, яже слышалъ

преже сихъ четырехъ лѣтъ, еже ми сказа Гуря Тароговичь Новгородецъ, глаголя: послахъ отрока своего въ Печеру; людіе же суть дань дающе Новугороду, и пришедше отроку моему къ нимъ; и оттуду иде въ Угру. Угра-же суть людіе языкъ нѣмъ, и сосѣдятъ со Самоядью на полунощныхъ странахъ; Угра рекоша отроку моему: давно находимъ мы чудо ново; его-же нѣсьмы слышали преже сихъ лѣтъ, се же третіе лѣто поча быти. Суть горы зайдучи въ Лукоморя, имъ-же высота аки до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ и сѣкутъ гору, хотячи просѣщись. И есть въ горѣ той просѣчено оконце мало, и туда молвятъ не разумѣти языку ихъ, покажутъ желѣзо, и помоваютъ рукою просяще желѣзо, и аще кто дастъ имъ желѣзо, или ножъ, или сѣкиру, и они даютъ скорою противу. Есть бо путь до горъ тѣхъ не проходимъ: пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ-же не доходимъ ихъ всегда, есть ли-же и подалъ идуще на полунощью. Мнѣ-же рекшу Гурятѣ: се суть людіе заклепани Александромъ, Македонскимъ Царемъ, яко же сказа о нихъ Меѳодій Патарійскій, глаголя: Александръ, Царь Македонскій, взыде на восточныя страны моря, нарицаемыя: Солнычь мѣсто, и видѣ человѣки нечистые, отъ племени Аѳетова; ихъ же нечистоту видѣвъ, ядяху скверну всяку; комары, мухи, кошки, змія; мертвеца не по-

гребаютъ, но ядятъ, и ядяху, и скоты вся нечистыя, то видѣвъ Александръ убояся, егда како умножатся и осквернятъ землю, и загна ихъ на полуночныя страны, въ горы высокія, и Богу повелѣвшу, соступившеся о нихъ горы великія, только не соступиша съ горы на 12 локоть, и сотвори врата мѣдяная, и помаза сунклитомъ, и аще хотятъ взяти не возмогутъ, не огнемъ могутъ ижжещи, вещь бо сунклитова есть, ни огнь ижжещи его, ни желѣзо его пріиметъ. Въ послѣдніе-жь дни по сихъ осьми колѣнъ изыдутъ отъ пустыни Евритійскія сіи скверніе языци, иже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнію Божію. Но мы на прежнее обратимся, яко же бѣхомъ первѣе рекли. . . .

V.

Выписка изъ Несторовой Лѣтописи

О пришествіи Варяговъ (*Сводъ изъ Кенигсбергскаго и Пушкинскаго списковъ*.— Въ основаніе принятъ Кенигсбергскій списокъ; варіянты Пушкинскаго внесены курсивомъ въ скобкахъ).

—Въ лѣто 6367, имаху дань Варязи изъ заморья въ Чуди, на Словенехъ, на Меряхъ, и на всѣхъ Кривичехъ, а Козаре имаху на Полехъ, и

на Сѣверѣ, и на Вятичехъ, имаху по бѣлей вѣверицѣ отъ дыма.— Въ лѣто 6368, въ лѣто 6369, въ лѣто 6370, быша Варязи изъ заморья и не даша имъ дани (П. *изгнаша Варяги за море*, и не даша имъ дани), и почаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды и восташа родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, воевати почаше сами на ся, и рѣша сами къ себѣ: поищемъ себѣ Князя, иже-бы владѣлъ нами и рядилъ по праву. И идоша за море къ Варягамъ Руси, сице бо тіи звахусь Варяги Русь яко се друзіи зовутся Свіе, друзіи-жь Урмяне, Ингляне, другіи Готи, тако-же и си. Рѣша Руси Чудь и Словене и Кривичи и вси: земля наша велика и обильна (П. рѣши Руси Чюдь, Словени *и Кривичи вся*, земля наша и проч,), а наряда въ ней нѣтъ, да пойдете у насъ княжити и володѣти (П. да пойдете княжить *и володѣть нами*). И избрашась тріе братья съ роды своими и пояша себѣ всю Русь и пріидоша (П. *пояша по себѣ всю* Русь и придоша) къ Славеномъ первое, и срубиша городъ Ладогу и сѣде въ Ладозѣ старѣй Рюрикъ (П. послѣ словъ: « *и придоша* »—*старѣйшій Рюрикъ* слѣдуетъ пропускъ. Въ Троицкомъ спискѣ (См. *Ист. Гос. Росс.* т. I, прим. 278) былъ также пропускъ, а между строками, послѣ имени Рурика, вписано: *Новг*. . .), а другіи *Синеусъ* (ошибочно: *Сидеунасъ*) на Бѣлѣ озерѣ, а

третій Труворъ въ Исборску, и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля Новгородъ (П. *Новгородци*), тіи суть людіе Новогородцы отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словене *до Рюрика нарекошася* (въ П. сихъ словъ нѣтъ). *По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прія всю власть Рюрикъ одинъ, и пришедъ ко Илмерю и сруби городокъ надъ Волховомъ и прозва Новгородъ и сѣдѣ ту княжа* (вмѣсто сихъ словъ, въ П.: «По дву же лѣту Синеусъ умре и братъ «его Труворъ, и прія власть Рюрикъ) раздая волости мужамъ своимъ и городы рубити, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро, и по тѣмъ городомъ находницы суть Варязи, а первыи насельници въ Новѣгородѣ Словене, въ Полоцку Кривичи, въ Ростовѣ Меряне, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.— . . .

VI.

О Церковно-Славянскомъ языкѣ и составленіи Славянской Азбуки.

Соображая Славянъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, мы находимъ, что болѣе или менѣе отличныя одинъ отъ другаго, но отъ одного корня происходящія и нынѣ существующія *Славянскія нарѣчія*, могутъ быть раздѣляемы на

слѣдующія восемь отдѣленій: 1-е, нарѣчіе *Россійское* (нашъ *Русскій языкъ*); 2-е, нарѣчіе *Сербское*, къ которому причисляются языки: собственно-Сербовъ, Булгаровъ, Босняковъ, Черногорцевъ, Славоновъ и Далматійцевъ (вообще Славянъ, обитающихъ на сѣверъ отъ древней Ѳракіи и Греціи, и на югъ отъ Германіи, Венгріи и Россіи); 3-е, нарѣчіе *Кроатское*: языкъ Славянъ на сѣверо-западъ отъ Сербскаго нарѣчія (Кроатовъ, живущихъ между Штейермаркомъ, Венгріею, Славоніею, Босніею, Далмаціею и Адріатическимъ моремъ); 4-е, нарѣчіе *Виндическое*: языкъ Славянъ въ Штейермаркѣ, Каринтіи и Краинѣ; 5-е, нарѣчіе *Богемское* (языкъ *Чеховъ и Моравовъ*), языкъ Славянъ, обитающихъ между Саксоніею, Силезіею, Венгріею, Австріею и Баваріею; 6-е, нарѣчіе *Словакское*, языкъ Славянъ, живущихъ въ Сѣверной Венгріи; 7-е, нарѣчіе *Польское* (языкъ древнихъ *Ляховъ*), обитателей прежняго Польскаго государства; 8-е, нарѣчіе *Сорабское* или *Вендское*, языкъ древнихъ Балтійскихъ Славянъ, коихъ остатокъ живетъ въ Саксоніи и Пруссіи (въ Лаузицѣ).

Каждое изъ сихъ нарѣчій подраздѣляется еще на многія отрасли. Такъ въ нашемъ Русскомъ языкѣ мы находимъ нарѣчія: *Новгородское*, коимъ говорятъ на Сѣверѣ Россіи и въ Сибири; *Московское*, общепринятой языкъ лучшихъ

обществъ, принадлежащій собственно Москвѣ; *Малороссійское*, имѣющее много своихъ особенныхъ грамматическихъ формъ, и всѣхъ далѣе отошедшее отъ корня своего, языка Русскаго. Въ сихъ частныхъ нарѣчіяхъ Русскаго находимъ еще дальнѣйшія дѣленія.

До сихъ поръ не опредѣлены взаимныя отношенія Славянскихъ нарѣчій. Аббатъ Добровскій, и въ слѣдъ за нимъ другіе, раздѣляютъ вообще всѣ Славянскіе языки на *двѣ* части, называя одну *языками Антовъ*, другую языками собственно-*Славянъ*, (см. о различіи Антовъ и Славянъ, выше, стр. 42). Но сіе раздѣленіе невѣрно, и самые признаки раздѣльности выведены недостаточно. Намъ говорятъ, напримѣръ, что въ Антскихъ языкахъ (Русскомъ, Сербскомъ, Кроатскомъ, Виндическомъ) преимуществуютъ буквы: А, Щ и Е; говорится: *разумъ, равенъ*, *работа*, *расту*, *пещи*, *мощи*, *пещь*, *мощь*, *пепелъ*, а въ собственно-Славянскихъ (Богемскомъ, Словакскомъ, Сорабскомъ, Польскомъ) буквы: О и Ц; говорится *розумъ*, *ровенъ*, *робота*, *росту*, *пеци*, *моци* *пецъ*, *моцъ*, *попелъ*). Напротивъ: въ Новогородскомъ, самомъ обширномъ изъ Русскихъ нарѣчій (слѣдственно, относящемся къ Антскимъ языкамъ), буква О преимуществуетъ, и говорится: *розумный*, *ровенъ*, *робота*,

росту; а вмѣсто: *мощь*, *пещь*, всѣ мы Руссы говоримъ: *мочь*, *печь*. Гдѣ-же вѣрность распредѣленія?

Географы полагаютъ, что по языкамъ и нарѣчіямъ, Славяне, въ настоящемъ ихъ состояніи, находятся въ слѣд. положеніи:

Русскаго нарѣчія Славянъ считается до	35,000,000
Сербскаго нарѣчія до.	3,040,000
Кроатскаго.	730,000
Виндическаго.	800,000
Богемскаго.	3,700,000
Словакскаго.	1,800,000
Польскаго.	10,000,000
Вендскаго или Сорабскаго.	200,000
	55,270,000

Если во всей Европѣ положить обитателей 200,000,000, слѣд. Славяне составляютъ *четвертую часть* Европейскаго народонаселенія. По политическому раздѣленію, изъ 55 милліоновъ Славянъ, Россія заключаетъ въ себѣ до 40,000,000; Австрія до 12 милліоновъ; Пруссія 2 милліона слишкомъ; Турція болѣе милліона; Саксонія считаетъ подданныхъ Славянъ до 50 тыс.; въ Черногоріи находится Славянъ до 60 тыс.; въ вольномъ городѣ Краковѣ 100,000.— По религіи: Греческому исповѣданію слѣдуетъ до $35\frac{1}{2}$ милліоновъ Славянъ; Римско-Католическому и Уніатскому до $18\frac{1}{2}$ милліоновъ; остальные суть Протестантскаго исповѣданія.

Такова нынѣшняя мѣстная народность Славянъ. Мы уже говорили (стр. 40 и слѣд.) объ

Исторіи Славянскихъ народовъ, ихъ происхожденіи, переселеніяхъ и дѣленіяхъ на разныя государства. Само по себѣ разумѣется, что первоначальные Славяне должны были говорить *однимъ*, *общимъ* языкомъ. *Какой* былъ сей языкъ? Мы не знаемъ, ибо письменные только памятники могутъ сохранить намъ память языка, а безъ сего языкъ народа исчезаетъ во времени, какъ звуки, *произносимые* человѣкомъ, въ пространствѣ. Мы не знаемъ языковъ Хазарскаго, Аварскаго, и *первоначальнаго Славянскаго*, ибо первые два вовсе письменъ не имѣли, а письмена для Славянскихъ звуковъ изобрѣтены были въ IX вѣкѣ, когда Христіанская вѣра была введена между Славянами. Безсмертные глаголы Божественнаго Писанія были *первыми* словами, *написанными* на Славянскомъ языкѣ.

Мы видѣли, что Славянская азбука была составлена двумя Греческими проповѣдниками. Тогда первобытный Славянскій языкъ уже *не могъ существовать*. Славяне составляли уже различные, отдѣльные народы. Отъ сего раждается важный и любопытный вопросъ: *на какое изъ Славянскихъ нарѣчій, въ IX-мъ вѣкѣ, переведено было Священное Писаніе Греческими проповѣдниками?* Не говоря о различіи мнѣній, предложимъ здѣсь два самыя важныя рѣшенія сего вопроса.

Первое рѣшеніе. Славяне въ IX-мъ вѣкѣ говорили хотя и отдѣльными нарѣчіями, но различія между оными не были еще весьма велики. Славянскіе обитатели Греціи, Сербіи, Булгаріи весьма сходствовали въ языкахъ своихъ. На сей-то языкъ переведено Св. Писаніе, и потому языкъ церковныхъ книгъ есть *самый близкій къ первоначальному Славянскому языку*, и древнѣйшій изъ всѣхъ различій Славянскихъ народныхъ языковъ.

Второе рѣшеніе. Когда проповѣдники Греческіе начали переводить Св. Писаніе, то нарѣчія Славянскія, хотя не въ такой степени какъ нынѣ, но разнились уже между собою. Переводъ начатъ былъ Греческими проповѣдниками въ Царьградѣ; они знали Славянское нарѣчіе своей родины, Селуня; окрестъ Селуня жили *Сербы*, слѣд. переводъ сдѣланъ былъ на Сербскій языкъ. Дѣйствительно: изъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій, ни одно столь близко не подходитъ къ языку церковныхъ книгъ, какъ *нынѣшнее Сербское.* Что Сербы точно жили окрестъ Селуня, и слѣд., что Кириллъ и Меѳодій должны были знать Сербское-Славянское нарѣчіе; также, что они начали переводить Св. Писаніе въ Царьградѣ, еще до отбытія на свою Паству, на все это есть историческія свидѣтельсства. И такъ: въ пользу *втораго рѣшенія* мы находимъ убѣдительныя доказа-

тельства; въ пользу *перваго* остаются одни предположенія.

Принявъ въ основаніе, что *древнее Сербское нарѣчіе былъ тотъ языкъ, на который преложены книги Св. Писанія*, присовокупимъ къ сему слѣдующія дополненія:

1. Греки въ IX вѣкѣ не могли имѣть надлежащаго понятія о сущности переводовъ, и думали, что переводъ долженъ сохранять въ себѣ всевозможную близость къ Греческому подлиннику, съ пожертвованіемъ языка, на который переводится Греческій подлинникъ.

2. Они не могли въ грубомъ, необразованномъ языкѣ Славянскомъ сыскать выраженій для всѣхъ тонкостей богатаго, сильнаго Греческаго, особливо Библейскаго языка, и посему множество словъ взяли, по аналогіи, въ особенномъ смыслѣ, множество составили вновь, множество взяли безъ перевода Греческихъ.

Такимъ образомъ, и вышеприведеннаго втораго рѣшенія о Церковномъ языкѣ, не льзя принять безусловно, но для полноты понятія о Церковномъ языкѣ слѣдуетъ выразиться такъ:

Церковный Славянскій языкъ *никогда* и *нигдѣ* не былъ народнымъ, разговорнымъ, но составленъ, или, такъ сказать, *изобрѣтенъ* Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ для перевода Св. Писанія, при чемъ взяли они въ основаніе *древній Сербскій* языкъ, но преобразили его по

Греческимъ формамъ, измѣнили, выдумали слова, слѣд., Церковный Славянскій языкъ долженъ быть почитаемъ *особымъ книжнымъ языкомъ, ни къ какому нарѣчію, а также къ первоначальному языку Славянъ вовсе не принадлежащимъ.*

Возраженія противъ сего:

1. *Почему мы предполагаемъ, что Греки не могли понимать, въ чемъ состоитъ сущность переводовъ?*

Не могли по степени образованія своего, ибо они полагали, что перевесть значитъ переставовить слова, держась голословно Греческаго подлинника. Іоаннъ, Экзархъ Булгарскій, переводя одну духовную книгу съ Греческаго языка, почелъ за необходимое оговориться, что никакъ не могъ онъ перевесть ея въ точности, ибо часто роды именъ въ Греческомъ языкѣ противъ Славянскаго различны. Не дѣйство-ли это понятій? Такъ въ послѣдствіи, Славянскіе Грамматики приводили въ доказательство Грамматическихъ формъ Славянскихъ, что *такъ* въ Греческомъ, слѣдственно, *такъ* и въ Славянскомъ. Самая азбука Славянская была списокъ съ Греческой, гдѣ много буквъ находилось излишнихъ (какъ-то: *зѣло, и, оу, икъ, отъ, юсъ, двойное о, ѣ, кси, пси, ѳита, ижица*), а нѣкоторыхъ недоставало (какъ-то: буквы для звука ё).

2. *Какъ-же могли Славяне понимать Церковный языкъ?*

Плохо; но все лучше нежели Греческій, или Латинскій, а сего было для нихъ довольно. Неужели думаютъ, что переводы Библіи на разные необразованные языки, какъ-то: Зырянскій, Самоѣдскій, Бурятскій, вполнѣ понятны Зырянамъ, Самоѣдамъ, Бурятамъ?—Замѣтимъ, что Церковныя книги были безпрерывно исправляемы въ послѣдствіи. Скажемъ болѣе: не зная Греческаго подлинника, кто въ состояніи даже нынѣ дать полное разумѣніе нижеслѣдующимъ примѣрамъ?

«*Утробу неопально образуютъ отроковицы, иже въ ветсѣмъ опаляеміи юноши, преестественно раждающую, запечатлѣнну, обоя же содѣвающи чудодѣйство едино, люди къ пѣнію воставляетъ благодать*».

«*Любити убо намъ яко безбѣдное страхомъ удобѣе молчаніе, любовію-же Дѣво, пѣсни ткати спротяженно сложенныя, не удобно есть: но и мати силу, елико есть произволеніе даждь.*»

Между тѣмъ, сіи духовныя пѣсни слышатъ, *разумѣютъ*, и сами поютъ въ храмахъ нашихъ всѣ простолюдины; но велика-ли степень ихъ разумѣнія въ семъ случаѣ?

Положить такое основаніе къ сужденію о

Церковномъ Славянскомъ языкѣ въ самомъ началѣ, для насъ весьма важно; мы будемъ слѣдовать за Исторіею сего языка, ибо книги, на ономъ писанныя, составляли всю Литтературу Русскую почти до XVIII-го столѣтія. Въ послѣдствіи, худо составленныя понятія о Церковномъ языкѣ Славянскомъ раждали множество ошибокъ и недоумѣній, коихъ слѣды видны еще у насъ донынѣ.

VII.

Договоръ Олега съ Греками.

(Изъ Кенигсбергскаго списка).

Мы отъ роду Рускаго Карлъ, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремундъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Каръ, Фрелавъ, Руалъ, Актевъ, Труанъ, Лидулъ, Фестъ, и Стемидъ, посланніи отъ Ольга великаго Князя Рускаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ Князь, и его великихъ бояръ, къ вамъ Львови и Александрови, и Костянтину, великимъ о Бозѣ самодержцемъ, Царемъ Греческимъ, на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межи Хрестіаны и Русью бывшюю любовь, похотѣніемъ нашихъ великихъ Князь, и по повелѣнію отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, су-

щихъ Руси. Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ еже о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межи Хрестіаны и Русью, многажды право судихомъ; но точію простословесне и писаніемъ и клятвою твердою кленшесь оружьемъ своимъ, такую любовь утвердити и извѣстити по вѣрѣ и по закону нашему, якоже не мы ся имали о Божьи вѣрѣ и о любви главы таковыя.

1) По перьвому убо слову да умиримся съ вами Греки: да любимъ другъ друга отъ всея души и изволенія, и не вдадимъ, елико наше изволеніе, быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ свѣтлыхъ никакому-жъ соблазну или винѣ; но подщимся, елико по силѣ, на сохраненіе прочихъ, и всегда лѣть съ вами Греки исповѣданіемъ и написаніемъ со клятвою извѣщаемую любовь быти не превратну и не постыжну. Такожъ и вы Греки да храните такову-жъ любовь ко Княземъ нашимъ свѣтлымъ Русскимъ, и ко всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлаго Князя нашего, несоблазну и непреложну всегда и во вся лѣта. А во главахъ урядили сице.

2) Аще ся ключитъ проказа, да елико явѣ будетъ показаніи явленными, да имѣютъ вѣрные о тацѣхъ явленіи: а ему-жъ начнутъ не яти вѣры, да кленется часть та, яже ищетъ неятью вѣры. Да егда кленется по вѣрѣ своей, и бу-

детъ казнь, яко-же явится согрѣшенье, о семъ.

3) „Аще кто убьетъ или Хрестьянина Русинъ, или Хрестьянинъ Русина, да умретъ, идѣже аще сотворитъ убійство. Ащель убѣжитъ сотворивый убійство, аще есть домовитъ, да часть его, сирѣчь яже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіенаго; а и жена убившаго да иметъ толицѣмъ, еже пребудетъ по закону. Ащель есть неимовитъ сотворивый убой, и убѣжитъ, да держится тяжи, дондеже обрящется, да умретъ.

4) Аще ли ударитъ мечемъ или убьетъ кацѣмъ любо сосудомъ: за то удареніе или біенье да вдастъ литръ пять сребра по закону Рускому. Аще ли неимовитъ тако сотворивый, да вдастъ елико можетъ: да сойметъ съ себе и тыя самыя порты, въ нихъ же ходитъ; да опроцѣ до роты ходитъ своею вѣрою, яко никакожъ иному помощи ему, да пребываетъ тяжа отполѣ не взыскуема о семъ.

5) Аще украдетъ что Русинъ либо у Хрестьянина, или паки Хрестьянинъ у Русина, и ятъ будетъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу сотворитъ, отъ погубившаго что любо аще приготовится тать творяй, и убьенъ будетъ, да не взыщется смерть его ни отъ Хрестьянъ, ни отъ Руси; но паче убо да возметъ свое, иже погубилъ. Аще дастъ руцѣ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмъ-же, у него-жъ будетъ ук-

радено, и связанъ будетъ, да отдастъ тое, еже смѣ сотворити, и сотворитъ тріичи о семъ.

6) Аще кто отъ Хрестьянъ или отъ Руси мученья образомъ искусъ творити и насильемъ явѣ возметъ что любо дружне, да вспятитъ тройче.

7) Аще выважена будетъ лодья вѣтромъ великимъ на землю чужу, и обрящутся тамо, иже отъ насъ Руси, аще кто идетъ снабдѣти лодію съ рухломъ своимъ, отослати паки на землю Хрестьянскую, да проводимъ ю сквозе всяко страшно мѣсто, дондеже пріидетъ въ безстрашное мѣсто. Аще ли таковая лодья отъ бури или боронения земнаго боронима не можетъ возборонитись въ своя си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоя лодіи мы Русь; и да проводимъ съ куплею ихъ по здорову, ту аще ключится близъ земля Грецкая. Ащель ключится такожъ проказа лодьи Руской, да проводимъ ю въ Рускую землю; да продаютъ рухло тоя лодьи, и аще что можетъ продати отъ лодья, волочимъ мы Русь, да егда ходимъ въ Греки или съ куплею или въ сольбу ко Цареви вашему, да пустимъ съ честью проданное рухло лодьи ихъ. Ащель лучится кому отъ лодьи убіенну быти отъ насъ Руси, или что взяти любо, да повинни будутъ то сотворшіи преже реченною епитимьею о тѣхъ.

8) Аще полоняникъ обою страну держимъ

есть или отъ Руси, или отъ Грекъ и проданъ въ ону страну, аще обрящется или Русинъ или Гречанинъ, да возвратятъ искупное лице въ свою сторону, и возмутъ цѣну его купящіи, или вмѣнится въ куплю на день челядинная цѣна. Такоже аше отъ рати ятъ будетъ, отъ тѣхъ Грекъ такожъ да возвратится въ свою страну, и отдана будетъ цѣна его, якоже речено есть, якожъ есть купля. Егдажъ тѣ на войну иши, и сіи хотятъ, по чести Царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ пріидетъ, и хотятъ остати у Царя вашего своею волею, да будутъ отъ Руси отполонени, и множайши отъ коея любо страны пришедшимъ въ Русь: сіи продаеми бываютъ по 20 золота, и да пріидутъ въ Греки о томъ.

9) Аще украденъ будетъ челядинъ Рускій, или ускочитъ, или по нужи проданъ будетъ, и жаловати начнутъ Русь, и покажется таковое отъ челядина, да поимутъ въ Русь: но и гость аще погубитъ челядина, и жалуютъ, да ищутъ обрѣтаемое, да поимутъ е. Ащель кто искушенья сего не дастъ сотворити местникъ, да погубитъ правду свою.

10) О работающихъ во Грекохъ Руси у Хрестьянскаго Царя: аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнья или своихъ не иматъ, да возвратитъ имѣніе къ малымъ ближикамъ въ Русь.

Ащель сотворитъ уряженія, таковый да возметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣнье его, и да наслѣдитъ е отъ взимающихъ куплю Руси, отъ различныхъ ходящихъ во Греки и одолжающихъ.

11) Аще злодѣй возвратится изъ Руси, да жалуютъ Русь Хрестьянску царству, и ятъ будетъ таковый, и возвращенъ будетъ не-хотя въ Русь.

„Сіяжъ вся да сотворятъ Русь Грекомъ, идѣже аще ключится таково. На утверженьежъ неподвижное быти межи вами Хрестьяны и Русью бывшій миръ сотворихомъ киноварнымъ написаніемъ на двою харатью, Царя вашего своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинного Бога нашего, извѣсти и даси нашимъ Посломъ. Мыже кляхомся ко Царю вашему, иже отъ Бога суща, яко Божье зданіе по закону, и по закону языка нашего, не преступити намъ ни кому отъ страны нашея отъ уставленыхъ главъ мира и любви. И таковое написаніе дахомъ царства вашего на утверженіе, обоему пребывати таковому совѣщанію на утверженіе и на извѣщеніе межи нами бывающаго мира. Мѣсяца Сентября 2, недѣли 8, въ лѣто созданія міра 6420.„

VIII.

Договоръ Игоря съ Греками.
(по списку Пушкинскому).

Мы отъ рода Рускаго съли и гостье: Иворъ, солъ Игоревъ, великаго Князя Рускаго, и объчии сли: Вуефастъ Святъславль, сынъ Игоревъ, Искусеви Ольги Княгини, слуды Игоревъ нети Игоревъ (слы Игоревыхъ нетіевъ?) Оулѣбъ Володиславль, Каницаръ Передъславинъ, Шихъбернъ Сфанъдрь, жены Оулѣблѣ, Прасътѣнъ Турдуви, Либиаръ Фастовъ, Гримъ Офиръковъ, Прастѣнъ Акунь, нети Игоревъ, Кары Тудковъ, Картенъ Турдовъ, Егриевлисковъ Воиковъ, Истръ Аминодовъ, Прастѣнъ Берновъ, Явтягъ Гунаревъ, Шибридъ Алданъ, Колъ Клековъ, Стегги Етоновъ, Сфирка Алвадъ-Гудовъ, Фудри Туадовъ, Мутуръ Оутинъ: купець: Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Туръбидъ, Фуръстѣнъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игелъдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свѣнъ, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубъксарь, Вузлѣвъ, Синко Боричъ, послании отъ Игоря, великого Князя Рускаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людии Руския земля. И отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветъхии миръ, ненавидящаго добра и враждолюбьца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ, и

оутвердити любовь межю Греки и Русью. И великии Князь нашь Игорь, и боляре его, и людье вси Рустии послаша ны къ Роману, и Костянтину, и къ Стефану, къ великимъ Царемъ Гречьскимъ, створити любовь съ самѣми Цари, со всѣмь болярьствомъ, и со всѣми людьми Гречьскими на вся лѣта, дондеже съяеть солнце и весь миръ стоить. И иже помыслить отъ страны Руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да приимуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ, в будущии: и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна: да не оущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ, в будущии.

А великии Князь Русскии, и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ Царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже имъ оуставлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; нынѣ же оувѣдѣлъ есть Князь нашь посылати грамоту къ Царству нашему. Иже посылаеми бывають отъ нихъ и гостье, да приносить грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько. И отъ тѣхъ да оувѣмы и мы, оже съ миромь приходить. Ащели безъ грамоты придуть и преданы будуть намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣ-

спимъ Князю нашему; ащели руку не дадять и противятся, да оубьени будуть, да не изищется смерть ихъ отъ Князя вашего; ащели оубѣжавше, в Русь придуть, мы напишемъ ко Князю вашему, яко имъ любо, тако створять. Аще придуть Русь бес купли, да не взимають мѣсячина. Да запрѣтить Князь сломъ своимъ, и приходящимъ Руси сде, да не творять бещинья в селѣхъ, ни въ странѣ нашеи. И приходящимъ имъ, да витають оу святаго Мамы, да послеть Царство наше, да испишеть имяна ваша: тогда возмуть мѣсячное свое, съли слебное, а гостье мѣсячное; первое отъ города Киева, паки изъ Чернигова, и Переяславля. Да входять в городъ одинѣми вороты со Царевымъ мужемъ безъ оружья мужь Н, и да творять куплю, яко же имъ надобѣ, паки да исходять; и мужь Царства вашего да хранитъ я, да аще кто отъ Руси или отъ Грекъ створи криво, да оправляетъ то. Входяще же Русь в градъ да не имѣють волости купити паволокъ лише по Н золотникъ; и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крънеть, да показываеть Цареву мужю, и то е запечатаеть и дасть имъ. И отходящей Руси отсюда, възимають отъ насъ еже надобѣ брашно на путь, и еже надобѣ лодьямъ, якоже оуставлено есть преже, и да возъвращаются съ спасенiемъ въ страну свою, да не имѣють власти зимовати оу святаго Мамы.—Аще оуско-

чить челядинъ отъ Руси, по неже придуть въ страну Царствия вашего, и отъ святаго Мамы, аще будеть, да поимуть и; ащели не обрящется, да на роту идуть ваши Хрестсяне Руси по вѣрѣ ихъ, а не Хрестеянии по закону своему: ти тогда взимають отъ насъ цѣну свою, якоже оуставлено есть преже, В. паволоцѣ за челядинъ. Ащели кто отъ людии Царства вашего, ли отъ города вашего, или отъ инѣхъ городъ оускочить челядинъ нашь къ вамъ, и принесеть что, да въспятять и опять, а еже, что принеслъ, будеть все цѣло, и да возьметь отъ него золотника два. — Ащели кто покусится отъ Руси взяти что отъ людии Царства вашего, иже то створить, покажненъ будеть вельми; ащели взялъ будеть, да заплатить сугубо. И аще створить Грьчинъ Русину, да приметь туже казнь, якоже приялъ есть и онъ. — Ащели ключится оукрасти Русину отъ Грекъ что, или Грьчину отъ Руси, достоино есть да възворотити не точью едино, но и цѣну его; аще оукраденое обрящеться продаемо, да вдасть и цѣну его сугубо, и то показненъ будеть по закону Гречьскому, по оуставу и по закону Рускому. — Елико Хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена приведуть Русь, ту аще будеть оуноша, или дѣвица добра, да вдадять златникъ I. и поимуть и И. и поимуть і; ащели будеть старъ, или дѣтещь, да вдасть

злашникъ Е. Ащели обрящюшся Русь рабошающе у Грекъ, ащели сушь плѣньници, да искупаюшъ е Русь по І злашникъ; ащели купилъ буде Грьчинъ подъ хресшомъ досшоишь ему, да возмешь цѣну свою, еликоже далъ будешъ на немь. — А о Корсуньсшѣи сшранѣ: еликоже есшь городовъ на шои часши, да не имашь волосши Князь Руский да воюешь на шѣхъ сшранахъ, и ша сшрана не покаряешся вамъ; шогда аще просишь вои у насъ Князь Руский, да воюешь, да дамъ ему, елико ему будешь шребѣ. — И о шомъ, аще обрящушъ Русь кубару Гречьскую, въвержену на коемъ любо мѣсшѣ, да не преобидяшь ея. Ащели ошъ нея возмешь кшо чшо, ли человѣка порабошишь или оубьешь, да будешь повиненъ закону Руску и Гречьску. — Аще обрящешь въ усшьѣ Днѣпрьскомь Русь Корсуняны рыбы ловяща, да не шворяшь имъ зла никакоже. И да не имѣюшь власши Русь зимовашп въ усшьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у свяшаго Ѣльѳерья; но егда придешь осень, да идушъ в домы своя в Русь. — А о сихъ, оже шо приходяшь Черниии Болгаре, воюють въ сшранѣ Корсуньсшѣи, и велимъ Князю Рускому, да ихъ не пущаешь пакосшишь сшранѣ шои. — Ци аще ключишся проказа никака ошъ Грекъ, сущихъ подъ власшью Царсшва нашего, да не имашь власши казнишп я; но повелѣньемь Царсшва нашего да примешь, якоже будешь сшворилъ. — Аще

убьетъ Хрестеянинъ Русина, или Русинъ Хрестеянина, и да держимъ будетъ створивыи убиисшво отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ и. Аще-ли ускочитъ створивый убой и убежитъ, аще будетъ имовітъ, да возмутъ имѣнье его ближнии убьенаго; ащели естъ не имовитъ и ускочитъ же, да ищютъ его, дондеже обрящется; ащели обрящется, да убьенъ будетъ.—Ци аще ударитъ мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ Русинъ Грьчина, или Грьчінъ Русина, да того дѣля грѣха заплатитъ сребра литръ Е по закону Рускому. Ащели естъ неимовитъ, да како можетъ, втолько же проданъ будетъ, яко да и порты, в нихъже ходятъ, да и то с него сняти; а о процѣ да на роту ходитъ по своеи вѣрѣ, яко не имѣя ни чтоже: ти тако пущенъ будетъ.— Ащели хотѣти начнетъ наше Царство отъ васъ вои на протившщаяся намъ, да пишю къ великому Князю вашему, и послетъ к намъ, еликоже хочемъ, и отполе увѣдятъ ины страны, каку любовь имѣютъ Грьци съ Русью.—Мы же съвѣщаньемъ все написахомъ на двою харатью, и едина харатья естъ оу Царства нашего, да допроводятъ къ великому Князю Рускому Игореви, и к людѣмъ его, и ти приимающе харатью, на роту идутъ хранити истину, яко мы свѣщахомъ, написахомъ харатью сию, на неиже суть имяна наша написана.

Утвержденіе договора.

Мы же елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣи церкви, и предлежащимъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на неи, не преступити отъ него ничтоже. А иже преступить се отъ страны нашея, ли Князь, ли инъ кто, ли крещенъ, или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущии, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ. А некрещеная Русь полагають щиты своя, и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ, и прочая оружья; да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сеи, хранити отъ Игоря, и отъ всѣхъ боляръ, и отъ всѣхъ людии, отъ страны Руския въ прочая лѣта и выну. Ащели же кто Князь или отъ людии Рускіхъ, ли Хрестеянъ, или нехрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сеи, будеть достоинъ своимъ оружьемъ оумрети, и да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву. Да аще будеть добрѣ, Игорь великии Князь да хранить си любовь правую, да не разрушится, дондеже солнце сьяеть, и весь миръ стоить в нынешния вѣки и в будущая.

IX.

Договоръ Святослава съ Греками.

(По списку Пушкинскому).

Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмъ Князи Рустѣмъ и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ Синкелѣ и къ Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, Царю Гречьскому въ Дерестрѣ, мѣсяца Июля, Индикта въ ДІ, в лѣто 6479. Азъ Святославъ Князь Руский, якоже кляхъся, и утвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою. Хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякомъ и великимъ Царемъ Гречьскимъ, съ Васильемъ и Констянтиномъ, и съ богодухновеными Царі, и со всѣми людьми вашими, и иже сутъ подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашю, и елико естъ подъ властью Гречьскою, ни на властъ Корсуньскую и елико естъ городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску; да аще инъ кто помыслитъ на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Якоже кляхъся ко Царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья. Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ преже реченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо

мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ егоже вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ. Се же имѣите во истину, якоже створихомъ нынѣ къ вамъ, написахомъ на харатьи сеи, и своими печатьми запечатахомъ.

X.

Уставъ Князя Владиміра о Церковныхъ судахъ.

(*Изъ Кормчей XIII-го вѣка*).

Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа. Се азъ Князь Василій, нарицаемый Владиміръ, сынъ Святославль, внукъ Игоревъ и блаженныя Княгини Ольги, восприіялъ есмь святое крещеніе отъ Греческаго Царя и отъ Фотія, Патріарха Царяградскаго, взялъ перваго Митрополита Леона Кіеву, иже крести всю землю Русскую святымъ крещеніемъ. Потомъ-же лѣтамъ многимъ минувшимъ, создахъ церковь Святыя Богородицы Десятинную, и дахъ ей десятину по всей землѣ Рустей, изъ Княженія въ соборную (*сборную?*) церковь, отъ всего Княжа суда десятую векшу, а изъ торгу десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита чудному Спасу и чуднѣй

его Матери. — Потомъ разверзше Греческій Номоканонъ, и обрѣтохомъ въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и *тяжь* Князю судити, ни бояромъ его, ни судьямъ, и азъ, сгадавъ съ своею Княгинею съ Анною и съ своими дѣтьми, далъ есмь тѣ суды церквамъ, Митрополиту и всѣмъ *пискупіямЪ* по Русской землѣ. А по семъ не надобѣ вступатися ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ, ни всему роду моему до вѣка, ни въ люди церковные, ни во всѣ суды ихъ, то все далъ есмь по всемъ городамъ, и по погостамъ, и по *свободамЪ*, гдѣ *нь* суть христіане, и своимъ тіуномъ приказываю церковнаго суда не обидѣти, ни судити безъ владычня намѣстника. А се церковные суды: *роспустЪ*, *смилное*, заставанье, пошибанье промежу мужемъ и женою о животѣ, умычка, въ племени или въ сватовствѣ поймутся, *вѣтьство*, *зеліинчъство*, потвори чародѣянія, волхвованія, уреканія три: бляднею, и зельи, и еретичествомъ, *зубоѣжа*, или сынъ отца біетъ или матерь, или *дчи*, или снха свекровь, братья или дѣти *тяжють о задницю*; церковная татьба, мертвецы сволочатъ, крестъ посѣкутъ, или на стѣнахъ рѣжутъ, скотъ или псы, или *поткы* безъ велики нужы введетъ, или ино что неподобно церкви подѣетъ, или, два друга имѣтася бити, единаго жена иметь за лоно другаго и раздавитъ, или кого застанутъ съ четвероножиною,

или кто молится подъ овиномъ, или въ рощеньи, или у воды, дѣвка дитя повержетъ, тѣ всѣ суды церкви даны суть, Князю и боярамъ и судьямъ ихъ въ тѣ суды нельзя вступатися, то все далъ есмь по первыхъ Царей уряженью и по Вселенскихъ святыхъ семи зборовъ великихъ святитель. Аже кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непрощеннымъ быти отъ закона Божія и горе себѣ наслѣдуютъ. А своимъ тіунамъ приказываю суда церковнаго не обидѣти, и съ суда давати девять частей Князю, а десятая святой церкви. А кто пообидитъ судъ церковный, платити ему собою, а предъ Богомъ тому-же отвѣчати на страшнемъ судѣ, предъ тмами Ангелъ, идѣ-же когождо дѣла не скрыются, благая или злая, идѣже не поможетъ никто-же кому, но токмо правда избавитъ отъ вторыя смерти, отъ вѣчныя муки, отъ *хрещенія неспасенаго*, отъ огня неугасимаго. Господь рече: въ день мести воздамъ, сдержащимъ неправду; въ разумѣ тѣхъ огнь не угаснетъ и червь ихъ не умретъ. Сотворшимъ-же благая въ жизнь и въ радость неизреченную, а сотворшимъ злая въ воскрешенье суда, имъ-же рече неизмолимъ судъ обрѣсти. — Се же искони уставлено есть и поручено святымъ *Пискупьямъ* городскіе и торговые всякая мѣрила и спуды, и свѣсы, и *ставила*, отъ Бога тако искони уставлено. *Пискупу* блюсти безъ пакости,

ни умалити, ни умножити, за все то дати ему слово въ день суда великаго, яко-же и о душахъ человѣческихъ. А се церковные люди: игуменъ, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ, попадья и кто въ клиросѣ, игуменья, чернецъ, черница, проскурница, *паломникЪ, лѣчецЪ, прощеникЪ, задушный человѣкЪ, стороникЪ*, слѣпецъ, хромецъ, монастыреве, больницы, гостинницы, страннопріимници, то люди церковные, богадѣльные. Митрополитъ или *ПискупЪ* вѣдаетъ между ими судъ, или обида, или *котора*, или вражда, или задница. Аще будетъ иному человѣку съ тѣмъ человѣкомъ рѣчь, то общій судъ. Кто переступитъ сіи правила, якоже есмы управили по Святыхъ отецъ правиламъ и по первыхъ Царей управленью, кто имѣтъ переступити правила сіи, или дѣти мои, или правнучата, или въ которомъ городѣ намѣстникъ или тіунъ, или судья, а пообидятъ судъ церковный, или кто иный, да будутъ прокляты въ сей вѣкъ и въ будущій семью *зборовЪ* святыхъ отецъ вселенскихъ.

XI.

Уставъ Князя Ярослава о церковныхъ судахъ.

(Ист. Г. Р. т. II, прим. 108 *).*

Се азъ Князь Великій Ярославъ, сынъ Володиміръ, по данью отца своего, сгадалъ есми съ Митрополитомъ съ Иларіономъ, сложилъ есми со Греческимъ Номоканономъ, яже не подобаетъ сихъ *тяжь* судити Князи и Боярамъ, далъ есмь Митрополитамъ и Епископамъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ Номоканонѣ, по всѣмъ городамъ и по всей области, гдѣ *крестьянство* есть.

Аже кто умчитъ дѣвку, или насилитъ, аже боярская дчи, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота, добрыхъ людей за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ, по гривнѣ серебра Епископу, а Князь казнитъ.

Аже кто пошибаетъ боярскую дщерь, или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота, а нарочитыхъ людей 3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь казнитъ.

Аже пуститъ Бояринъ великъ жену безъ вины, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а нарочитыхъ людей

3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь казнитъ.

Аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудетъ, обличивъ ю, поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупитъ.

Аже дѣвку умолвитъ кто къ себѣ и дастъ въ толоку, на умолвницѣ Епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочныхъ по рублю, а Князь казнитъ.

Аже мужъ отъ жены блядетъ, Епископу въ винѣ, а Князь казнитъ.

Аже мужъ оженится иною женою съ старою не распустився, мужъ Епископу въ винѣ, а молодую въ домъ церковный, а съ старою жити.

Аже женѣ лихій недугъ болитъ, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити, тако-же и женѣ не́ льзя пустити мужа.

Аже кумъ съ кумою створитъ блудъ, Епископу гривна золота, и въ епитимьи.

Аже кто зажжетъ дворъ, или гумно, или что иное, Епископу 100 гривенъ, а Князь казнитъ.

Аже кто съ сестрою согрѣшитъ, Епископу 100 гривенъ, а въ епитимьи и въ казни по закону.

Аже ближній родъ поймется, Епископу 80 гривенъ, а ихъ разлучить, а епитимью да примутъ.

Аже двѣ жены кто водитъ, Епископу 40 гривенъ, а которая подлегла, ту пояти въ домъ церковный, а первую держати по закону, а иметь лихо водити ю, казнью казнить его.

Аже мужъ съ женою по своей воли распустится, Епископу 12 гривенъ, а буде не вѣнчался, Епископу 6 гривенъ.

Аже кто сблудитъ съ черницею, Епископу 100 гривенъ, а съ животною 12 гривенъ, а въ епитимью вложить.

Аже свекоръ съ снохою сблудить, Епископу 100 гривенъ, а епитимья по закону.

Аже кто съ двѣмя сестрами падется, Епископу 30 гривенъ.

Аже кто съ мачихою сблудитъ, Епископу 40 гривенъ.

Аже два брата будутъ со единою женою, Епископу 100 гривенъ, а женка въ домъ церковный.

Аже дѣвка не восхощетъ за мужъ, а отецъ и мати силою дадутъ, а что сотворитъ надъ собою, отецъ и мати Епископу въ винѣ, а исторь имъ платити; тако же и отрокъ.

Аже кто зоветъ чужую жену блядью, великихъ бояръ, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а Князь казнитъ; а будетъ меньшихъ бояръ, за соромъ ей 3 гривны золота; а будетъ городскихъ людей, за соромъ ей 3 гривны серебра, а Епи-

скопу 3 гривны серебра; а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра, а Епископу гривна серебра.

Аже постриже тъ голову или бороду, Епископу 12 гривенъ, а Князь казнитъ.

Аже мужъ иметь красти коноплю, или ленъ, и всякое жито, Епископу въ винѣ со Княземъ на полы, такоже и женка, иже имѣтъ кости.

Аже мужъ крадетъ бѣлые порты, или полотна, портищи и понѣвы, тако-же и женка, Епископу въ винѣ со Княземъ на полы.

Свадебное и сговорное, бой, убійство и душегубство, аже что чинится, платятъ виру Князю на полы со Владыкою.

Аже мужа два бьется, одинъ другаго укуситъ или одеретъ, Епископу 3 гривны.

Аже мужъ бьетъ чужую жену, за соромъ ей по закону, а Епископу 6 гривенъ.

Аже сынъ бьетъ отца или матерь, да казнятъ его волостельскою казнію, а Епископу въ винѣ.

Аже чернецъ, или черница, или попъ, или попадья, или проскурница впадутъ въ блудъ, тѣхъ судити Епископу оприсны мірянъ, и во что ихъ осудитъ воленъ.

Аже попъ, или чернецъ, упьются безъ времени, Епископу въ винѣ, во что ихъ обрядитъ.

А что дѣется въ домовныхъ людѣхъ и въ церковныхъ, и въ монастырехъ, а не вступаются Кня-

жи волостели въ то, а то вѣдаютъ Епископли волостели и *безатщина* ихъ Епископу идетъ.

А кто уставленіе мое порушитъ, или сынове мои, или внуцы мои, или правнуцы мои, или отъ рода моего кто, или отъ Бояръ, а порушитъ рядъ мой, и вступится въ суды Митрополичи, что есми далъ Митрополиту и Епископомъ по всѣмъ городамъ, по правиламъ Святыхъ Отецъ судивше казнити по закону, а кто имется въ тѣ суды въ церковные вступати, *крестьянско* имя не наречется на томъ, а отъ Святыхъ да будетъ проклятъ.

XII.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОКАЗАНІЕ СОБЫТІЙ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА,

съ 859 по 1055-й годъ.

(По лѣтописямъ.)

Лѣта отъ Р. Х.

859. Варяги, приходя изъ за-Балтійскаго моря, взимаютъ дань съ Славянъ Новгородскихъ, Чуди, Мери и Кривичей.

861. Сіи народы изгоняютъ Варяговъ.

862. Призваніе Рурика и братьевъ его: Синеуса и Трувора.

864. Смерть братьевъ Рурика.

—— Рурикъ, Князь Сѣверныхъ Руссовъ.

—— Аскольдъ и Диръ поселяются въ Кіевѣ.

866. Они совершаютъ неудачный походъ къ Царьграду, и возвращаются въ Кіевъ побѣжденные.

879. Смерть Рурика. Олегъ, Князь Сѣверныхъ Руссовъ.

882. Онъ беретъ Смоленскъ, и овладѣваетъ Кіевомъ.

Лѣта
отъ Р. Х.

883. Олегъ, изъ Кіева, налагаетъ дань на Древлянъ.

884. Олегъ покоряетъ Сѣверянъ, и ставитъ городъ Черниговъ.

885. Олегъ покоряетъ Радимичей, воюетъ съ Суличами, и ставитъ городъ *Переяславль*.

(898?) Угры проходятъ черезъ земли Кіевскихъ Руссовъ.

903. Игорь, сынъ Рурика, вступаетъ въ бракъ съ Ольгою.

906. Олегъ совершаетъ морской набѣгъ на Царьградъ.

911. Мирный договоръ Олега съ Греками.

912. Смерть Олега. Игорь, Князь Кіевскихъ Руссовъ.

—— Руссы являются на Каспійскомъ морѣ.

913. Отложеніе и покореніе вновь Древлянъ.

915. Появленіе Печенѣговъ на Днѣпрѣ.

920. Война съ Печенѣгами.

941. Морской, несчастный набѣгъ Игоря на Грецію.

944. Мирный договоръ Игоря съ Греками.

—— Руссы берутъ Берду, столицу Аррана.

945. Игорь убитъ въ Древлянской землѣ. — *Ольга*, правительница Кіевскаго Княже-

Лѣта
отъ Р. Х.

ства. Святославъ, Князь Кіевскихъ Руссовъ.

946. Совершенное покореніе Древлянъ.

947. Путешествіе Ольги въ Новгородъ; новое соединеніе Кіева и Новгорода.

955. Ольга путешествуетъ въ Царьградъ, и принимаетъ Христіанскую вѣру.

964. Святославъ налагаетъ дань на Вятичей.

965. Онъ сражается съ Хазарами и беретъ городъ ихъ Бѣлую Вежу.

967. Походъ Святослава въ Булгарію.

968. Нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ, и возвращеніе Святослава въ Кіевъ.

969. Смерть Ольги.

970. Опредѣленіе областей дѣтямъ Святослава и возвращеніе его въ Булгарію.

971. Война Святослава съ Греками въ Булгаріи.

972. Смерть Святослава.

973. Ярополкъ, (Великій?) Князь Кіевскій; Олегъ, Князь Древлянскій; Владиміръ, Князь Новгородскій.

975. Лютъ, сынъ Свенельда, убитъ Олегомъ Древлянскимъ.

977. Война между Кіевскимъ и Древлянскимъ Князьями. Смерть Олега. Владиміръ изъ Новгорода бѣжитъ за Балтійское море.

Лѣта
отъ Р. Х.

980. Владиміръ возвращается въ Новгородъ съ Варягами. — Нападеніе его на Полоцкъ и Кіевъ. — Смерть Ярополка.
—— Владиміръ, Вел. Князь Кіевскій.
981. Нападеніе на Червенскую область, и овладѣніе Галичемъ и другими городами.
982. Усмиреніе Вятичей.
983. Нападеніе на Ятвяговъ. Кровавое жертвоприношеніе идоламъ.
984. Усмиреніе Радимичей.
985. (Война съ Булгаріею?)
987. Совѣтъ объ избраніи вѣры.
988. Походъ на Херсонъ; взятіе Херсона; принятіе Христіанской вѣры.
989. Заложеніе Десятинной церкви.
990. Строеніе городовъ окрестъ Кіева.— Удѣлы.
993. (Война съ Хорватами (?) и съ Печенѣгами (?).
996. Освященіе Десятинной церкви.
—— (Нападеніе Печенѣговъ на Васильевъ).
1000. Смерть Мальфриды (?) и Рогнеды.
1001. Смерть Изяслава Полоцкаго.
1011. Смерть Анны, супруги Владиміра.
1014. Предположеніе похода на Новгородъ.
1015. Смерть Владиміра. Святополкъ, Вел. Князь Кіевскій. Убіеніе Бориса, Князя Ростовскаго, Глѣба, Князя Муромскаго, и Святослава, Князя Древлянскаго.

Лѣта
отъ Р. Х.

1016. Походъ Ярослава изъ Новгорода; Святополкъ разбитъ подъ Любечемъ и бѣжитъ въ Польшу.

—— Мстиславъ, соединясь съ Греками, уничтожаетъ Таврическихъ Хазаровъ.

1018. Болеславъ, Король Польскій, помогаетъ Святополку. Ярославъ, разбитый на Бугѣ, бѣжитъ въ Новгородъ; Святополкъ въ Кіевѣ. Избіеніе Поляковъ въ Кіевѣ. Отторженіе Червенской области.

1019. Второй походъ Ярослава изъ Новгорода; битва на Альтѣ. — Бѣгство и смерть Святополка.

—— Ярославъ, Великій Князь Кіевскій.

1020. Рожденіе Владиміра Ярославича.

1021. Брячиславъ, Князь Полоцкій, нападаетъ на Новгородъ.

1022. Мстиславъ, Князь Тмутороканскій, нападаетъ на Касоговъ.

1023. Онъ идетъ въ Кіевъ. Битва у Листвена.

1025. Рожденіе Изяслава Ярославича.

1026. Дѣленіе Руси на Кіевское и Черниговское Княжества.

1027. Рожденіе Святослава Ярославича.

1030. Новгородцы покоряютъ Чудь Ливонскую, и основываютъ Юрьевъ (Дерптъ). Ярославъ воюетъ въ Литвѣ.

Лѣта
отъ Р. Х.

1030. Рожденіе Всеволода Ярославича.
1031. Ярославъ покоряетъ снова Червенскую область.
1032. Строеніе городовъ по Роси.
1033. Смерть Евстафія, сына Мстиславова.
1036. Смерть Мстислава, и соединеніе Чернигова съ Кіевомъ.
—— Разбитіе Печенѣговъ подъ Кіевомъ.
—— Заключеніе Судислава.
—— Лука Жидята поставленъ Епископомъ въ Новгородъ.
1037. Каменныя стѣны Кіева; построеніе церкви Св. Софіи, и монастырей: Св. Георгія и Св. Ирины.
1038. Нападеніе Ярослава на Ятвяговъ.
1039. Новое освященіе Десятинной церкви, Митроп. Ѳеопемптомъ.
1040 Ярославъ помогаетъ Польшѣ.
1042. Новгородцы воюютъ съ Ямью (въ Финляндіи).
1043. Неудачный походъ Руссовъ къ Царьграду.
1044. Крещеніе костей Олега Древлянскаго и Ярополка Кіевскаго. — Смерть Брячислава Полоцкаго.
1045. Заложеніе церкви Св. Софіи въ Новгородѣ.
1046. Ярославъ помогаетъ Польшѣ.

Лѣта
отъ Р. Х.

1050. Конч. супруги Ярославовой.
1051. Иларіонъ поставленъ въ Митрополиты Кіевскіе. Начало Кіевопечерской Лавры.
1052. Кончина Владиміра Новгородскаго.
1053. Рожд. Владиміра Мономаха.
1054. Утвержденіе удѣловъ дѣтямъ Ярослава.
—— Смерть Ярослава.

ЧЪ

Его Высокородіе, Яковъ Ивановичъ Де-Сангленъ.
Его Высокоблагородіе Петръ Ивановичъ Сабуровъ.
Полковникъ Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ.
Подполковникъ Петръ Андреевичъ Сурнинъ.

ИМЕНА ОСОБЪ,

подписавшихся на *Исторію Русскаго народа*

при первомъ томѣ.

ВЪ МОСКВѢ.

Его Сіятельство, Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ.

Его Сіятельство, Графъ Панинъ.

Его Сіятельство, Графъ Кирила Ивановичъ Гудовичъ.

Его Сіятельство, Князь Черкасскій.

Его Высокопревосходительство, Алексѣй Ильичъ Мухановъ.

Его Превосходительство, Моисей Ивановичъ Карпенковъ.

Его Превосходительство, Николай Николаевичъ Муравьевъ.

Его Превосходительство, Николай Сергѣевичъ Всеволожскій.

Его Превосходительство, Христофоръ Ѳедоровичъ Оппель.

Ея Превосходительство Сталыпина.

Ея Превосходительство, Авдотья Андреевна Муравьева.

Его Высокородіе, Яковъ Ивановичъ Де-Сангленъ.

Его Высокоблагородіе Петръ Ивановичъ Сабуровъ.

Полковникъ Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ.

Подполковникъ Петръ Андреевичъ Сурнинъ.

Полковникъ Писемскій.

Его Высокоблагородіе, Александръ Ивановичъ Бахметевъ.

Его Высокоблагородіе, Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій.

Его Высокоблагородіе, Андрей Александровичъ Бабарыкинъ.

Его Высокоблагородіе, Сергѣй Владиміровичъ Михалковъ.

Его Высокоблагородіе, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ.

Его Благородіе, Владиміръ Ларіоновичъ Выходцевъ.

Его Благородіе, Матвѣй Артемьевичъ Лукошкинъ.

Николай Игнатьевичъ Палибинъ, Раненбургскій Предводитель Дворянства.

Профессоръ Высотскій.

Екатерина Александровна Кологривова.

Неизвѣстная особа.

Неизвѣстная особа.

Священникъ церкви Козмы и Даміана Петръ І. Тѣлегинъ.

КУПЦЫ.

Григорій Ивановичъ Усачевъ.

П. В. Радинъ.

Серафимъ Никифоровичъ Малютинъ.

Гаврило Никитичъ Урусовъ.

Николай Кузнецовъ.

Купеческій сынъ, Иванъ Александровичъ Бухаринъ.

Аникій Григорьевичъ Медвѣдевъ, мѣщ. Московскій.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Его Сіятельство, Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.

Его Сіятельство, Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.
Его Превосходительство, Оберъ-Гофмаршалъ Нарышкинъ.
Его Превосходительство, Николай Михайловичъ Лонгиновъ.
Его Превосходительство, Алексѣй Михайловичъ Карниловъ.
Его Превосходительство, Григорій Петровичъ Митусовъ.
Его Превосходительство, Иванъ Ивановичъ Ястребцовъ.
Его Превосходительство, Викентій Ивановичъ Голынскій.
Его Высокородіе Харлампій Антоновичъ Яценко.
Его Высокородіе, Василій Христіановичъ Христіани.
Его Высокородіе, Зиновій Васильевичъ Вишняковъ.
Его Высокоблагородіе, Николай Емельяновичъ Чоблоковъ.
Инженеръ-Полковникъ Шестаковъ.
Его Высокоблагородіе, Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ.
Артиллеріи Полковникъ Николай Өедоровичъ Лишинъ.
Его Высокоблагородіе, Василій Ивановичъ Мальцовъ.
Его Благородіе, Матвѣй Сергѣевичъ Орфаницкій.
Его Благородіе, Василій Ефимовичъ Ивановъ.
Его Благородіе Юліанъ Яковлевичъ Поповскій.
Его Благородіе, Левъ Григорьевичъ Синявинъ.
Его Благородіе, Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ.
Его Благородіе, Михаилъ Васильевичъ Красулькинъ.

Его Благородіе, Александръ Осиповичъ Друковцевъ.
Его Благородіе, Константинъ Кириловичъ Яновскій.
Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Поручикъ Сергѣй Матвѣевичъ Корсаковъ.
А. Г. Шапошниковъ.
Василій Михайловичъ Свѣтловъ.
Г-нъ Савельевъ.
СПбургскій 1-й гильдіи купецъ Иванъ Васильевичъ Герасимовъ.
СПбургскій 2-й гильд. купецъ Антонъ Ивановичъ Шемякинъ.
Хозяйственный Департаментъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 2.
Горный Департаментъ 2.
Библіотека Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка.
Библіотека для чтенія А. Ф. Смирдина . 15.

ВЪ АЛЕКСАНДРІИ.

Штабсъ-Капитанъ, Яковъ Григорьевичъ Звенигородскій.

ВЪ АХТЫРКѢ.

Ея Благородіе Янохина.

ВЪ БОБРУЙСКѢ.

Инженеръ-Штабсъ-Капитанъ, Карлъ Ефимовичъ Теше.
Купецъ 1-й гильдіи, Градскій Глава, А.... Торлецкій.

ВЪ БѢЛЕВѢ.

Его Высокородіе, Иванъ Осиповичъ Холодовичъ.

ВЪ ВЕЛЬСКѢ.

Купецъ Михаилъ Сѣверовъ.

ВЪ ВИТЕБСКѢ.

Его Сіятельство, Бѣлорусскій Генералъ-Губернаторъ, Князь Николай Николаевичъ Хованскій.

ВЪ ВОЛОКОЛАМСКѢ.

Его Высокоблагородіе, Борисъ Петровичъ Бѣлавинъ.

ВЪ ВОЛЬСКѢ.

Его Высокоблагородіе, Данила Өедоровичъ Милашевъ.

Его Благородіе, Семенъ Ивановичъ Черноголовкинъ.

ВЪ ВОРОНЕЖѢ.

Его Благородіе, Николай Владиміровичъ Станкевичъ.

ВЪ ВЯТКѢ.

Иванъ Филатовичъ Рязанцевъ.

ВЪ ГОРБАТОВѢ.

Капитанъ и Кавалеръ Николай Архиповичъ Обтяжновъ.

ВЪ ДАНКОВѢ.

Его Благородіе, Михаилъ Игнатьевъ.

ВЪ ДЕРБЕНТѢ.

Куринскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ Фонъ Дистерло.

ВЪ ДИНАБУРГѢ.

2-го Піонернаго баталіона Капитанъ Аглашковъ.

ВЪ ДМИТРІЕВѢ НА СВАПѢ.

Его Высокоблагородіе, Павелъ Петровичъ Анненковъ.

ВЪ ДОРОГОБУЖѢ.

Подполковникъ Иванъ Андреевичъ Маховъ.

ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ.

Его Высокоблагородіе, Иванъ Александровичъ Осиповъ.

ВЪ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ.

Его Благородіе, Иванъ Ѳедоровичъ Сусловъ.

ВЪ ЕЛЬЦѢ.

Купеческій сынъ Александръ Яковлевичъ Бакулинъ.

ВЪ ЕПИФАНИ.

Полковникъ Петръ Сергѣевичъ Протопоповъ.

ВЪ ЗЕНЬКОВѢ.

Его Благородіе, Ѳедоръ Дмитріевичъ Бринкенъ.

ВЪ ЗМІЕВѢ.

Купецъ 1-й гильдіи, Акимъ Петровичъ Гороховъ.

Рыбинскій купецъ, Александръ Михайловичъ Ильинскій.

ВЪ ИЗЮМѢ.

Босилій Васильевичъ Бантышъ.

ВЪ ИРКУТСКѢ.

Кяхтинскій 1-й гильдіи купецъ Петръ Тимоѳеевичъ Баснинъ.

Иркутскій 1-й гильдіи купецъ Никаноръ Петровичъ Трапезниковъ.

Акимъ Алексѣевичъ Тишовъ, Помощникъ Правителя Россійско-Американской Компаніи Иркутской Конторы.

ВЪ КАДОМѢ.

Его Сіятельство, Князь Николай Александровичъ Енгалычевъ.

ВЪ КАЗАНИ.

Его Превосходительство, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Его Превосходительство, Василій Алексѣевичъ Глуховъ.

Его Высокоблагородіе, Сидоръ Антоновичъ Мальчаковъ.

ВЪ КАЛУГѢ.

Его Благородіе, Александръ Андреевичъ Бѣляевъ.

Купецъ Николай Яковлевичъ Ефремовъ.

ВЪ КИРСАНОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Ѳедоръ Дмитріевичъ Хвощинскій.

ВЪ КІЕВѢ.

Его Благородіе, В. Г. Лапицкій 2.

Его Благородіе, Клавдій Васильевичъ Лапицкій.

Его Благородіе, Аполлонъ Васильевичъ Лапицкій.

Его Благородіе, Леонидъ Васильевичъ Лапицкій.

ВЪ КРЕМЕНЦѢ.

Его Превосходительство, Антонъ Карловичъ Бриземанъ фонъ Неттингъ.

Командиръ 50-го Егерьскаго полка, Полковникъ Александръ Андреевичъ Унгебауеръ.

Подполковникъ 50-го Егерьскаго полка Таракановъ.

ВЪ КРОНШТАТѢ.

Его Благородіе, Василій Галдобинъ.

ВЪ КУРСКѢ.

Ея Высокоблагородіе, Прасковья Андреевна Замятнина.

ВЪ ЛУБНАХЪ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Ѳедоровичъ Андреевъ

ВЪ ЛЮБИМѢ.

Купецъ Нилъ Андреевичъ Спорожевъ.

ВЪ МАКАРЬЕВѢ.

Его Высокоблагородіе, Василій Ивановичъ Бѣлавинъ

ВЪ МИНСКѢ.

Его Благородіе, Орестъ Ивановичъ Малафѣевъ.

ВЪ МИТАВѢ.

Его Высокоблагородіе, Николай Васильевичъ Чашниковъ.

ВЪ МОГИЛЕВѢ БѢЛОРУССКОМЪ.

Его Сіятельство, Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій 1-ю арміею, Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.

Его Благородіе, Андроникъ Гавриловичъ Ліорко.

ВЪ МУРОМѢ.

Его Благородіе, Дмитрій Львовичъ Бычковъ.

ВЪ НЕВЬЯНСКОМЪ ЗАВОДѢ.

Яковъ Тимоѳеевичъ Чернобровинъ.

ВЪ НЕРЕХТѢ.

Гвардіи Поручикъ Алексѣй Андреевичъ Сумароковъ.

ВЪ НИЖНЕМЪ-ЛОМОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Θедоръ Ивановичъ Никифоровъ.

ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ.

Его Высокоблагородіе, Петръ Михайловичъ Спремоуховъ.

ВЪ НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКОМЪ ЗАВОДѢ.

Θеоктистъ Андреевичъ Улеговъ.

Петръ Алексѣевичъ Шептаевъ.

ВЪ НОВОГРУДКѢ.

Его Высокоблагородіе, Николай..... Филимоновъ.

ВЪ НОВОЙ ЛАДОГѢ.

Соборный Протоіерей Михаилъ Васильевичъ Грузинскій.

ВЪ НОВОМИРГОРОДѢ.

2-го Украинскаго Уланск. полка Корнетъ....... Маршосъ 2-й.

ВЪ ОДЕССѢ.

Его Благородіе, Михаилъ Михайловичъ Киріяковъ.

Ришельевскій Лицей.

Его Благородіе, Михаилъ Григорьевичъ Лангъ.

Его Благородіе, Петръ Родіоновичъ Варениковъ.

Купецъ 1 гильд. Николай Алексѣевичъ Клочковъ.. 3.

Купецъ Вонифатій Ивановичъ Картамышевъ.

ВЪ ОРЕНБУРГѢ.

Соборный Протоіерей Григорій Ивановичъ Челноковъ.

Маіоръ, Осипъ Ивановичъ Ивановъ.

ВЪ ОРЛѢ.

Его Сіятельство, Графъ Сергій Михайловичъ Каменскій.

Его Благородіе, Василій Кекинъ.

ВЪ ОХАНСКѢ.

Василій Петровичъ Прядильщиковъ.

ВЪ ПЕНЗѢ.

Штабсъ-Капитанъ, Владиміръ Алексѣевичъ Блахинъ.

ВЪ ПЕРМИ.

Его Высокоблагородіе, Козма Ефимовичъ Коркуновъ.

ВЪ ПОТСДАМѢ (ВЪ ПРУССІИ).

Священникъ, Захаръ Петровичъ Петровъ.

ВЪ ПРИЛУКАХЪ.

Его Благородіе, Николай Андреевичъ Маркевичъ.

ВЪ ПУТИВЛѢ.

Полковникъ, Иванъ Даниловичъ Череповъ.

Леонтій Кириловичъ Череповъ.

ВЪ РЖЕВѢ-ВЛАДИМІРОВѢ.

Его Превосходительство, Яковъ Степановичъ Кашнинъ-Самаринъ.

Купецъ Яковъ Ѳедоровичъ Суслениковъ.

ВЪ РОВНО.

Полковникъ, Михаилъ Васильевичъ Чебошаревъ.

Надворный Совѣтникъ, Штабъ-Лекарь Барнбаумъ.

ВЪ РЯЗАНИ.

Его Благородіе, Николай Андреевичъ Елагинъ.

ВЪ САМАРѢ.

Его Сіятельство, Графъ Михаилъ Степановичъ Толстой.

ВЪ СЕРДОБСКѢ.

Артиллеріи Подпоручикъ, Петръ Дмитріевичъ Дурново.

ВЪ СЕРПЕЙСКѢ.

Его Превосходительство, Иванъ Тимоѳеевичъ Козляниновъ.

ВЪ СИМБИРСКѢ.

Его Превосходительство, Александръ Яковлевичъ Жмакинъ.

Его Высокоблагородіе, Александръ Михайловичъ Языковъ.

Его Высокоблагородіе, Ѳедоръ Петровичъ Рогачевъ.

ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ.

Его Благородіе, Яковъ Васильевичъ Рублевскій.

ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

Его Благородіе, Иванъ Максимовичъ Тихомировъ.

ВЪ СТАВРОПОЛѢ.

Кавказской Обл. Штабъ-Лекарь, Никаноръ Крупицкій.

ВЪ СТАРИЦѢ.

Ротмистръ Оренб. Уланскаго полка, Сергѣй Ивановичъ Гропеско.

ВЪ СѢВСКѢ.

Его Высокородіе, Филиппъ Филиппповичъ Векрошъ.

ВЪ ТОРЖКѢ.

Его Превосходительство, Никаноръ Михаиловичъ Свѣчинъ.

Ея Высокородіе, Прасковья Александровна Осипова.

Купецъ, Адріанъ Алексѣевичъ Тавлѣевъ.

ВЪ ТОРОПЦѢ.

Его Благородіе, Сергѣй Елисеевичъ Сухачевъ.

ВЪ ТУЛѢ.

Его Высокоблагородіе, Константинъ Максимовичъ Кулындинъ.

Подполковникъ, Николай Николаевичъ Кологривовъ.

ВЪ УФѢ.

Его Преосвященство, Аркадій, Епископъ Оренбургскій и Уфимскій.

ВЪ ХЕРСОНѢ.

Его Высокоблагородіе Плацъ-Маіоръ Угриновичъ.

Артиллеріи Полковникъ, Александръ Васильевичъ Тарасовъ.

ВЪ ХОРОЛѢ.

Его Благородіе, Софроній Ивановичъ Кохановскій.

ВЪ ХОТИНѢ.

Его Высокоблагородіе, Воевода Ефремъ Яковлевичъ Ненадовичъ.

Сербскаго Верховнаго Вождя сынъ, Александръ Георгіевичъ Петровичъ Черный.

Сербскій Воевода Милошъ Сарановацъ.

Сербскій дворянинъ Александръ Заждій Тривковичъ Сараевицъ.

Сербскій дворянинъ Недѣлко Павловичъ.

ВЪ ЧЕРКАСАХЪ.

Полковникъ, Иванъ Тимоѳеевичъ Ягницкій.

ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Его Высокоблагородіе, Филиппъ Семеновичъ Ставинскій.

ВЪ ЧУХЛОМѢ.

Его Высокоблагородіе, Павелъ Александровичъ Семичевъ.

ВЪ ШУѢ.

Николай Ивановичъ Бояркинъ.

Василій Максимовичъ Киселевъ, Шуйскій 1-й гильдіи купецъ.

Діодоръ Андреевичъ Бурылинъ.

Василій Петровичъ Дурдоновскій.

Дмитрій Ивановичъ Спиридоновъ, Нѣжинскій Грекъ.

Абрамъ Филипповичъ Полушинъ, крестьянинъ села Иванова.

Александръ Алексѣевичъ Кособрюховъ, крестьянинъ села Иванова.

Осипъ Адріановичъ Гандуринъ, крестьянинъ села Иванова.

Иванъ Петровичъ Красильниковъ, крестьянинъ села Васильевскаго.

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Его Высокоблагородіе, Густавъ Андреевичъ Фохтъ.
Крестьянинъ Егоръ Васильевичъ Трехлѣтовъ.

ГОСПОДА КНИГОПРОДАВЦЫ.

Александръ Филипповичъ Смирдинъ, въ Санктпетербургѣ 200 экз.
Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ, въ Москвѣ 100 —
Василій Васильевичъ Логиновъ, въ Москвѣ 100 —
Никита Степановичъ Пономаревъ, въ Москвѣ 35 —
Петръ Ивановичъ Глазуновъ, въ Москвѣ . 19 —
С. И. Титовъ, въ Тулѣ 5 —
Д. А. Кашкинъ, въ Воронежѣ 2 —

Bu
The
826

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Polevoj, Nikolaj Alekseevič,

Istorija russkago naroda

Bd.: 1

Moskva (1830)

Russ. 127 mrx-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783257-1